

Вадим Юрьевич Панов
Ручной Привод
Серия «La Mystique De Moscou», книга 3

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175916
Ручной Привод: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32338-8

Аннотация

Он существует с незапамятных времен, а может, и дольше. О нем знает вся Вселенная, но видели его единицы. Он редко включается, но с его работой всякий раз связана судьба человеческой души – «искры». Никто не знает, почему он называется Ручным Приводом. Но именно здесь, посреди ничего не подозревающей Москвы, определяется ход вечной борьбы двух Царств за «искры».

Только отсюда можно выйти на связь с тем, кто порождает человеческие души. И именно сюда Царства присылают своих комендантов, попеременно управляющих Ручным Приводом. Но, даже получив Силу и Вечность, человек не способен отречься от своего прошлого, а потому и на Земле, и во Вселенной кипят страсти, совершаются благородные и подлые деяния – и за всем этим следит Ручной Привод. А за ним присматривают коменданты, в обязанности которых входит еще и наказание тех, кто возомнил себя равным Богу...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	37
Глава 3	72
Глава 4	106
Глава 5	144
Глава 6	181
Глава 7	220
Эпилог	258

Вадим Панов

Ручной Привод

Смысль всякой деятельности лежит за ее пределами.

Человек взял в руку стакан воды и сделал глоток.

Может быть, он хотел пить.

Может быть, он хотел запить лекарство.

А может быть, хотел попробовать воду на вкус.

Мы не можем судить об этом, если не знаем, что было до глотка и что после. Чтобы понять смысл деятельности, нужно выйти за ее пределы. Внутри ее мы можем понять только смысл ее отдельных частей.

Смысль всякой деятельности лежит за ее пределами.

И смысл жизни – вне ее пределов.

В.К. Тарасов. «Книга для героев»

Пролог

- Кончай мухлевать, брат Бандера!
- Обломись, брат Бизон, я играю как обычно!
- Обычно ты два одинаковых туз из рукава не тянешь!
- Трефового еще не было!

Партию два лоботряса разыгрывали в морге, с ногами забравшись на анатомический стол и азартно хлопая по гладкой металлической поверхности изрядно потрепанными карточками. Деньги – кучка мятых купюр – валялись тут же, придавленные бутылкой пива, к которой по очереди прикладывались парни. Записи, в силу простоты правил, не вели. Партия шла с переменным успехом, напрямую зависящим от личности сдающего, а потому периодически прерывалась недовольными воплями временно проигрывающей стороны.

- Был трефовый туз! У меня был!
- Врешь!
- Он вышел уже!
- Какой же дурак таза сбрасывает, брат Бизон?
- Он мне мешал!
- Тебе дурь твоя мешает!
- А теперь, уважаемые харьковчане и харьковчанки, прослушаем программу «В научный полдник», – хрюплю произнес висящий на стене репродуктор. – В прошлый раз мы остановились на том, что современные принципы космического полета, основанные на инверсии торсионных пирамид внутри гипотетического шара, были изложены еще в работе Архимеда Помпейского «Классическое финикийское движение в вопросах и ответах»...

Бандера вытащил из кармана джинсов нераспечатанную колоду карт и ловко метнул ее в осмелившийся заголосить приемник. Тот обиженно закашлял, и передача оборвалась.

- Все равно ты шулер, брат Бандера!
- А ты кретин, брат Бизон!

Длинную стену морга занимал холодильник, прямоугольные дверцы которого высокоомерно поблескивали в белом электрическом свете. Пятнадцать индивидуальных ячеек, расположенные в три ряда, и на каждой дверце – черная пластиковая коробочка электронного табло, на которой приятным зеленым цветом сообщалось о комфортной внутренней температуре. Пять столов, гладких и блестящих. Помимо них – пара каталогов в углу, пара металли-

ческих стульев и столики для инструментов. Одним словом, самый обыкновенный морг. Тем не менее существовала одна деталь, стабильно вызывающая удивление у впервые попавших в помещение людей. Деталь эта располагалась в углу и являла собой причудливую конструкцию, напоминающую сюрреалистическую помесь парового двигателя и самогонного аппарата. В основании устройства сплетались десятки медных трубочек, часть которых почему-то уходила в пол, а рядом стеклянные и металлические колбы, шестеренки, ременные передачи и тумблеры. Венчал же агрегат небольшой котел, из клапана которого изредка вырывалась тоненькая струйка пара.

Управлял хитроумным механизмом усатый мужчина лет пятидесяти на вид, одетый в рабочую спецовку когда-то бордового цвета. Поминутно изучая показания установленных на лицевой стороне машины термометров и манометров, мужчина то принимался подкручивать гаечки, прячущиеся в недрах агрегата, то переставлял в иные положения рычаги, а однажды добавил масло в какой-то узел, чем вызвал благодарное шипение насоса и дружелюбное бульканье в котле.

Одним словом, механик был по-настоящему занят, однако скандал заставил его отвлечься от конструкции:

- Вы можете играть тихо?
- Может, – немедленно отозвался Бандера. – А зачем?

Картежники походили друг на друга исключительно поведением, длинными волосами и манерой одеваться. Оба предпочитали высокие баскетбольные кроссовки, широченные джинсы и запоминающиеся футболки: на груди Бандеры красовался шитый золотом непринятный жест, Бизон же остановил выбор на фразе: «Запустим вручную!» В остальном, несмотря на обращение «брать», ничего родственного в парнях не наблюдалось. Пухлый светловолосый Бандера был высок, широкоплеч и вял жестами. Волосы он вязал в хвост, а на округлом лице навсегда застыло выражение: «Как же вы меня достали». Низенький Бизон, напротив, был чересчур подвижен, если не сказать – суетлив. Казалось, он пребывал в постоянном движении, и взгляд его наглых синих глаз редко задерживался на чем-то дольше пяти секунд.

- Вы мешаете! – продолжил механик. – Орете громко.
- Инкубатор еще сильнее тарахтит, – заметил Бизон.
- Вы мешаете мне, а не машине!
- Беруши вставь! – нахально предложил Бандера.
- Я тебе сейчас вставлю!

– Брат Черепаныч, прикинь, мы тут выяснили, Бандера – шулер! – Бизон попытался перевести разговор в другое русло. – Будешь свидетелем?

- Вы меня достали!
- Ты сам шулер!
- А ты меня за руку ловил?
- Я и так знаю!
- Обоих выгоню!
- В подвале у себя командовать будешь!

Ответить разозленный механик не успел. Скрипнула входная дверь, и в морг шагнул невысокий худощавый мужчина, одетый в растянутый серый свитер, весьма потертые голубые джинсы и видавшие виды кроссовки. Услышав последнюю фразу, мужчина даже голову не повернул в сторону картежников, но безразличным тоном, каким бросают ничего не значащие замечания о погоде, произнес:

- Черепанычу мешать не надо.

Слова прозвучали приказом.

Удовлетворенный механик вернулся к машине, а парни сползли со стола и замерли, почтительно уставившись на пришельца.

На совершенно непримечательного пришельца.

Внешность мужчины была столь же невзрачна, как и одежда. Лицо узкое, с резкими чертами, напоминало птичье. Серые, словно подобранные в тон свитеру, глаза. Черные с проседью волосы, прямые и мягкие, неспособные надолго улечься в прическу. Тонкая горизонтальная полоска – рот. Тонкая вертикальная полоска – нос. И лишь с правой стороны шеи, бросая вызов обыденной внешности, чернела татуировка: простой крест, обрамленный идущей овалом надписью. При желании, подойдя совсем близко, можно было разобрать слова: «*Caelum, non animum mutant, cui trans mare current*».¹

Отпустив замечание, мужчина сделал еще пару шагов к механику, но затем остановился, повернулся к замершим картежникам и вопросительно поднял брови. В ответ Бандера слготнул и очень вежливо сообщил:

– Мы просто разговаривали.

Бизон, который непостижимым образом успел прибрать со стола и спрятать деньги, карты и бутылку, присоединился к приятелю:

– Мы немного вспылили, но никого обидеть не хотели. А уж Черепанычу мешать – тем более. Вы ведь нас знаете, Карбид.

– В том-то и дело, что знаю, – хмыкнул мужчина.

Устройство оглушительно свистнуло и принялось пыхтеть с удвоенной энергией. Карбид посмотрел на часы, затем снова перевел взгляд на картежников.

– Какого черта явились?

– Заняли места в зрительном зале, – с приятной улыбкой ответил Бизон.

– Ждем, – добавил Бандера. – Такое шоу не каждый день показывают.

– Мы ведь всегда, везде, всем постоянно помогаем, – напомнил Бизон. – И с Инкубатором тоже. Ящик выдвинем, чтобы вам лично не возиться и руки не пачкать. С приездом поздравим. А то и реанимацию сделаем, ежели чего, вы ведь знаете – мы умеем.

– Хотел бы я посмотреть, как вы будете делать реанимацию, – хмыкнул Карбид.

– Только скажите на ком! – заулыбался Бизон, сообразив, что выгонять их невзрачный не собирается. – Хотите, я брата Бандера реанимирую? Он все равно шулер, так что не жалко.

– Ты сам шулер!

Карбид приподнял левую бровь, и парни мгновенно умолкли.

– Сидите тихо, делайте что велят.

– Есть!

– Будет исполнено!

Бизон выудил из-под стола пару брезентовых рукавиц и натянул их. Бандера последовал его примеру.

Карбид покачал головой, дошел наконец до пыхтящего устройства и осведомился:

– Как дела, Черепаныч?

– Агрегат работает штатно, – доложил тот, поглядывая на манометр. – Тридцать секунд. Отсчет пошел.

Вопреки ожиданию, ЭТО не походило на падение. Но не было и полетом. Самое интересное, что ЭТО напоминало восхождение. Именно восхождение.

Виктор давно впитал в себя ощущение полета, сроднился с ним, полюбил. Как и ощущение почти мгновенного перемещения в пространстве, позволяющего дотянуться до

---

¹ Небо, а не душу меняют бегущие за море (лат.).

любой звезды. Расстояние, как и время, потеряло смысл, осталось в прошлом, но ЭТО заставило вспомнить о них. Пробудило забытые воспоминания.

Расстояние и время.

Некогда, еще в прошлой жизни, Виктору довелось взбираться на высокую, считавшуюся неприступной гору, имея в качестве снаряжения лишь посох, моток веревки да неукротимое желание достичь вершины. Наверное, именно оно, желание, и позволило ему достичь цели. Ободрать лицо и руки, сломать ребро, но подняться наверх. И теперь, переживая то ли полет, то ли падение, Виктор неожиданно вспомнил то давнее восхождение. Вспомнил, как легко и непринужденно начиналось путешествие и как тяжело заканчивалось. С каким трудом давались ему последние шаги к вершине, последние метры, сантиметры... Вспомнил, как верил сначала в свои силы, а потом – в свое упрямство. Потому что в какой-то момент вперед его повели не подгибающиеся ноги, а стиснутые зубы.

Усилия и Упрямства, вот чего требовало от Виктора ЭТО.

Падение, сменившееся восхождением. Легкая прогулка, превратившаяся в испытание. Необычно.

Восхитительно.

Виктор наслаждался каждым мгновением.

Наслаждался до тех пор, пока не пришла боль.

В первую секунду он растерялся.

И даже запаниковал.

Боль??!

Откуда боль??!

Виктор едва не повернулся назад, едва не прервал восхождение, потребовавшее от него невероятных для последнего времени усилий. Он понял, что отвык стараться, отвык рвать жилы. Он едва не сдался. Но справился. Выдержал волну необъяснимой, непонятной, в принципе бессмысленной боли и в следующий миг понял, что это была не боль.

Не физическая боль. Ведь ей неоткуда было взяться.

Виктор понял, что теряет силу и вечность. Теряет сбывающуюся мечту. Сила и вечность, ставшие его сутью, уходили и на прощание дарили боль. Не физическую, но от того не менее страшную. Свободная «искра» противилась приближающейся тюрьме, инстинктивно сопротивлялась, скручивалась в жгут, пыталась вырваться, уйти. Хотела оказаться как можно дальше от вершины, на которую, падая, взбирался Виктор. «Искра» не хотела терять силу, даже часть ее. «Искра» не хотела расставаться с вечностью. «Искра» хотела быть сейчас и всегда. Звала назад.

Повернуть?

До вершины близко.

Или до дна пропасти?

Я падаю или поднимаюсь? Что я? Как я? Кем стану я, из Вечности вернувшийся в Мгновение? Из сейчас во вчера? Кем стану я?

Зачем я делаю это? Стоит ли падающее восхождение моих мучений?

«Искра» по имени Виктор не знала ответа на эти вопросы, и поэтому ей было страшно. «Искра» звала назад.

А Виктор, бывший «искрой», рвался вперед. К ответам на вопросы. К поиску. К жизни. Виктор, бывший «искрой», неожиданно понял, что теперь у него снова будет завтра, а не бесконечное сейчас. Дно, на которое он падал, вершина, на которую он взбирался... цель... вопрос поставлен просто: сейчас или завтра?

«Да», – прошептал Виктор, оставляя позади силу и вечность.

И закричал, потому что распахнул глаза.

А люди всегда кричат, когда впервые видят свет.

Бульканье в главном кotle Инкубатора достигло апогея. Звук превратился в непрерывный шум, разноцветные жидкости в прозрачных колбах кипели, а стрелка манометра ушла далеко вправо. Стоящий посреди помещения Карбид не спускал глаз с гремящей машины. Руки в карманах, плечи опущены, взгляд напряжен. Лохматые замерли у одного из холодильников: Бандера – держась за ручку, Бизон – в предвкушении потирая защищенные рукавицами руки. Ждут сигнала. Даже Черепаныч перестал суетиться, остановился у лицевой панели и что-то бормотал, глядя на манометр.

– Двадцать шесть, – прошептал Бизон. – Двадцать семь...

Моргнула и лопнула одна из ламп белого света. Осколки стекла посыпались на пол. Сразу после этого открылась дверь, и в морг вошел седой старик в траурном черном костюме и черной же рубашке. У его ног чинно вышагивал упитанный енот.

– Двадцать восемь...

Завибрировал здоровенный холодильник, показалось, даже поехал вперед, на лохматых, но только показалось – крепко прикрученный длинными болтами, он мог отправиться в путешествие только в компании несущей стены. Енот, обдумав происходящее, счел за благо укрыться под столом. Старик в черном, также проявив осторожность, остановился у самой двери.

– Двадцать девять...

Черепаныч, внимательно прислушивавшийся к издаваемому Инкубатором звуку, резко потянул на себя один из рычагов и рявкнул:

– Давай!

Клапан котла выплюнул особенно длинную струю пара, оставившую на потолке мокрый круг. Карбид глубоко вздохнул. Бандера рывком распахнул дверцу холодильника, Бизон схватился за ручки и молниеносно выдернул на свет его содержимое – прозрачный цилиндр красного стекла, венчаемый с двух сторон медными «подстаканниками», опутанными сетью медных же трубочек.

– Есть!

Внутри цилиндра, из которого медленно вытекал вязкий гель, корчился в конвульсиях обнаженный мужчина.

– Орет, – удовлетворенно пробормотал Бандера. – Значит, живой.

Толстые стенки цилиндра не пропускали звуки, однако мимика мужчины не оставляла сомнений в том, что он находится в крике.

Енот вперевалочку подобрался к цилинду, встал на задние лапы и стал с интересом изучать пришельца. Старик в черном подумал и тоже подошел ближе.

– В крике и в страданиях, – пробормотал Бизон, разглядывая мужчину, – приходим мы в этот мир.

Рот перекошен, глаза широко распахнуты, но взгляд невидящий. Безумный взгляд. Полный боли и тоски. Скрюченные пальцы царапают стекло, коленки бьют в гладкие стенки цилиндра.

– Операция прошла штатно, господин комендант, – официальным тоном доложил Черепаныч, отключая устройство. – Жидкость удалена. Напряжение отключено.

– Хорошая работа, – кивнул Карбид.

– Спасибо.

Пар больше не вырывался из котла, стрелка манометра медленно, но целеустремленно тащилась влево, ременные передачи крутились все тише и тише. Машина успокаивалась.

Тем временем Бизон, вооружившись внушительных размеров гаечным ключом, споро отвернул один из медных «подстаканников» цилиндра и резко выдвинул внутренний «под-

нос» с мужчиной. Слишком резко: продолжавший корчиться от боли мужчина потерял равновесие, упал на пол и закричал еще сильнее.

Енот порскнул к Инкубатору. Старик в черном потер переносицу. Карбид поморщился.

– Осторожнее, – прикрикнул Черепаныч. И бросил Бизону заранее приготовленную простыню.

Карбид достал пачку сигарет, щелчком выбил одну и закурил, невозмутимо глядя на происходящее.

– Господин старший помощник, как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался Бандера, склоняясь к кричащему мужчине. – Господин старший помощник, вы говорить можете?

– Это вообще вы, господин старший помощник? – осведомился Бизон.

– А кто еще? – презрительно спросил Бандера.

– Ну, мало ли? Вдруг по ошибке чужая «искра» прилетела? – Бизон потрогал мужчину за плечо: – Господин старший помощник, вы пароль помните?

– Какой еще пароль? – недоуменно спросил Бандера.

– Не мешай! Я его на понт беру.

– Дубина ты, брат Бизон.

– На себя посмотри, брат Бандера.

Мужчина неуверенно поднялся на ноги, мутным взором оглядел старика в черном, Бизона, Бандеру, Черепаныча и наконец сфокусировал взгляд на Карбиде.

– Гхх... хх...

– Что вы сказали, господин старший помощник? – уточнил Бандера. – Вам холодно?

Вынырнувший откуда-то енот попытался потянуть за простыню, но был отогнан Бизоном.

– Как вы себя чувствуете, господин старший помощник?

– Гхх...

Мужчина оттолкнул поддерживающего его Бизона и неуверенным жестом расправил плечи, пытаясь принять горделивую позу. В сочетании с едва прикрывающей тело простыней и остатками геля на теле попытка выглядела комичной, однако присутствующие остались серьезны.

– Гхх... меня... гхх... Меня зовут... Виктор. Это значит – Победитель.

Слова давались мужчине с большим трудом, но он старался.

– Победитель, ясно, – негромко повторил Карбид. – Все ясно. А я – Герман, победитель. – Он выдохнул облако дыма, а потом вдруг лукаво прищурился, словно вспомнив какую-то шутку, и с улыбкой произнес: – Поздравляю с возвращением на Землю, Ясень.

Глава 1

Где-то капала вода. Не подтекала, выливаясь из проходившейся трубы тоненькой струйкой, а именно капала.

Данс... данс... данс...

Не реже четырех, а то и пяти ударов в минуту.

Данс... данс... данс...

Капли получались тяжелыми, успевали набрать вес перед полетом, к тому же приземлялись на что-то дребезжащее, будто специально подложенное под трещину, и в результате каждый удар становился похожим на звук маленького гонга. А потому не «кап-кап», а именно...

Данс... данс... данс...

Раздражает.

В свое время Черепаныч искал утечку по всему зданию, уверяя, что вокруг дежурки труб нет, даже отопительных, а потому проблема прячется в другом месте. Переложил весь водопровод, нашел вмуренный в стену скелет и шкатулку с дукатами, на четыре месяца оставил Подстанцию без воды и тепла, но подлую трубу не нашел. Как капала, так и капает.

Данс... данс... данс...

С тех пор механик еще несколько раз брался за ремонт, но эти всплески активности напоминали контратаку обреченного на поражение боксера: Черепаныч не верил, что спрявится, и неправлялся.

А Карбиды больше всего удивляло то, что капала вода не постоянно, а лишь в особые, редкие моменты, когда воздух в дежурке казался наэлектризованным, а звенящая тишина давила напряженной пустотой. Когда шорох уподоблялся грому небесному, а шепот – Божьему гласу, и где-то рядом...

Данс!

Где-то рядом что-то неправлялось с напряжением и начинало выдавливать из себя тяжелые капли.

Данс... данс... данс...

За тридевять земель или совсем неподалеку, в соседнем здании, врачи, или спасатели, или самые обыкновенные люди, прохожие, отчаянно боролись за чью-то жизнь. Кричали, ругались, подбадривали, вдыхали в чужой рот свой воздух, делились силой, били кулаками по грудной клетке, выжимали из легких воду, запрещая себе даже думать о том, что смерть может оказаться сильнее. Или же человек тихо угасал в одиночестве, кривился в сердечном припадке, рыдал от полученных ран, мешая сладкое красное с прозрачным соленым. Где-то боролась или страдала, цеплялась за жизнь или покорно принимала неизбежное находящаяся в равновесии «искра». И в эти мгновения дежурку Подстанции накрывала абсолютная тишина, которую нарушало только тяжелое:

Данс... данс... данс...

Не бывает простых операций. Эту нехитрую аксиому вам подтвердит любой хирург, любой врач. Даже элементарное удаление аппендицита способно обернуться непредсказуемым образом, чего уж говорить о более сложных и опасных вторжениях в человеческое тело: об операциях на мозге или сердце, печени или кишечнике...

– Ну, что, еще десять минут и будем зашивать.

– Похоже на то, – поддержал коллегу второй хирург. – Зажим, пожалуйста.

– Леша, собираешься куда на выходные?

– Еще не решил, Вагит.

– А варианты есть?

Хирурги разговаривали, не отвлекаясь от лежащего на столе пациента, не отрывая взгляды, не теряя концентрацию. Да, они чуть расслабились, потому что основная, самая сложная часть операции осталась позади, но именно чуть. Они были профессионалами и прекрасно знали, что следует оставаться в рабочем тонусе до самого конца.

И в том, что произошло минутой позже, вины хирургов не было.

– Хочешь чего предложить?

– Да я думал шашлык на даче устроить.

– И баньку?

– А как же.

– Заманчиво...

– Вагит Рустемович! Сердце!

Возглас опытной медсестры на полсекунды опередил писк прибора. Организм пациента не выдержал.

Почему? Из-за чего? Сейчас не важно.

– Он уходит!

– Работаем, вашу ...!

Ярко освещенная комната, еще несколько секунд назад спокойная, тихая, превратилась в муравейник. Не было суеты, не было хаоса – каждая медсестра, каждый врач прекрасно знали, что они должны делать и как, и от этого сходство с муравейником только усиливалось. Точные движения, короткие приказы, еще более короткие ответы. Сосредоточенные лица.

И тонкая ровная линия на мониторе.

Он уходит.

Данс... данс... данс...

Когда-то грохот жирных капель безумно раздражал Германа, выводил из себя. Звук, появляющийся в моменты напряженной тишины, казался неуместным и неприличным. Карбид считал, что дребезжание оскорбляет, вносит нечто недостойное, а то и постыдное, в мрачное величие натянутых нервов. Однако шло время, и постепенно Герман осознал, что бесится зря. Капли не имели отношения к происходящему, не смеялись над причиной, вызвавшей мрачную тишину, они просто падали... проверяя на прочность тех, кто сидел в этой самой тишине.

– Что случилось? – спросил вошедший в дежурку Ясень. – Чего вызывал?

– «Непонятка», – негромко отозвался Карбид.

– «Непонятка» – это...

– Это когда не ясно, куда направится «искра», – прежним тоном объяснил Герман. – В этом случае, согласно инструкции, оба коменданта должны присутствовать на рабочем месте, с целью избежания и для предотвращения, так сказать.

Пару мгновений Виктор разглядывал сидящего за столом напарника, затем осторожно поинтересовался:

– Прикалываешься?

– Чуть-чуть, – честно ответил Карбид. – А что касается инструкции, то это истинная правда.

– Я уже понял, что по инструкциям ты действуешь только тогда, когда тебе это выгодно.

– Было бы странно, если бы я соблюдал инструкции, когда мне это невыгодно.

Ясень вздохнул, хмуро глядя на Германа, но промолчал, отвернулся.

И его взгляд – в какой уже раз за три последних дня! – цепко ощупал дежурку. Помещение, в котором ему придется провести изрядную часть ближайших ста лет.

В большой, площадью почти сорок квадратных метров, комнате были две двери: основная, которой пользовались все сотрудники, и как бы запасная. Как бы потому, что

узенькая и низенькая дверка была заперта на амбарный замок и забита двумя досками, на которых сияла выполненная красной краской надпись «Убью!». Многословная в своей элегантной краткости. Рядом с «запасным» ходом, в углу, возвышалась винтовая лестница черного металла, упирающаяся в блестящий люк. В его центре крепились современный электронный замок и ушко, из которого свисала на цепочке деревянная ручка. Следует добавить, что люк пребывал в режиме «Постоянно заперт», а на вопрос «Куда он ведет?» Герман что-то неразборчиво пробурчал себе под нос и сменил тему разговора.

В центре старого письменного стола с двумя тяжелыми тумбами гордо возвышалось облезлое полукресло – сейчас его занимал Карбид. Посетителям предлагались скрипящие венские стулья. Украшенную подозрительными пятнами столешницу делили арифмометр, механическая пишущая машинка, настольная лампа, пачка листов, несколько карандашей, чернильница и пресс-папье. Позади и чуть левее письменного стола к стене прижался накрытый клетчатым пледом диван, над которым кривовато крепилась полочка с книгами.

Но все самое интересное, привлекающее взгляд любого посетителя, располагалось вдоль длинной стены дежурки. В двух ее углах стояли древняя радиола в деревянном корпусе и громоздкий телеграфный аппарат на тумбочке, а между ними были размещены часы с кукушкой, массивный морской барометр, тревожная лампа в металлической сетке и пять металлических шкафчиков в ряд. На черном, прямоугольном, сиял знак радиационной опасности, на следующим за ним квадратном, хромированном – знак биологической опасности, третий, с закругленными углами, мог похвастаться прикрученным саморезами дорожным треугольником «Прочие опасности», четвертый шкафчик какой-либо маркировки избежал; а замыкал последовательность синий почтовый ящик, поперек которого шла крупная надпись: «Не вынимается». Над шкафчиками висели слегка полинявшие плакаты: «Медицинский работник! Смело увеличивай показатели своего заведения!» и «Оборудование класса А не отключать ни при каких обстоятельствах!». В уголке первого черным маркером были нарисованы десять крестов, а ко второму от руки добавлено: «За питание долбить Черепаныча, пока не вырвет».

«Кто же обставлял дежурку?»

– У нас еще почетные грамоты есть, – не открывая глаз, сообщил Карбид. – Руки не доходят повесить.

– Грамоты от кого? – машинально спросил Ясень.

– От разных.

– Ясно.

Виктор уселся на диван – на стule он оказался бы лицом к лицу с Германом, чего не хотелось, почесал в затылке и буркнул:

– Трубу починить надо.

– Надо, – согласился Карбид. – Черепанычу скажи. А то он, бездельник, только обещает.

– Вагит Рустемович, десять минут, – робко проговорила одна из медсестер.

– Работаем!

– Вагит, реанимация не помогает. – Алексей демонстративно снял маску. – Все.

Хирург тяжело посмотрел на остановившуюся команду, на пациента, на приборы, беспристрастно зафиксировавшие смерть, и совсем другим, не рабочим, не напряженным, а глухим тоном проигравшего спросил:

– Время?

Медсестра посмотрела на настенные часы:

– Шестнадцать десять.

– Укажите.

Вагит отвернулся и медленно вышел из операционной.

Просто сидеть, терпеливо ожидая результата, как это делал Карбид, у Ясения не получалось. Пробыв на диване меньше минуты, Виктор вскочил на ноги и нервно прошелся по дежурке. Остановился у винтовой лестницы, развернулся, сделал еще пару кругов, а затем уставился на Германа.

– Какого черта Черепаныч не разберется с водой?

Карбид промолчал. Секунд двадцать Ясень пронзительно смотрел на напарника, а когда понял, что тот не собирается отвечать, поинтересовался:

– Чего молчишь?

– Не люблю зря языком трепать. – Герман достал из кармана пачку сигарет, закурил. – Когда прояснится, тогда поговорим.

Не удержался, выделил тоном слово «прояснится». Ясень чуть порозовел.

В отличие от блеклого Карбида, Виктор выбрал едва ли не идеальную внешность. Высокое, мускулистое, подтянутое тело, тип «Любитель яхт и верховой езды». Шелковистые каштановые волосы, высокий лоб, мужественное лицо… Одним словом, ходячее воплощение романтических женских грез. Одевался он соответственно, уделив посещению лучших московских магазинов целый день.

– Дурная привычка, – холодно заметил Виктор, разглядывая курящего напарника.

– Молчать?

– Курить!

– Хочешь прочесть мне мораль?

Вопрос был задан спокойно, без вызова, Карбид просто попросил Ясения обратить внимание на тон. Виктор понял. Покраснел еще больше, но вновь сдержался. Отвернулся, однако дальнейший разговор вел без прежнего нерва.

– Как мы узнаем, что действительно прошла «непонятка»?

– Они сообщат.

– Как?

Карбид кивнул на телеграфный аппарат. Ясень удивленно приподнял брови:

– Оно работает?

– Ага, – подтвердил Герман.

– Не врешь?

– Нет.

– Чтобы я лопнул! – Виктор оглядел древнюю конструкцию, после чего перечитал плакат и кисло осведомился: – И такую рухлядь вы называете «оборудованием класса А»?

– Как видишь.

– Оно же устарело лет сто назад!

– А мне с ним наперегонки не бегать, – усмехнулся Карбид. – Работает, и ладно. К тому же финансирование Подстанции постоянно урезают, говорят, инфляция. – Он аккуратно затушил окурок в пепельнице. – Да коррупция, едриТЬ ее… будь неладна.

– Ходят слухи, что вы фонды пропиваете, – нейтрально сообщил Ясень.

– Слухи на пустом месте не рождаются, – вздохнул Герман.

Виктор кашлянул – такого ответа он не ожидал. То ли прямого, то ли издевательского.

– Но доказать сложно, – спокойно закончил Карбид.

– А пытались?

– Не-а… Всех пугает грандиозность проекта.

Ясень хотел было придумать что-нибудь уместное в ироническом ключе, но запищал мобильный.

– SMS!

– Поздравляю.
– Предлагают принять участие в акции... – Виктор выругался, но телефон не убрал. – Сколько прошло времени?
– Двенадцать минут.
– Они обалдели? Это же грубейшее нарушение!
– Считаются, – пожал плечами Герман. – Никто не хочет уступать.
– А у нас очередное чудо!
– Бюрократия. Такая же хрень, как и коррупция.
Ясень подозрительно посмотрел на Карбиду.
– Тебе точно SMS не приходила?
– Я их всех как нежелательных абонентов пометил.
– Зачем?
– Чтобы SMS-ми не задолбали.
– Извини! – Виктор поднес к уху зазвонивший телефон: – Да! Я слушаю... – Разочарованно: – Вы ошиблись, здесь таких нет! Нет, я сказал!

И со злостью запихнул телефон в карман.

– Ошиблись, обычное дело, – прокомментировал Карбид.
– Не вовремя ошиблись, – уточнил Ясень.
– Как смогли.

Виктор сделал пару очередных шагов, после чего ткнул пальцем в телеграфный аппарат.

– Может, твоя тарахтелка накрылась?
– Моя тарахтелка нас с тобой переживет.
– Да ну?
– Ты уж мне поверь.

Спорить Ясень не рискнул. Зато на оживший телеграфный аппарат среагировал молниеносно: сделал резкий шаг вперед, протянул руку, но в то же мгновение замер. Повернул голову и посмотрел на Карбиду.

– Спасибо, – улыбнулся тот.

Герман медленно поднялся на ноги, неспешно приблизился к стрекочущему аппарату и потянул бумажную ленту:

– Все правильно: «непонятка».
– Признали?
– Ага. И подтвердили.
– А чего так долго?

– Объясняться они не обязаны. – Карбид скомкал ленту и швырнул ее на пол. – Ни вашим, ни нашим, Ясень. – Помолчал. – Разочарован?

Вместо ответа Виктор демонстративно посмотрел на часы:

– Четырнадцать минут. Он не вернется.
– Вернется, – пообещал Герман. – Ручной Привод и не таких возвращал.

Карбид подошел к немаркированному шкафу, открыл его, повернув ручку на дверце, и посмотрел на спрятанный внутри рычаг.

– Черепаныч, слышал?
– Да, Карбид. У меня все готово.
– Ставлю на возврат.

Герман резко дернул рычаг, опустив его до предела вниз, и привычно поморщился, услышав хорошо знакомый скрежет.

И в этот миг что-то на Земле изменилось. Что-то важное, но незаметное. Бесценное и обычное. Вплелся в ткань новый рисунок, стало чуть светлее и...

Рука выскользнула из-под простыни, пальцы сжались в кулак.

Разжались.

Сжались снова.

В слабый, едва обозначенный кулак, но ведь не это главное. Не драться собирался владелец руки, не сжимать что-то. Он просто двигался. Он...

– Он жив! – Задержавшаяся в операционной медсестра выскочила из комнаты. – Вагит Рустемович, он жив!

Неотключенные еще приборы подали голос. Врачи бросились к столу:

– Работаем!!

– Четырнадцать минут... – Ясень покачал головой. – Плохо.

– Бюрократия, – повторил Карбид, закрывая немаркированный шкаф.

– У них бюрократия, а у нас нездоровые сенсации. – Виктор постучал указательным пальцем по символу биологической опасности: – Применялось?

– Желтой прессе никто не верит, так что на сенсации всем плевать. – Герман посмотрел на привлекший внимание напарника шкафчик, прищурился, припоминая, после чего покачал головой: – Локально.

– Когда?

– Было.

– Ух, ты! – У Ясения вспыхнули глаза. – А...

– Журнал читай.

– Ну, расскажи! Жалко, что ли?

– Тараканов на Подстанции травили.

– Э-э... – Виктор понял, что продолжения не будет. – Ясно.

И чертыхнулся. Карбид хмыкнул. Ясень смутился еще больше и, подумав, продолжил прежнюю тему:

– Короче, эти воскрешения могут нам боком выйти.

– Напиши докладную.

– Пожалуй... – Виктор внимательно посмотрел на Германа. – А поможет?

– Нет.

– Там тоже всем плевать на желтую прессу?

– Ага.

Добро пожаловать в реальный мир. Где всем на всё и на всех плевать. И поэтому это «всё» катится куда попало как придется.

– Я не думал, что наши относятся к этому столь несерьезно.

– Гораздо серьезнее они относятся к дележу «искр». Никто не хочет уступать.

– И как ты справляешься?

– Я неправляюсь. – Карбид снова закурил. – Я просто делаю свою работу.

* * *

– Ну, давай, давай, – бормотал Олег, лихорадочно нажимая на кнопки клавиатуры. – Теперь сюда... Прячься, придурок!

Тяжеловооруженный боец несся по лабиринту, отважно расстреливая попадающихся по дороге врагов. Монитор полыхал зарницами, колонки плевались перестрелкой и бодрой музыкой, тихонько подывал DVD-привод. Очередная «стрелялка», один из последних уров-

ней, и Олег, с детства обожающий подобные игры, был полон решимости пройти его в ближайшие двадцать минут.

Дождь за окном, делать нечего, почему бы не поиграть?

– Что, гады, попались?!

В колонках загрохотали выстрелы, забабахали разрывы гранат и послышались крики умерщвляемых врагов. На секунду даже показалось, что единственную комнату небольшой квартиры затянуло пороховым дымом. Лежащая на тахте Юля прикрыла ладонью микрофон телефонной трубки и попросила:

– Олег, сделай, пожалуйста,тише.

– Что?!

– Тише сделай!

– А... Сейчас!

– Олег!!

Однако девушке пришлось подождать, пока молодой человек не разнесет в пух и перья очередную толпу нарисованных злодеев – до этого он просто не мог оторвать пальцы от клавиатуры. Расправившись с врагами, довольный Олег поставил игрушку на паузу и, потянувшись, уменьшил громкость.

– Пожалуйста.

– Спасибо! –sarкастически отозвалась Юля и вернулась к телефонному разговору: – Так когда, говоришь, это случилось? Сегодня днем? Да, очень интересно...

Олег побарабанил пальцами по столешнице, задумчиво глядя на монитор, однако продолжать игру не стал, дождался, когда Юля закончит разговор, после чего с улыбкой посмотрел на поджавшую губы девушку:

– Я немного увлекся.

Фраза прозвучала извинением. Которое, впрочем, не было принято.

– Ты постоянно увлекаешься!

– Согласен, бывает.

Юля, демонстрируя обиду, уткнулась в экран ноутбука. Олег помялся.

– Пожалуйста, не дуйся, я ведь не заметил, что тебе позвонили.

– Ты вообще ничего не замечаешь.

– Неправда. – Олег осторожно пристроился на краешек тахты.

– Даже меня!

– Я только на тебя и смотрю.

Он не обманывал подругу: худенькая девчонка с коротким каре каштановых волос давным-давно похитила сердце молодого человека. Выпуклый лобик, тонкий нос, чуть припухлые губы и большие васильковые глаза – Олег мог любоваться ею часами. И, как это обычно бывает, совершенно не понимал, что он в ней нашел? Почему другие девчонки вызывали лишь поверхностный интерес на ночь или месяц встреч, а Юлька прикипела к сердцу так, что не вырвешь? Почему она? Вечный вопрос любого мужчины.

– Извини.

Тишина. Девушка делала вид, что полностью поглощена текстом.

– Пожалуйста, извини... – Олег нежно погладил Юлю по ноге.

– Отстань!

– Юла, пожалуйста, не обижайся.

Ласковый голос и мягкие движения Олега постепенно сделали свое дело: мир был восстановлен, скреплен несколькими крепкими поцелуями, и...

Через некоторое время Олег и Юля в обнимку лежали на тахте, бездумно разглядывая потолок. Хотелось курить, но они давным-давно договорились не дымить в единственной комнате квартиры – оба не любили спать в прокуренном помещении.

– Кто звонил? – поинтересовался Олег.

– Ревнуешь?

– Просто интересно.

Однако такой ответ Юлю не устроил:

– А в принципе ревнуешь?

– В принципе, разумеется, ревную, – признался Олег.

Признался абсолютно серьезным тоном, ибо глупо сообщать женщине, что ты уверен в ней на сто процентов.

Юля поерзала, поудобнее устраиваясь в объятиях Олега, и ответила:

– Ольга звонила. Помнишь, Костику ее в клуб приводил?

Костика, двоюродного брата Юли, Олег знал хорошо, а вот образ его подружки из памяти выветрился.

– Костику вроде с Женей сейчас? – неуверенно протянул молодой человек.

– А раньше была Оля.

– Гм... возможно. – Олег зевнул. – Ты с ней до сих пор дружишь?

– Я ведь журналистка, – напомнила Юля.

– Будущая, – уточнил молодой человек, напоминая, что подруге еще предстоит окончить университет.

– Не важно. – Юля прищурилась. – А поскольку я журналистка, то должна везде искать источники информации. На будущее пригодится. Это аксиома, мой дорогой Ольгерд.

Девушка частенько переделывала имя молодого человека то ли на фэнтезийный, то ли на скандинавский манер. Иногда Олег поправлял подругу, иногда нет. Сегодня решил не обращать внимания, в конце концов, только-только помирились.

– То есть Ольга для тебя источник информации?

– Ага.

– И что за источник? Она секретарь президента?

– Ольга окончила медицинский и сейчас работает в Михайловской больнице.

– Крутой источник.

– Зря смеешься, между прочим. Во-первых, больницы – это в принципе кладезь информации, а такая известная, как Михайловская, – тем более. А во-вторых, Ольга уже сообщила мне интересный факт.

– Какой?

– Все тебе расскажи.

– Не хочешь – не надо, пойду еще пару монстров убью.

– Я тебе пойду! – Юля вздохнула и улыбнулась. Она и сама прекрасно знала, что не удержится, расскажет Олегу о том, что ее увлекло. – Одним словом, Ольга рассказала, что в Михайловской больнице самый высокий по стране процент возвращений после клинической смерти.

– Каких еще возвращений? – не понял молодой человек.

– После клинической смерти, – повторила Юля. – Пациент умирает на операционном столе или еще где-нибудь, спасти его не могут, записывают в покойники, а потом проходит некоторое время, и он воскресает.

– Такое бывает? – недоверчиво спросил Олег.

– Бывает.

– Я понимаю, что бывает все... – Молодой человек покрутил головой. – Но ведь без кислорода мозг умирает. То есть они возвращаются овощами?

– Нет, возвращаются нормальными, иначе кому это интересно? – Девушка почесала кончик носа. – После смерти есть сколько-то времени до того, как мозг погибнет, несколько

минут, кажется... я спрошу у Ольги. Одним словом, такие ситуации случаются, а в Михайловской их больше всего. Я статистику видела.

– Ну и что?

– Это же интересно! Загадка! Почему так много возвращений в одной больнице?

Олег изобразил на лице скептическую гримасу.

– Где-то больше, где-то меньше. Если все так, как ты рассказала, то процент возвращений зависит исключительно от самих людей, в смысле от пациентов. Если врачи зафиксировали смерть, то воскреснуть могут только сильные люди с сильным организмом. Получается, в Михайловскую привозят крепких ребят.

– Если бы все зависело только от людей, не было бы такой статистики, – не согласилась Юля. – В Михайловской возвращаются на двадцать процентов больше, чем в среднем по стране. Прикинь, на двадцать процентов! Это аномалия!

– И ты хочешь ее расследовать?

– Ага.

Последний курс журфака, а что дальше? Родители Юли связей не имели, толстым кошельком похвастаться не могли, приходилось рассчитывать только на свои силы, а чтобы заметили, чтобы обратили внимание, помимо всего прочего нужно принести «в клове» хороший материал. В издательствах и крупных телекомпаниях это любят.

– Я, конечно, мало чего в вашей кухне смыслю, – медленно произнес Олег. – Но мне кажется, что ничего интересного ты с этой мистикой не добьешься. Ну, воскресают, ну, многие воскресают, ну и что? Обычное дело: крепкие больные, хорошие врачи. К тому же, если я правильно помню, Михайловская рядом с большим парком находится, у реки, экология в том районе нормальная, даже несмотря на то, что центр, – вот и возвращаются пациенты. Опять же, люди рядом с Михайловской живут не бедные, им есть зачем возвращаться. Жить им нравится.

– А тебе не нравится?

– Мне... – Молодой человек пожал плечами. – Мне тоже хорошо. С тобой хорошо... Но ведь я говорю о тех, кто... там.

Девушка рассмеялась, но тут же приняла серьезный вид:

– Не доверяешь моему чутью?

– У тебя еще нет чутья.

– Хм... – Скориться с Олегом по-настоящему Юле тоже не хотелось, а потому, подумав, она не стала протестовать против столь низкой оценки ее профессиональных способностей. Вместо этого игриво прижалась к другу и проворковала: – Что же мне тогда делать? Как найти хорошую работу?

– Придумай что-нибудь другое, – предложил молодой человек.

– Придется с кем-нибудь переспать.

– Правильно, – одобрил Олег. – Так надежнее.

– Так ты врал, что ревнуешь!

– Ревную, – признал молодой человек. – Но сейчас мы не о развлечениях говорим, а о бизнесе. А это совсем другое дело.

– Бестолочь!

Они любили подкалывать друг друга подобным образом, шутили, смеялись, но никогда не говорили в открытую, что сейчас – по крайней мере сейчас! – за этими словами ничего нет и быть не может. Сейчас они смотрели только друг на друга. И им это нравилось.

Олег поцеловал девушку в щеку и тихо сказал:

– Не жалеешь, что отказалась от предложения НТВ?

– Быть светским репортером? Нет, не для меня.

– Опыта набралась бы. Нужные знакомства завела.

– Нужно сразу штурмовать серьезные крепости, Олег. С хорошим материалом.
– Честно говоря, эти возвращения не кажутся мне серьезной темой.
Юля упрямо выпятила нижнюю губу:
– Посмотрим.

* * *

Фургон «Шевроле» с орегонскими номерами, цельнометаллический, темного цвета – словно взятый напрокат из дешевого голливудского боевика, – стоял у тротуара, напротив дверей навсегда закрытой прачечной. Двигатель машины тихонько урчал на холостом ходу, выплевывая тоненькую струйку выхлопа, однако свет был выключен, а «дворники», несмотря на довольно сильный дождь, не работали. И даже те двое, на передних сиденьях, переговаривались тихим шепотом, словно опасаясь привлечь к себе лишнее внимание прохожих.

– Погода как испортилась, а? Прямо на глазах, – пробормотал водитель. – А ведь еще утром жара дикая стояла.

– Нам же, мать твою, лучше, – с характерной техасской тягучестью отозвался второй. – Гребаных свидетелей не будет.

– А если клиент сегодня не появится?

Водитель, судя по всему, слегка нервничал.

– Как это не появится? – с легким пренебрежением пробурчал техасец. – Зря, что ли, мы его пасли целую неделю? – Он почесал указательным пальцем левую бровь. – Никуда, мать твою, клиент не денется: сорок минут назад закончилась смена, получается, с минуты на минуту будет здесь.

– А если в бар зайдет по дороге?

– Подождем лишний час и возьмем пьяным.

Водитель кивнул, отвернулся, провел рукой по рулю, однако успокоиться ему не удалось, уверенность, что сквозила в голосе техасца, на шофера не действовала.

– Хорошо, что он одинокий, да? Получается, никто не станет его искать до завтрашнего вечера.

Техасец покачал головой, но, верно оценив состояние напарника, смеяться над ним не стал: зачем дергать человека, с которым идешь на опасное дело? Лишь кивнул:

– Верно.

– Вот и я говорю, – оживился водитель. – А еще...

– Тихо!

В правом зеркале заднего вида, на которое периодически поглядывал техасец, появилась фигура мужчины.

– Он?

– Он.

– Лицо его помнишь?

На этот раз пренебрежения в голосе техасца было значительно больше:

– Разумеется, помню, мать твою.

– Ну, тогда...

– А он не спешит.

– Кто не спешит? – не понял водитель.

– Клиент не спешит, – прищурился техасец.

Остановившийся в нескольких шагах от фургона мужчина принял раскуривать сигарету. Получалось у него не очень ловко, поскольку одновременно приходилось удерживать зонтик.

– Закуривает, – сообщил техасец.

– Остановился?

– Угу.

Водитель нервно погладил рулевое колесо.

– Может, он нас заметил?

– Даже если и заметил, что с того? Наш клиент – обычный, мать его, лох, живущий тихо и размеренно. Ему и в страшном сне не может присниться, что кто-то собирается его похитить.

– Тогда почему он остановился?

– Он чует, – объяснил техасец. – Они всегда чуют. Как быки перед бойней. Только быки, мать твою, понимают, а эти – нет. У быков, мать твою, инстинкты, а у этих – телевизор, пиво и мысль, что они никому на … не нужны. Мысль, мать твою, правильная. Они с ней живут. Привыкают. Верят. И никогда, мать их, от нее не откажутся. У нашего лоха, мать его, небось мурashki по коже и внутри холодно. Ему бежать надо, а он стоит и ни черта не понимает. Сделает пару затяжек… – Мужчина шагнул вперед. Техасец усмехнулся. – И тупо пойдет на бойню.

– Он идет?

– Идет.

В тот момент, когда мужчина поравнялся с фургоном, техасец спокойно открыл свою дверцу – никаких резких движений! – и дружелюбно произнес:

– Извините, сэр, мы из службы доставки, немного запутались в вашем районе, вы не подскажете дорогу?

– Дорогу куда? – осведомился мужчина.

– Тут у меня написано.

Техасец взял в руку лист бумаги, медленно вышел из кабины фургона и приблизился к мужчине.

– Кажется, какой-то «драйв», но почерк у нашего диспетчера тот еще! Как курица лапой!

– Дайте я посмотрю.

Мужчина сделал шаг вперед, и в этот момент техасец нанес классический «прямой встречный в голову», умело поймав жертву на движении. Мужчина даже не вскрикнул – нокаут, просто обмяк, начал оседать и рухнул бы на землю, не подхвати его техасец под мышки.

– Двери!

– Уже!

Боковая дверца съехала в сторону, и два бандита, дожидавшиеся своего часа в чреве фургона, ловко втащили тело внутрь.

Техасец подхватил упавший зонтик, закрыл его и вернулся в кабину. Водитель надавил на газ, «Шевроле» быстро отъехал от тротуара и через несколько мгновений растворился в дождливом вечере, оставив после себя лишь сигарету, медленно умирающую на мокром тротуаре.

* * *

Михайловской эту московскую больницу называли по старой памяти, в честь графа Михайлова, выстроившего общедоступную лечебницу еще в восемнадцатом веке и завещавшего потомкам поддерживать заведение вечно. Потомки, надо отдать им должное, волю предка соблюдали неукоснительно, до самого переворота не жалели денег на больницу, не приносящую им никакой выгоды, кроме благодарности простых людей. Но разве это мало

– благодарность? Разве мало для нормального человека, который любит свою землю, свою страну и свой народ? Для того, кто чувствует себя их частью? Третьяков, Морозов, Михайлов... Они остались в памяти не только потому, что хотели оставаться и стремились к этому, а потому, что делали то, что считали правильным. А когда не мыслишь себя вне страны и народа, совесть сама подскажет, что правильно, а что нет. Ибо совесть появляется, когда живешь не только ради себя.

После Октябрьского переворота, унесшего в небытие графов Михайловых, больница несколько раз меняла название. Сначала стала «городской № 3», затем – «им. тов. Нахамсона», который то ли лечился в ней, то ли командовал ею. Но тут получилась неувязка: тов. Нахамсон оказался плохим тов. То есть сначала он был тов. как тов. – зверствовал во время Гражданской войны не хуже других тов. За рвение получил высокую должность, ездил на длинном автомобиле, жил в отнятой у «эксплуататоров» квартире и украшал супругу отнятыми у «эксплуататоров» бриллиантами. Однако в какой-то момент врожденный флюгер тов. Нахамсона неправильно указал направление ветра, результатом чего стало звание «врага народа» (вполне заслуженное, учитывая «шалости» тов. Нахамсона во времена Гражданской), и больнице вновь пришлось переименовывать. Причем спешно. Ей выделили порядковый номер, однако в памяти народной больница навсегда осталась Михайловской, и даже через сто лет после исчезновения графского рода упрямые москвичи продолжали называть ее только так, и никак иначе.

Ольга предупредила Юлю, что пробиться на прием к главврачу окажется не простой задачей:

«Он у нас академик, еще советский академик. Искренне считает, что над ним только Господь Бог стоит».

«Все врачи так считают».

«В общем, да. Но над Иваном Алексеевичем действительно – только Бог».

Тем не менее в главный корпус подруга Юлю провела. Назвала этаж, на котором находился кабинет главврача, показала, где лифт, и ушла: «Дальше сама».

Сама так сама, не привыкать. Пусть профессионального опыта у Юли действительно маловато – тут Олег прав, – но как проникнуть к нужному человеку, девушка представляла. Умела войти без доклада, начать разговор так, чтобы не выгнали – нахальства и уверенности хватало. А вот над тем, как преодолеть главный барьер – секретаршу, нужно думать, ибо на эту должность настоящие, выросшие еще в советские времена, академики брали исключительно стерв. Понимали, что это их главная линия обороны, что только опытная секретарша способна с одного взгляда определить, следует ли пускать посетителя к небожителю или пусть со своим вопросом идет в какой-нибудь отдел. Собственно, именно по тому, кто сидит в приемной: длинноногая «Ниночка, сделайте кофе» или холодная «Валентина Петровна, посмотрите, пожалуйста, кто у нас следующий?» – можно сделать вывод о том, что из себя представляет хозяин кабинета. Секретарша главврача, по словам Ольги, являла собой идеал второго типа, защищала шефа, как Брестскую крепость, и преодолеть ее означало сделать даже не полдела, а девять десятых. Ибо наивный вид, который блестяще умела напускать на себя Юля, мог растопить сердце любого монстра, да и нравится дедам оказывать услуги молоденьким девочкам.

Но как пройти секретаршу?

И тут Юле сказочно повезло. Едва она подошла к дверям с табличкой «Приемная академика Митина И.А.», как из них вышла высокая полная женщина в строгом деловом костюме.

«Она!»

Женщина внимательно посмотрела на Юлю – примерно таким взглядом Зевс разглядывал копошащихся под Олимпом людышек – и осведомилась:

– Вы сюда?

– Нет, – пискнула сообразительная девушка. – Секретариат ищу.

– Новенькая?

– Стажировка.

– Прямо по коридору, третья дверь направо.

Не удостоив Юлю прощальным взглядом, женщина повернулась и царственной походкой направилась к уборной.

«Отлично!»

Юля дождалась, пока мегера скроется за дверями туалета, даже пару шагов сделала по направлению к секретариату, после чего проскользнула в приемную и, вежливо постучавшись, приоткрыла дверь в кабинет самого.

– Иван Алексеевич?

– Кто там еще?

Хозяин кабинета встретил девушку, сидя во главе монументального стола, раскинувшегося во всю длину далеко не маленькой комнаты. «Советский еще» академик оказался невысоким, кругленьким стариком, абсолютно лысым и ушастым, что делало его похожим на постаревшего Чебурашку. На Юлю он смотрел недовольно, но без раздражения – наличие во взгляде этой эмоции девушка улавливать мгновенно.

– Юлия Соболева, корреспондент. – Пока девушка дошла до кресла, она успела выбрать, а самое главное – натянуть на лицо подходящее слушаю выражение: «Смелая девчушка № 2». – Добрый день, Иван Алексеевич.

И протянула руку. Причем ладонью вниз.

Академик замешкался, с сомнением разглядывая девичью руку, после чего вздохнул и поинтересовался:

– Вам назначено?

– Не припоминаю.

– Я тоже.

– Но ведь вы меня не выгоните, правда?

– Почему? – оживился Митин. – Я, знаете ли, человек занятой. Вот возьму и выгоню. И даже пальцами пошевелил, демонстрируя, что не чурается физических упражнений.

– Раз я сумела к вам прорваться, вы должны признать поражение и уделить мне десять минут. Иначе получится нечестно.

Выражение лица Юли говорило о том, что она искренне верит в хороших людей, и отказать ей в такой малости, как десять минут, значит полностью перевернуть мировоззрение замечательной девчонки. Какой злодей способен на такую пакость?

– Вам говорили, что вы очень шустрая мамзель? – осведомился Митин.

– Да, Иван Алексеевич, – радостно подтвердила Юля.

– Вас не обманывали.

Академик привстал, элегантно поцеловал Юле руку, после чего вернулся в кресло и прохладно сообщил:

– Десять минут.

Хватка у этого Чебурашки была железной.

– Спасибо огромное, Иван Алексеевич!

– Время пошло.

Девушка расположилась напротив главврача.

– Иван Алексеевич, только вы способны ответить на вопрос, который мучает меня целый месяц.

– В вашем возрасте это срок, – кивнул Митин. – У меня, к примеру, есть вопрос, который мучает меня уже двадцать три года.

– Какой? – навострила уши Юля.

– Из тебя получится хороший журналист, шустрая мамзель, – рассмеялся академик. – Спрашивай, а то время закончится.

– У меня есть кое-какая статистика. – Юля положила перед главврачом лист с таблицей. – Обратите внимание на цифры. Показатели вашей больницы выделены красным маркером.

Несколько секунд Митин изучал распечатку, после чего поднял взгляд на девушку и пожал плечами.

– В чем вопрос?

– В вашей больнице чрезвычайно высокий процент возвращений.

– И о чем это говорит?

– Я всю голову сломала.

– Сочувствую, – улыбнулся академик. – Что-нибудь надумали?

– Ничего.

– Я не удивлен.

Юля проглотила иронию главврача. Продолжила внимательно смотреть Митину в глаза, показывая, что терпеливо ждет ответ. Академик развел руки.

– Юля, возможно, факт аномально высокого числа возвращений в моей больнице меня и заинтересовал бы, но есть одно «но»: здесь работают лучшие хирурги города. А возможно, я подчеркиваю: возможно, у меня работают лучшие врачи страны. – Митин откинулся на спинку кресла и довольно улыбнулся. – Поймите, шустрая мамзель, я потратил годы, чтобы собрать этих ребят. Одних вел с института, других сманивал… Я ведь командую здесь, понимаете, и я должен делать все, чтобы в моей больнице пациенты получали самое лучшее лечение. В этом смысле моей жизни, шустрая мамзель. Вам знакомо понятие: смысл жизни? – Ответа академик не ждал. – Ну, по крайней мере, вы его слышали. Так вот, я не хочу быть министром здравоохранения, понимаете? И советником президента по здравоохранению не хочу быть. Я уже академик. Я горжусь тем, что сделал. И еще я горжусь тем, что выше меня только звезды и Господь Бог. Потому что я здесь спасаю жизни. И делаю это, скажу без ложной скромности, неплохо. И не надо меня перебивать. Вы за интервью пришли или дискутировать? Дискутировать будете со сверстниками. А если вам нужно интервью, то слушайте.

– Я и хотела сказать, что у вас очень хорошо все получается, – пробормотала Юля.

– У меня в каждом отделении доктора наук и кандидаты. У меня любая медсестра в разы лучше и опытнее любого врача из районной поликлиники. И вы, шустрая мамзель, удивляетесь, что у нас частенько ожидают пациенты? Это наша работа, вот и все. – Митин помолчал, давая возможность Юле усвоить сказанное, а потом, подумав, добавил: – Да и не воскрешения это вовсе.

– А что?

По выражению глаз академика девушка поняла, что время пропаганды закончилось и сейчас она услышит главную мысль. Слишком умен Митин, чтобы аномальная статистика прошла мимо его внимания. И убеждать самого себя в профессионализме врачей академик не будет, это для журналистов. Для себя Иван Алексеевич на этот вопрос уже ответил. И теперь не прочь поделиться им с «шустрой мамзелью».

– Когда до людей доходит, что мы не шутим, что на кону их жизнь… Вся их жизнь: прошлое, настоящее, будущее, всё, одним словом. Так вот, когда люди это понимают, то меняются кардинально. Зубами цепляются, лишь бы остаться. Лишь бы на солнышко еще раз посмотреть. Любовью заняться. На речку сбегать… Жажда жизни, она ведь в каждом из нас крепко сидит. И некоторым удается остаться. – Митин демонстративно посмотрел на часы. – Ваши десять минут истекли, шустрая мамзель.

– Спасибо, Иван Алексеевич.

– Не за что.

Юля поднялась.

– Иван Алексеевич, вы позволите мне походить по больнице?

– Зачем?

Девушка вздохнула:

– Ну, раз не получилось с возвращениями, попробую сделать материал для газеты.

«А может, еще чего разузнаю».

Спросила Юля потому, что разгуливать по территории просто так, – это одно, а если: «со стариком все согласовано», то это уже совсем другое.

– Пожалуйста, – пожал плечами Митин. – Хорошей прессе мы всегда рады.

* * *

В солнечную погоду посетители Михайловской больницы предпочитали встречаться с родственниками в парке. Одни оккупировали многочисленные скамейки, другие располагались прямо на траве, третьи прогуливались по дорожкам. Кто-то громко смеялся, кто-то тихо обсуждал последние новости, а некоторые молчали, держались за руки и молчали, поддерживая друг друга теплом прикосновений. Потому что этим некоторым говорить было не о чем.

Большая часть пациентов встречала посетителей на небольшой площади с веселым фонтаном, у главного, самого вместительного и современного корпуса больницы. По выходным здесь было особенно многолюдно, что делало площадь идеальным местом для злых каверз.

– Как тебе вон те?

Бандера указал на двух мужчин лет сорока, судя по всему – близнецов, компании которым составляла пара женщин.

– Слишком серьезные, – покачал головой Бизон. – Не пройдет.

– Как скажешь.

Вышедшие на охоту парни специально привлекали к себе внимание толпящихся на площади людей. Задевали плечами, извинялись, улыбались… Бизон в докторском халате и шапочке, на шее стетоскоп, в руках – тонкая папка с украденным из регистратуры списком больных, Бандера в зеленоватых брюках и рубашке санитара, на первый взгляд – что может быть обыденнее для больничного двора? Однако спины обоих украшала крупная надпись: «Морт», которая заставляла окружающих коситься. В этом заключалась первая часть плана приятелей – показать надпись как можно большему числу людей. Пусть все видят, кто они такие.

– Как тебе эти?

Пожилая женщина опирается на трость и держится за руку взрослого мужчины, судя по всему – сына.

– Дряхлая старушка пришла навестить такого же дряхлого мужа. Если у нее сердце не выдержит, Карбид нас с потрохами съест.

– А эти?

Женщина лет пятидесяти, тяжелый лоб, тяжелая челюсть – очень характерная внешность, подтверждающая теорию Дарвина. Отчаянно похожая на нее женщина лет тридцати с субтильным спутником примерно того же возраста.

Бизон внимательно изучил кандидатов и кивнул:

– Берем.

Бандера плотоядно улыбнулся.

Парни напустили на себя сосредоточенный вид и быстрым шагом подошли к жертвам.

– Добрый день, – сухо и мрачно произнес Бизон.

– Э-э... драсьте, – добавил Бандера.

– Добрый день, – настороженно отозвалась старшая женщина.

– Мы тут разыскиваем кое-кого, – печально продолжил Бизон. – Вы, извините, к кому пришли?

– К Поликарпову.

Бандера судорожно вздохнул. Женщина побледнела. Дочь вцепилась в руку мужа, тот поправил очки.

– Поликарпов... – Бизон углубился в списки.

– Вы нас искали?

– Вы господину Поликарпову жена? – участливо поинтересовался Бандера, не позволяя женщине мешать приятелю.

– Да.

– Зовут вас?

– Елена Сергеевна.

– Ох...

– Что?

– А меня Бандера. – Каверзник потряс похолодевшую руку женщины. – Будем знакомы.

– Что случилось?

Бандера вопросительно посмотрел на Бизона, но тот с увлечением просматривал список пациентов, беззвучно шевеля губами, и на вопрос не среагировал.

– А это дочка ваша, да?

Елена Сергеевна машинально кивнула.

– Будет вам опорой и поддержкой, – резюмировал Бандера.

Дочь закусила губу.

– Послушайте, мы...

– Поликарповых у нас несколько, – ободряюще произнес Бандера. – Крепитесь.

Елена Сергеевна побелела. У ее дочери увлажнились глаза. Очкарик принялся напускать на себя печальный вид. Но длиться пауза будет недолго, еще секунда – и оцепенение спадет, они взорвутся вопросами, возможно, всхлипами, то есть ситуация выйдет из-под контроля и приведет к непредсказуемым последствиям. Однако Бизон хорошо знал свою роль.

– Поликарпов Петр Геннадьевич? – поинтересовался он, не отрывая взгляда от списка.

– Да, – подтвердила женщина.

– Из второй хирургии?

– Да.

– Та-ак, – протянул Бизон.

– Неужели? – прошептал Бандера.

– Палата номер девять? – продолжал уточнять Бизон.

На Елену Сергеевну было страшно смотреть.

– Да.

Щелчок авторучки прозвучал раскатом грома. Зять вздрогнул. Дочь прошептала нечто вроде «ах!», мать вскинула подбородок, готовясь с достоинством принять страшную весть.

Бизон аккуратно поставил галочку напротив какой-то фамилии, поднял взгляд на Елену Сергеевну и мило улыбнулся:

– У нас такой не числится.

Женщина всхлипнула.

– Вот видите, все в порядке, Елена Сергеевна, – радостно завопил Бандера. – У нас все точно: или числится, или не числится. Ошибок не допускаем.

– Вы...

Трудно поверить, что тебя жестоко разыграли. Очень трудно. Тем более ни Бизон, ни Бандера не собирались задерживаться и давать жертвам время на размышление.

- Извините, нам пора.
- Счастливо оставаться!
- И растворились в толпе.
- Сволочи!
- Мерзавцы!

Но крики ударили в спины. Даже не в спины приятелей, а других людей, что сомкнулись, спрятав за собой каверзников.

- Ты видел, как бабуля побледнела?
- У мужика аж очки вспотели!
- А дочка? По-моему, она обрадовалась.
- С чего ты взял?
- Эй, вы, двое!

Лохматые остановились и одновременно обернулись. Кричал санитар, стоящий около подъехавшей к приемному покою кареты «Скорой помощи».

- Помогите!
- Мы торопимся, – махнул рукой Бандера. – Потом поможем.
- У меня все люди заняты!
- Ну и что?
- Других найди! Работящих!

Бандера заржал.

– Вы с «Малой Земли», я вас узнал. – Санитар набычился. – Если не поможете, расскажу вашему начальнику, что вы врачами прикидываетесь.

Бизон и Бандера переглянулись. Вмешательство Карбida в их планы не входило. Комендант, естественно, знал, что приятели далеко не ангелы, и допускал, что они изводят посетителей злыми шутками, но одно дело знать, и совсем иное – получить жалобу от сотрудника другого подразделения больницы. По всему выходило, что скориться с некстати оказавшимся на пути санитаром не следовало.

- Так бы и сказал, что дело срочное.
- Мы ведь не поняли.
- Помочь всегда рады.
- Все-таки коллеги.

Продолжая болтать, приятели подошли к «Скорой помощи» и ловко извлекли из нее каталку.

– Ну и что тут у нас такого срочного?
– ДТП, – с видом знатока ответил Бизон, изучая перевязанную ногу лежащего на носилках мужчины. – Это ему дверцей вмазало. В смысле – в бок шибануло, а дверца – в него.

- Вы врач? – осведомился мужчина.
- А как вы думаете?
- Они не врачи, – перебил Бизона санитар. – Придуриваются.
- Можно подумать, ты всегда соблюдаешь правила!
- Я посетителей не пугаю.

– Мы тоже не пугаем, – не согласился Бандера. – Мы проверяем их чувства. Предвкушая трагические известия, родственники начинают искренне любить своих близких.

- Или искренне радоваться.
- Идиоты.
- Да уж, – согласился мужчина. – Кретины.

За разговорами каталку успели вкатить в подъезд, провезти по коридору, и теперь процессия встала у дверей смотровой.

– Может, мы и кретины, – задумчиво обронил Бизон, – но ты, умник, не жильтц.

– Согласен, – кивнул Бандера.

Мужчина побледнел.

– У него нога сломана, грамотеи! – прикрикнул на приятелей санитар.

– Да, приурки, у меня всего лишь нога сломана, – приободрился пострадавший в ДТП.

– У тебя нога сломана, а мы в морге работаем, понял? Раз сказали не жильтц, значит, так оно и есть.

Бандера согласно кивнул.

– Вы еще большие идиоты, чем я думал, – буркнул санитар.

– На что спорим?

– Тысячу рублей ставлю!

– И я тысячу! – поддакнул мужчина.

– Договорились! – осклабился Бандера. – С нашей стороны, стало быть, две штуки.

– Только ты, мужик, деньги санитару сейчас отдай, – предложил Бизон. – С покойника ведь хрен свое получишь.

– Размечтались!

Стоящая у кофейного автомата Юля услышала последнюю, самую интересную часть разговора. Необычный спор заставил девушку повернуться и удивленно рассмотреть мужчин.

* * *

– Как тебе наш главный? – поинтересовалась Ольга.

– Крепенький старичок, – улыбнулась Юля.

Не ожидавшая столь короткого ответа, Ольга удивленно посмотрела на подругу:

– «Крепенький»? Это все, что ты можешь о нем сказать?

– Я плохо знаю вашего академика, – пожала плечами Юля. – И десятиминутное интервью ничего не изменило.

Подруги расположились на одной из лавочек в дальнем конце больничного парка, неподалеку от забора примыкающей к Михайловской подстанции «Скорой помощи». Сюда не часто забредали пациенты с родственниками, а потому девушки могли говорить и громко и свободно.

– Крепенький? Ха! Иван Алексеевич не крепенький, он железобетонный! Ему ведь еще в советские времена предлагали собственный институт возглавить, в министры звали, а он отказался. Для него больница – смысл жизни. – Горячность Ольги не оставляла сомнений в том, что в ее личном рейтинге Митин находится именно там, где ему хочется, – чуть ниже Бога. – Старик, конечно, мужик жесткий, в Михайловской у него порядок флотский, зато работает больница, как часы. И даже в девяностые работала так же, как в советские времена. Старик Михайловскую тянет, как бульдозер. Финансирование находит, фонды выбирает, врачей сманивает.

– Площади в аренду сдает, – язвительно добавила Юля. – И себя не забывает.

– А ты его деньги не считай, – буркнула Ольга. – А площади старик сдает только стоматологам, потому что у нас такого отделения нет. И, между прочим, у всего персонала больницы там страховка.

– Прямо ангел.

– Нет, – после короткой паузы ответила Ольга. – Не ангел. Иван Алексеевич мужик очень жесткий, работать с ним тяжело. Но он честный, справедливый, и на первом месте у него дело. А дело такое: людей спасать. Поэтому ни одного дурного слова ты о старике не услышишь.

Потому что только умных, честных и принципиальных уважают все: и друзья, и враги, и подчиненные, и партнеры. Именно уважают, поскольку оно, уважение, появляется только там, где есть честь. Воры его вызвать не способны.

Юля помолчала, а затем примирительным тоном произнесла:

– Да я не на старика вашего материал собираю, помнишь?

Ольга вытащила из пачки тонкую сигарету, чиркнула зажигалкой и кивнула.

– Помню. – Затянулась. – Что он тебе сказал про возвращения?

– Да ничего не сказал, – призналась Юля. – Мол, для любой больницы это нормально, а для Михайловской вообще в порядке вещей, потому что она лучшая.

– Правильно сказал, – кивнула Ольга.

Как это обычно бывает, патриотизм лидера полностью передавался подчиненным. А спорить с человеком, влюбленным в свою работу, – бессмысленно. Остается или завидовать, или злиться.

Юля тоже закурила и поинтересовалась:

– У кого последний раз был случай возвращения?

– У доктора Халидова.

– Он хирург?

– Ага.

– Что о нем скажешь?

– Звезда, – невозмутимо ответила Ольга. – Не восходящая, а уже состоявшаяся. Врач от бога.

Еще один аргумент в пользу «теории случайности». Но...

– Возвращения бывали у разных врачей, – продолжила Ольга. – И не только в хирургии. Как и говорил Митин: «цепляются».

«Всё? Идею можно выбрасывать?»

Юля стряхнула пепел и грустно произнесла:

– Похоже, я еще не научилась отыскивать действительно интересные темы.

– Придет со временем, – махнула рукой Ольга.

И в этот момент взгляд Юли уперся в небольшое строение, что выглядывало из-за плеча подруги. Возможно, девушка не обратила бы на домик внимания, но уж сильно отличался он от остальных корпусов больницы. Двухэтажное бежевое здание явно дореволюционной постройки.

– А что это за дом?

– «Малая Земля», – обронила Ольга, всем своим видом давая понять, что эта тема такая же пустая и бесперспективная, как и возвращения.

Юля посмотрела на план – плакат висел напротив скамейки, и удивленно заметила:

– Ее нет на схеме.

– Ну и что? – Ольга сосредоточенно разглядывала кончик сигареты. – Старый корпус, сейчас почти не используется. Там котельная резервная, морг, склад вроде какой-то...

* * *

– Исполняя надлежащие инструкции, ЗПТ...

Телеграфный аппарат послушно застрекотал, однако стоящий около Карбид остался недоволен придуманным.

– Отменить.

Енот, вертевшийся у ног Германа, громко фыркнул и потянул на себя отмененную бумажную ленту. Стрекотание сменилось коротким шуршанием.

– Агава, хватит!

Ноль внимания. Карбид вздохнул и продолжил:

– Действуя в соответствии с инструкциями, ЗПТ…

Машинка прощелкала измененное сообщение и задумалась, ожидая продолжения.

– Отменить.

Вновь шуршание. Агава подхватил ворох черновиков и потащил добычу за диван.

– Гм… – Карбид почесал в затылке. – Проверка показала, ЗПТ, что автоматика сработала штатно. ТЧК. Сбой в распределении «искры» вызван естественными причинами. ТЧК. Возврат «искры» осуществлен включением Ручного Привода, ЗПТ, о чем произведена запись в журнале Подстанции. ТЧК. Капитан подводной лодки Сигизмунд Кузяев. ТЧК.

Ясень, который появился в дверях дежурки на последней фразе Карбida, хмыкнул:

– И у тебя принимают такие доклады?

– А куда им деваться? – Герман провел рукой по аппарату. – Других не будет.

– Не по форме.

Из-за дивана, пятясь, выбрался енот. Увидев Ясения, животное сначала удивилось, а затем, судя по всему вспомнив, что за мужик стоит в дверях дежурки, принялся с любопытством разглядывать стильные кожаные штиблеты старшего помощника. Издалека.

Ясень же состроил умильную физиономию и чуть наклонился:

– Агава, хочешь конфетку?

Енот подозрительно посмотрел на щедрого стилягу, подумал и все-таки подошел.

– А нету, – вздохнул Виктор. – Кончились. – Выпрямился и холодно сообщил коменданту: – Не по форме доклад.

– Мы не в армии.

– Все равно должен быть порядок.

Агава копошился в ногах, но обращать внимания на скотину Ясень не стал.

– Станешь комендантом, будешь струячить докладухи, как захочешь, – отрезал Карбид. – Хочешь – по правилам, хочешь – в трех томах.

– Не надо меня оскорблять.

– Да кому ты нужен? – Герман жестко посмотрел на напарника. – В журнале распишись.

Виктор шагнул вперед и споткнулся об енота. Агава протестующе пискнул, но убирать объемистую тушу с пути не стал.

– Это чудо у вас откуда?

– Две зимы назад прибралось.

Енот хрюкнул, после чего стремительно выскочил из дежурки. Ясень опустил глаза вниз и выругался: левый стильный штиблет украшало наглое пятно.

– Агава!

– За конфетой побежал, – язвительно хмыкнул Герман.

– Урод!

– Автограф поставь!

Виктор, косясь на изгаженные ботинки, подошел к столу, проверил запись, дату, после чего нацарапал внизу листа автограф.

– Это все?

– Да. – Карбид небрежно бросил журнал в ящик стола и направился к выходу. – Аврал окончен.

Оставшись один, Ясень медленно прошелся по дежурке, брезгливо потрогал пальцем пишущую машинку, поморщился, оглядел телеграфный аппарат, а затем быстрым шагом

подошел к немаркированному шкафчику и резко повернул рукоять. Попытался повернуть – замок не поддался. Виктор выругался, попытался вновь – с тем же успехом, а затем услышал стук пишущей машинки. После секундного размышления Ясень оставил шкафчик и подошел к столу. На заправленном в машинку листе были напечатаны две фразы:

«Станешь комендантом, тогда и залезешь. Привыкай к порядку».

Барометр язвительно указывал «ясно». Виктор чертыхнулся.

* * *

«За что?! Почему?! Что я такого сделал?! Кто вы?!!»

Мысли метались, путались, давили болью, заставляли потеть, холодеть. Заставляли губы дрожать, а руки – трястись. Непонимание происходящего, его невозможность, нереальность, бессмысленность порождали даже не страх – ужас.

– За что? Кто вы?!

«Вы допустили ошибку! Вам нужен не я! Вы ошиблись! Боже мой, вы чудовищно ошиблись! Я простой человек! Я ничего не знаю и ничего не видел! Отпустите меня, и я обо всем забуду!»

На глазах слезы. Рот кривится в жалком оскале.

– Отпустите!

Он очнулся в низеньком, но довольно большом помещении без окон. Грубые кирпичные стены, старая, обитая железом дверь. Подвал? Да, наверное, подвал. Идеальное место для того, чтобы запереть похищенного...

«Похищенного?!

Мысль вызвала не удивление – оторопь.

«Кому я нужен?!

– За меня не дадут выкуп! Эй, вы меня слышите? Я ничего не стою! У меня мизерная зарплата и просроченная закладная!

Но слова никуда не долетали, гибли, упираясь в кирпичные стены.

– Вы взяли не того парня! Я не бандит и не богач!

Тишина в ответ. Пустая, гнетущая тишина.

Это начинало злить. И зародившаяся в глубине души ярость принялась давить и страх, и ужас, и панику.

Он подошел к двери и ударил по ней ногой.

– Вы взяли не того парня, уроды! Вы взяли не того парня!!

За мучениями пленника наблюдали две видеокамеры. Искусно замаскированные объективы оставались незамеченными, но фиксировали все, что происходит в подвале, а потому два человека, мужчина и женщина, стоящие у монитора, видели каждое движение похищенного мужчины.

– Ты уверена, что нам нужен именно этот слабак? – хмуро спросил мужчина.

– Да.

– Он трясется от страха.

– А кто бы не трясясь на его месте?

– Храбрец.

– Наш друг именно таков, Скотт, – мягким и очень уверененным тоном произнесла женщина. – Поверь.

– Пока не верю.

– Дай ему времени.

Мужчина скептически покачал головой.

Он был высок и худ. Впалые щеки, заостренный нос, узкий и длинный подбородок – словно сошел с карикатуры на классического обитателя Новой Англии. Но при этом Скотт нес свой рост с достоинством, не сутулился, голову держал прямо, уверенно, всем своим видом показывая, что взгляды снизу вверх принимает как должное.

– Посмотри, он уже приходит в себя.

Пленник ударил ногой по двери.

– Истерика.

– Злость.

– Каждый видит то, что хочет.

– Ты мне не доверяешь?

Тон мягкий, однако Скотт уловил недовольные нотки: женщине не понравилось, что спутник осмелился раскритикововать ее выбор.

– Я предполагал, что донор окажется более... смелым.

Женщина оторвала взгляд от монитора и посмотрела на собеседника.

Холеная и очень красивая женщина.

Густые темные волосы стянуты в аккуратный пучок, выбивается лишь одна прядь, изредка падающая на лицо. Маленький нос, большие зеленые глаза, полные губы... кукольное лицо? Отнюдь. Кукольность подразумевает некоторую мягкость, которая присутствовала у женщины разве что в голосе. Тогда, когда она сама этого хотела. Лицо же – внешность взрослой, уверенной и сильной пантеры. Под стать и фигура: округлая, женственная, гибкая и грациозная.

Красивая и опасная.

– Первый взгляд часто бывает ошибочным, – с улыбкой произнесла женщина. – Все мы хотим казаться не такими, какие есть на самом деле.

Под насмешливым взглядом ее умных глаз Скотт смешался.

– Пандора, ты... Ты все-таки презираешь меня.

– После того, что ты сделал? И зная, что ты собираешься сделать? – Женщина покачала головой и нежно дотронулась рукой до плеча мужчины. – Нет, Гарри, я тебя не презираю. И то, что мне известно о твоей маленькой слабости, ничего не меняет. Она уже в прошлом. Скоро даже ты о ней позабудешь.

– Я тебе верю.

– Тогда верь всему, что я делаю. – Пандора вновь посмотрела на монитор. – Это твой парень, Гарри. И он смел.

Мужчина вздохнул.

Странная штука – голова. Иногда такие вещи выкидывает, что хоть стой, хоть плачь.

Гарри Скотт считался человеком предельной смелости, отваги, граничащей с безрассудством. И считался не зря. В криминальном бизнесе храбрецом просто так не назовут. Но при этом, как бы странно это ни звучало, Скотт был весьма и весьма трусоват. Он отчаянно боялся темноты. Высоты. Воды. А пауки приводили его в ужас. И еще Скотт боялся за свою жизнь. Казалось бы – нормально, учитывая профессию, однако Гарри боялся панически, превращаясь в настоящего параноика. Целый комплекс фобий, которые, по всей видимости, компенсировали его смелость в делах. Скотт выбросил на психологов несколько сотен тысяч долларов, тайно лечился у лучших в мире специалистов, обращался к шаманам, колдунам, экстрасенсам, гипнотизерам – ничего не помогало. В конце концов Гарри решил, что навсегда останется трусом, что жизнь его, до самой смерти, будет иметь две стороны: яркую лицевую и постыдную тайную, но встреча с Пандорой все изменила. У Скотта появилась возможность избавиться от фобий, и он с радостью ухватился за предложение таинственной женщины.

Пандора продолжала молчать, но за те несколько дней, что они провели вместе, Гарри сумел немного изучить женщину и понял, что она ждет извинений. Или хотя бы нечто, их напоминающее.

— Мне показалось, что парень не тянет на супермена, — выдавил из себя Скотт. — И то, что мы о нем уже знаем, подтверждает мои сомнения. Он хорек. — Гарри презрительно кивнул на монитор, по которому бегал пленник. — Маленький человечек.

— Далеко не каждому удается развить свои способности, стать тем, кем должно. Найти свое настояще место в мире. — Пандора протянула руку и пальцем коснулась фигуры пленника на экране. — В каждом из нас заложено очень много, но люди — рабы обстоятельств, воспитания, принципов. Рабы своего страха и чужого мнения. Жертвы нерешительности. А некоторые боятся даже того стержня, что есть у них внутри. Им кажется, он мешает жить. Требует быть смелым, требует добиваться своего, а ведь это так некомфортно. — По губам Пандоры скользнула усмешка. Не презрительная, скорее грустная. — Наш донор, этот маленький человек, хорек, как ты его назвал, мог бы стать настоящим героем. У него были все задатки. Но он поплыл по течению, пошел туда, где проще, где не нужно рисковать, где можно просто жить. Он растворил свой стержень в кружке пива на ночь и футбольных матчах по телевизору... — Она вновь посмотрела на Скотта: — Ты его презираешь.

— Да, — жестко ответил Гарри.

— Правильно. Лучше презрение, чем жалость.

* * *

Заключительное интервью, конечно, если эти разговоры можно было назвать «интервью», Юля взяла у доктора Халидова, того самого, который оперировал последнего «воскресшего» больного. Высокого импозантного брюнета Юля поймала, когда он шел к своему «Мерседесу» — помимо работы в больнице, которую хирург не желал оставлять, Халидов практиковал в крупном частном центре, а потому, мягко говоря, не бедствовал. Выслушав предложение дать интервью, доктор немного поразмыслил, посмотрел на часы — Юля уже поняла, что в Михайловской больнице бездельников не привечают — и согласился «уделить прессе» четверть часа. Впрочем, как и во всех предыдущих случаях, ничем интересным диалог не закончился.

— Возвращения, конечно, редкость, однако для человека с медицинским образованием в них нет ничего загадочного. Организмы у нас, как ни крути, довольно мощные, приспособленные, и за жизнь они цепляются до последней возможности.

Ничего такого, чего бы не сказал Митин.

— То есть, если человек не пьет, не курит, занимается спортом...

— То он умрет с той же вероятностью, что и все остальные, — улыбнулся Халидов. — И не обязательно проживет дольше.

— Понимаю, — вздохнула девушка. — Кирпич на голову, Аннушка разлила масло...

— Не только, — покачал головой врач. — Не часто, заметьте — не часто, это уточнение очень важно, бывает так, что организм способен компенсировать и курение, и пьянство, и прочие излишества, позволяя человеку прожить очень долго. Как говорится, каждому хватает здоровья до конца жизни. Мы слишком разные, чтобы стричь всех под одну гребенку, но, по статистике, лучше все-таки воздержаться от вредных привычек.

— Получается, к вам в больницу часто привозят сильных людей?

— Получается, так.

— А вот Иван Алексеевич уверен, что причина многочисленных возвращений в профессионализме и опыте врачей.

– Команда у нас хорошая, и глупо отрицать, что этот факт влияет на интересующие вас события. – Корректный, спокойный ответ. Халидов, как и любой умный человек, умел быть неплохим дипломатом. – Поймите, Юля, возвращения – слишком сложный вопрос, чтобы на него можно было дать однозначный ответ. Иван Алексеевич прав. Я прав. А истина, скорее всего, в сочетании этих факторов. И, возможно, кое-каких еще.

– Каких?

– Полагаю, они не входят в мою компетенцию.

Ну, прямо «истина где-то рядом».

Хирург улыбнулся, попрощался, поднялся со скамейки и направился к своей машине. А окончательно погрустневшая Юля тяжело вздохнула и принялась бездумно перебирать разложенные на скамье «орудия производства»: блокнот, авторучка, диктофон, фотоаппарат...

Теперь девушка совсем иначе вспоминала слова Олега – «ерунда все это».

Ведь действительно ерунда!

Ну, статистика, ну, интересная статистика, но что из этого? Где есть статистика, там есть аномальные всплески. Так было и так будет. И нечего искать мистические ответы на житейские вопросы.

А даже если и не ерунда! Даже если за аномально высоким количеством возвращений что-то есть, то как это выяснить в больнице? Неужели главврач признается: «Да, шустрая мамзель, я старый колдун, и врачи мои колдуны. Мы умеем воскрешать мертвых. А по воскресеньям делаем это дважды за те же деньги». Нет, полная ерунда. Обычное совпадение. Здесь на самом деле работают замечательные врачи, а привозят сюда крепких, жаждущих жить пациентов. Обычные люди, которые спасают других обычных людей. А тому, кто далек от медицины, кто не в состоянии отличить аппендиц от мозжечка, кажется, что он наблюдает за работой колдунов.

Юля рассеянно провела рукой по блокноту и вдруг услышала за спиной знакомые голоса. Или не знакомые? Она не знала этих людей, но явно слышала их сегодня. Слова обретали смысл, складывались в цепочку воспоминаний, и, поворачиваясь, девушка уже знала, кого увидит.

– Деньги принес?

– Сразу предупреждаем, что на расписку можешь не рассчитывать.

– Мы не бухгалтерия.

– А этот пень тебе штуку отдал или зажал?

– Мы предупреждали.

Санитар угрюмо оглядел Бизона и Бандеру – лохматые успели переодеться в серые спецовки кочегаров, – после чего вытащил из кармана две мятые пятисотрублевые купюры:

– Вот.

– Отлично! – осклабился Бизон, принимая деньги.

– Сразу видно честного человека.

– Другой бы ныть начал, мол, клиент откинулся, а я ничего не знаю, а этот деньги на бочку, как положено.

– Жаль, что с одноногого бабки снять не успели.

Санитар скривился:

– Откуда вы знали?

– Знали что?

– Откуда вы знали, что он умрет? У него ведь только нога была сломана.

– А мы и не знали, – сдал назад хитрый Бизон. – Мы над ним прикололись. А теперь смотрим: ты идешь с похоронной рожей.

– И сразу все поняли, – перебил приятеля Бандера. – А с мужиком-то что случилось? Бизон вопросительно поднял брови.

– У него, оказывается, от удара открылось внутреннее кровотечение, – неохотно ответил санитар. – На операцию повезли, да не довезли.

– Прикинь, как бывает: насморк подхватишь, а потом глядишь – коровье бешенство.

– Это у англичан коровье бешенство, а у остальных птичий грипп.

– Англичане умеют устроиться.

– И как же они устроились?

– Понятно, как. Все остальные кашляют, чихают, страдают, одним словом, перелетных птиц стреляют, курей топчут почем зря, а эти мозги себе разжижили и живут припеваючи. Мол, у нас бешенство, а потому взятки гладки.

– Ты идиот, брат Бандера.

– Я знаю, брат Бизон.

Санитар, слушавший диалог со все возрастающей злостью, не выдержал:

– Откуда вы знали, что мужик умрет?!

– Мы не знали!

– Мы просто в морге служим, брат санитар. Нам положено.

– Профильный случай.

И заулыбались.

– Вы там, на «Малой Земле», все с ума посходили.

– Давно уже.

– На том стоим!

Санитар направился к центральному корпусу, лохматые лоботрясы, оживленно переговариваясь на ходу, – к небольшому зданию, которое Ольга называла «Малой Землей». Прорвав их взглядом и проследив, как «братья» вошли в дверь, Юля взяла в руки диктофон.

«Это „Малая Земля“, – зазвучал голос Ольги. – Старый корпус, сейчас почти не используется. Там котельная резервная, морг, склад вроде какой-то...»

И еще люди, способные предсказать внезапную смерть пациента.

В больнице, лидирующей по числу возвращений.

Мысли еще не оформились в какое-то конкретное подозрение или версию. Юля действовала скорее инстинктивно, нежели по здравому размышлению. Просто все события сегодняшнего дня: разговоры с врачами, с Ольгой и подслушанный спор, – неожиданно сошлись для девушки в небольшом строении, спрятавшемся в глубине больничного парка.

Юля выключила диктофон, еще раз, очень внимательно, посмотрела на «Малую Землю». Старинный дом. Маленький, но очень аккуратный. Хоть и потрепанный. У подъезда стоит белый автомобиль, который девушка сначала приняла за медицинский. Теперь же, приглядевшись, Юля разобрала, что это белая «Победа». Стальная машина – не под стать дому, конечно, но тоже далеко не современная, – выглядела блестяще во всех смыслах. Ухоженный вид, тонированные стекла, кажется – только сейчас из тюнинговой мастерской.

«Кто будет реставрировать древнюю тачку?»

Странно. Все это очень странно.

Тем временем дверь открылась, и на крыльце вышел высокий темноволосый мужчина в костюме и галстуке. Юля прищурилась и потянулась за фотоаппаратом.

* * *

Всего три дня на Земле, а Виктор уже так устал от Подстанции, что готов был бежать куда угодно, лишь бы не оставаться рядом с Ручным Приводом на очередную ночь.

Осточертело.

Коридоры, комнаты, стены, люди... все осточертело. Впереди сто лет комендантской экспедиции, сто лет службы в этих коридорах, комнатах, с этими людьми, а значит, нужно отдохнуть от них. Не позволять им давить на себя.

Первая ночь прошла интересно: возвращение на Землю, новое окружение, легендарная Подстанция, сотрудниками, с которыми предстоит работать... Ясень жадно впитывал впечатления, допоздна засиделся за накрытым по случаю его появления столом и послушно отправился спать в указанную комнату.

На следующий день начались проблемы. Виктор узнал, что приобретением для него квартиры никто не занимался, и это несмотря на клятвенные уверения инструкторов, что апартаменты готовы и ждут его возвращения на Землю. Карбид отнесся к вопросам о недвижимости как к недоразумению и отправил Ясения к Черепанычу. Механик долго чесал в затылке, после чего припомнил, что, кажется, давал задание Бизону с Бандерой. А может, и не давал. Бравые санитары-кочегары в свою очередь заявили, что конечно же не давал, но «ежели господину старшему помощнику угодно», они мигом организуют встречу с «надежным маклером, весьма положительно рекомендованным определенными кругами».

Пришлось, помимо путешествия по магазинам, посетить агентство недвижимости, в котором, получив солидный аванс, пообещали решить квартирный вопрос в кратчайшие сроки. В итоге вторую ночь Виктор также провел практически на рабочем месте. В компании с Карбидом, потому что все остальные законопослушно сваливали с Подстанции ровно в шесть вечера – если не было срочных дел, конечно.

Приобрести квартиру на следующий день тоже не удалось, и вечером Ясень отправился в клуб. Получилось гораздо веселее, а потому сегодня Виктор решил продолжить практическое изучениеочной московской жизни. Ровно в шесть он сообщил Герману, что «отправляется по личным делам», после чего вышел из здания и...

– Какая прикольная тачка!

Еще бы не прикольная!

Будучи в автосалоне и уже почти приобретя «Ауди Q7», Ясень неожиданно увидел белую, как отшлифованный айсберг, «Победу» и... влюбился. Клерки объяснили, что машину всего два дня назад пригнали из Германии, где ей перетянули сиденья, отделали дорогостоящим деревом салон, добавили современные устройства, самым простым из которых был медиакомплект с телевизором, сменили хромированные детали на позолоченные, поставили новый двигатель и заменили большую часть других систем. Фактически создали спортивный автомобиль в старом корпусе.

Машину, как выяснилось, делали по специальному заказу одного весьма не бедного мужчины. Процесс занял всего лишь год, но инженеры все равно не успели: за неделю до возвращения «Победы» домой заказчик скончался от сердечного приступа. Наследники папашиной любви к старым авто не разделяли и выставили дорогую игрушку на продажу.

Ясень заплатил, не торгуясь.

– Это «Победа», да?

– Меня зовут Виктор, – немедленно среагировал Ясень. – Что означает – Победитель. И поэтому моя машина тоже называется «Победа».

– А я – Зина. – Девушка протянула тонкую руку. – Будем знакомы.

– С удовольствием.

Виктор улыбнулся и откровенным взглядом ощупал девчонку. Чуть вздернутый носик, серые глаза, пухлые щечки. Кудрявые светлые волосы, кажется, не крашенные, взбиты в замысловатую прическу. Фигура неплохая, не спортивная, но подтянутая. Длинная шея, узкие плечи, небольшая грудь...

«Кажется, я тебя уже видел...»

– Вы оформлялись у нас в секретариате.

«Точно!»

– Точно, милая Зина, вчера я у вас оформлялся... а сегодня собираюсь как следует изучить Москву.

– Музеи по вечерам закрыты, – заметила девушка.

– Музеи – последнее, что меня интересует.

– К тому же Москва большой город, в котором нелегко найти то, чего хочешь.

– Намекаете, что мне нужен проводник?

Девушка подняла брови, приглашая правильно продолжить фразу. Или не продолжить.

«Секретариат? Почему нет? Нужно заводить связи в больнице...»

Ясень обаятельно улыбнулся:

– Мне нужен проводник. Но у нее должна быть квартира, где мы сможем отдохнуть после путешествия.

Фраза прозвучала с элегантной наглостью.

Зина прищурилась:

– Не любите терять время?

– В настоящее время я бездомный, – признался Виктор. – И не могу себе позволить романтические встречи. У меня всего два варианта. Спать здесь. – Он кивнул на «Малую Землю». – Или...

– А гостиница?

– Я не люблю гостиницы.

Колебалась девушка недолго.

– Мне кажется, у вас только что появился отличный проводник.

– В таком случае, прошу. – Ясень галантно распахнул перед Зиной дверцу «Победы».

Глава 2

Прогулка на необычном автомобиле, ужин в одном из лучших московских клубов, танцы, звездопад эмоций... даже не пообещай Зина свою благосклонность, она вряд ли бы устояла.

Да и зачем?

Красивый вечер должен красиво заканчиваться, и Виктор постарался от души. В постели он не только оправдал самые смелые ожидания девушки, но и превзошел их. Он был не груб, но напорист, нежен, но по-мужски тверд, а еще – неутомим. Они приехали в квартиру Зины в два, и до пяти из спальни доносились лишь стоны, возгласы да скрип кровати. Четыре раза они вместе достигали вершины блаженства, и только после этого удовлетворенный, но отнюдь не вымотанный Ясень решил, что следует немного поспать.

Однако вернувшейся из душа Зине, наоборот, не спалось. Она устроилась рядом, положив голову на грудь Виктора, и, ласково поглаживая его кожу, негромко спросила:

– Поговорим?

Как и многим другим женщинам, ей казалось, что самый короткий путь к сердцу мужчины ведет через язык.

«Поговорить? Интересно, о чем?»

Однако окутавшая тело расслабленность сделала свое дело: Ясень вяло согласился поболтать с девчонкой.

– Полагаю, ты сгораешь от любопытства?

– Вся больница сгорает, – не стала скрывать Зина.

– Неужели?

– А ты как думал? – Девушка улыбнулась. – Всех интересует, почему такой красивый и богатый мужчина устроился работать в больничный морг?

«Имел смысл купить машину попроще...»

Карбид оказался прав, и это раздражало больше всего.

Виктор заложил свободную руку за голову – второй он обнимал Зину – и спокойно ответил:

– Я работаю по специальности. Я врач, и мне моя профессия нравится.

– Шутишь?

– Нисколько.

– Тебе нравится вскрывать трупы?

«Черт!» Ясень совсем забыл, что числится патологоанатомом резервного морга Михайловской больницы.

«М-да... объяснение вышло так себе».

– Ты не шутишь, – поняла девушка. – Ты мне врешь.

– Тебя это беспокоит?

– Меня – нет. Но приготовься к тому, что о тебе будут ходить самые невероятные слухи.

«Два раза черт!» Девчонка указала на проблему, о которой Ясень даже не задумывался. Как он выглядит со стороны? Кем его считают? Что о нем говорят? Карбид и остальные сотрудники Подстанции сидят в Михайловской уже давно, вжились в коллектив, примелькались, и их некоторая отстраненность воспринимается естественно. К тому же никто из сотрудников не выделяется из толпы: в больницу приезжают на метро, одеваются в дешевых магазинах или на вещевых рынках, изредка одолживают у коллег мелкие суммы «до получки». Виктор уже знал, что личная жизнь Бизона и Бандеры не столь примитивна, в свободное время парни отрывались от души – одна только афера со строительством моста

через Боденское озеро чего стоит! – но – втихаря. На виду лохматые приятели выглядели рядовыми неудачниками.

«А я повел себя, как идиот!»

В действительности же, Ясень поступил нормально. Ему нравилась красивая жизнь, у него была возможность ее вести, и Виктор не собирался ни от чего отказываться. В конце концов, Победитель он или кто?

– Понимаешь, Зина, у меня сейчас непростое время, – искренне произнес Ясень. – Я долго вел себя неправильно и теперь должен отдать кое-какие долги. Морального плана. У меня был сложный разговор...

– С кем?

– С отцом, – уточнил Виктор, припомнив подробности легенды. – И в результате этого разговора мне пришлось вернуться к моей... гм... профессии.

– Надолго?

– Сроки мы не уточняли.

Ясень не сомневался, что завтра его откровения будет обсуждать вся больница, и решил, что бросил сплетникам подходящую кость.

– Как говорится, если хочешь высоко прыгнуть, сначала нужно низко присесть.

– А ты собираешься высоко прыгать?

– Очень высоко, – задумчиво ответил Виктор.

«Правда, к вашим земным делам мой прыжок не имеет никакого отношения. А вот в Царстве...»

В Царстве послужной список, украшенный отметкой о превосходном исполнении комендантской экспедиции на Ручной Привод, откроет перед ним новые перспективы. Так говорили все важные шишки, с которыми Ясеню довелось общаться.

– И как тебе у нас? Наверное, тяжело работать обычным врачом?

– Я не обычный, – поправил девушку Виктор. – Я заведую моргом, и у меня в подчинении два санитара. Которых я завтра буду учить уму-разуму...

И улыбнулся:

«Действительно, пора строить сотрудников!»

* * *

Что есть ты?

Твоя «искра».

Что есть твоя «искра»?

Ты.

Твоя память и твоё будущее. Твоя радость и твоя боль. Твоя сила и... и твоя сила.

Ты силен, когда приходишь в мир. Силен настолько, что понимание собственной мощи ускользает, оставляя лишь отголосок и желания. Ты способен почти на все, но не всегда поднимаешься, ибо сила – это не только готовность к свершениям, но и превосходство над слабостью.

«Искра» сильна, но на Земле она лишь звезда, что сияет в тебе, огонь в глазах и твердый голос. И от тебя, только от тебя, зависит, какой станет твоя «искра», куда она тебя приведет.

Каждый из нас уникален, каждый проходит свой путь, принимает свое решение на своих перекрестках. Каждый из нас создает свою «искру». Лепит Галатею из глины, данной ему при рождении, отсекает лишнее от куска мрамора. Твоя «искра» – твоя глина, а потом – твоя Галатея. Она есть ты, ты есть она.

Но так же, как можно отрезать голову мраморной статуе, так же некоторые люди обладают редчайшим даром менять «искры», вынимать из твоего произведения куски глины и

передавать их другим людям, вставлять в чужие скульптуры. Необыкновенно красивый дар, похожий на талант великого художника, – создание новой картины. Страшный дар, ибо иско-верканная «искра» донора погибает безвозвратно.

Таких умельцев во Вселенной называют «резчиками».

– Крови не будет?

Скотт задал вопрос в четвертый раз. И в третий – за последние пятнадцать минут.

Нервничает. Нервничает и не стесняется этого показывать, потому что нет рядом подчиненных, а есть только Пандора, которая видит его насквозь. При ней можно не играть в бесстрашного ковбоя, не тратить силы на подавление рвущихся изнутри фобий, а быть самим собой, быть таким, каков есть. Быть трусом.

Пока – трусом.

– Ты уже спрашивал о крови, – ровно отозвалась женщина.

– Мне не трудно задать вопрос еще раз.

Не трудно, потому что не хочется молчать. Потому что тишина, в которой Пандора без суеты, но быстро готовилась к ритуалу, давила сильнее, чем раскаты тропического грома.

И опять чертово противоречие: Скотт не боялся крови, он боялся ее вида.

– Ответишь?

Ему нужно было услышать ее голос.

– Крови не будет, – негромко пообещала Пандора.

– Это хорошо.

Они находились в том самом подвале, по которому метался пленник, однако теперь донор потерял последние остатки свободы: незадолго до появления Скотта и Пандоры двое громил заткнули ему рот и крепко привязали к стулу, ножки которого привернули к полу в центре комнаты. Затем женщина расставила в углах четыре маленькие жаровни – в них курилась травка, наполняя помещение сладковатым ароматом, после чего аккуратно нарисовала вокруг стула пентаграмму. Скотт занял позицию неподалеку от двери, стоял, прислонившись плечом к стене, и пристально наблюдал за Пандорой, продолжающей наносить на пол и стены подвала магические символы. Некоторые из них Гарри доводилось видеть в голливудских фильмах. И, наверное, он сильно удивился бы, узнав, что никакой необходимости в подобного рода подготовке не было. Ни пентаграмма, ни знаки, ни тем более благовонная травка – ни один из этих ингредиентов не оказывал никакого влияния на задуманную Пандорой операцию. В них не было силы. Ни в надписях, ни в траве. Никакой силы. Зато настроение они создавали самое что ни на есть подходящее: Скотт дергался, нервничал, его «искра» пребывала в беспокойстве, и ее естественная защита ослабевала.

– Тебе сюда. – Закончившая чертить Пандора выпрямилась и указала Гарри на стул, стоящий в шаге от пленника.

– Да, я знаю.

Скотт пытался справиться с последними сомнениями. Не с теми, которые: «А нужно ли тебе это?» Ответ на этот вопрос Гарри знал: «Нужно!» Другое дело: «Насколько ритуал опасен для меня?» Многочисленные фобии призывали Гарри бежать из опасного подвала и не поддаваться на уговоры. «Она врет! Она хочет твоей крови!» Единственная дверь – металлическая, укрепленная – заперта изнутри, а видеокамеры отключены. Пандора заранее предупредила Скотта, что главный ритуал увидят только они, никаких свидетелей не будет, но лишь теперь Гарри понял, что это означает: он наедине с ведьмой.

– Ты идешь?

Пандора улыбалась.

«Сука!»

Наибольшее унижение для мужчины – демонстрация слабости, страха женщине. Или при женщине. Это противно самой сути тех, кто с самого Начала рождается охотником и воином. В конце концов, это просто противно. Но что делать? Проклятые фобии не давали Скотту оттолкнуться от стены, не позволяли сделать шаг. Проклятые фобии заставляли Гарри по третьему и четвертому разу задавать дурацкие вопросы.

– Мне будет больно?

– Да. – Пандора не скрывала от Скотта деталей.

«Мне будет больно! Меня будет рвать на куски! Я умру!»

На лбу выступила испарина. Дым благовоний бил в нос, магические символы расплывались, превращались в один огромный знак беды. Ведьма казалась монстром, ведущим его на жертвенный алтарь. Давил потолок, стискивая холод внутри тела. И посреди этого ужаса, в самом его центре – она. Спокойная, уверенная, опасная.

– Мне будет очень больно?

– Нет, скорее неприятно.

Скотт закусил губу.

– Но не так неприятно, как тебе сейчас.

Пандора знала, что Гарри стыдно, прекрасно понимала, что творится на душе у сильного, и в то же время – слабого, мужчины. Но что ему толку от ее знания? Скотт получил толчок, еще больше разозлился на себя, но...

Но он еще не изменился.

– Расскажи, как это будет.

«Опять».

Пандора знала, что Гарри на грани, что он способен убежать из подвала, отменить все и в этом случае его невозможно будет вновь уговорить на ритуал, а потому начала свою речь предельно мягко:

– Будет казаться, что тебя распирает изнутри и, одновременно, что сдавливает огромными тисками. Тебе покажется, что ты уменьшаешься и, одновременно, что ты взорвался и разлетелся в стороны. Эти ощущения будут длиться меньше десяти секунд – именно столько времени потребуется на главную часть ритуала, но тебе покажется, что прошла вечность.

– Ты меня пугаешь?

– Нет. Я честна с тобой.

– А моя жизнь?

– Ей ничего не угрожает.

Он верил каждому слову женщины, но никак не мог решиться. Ведь это так сложно – глубоко вздохнуть и сказать:

– Я готов.

Как в омут.

Скотт оттолкнулся от стены и быстро, пока предательски дрожащие ноги не понесли его к двери, добрался до стула.

– Скорее!

Пандора схватила скотч и торопливо примотала Гарри к стулу. Затем спокойно и аккуратно завершила укрепление пут, затратив весь рулон липкой ленты, встала между мужчинами, положив ладони на их лбы, и закрыла глаза.

– Пандора, – прошептал Скотт.

– Что?

– Я боюсь.

– Запомни это чувство, – тихо сказала женщина. – Больше оно к тебе не вернется.

Гарри вновь вздохнул и закрыл глаза. Пленник замычал. Но что толку в мычании?

– Именем Неназываемого! – громко произнесла Пандора. – Именем великого правителя Вечности! Именем темной Бездны!

Придуманное ею заклинание не относилось к какой-либо конкретной мистической школе, зато звучало красиво и внушительно. Заученные слова, вылетающие с заученной интонацией, накрывали помещение бессмысленной в своей эклектике вязью звуков, и эта механическая работа не отвлекала Пандору от основного ее занятия, от работы над «искрами» сидящих в подвале мужчин.

От раскаленных звездочек, сияющих внутри каждого. От чуда, которое с нами всю жизнь. От чуда, которое можно изменить.

И от охватившего ее наслаждения. От чувственного, почти физического удовольствия погружения в чужие «искры». В чужое «Я». Талант «резчика» позволял вскрывать самые таинственные, самые загадочные во всей Вселенной субстанции. Почти бессмертные. Почти всемогущие. И мало какой «резчик» не ощущал себя богом. По крайней мере, во время работы. Никто из них не мог сдержать возбуждения, и Пандора не была исключением. Руки ее, окутанные светом, дрожали, губы подрагивали, на верхней выступили капельки пота, а по всему телу растекалось тепло.

И фоном для работы была дерзкая, но от того еще более восхитительная мысль:
«Я равна Ему!»

* * *

- Осваивайтесь, господин старший помощник.
- У нас от начальства секретов нет, правда, брат Бизон?
- Правда, брат Бандера: все покажем, все расскажем. И абсолютно бесплатно.
- То есть – не за деньги.
- А ежели что непонятно будет или незнакомо, допустим, – вы спрашивайте, не стесняйтесь, мы любую загогулину объяснить можем.
- Не зря ведь семьдесят три года здесь мотаем.
- Семь месяцев и восемь дней.
- Не восемь, а девять, – поправил приятеля Бизон.
- Восемь. Я в календарике дырочки прокалываю.
- Дырочку проколоть и дурак может, брат Бандера. А вот арифметика не всякому дается.
- Ты на что намекаешь, брат Бизон? – ощетинился белобрысый.
- Хватит пререкаться! – Прикрикнул Ясеня, которого начала утомлять болтовня кочегаров. Или санитаров? Или кем они были на самом деле? Бизон и Бандера выполняли на Подстанции черную работу, по мелочам помогали всем сотрудникам, а заодно вносили в жизнь сотрудников приятное разнообразие в виде визитов представителей власти, взволнованных мужей и беременных девиц. Для чего раздолбаев прислали на Землю, Виктор не понимал, по всему выходило: только ради того, чтобы заполнить положенные по штатному расписанию единицы.
- Есть, господин старший помощник! – молодцевато выдал Бизон.
- Будет исполнено, господин старший помощник! – поддержал приятеля Бандера.
- Но сначала позвольте подарочек вам преподнести. – Бизон извлек из объемистого кармана спецовки аккуратно запечатанный сверток, перевязанный игривым розовым бантиком. – С почином, так сказать.
- Подарок? – Ясеня разорвал обертку и недоуменно уставился на кожаную записную книжку.
- Очень удобно коллекционировать телефоны, – оскалбился Бандера.

«Они видели меня с Зиной, – понял Виктор. – Издеваются? Вряд ли. Просто шутят». – Спасибо, ребята, но я предпочитаю коммуникатор.

– Как прикажете, господин старший помощник! – хором гаркнули приятели.

Ясень поморщился.

Перед лицом начальства, то есть перед его, Ясеневой, физиономией, лохматые держались почтительно, если не сказать угодливо, однако Виктора не покидало ощущение, что с ним играют. Подчеркнутое раболепие и чрезмерная услужливость приятелей казались деланными. Ясень провел в кочегарке меньше пяти минут, а уже успел устать от лохматых так, будто они надоедали ему полдня.

«Ребята хотят, чтобы я ушел. Интересно, им Карбид приказал меня достать или по собственной инициативе?»

Виктор раскрыл папку:

– Значит, вы...

– Наше дело, как вы, наверное, знаете, господин старший помощник, маленькое, – мягко перебил начальство Бизон.

– Мы на Подстанцию тепло качаем, – вставил Бандера.

– Ну и людышек жжем, – белозубо улыбнулся Бизон. – Не без этого.

Его ясные, синие и беспробудно наглые глаза вызывали у Виктора тихое раздражение.

– Не часто, конечно, жжем, потому что в больнице новый крематорий открыли, но случается.

– Когда у них профилактика, к примеру, или клиентов много.

– Трудиться мы не любим, чего греха таить, но без работы, опять же, скучно. У нас как раз клиент на подходе греется, желаете посмотреть на процедуру?

– Желаю, – пробурчал Ясень, желая в первую очередь остановить слаженное словоблудие приятелей.

– Так и знал, что заинтересуетесь, господин старший помощник.

– И давайте без чинов, – приказал Виктор. – Нам с вами еще работать и работать, а это «господин старший помощник» меня уже задолбало.

Ясень умел интуитивно выбирать правильную линию поведения, зачастую – вопреки очевидным фактам, и крайне редко ошибался. Если уж вылетело «без чинов», значит, так надо.

– Как скажете, госпо... Извините.

Бизон отвесил напарнику подзатыльник и заржал:

– Договорились, господин старший помощник. Желаете без чинов – будет без чинов.

Мы, господин старший помощник, с пониманием.

Похоже, лохматые не оценили жест доброй воли.

– Хватит придуриваться.

– Мы, господин старший помощник, робеем в присутствии. Привыкнуть надобно.

– Но ежели прикажете, станем вести себя умно.

– А получится? – недоверчиво осведомился Виктор.

– Мы постараемся.

– В таком случае, приказываю постараться.

– Есть!

– Будем стараться!

Ясень с трудом не дал вырваться изнутри грубому ругательству.

Его предупреждали, что сотрудники Подстанции – ребята со странностями, но Виктор не предполагал, что все окажется настолько плохо. Дисциплиной, судя по всему, на Подстанции и не пахло. Всем придуманным человечеством формам власти Карбид предпочитал

изредка управляемую анархию, что вполне устраивало остальных. Народ явно разболтался, оборзел, и справиться с ним будет крайне сложно.

Не таким, ох, не таким, представлял Ясень место новой работы. С другой стороны, тем интереснее будет привести Подстанцию и ее обитателей в соответствие своим требованиям.

– Так что у вас?

– Клиент греется.

– Показывайте.

Кочегарка представляла собой совмещенную с крематорием котельную. Находилась она на цокольном этаже Подстанции и выглядела как обычная котельная, совмещенная с крематорием. Огромная печь – главное украшение кочегарки – могла похвастаться двумя топками. Напротив первой из них, той, что попроще, лежала внушительных размеров куча угля. Две брошенные лопаты ясно показывали, что именно здесь находится рабочее место лоботрясов. Точнее, одно из рабочих мест.

Бизон перехватил взгляд, брошенный Ясенем на шанцевый инструмент, правильно его истолковал и пояснил:

– Никакого прогресса, господин старший помощник, лопатами кидаем, как древние шумеры, прости, господи.

– Надрываемся, – поддакнул Бандера. И покашлял в кулак, продемонстрировав степень надорванности. – Одно слово – рудники.

Особенной жалости к приятелям Виктор не испытывал, однако примитивная технология вызвала у него законное недоумение.

– Почему на устаревшем оборудовании работаете?

И брезгливо дотронулся носком ботинка до ближайшей лопаты.

– Потому, господин старший помощник, что нас сюда и послали уголек кидать, – объяснил Бизон. – Иначе что бы мы делали сотню лет?

Бандера состроил унылую рожу, что резко контрастировало с веселым выражением глаз. Похоже, приятели ждали, что новый начальник задаст идиотский вопрос, и теперь широко улыбались. Где-то в глубине «искры».

– Кстати, об амнистии ничего не слышно?

– Или условно-досрочном?

– Может, походитействуете?

– А мы отблагодарим чем-нибудь, как-нибудь, когда-нибудь.

– Брат Бандера благодарить умеет, потому мы здесь и оказались.

– Это старая история, брат Бизон, господину старшему помощнику неинтересно.

– Называй без чинов.

– Опять забылся, брат Бандера. Спасибо тебе.

– Пожалуйста, брат Бизон. Обращайся, если что.

Балаган начал раздражать.

– Будете и дальше дурака валять, на УДО не рассчитывайте, – с чувством произнес Ясень.

– Намек поняли!

– Никаких дураков!

Но глаза приятелей противоречили послушному тону. И Бизон, и более простой Бандера смотрели на Виктора так, словно знали нечто ему пока недоступное, и это знание превращало его приказы и обещания в пустой звук.

«Надавить?»

Но внутренний голос, ответственный за общение с народом, помалкивал. Получается – не время.

Вторая топка печи закрывалась блестящей металлической шторкой, над которой белой краской было выведено: «Вы умираете, мы делаем все осталльное!» К шторке подходил ленточный транспортер, в начале которого стоял шикарный, красного дерева гроб с бронзовыми ручками. Наверху поговаривали, что за дополнительную плату умельцы вырезали на крышке и стенках сценки из жизни усопшего. Ясень обошел похоронный ящик, барельефов не обнаружил – видимо, покойник при жизни был прижимист, – после чего покосился на приятелей:

– Показывайте!

Бизон обернулся к напарнику:

– Приборы!

Второй кочегар бросился к манометру.

– Давление в порядке!

– Дубина! Температура!

– Подходящая!

– Тогда вперед.

Бизон подошел к началу транспортера, подождал возвращения напарника, после чего кочегары стянули бейсболки, Бизон вытащил из кармана бумагу, сильно похожую на счетфактуру, и плаксивым голосом зачитал:

– Сегодня мы провожаем в последний путь Валентина Васильевича Никифорова. Мужчину, прожившего долгую и честную жизнь...

«Опять цирк!»

– Его «искра» уже наверху, – буркнул Ясень. – Для чего балаган?

– Проявляем уважение, – объяснил Бандера. – Но если вы приказываете ускорить процедуру – пожалуйста.

И почему-то икнул.

Бизон положил бумажку на крышку и надавил на красную кнопку. Кочегарка наполнилась траурной музыкой, транспортер загудел, гроб двинулся к печи. Бизон и Бандера махали вслед платочками.

– Это и есть уважение?

– Прощаемся, господин старший помощник. Так принято.

Шторка поднялась, открыв замечательный вид на бушующее внутри крематория пламя.

– Теперь Валентин Васильевич Никифоров видит свет в конце тоннеля.

– Хватит паясничать.

– Как прикажете.

Платочки исчезли.

Виктор проследил, как гроб въехал в печь, а когда топка закрылась, повернулся к раздолбаям подчиненным.

– Что будет с прахом?

– Соберем и отдадим.

– Безутешным родственникам?

Приятели в унисон затрясли головами:

– Кто же нас родственникам покажет, господин старший помощник? В здравом-то уме?

Прах мы администрации отдаем под роспись.

Опять прокол. И опять небрежно скрытое веселье в глазах приятелей.

«Спокойно! Ты новичок, они присматриваются. Никто не говорил, что будет легко!»

Виктор кивнул:

– Ясно, показывать вас приличным людям не следует.

– Да где их взять, приличных-то? Такая шантрапа кругом, даже страшно делается. Вот на прошлой неделе одного жгли...

«Пора брать ситуацию в свои руки!»

– Моральный облик туземцев обсудим позже. – Ясень уверенно прошел к стоящему в углу грубому деревянному столу и уселся на стоящую рядом с ним лавку. – Присаживайтесь.

– Благодарствуем.

Два металлических шкафчика – видимо, с одеждой. Постеры с обнаженными красотками на стене. Нижние края плакатов усеивали номера телефонов и короткие пометки: «Ленка», «Маринка», «медсестра из травмы»… Приятели определенно пользовались успехом у женской половины персонала. Еще одна надпись: «Зинка». Телефон правильный. Виктор сумел удержаться, ничем не выдал, что обратил внимание на запись, и перевел взгляд на пожелтевшую афишу, с которой на посетителей таращились наряженные в облегающие белые комбинезоны лохматые.

«Братья Хаджи-Мурат! Воздушная эквилибристика и уникальные мотоциклетные трюки!»

– Это нас Черепаныч в Воронежский цирк пристроил по старой памяти, – объяснил Бизон. – Когда надо было из Михайловской лет на десять убраться.

– А то примелькались.

– Хорошее было время. Гвоздями программы работали. В Липецке гастролировали, в Хабаровске… Нас хотели в Монте-Карло взять, но не сложилось.

– Побоялись, что мы за рубежом останемся.

– Еще в советское время было.

– Не будешь же объяснять, что мы тогда по Монте-Карло каждую ночь шарились.

– Оставь, брат Бандера, господину старшему помощнику неинтересно.

Приятели расположились на лавке, выставили на стол локти, подперли кулаками подбородки и верноподданно уставились на Виктора, всем своим видом показывая, что готовы внимать. На предплечье Бизона всеми оттенками синюшного сверкала вытатуированная фраза: «Коронован в полночь». Толстенное предплечье Бандеры украшалось зеленым драконом, прихлебывающим из пивной кружки.

Ясень медленно открыл папку, пробежал взглядом по короткому списку и поинтересовался:

– Судя по описи, где-то здесь должен стоять резервный бак. «Емкость охладительная, штатная, двойного сечения, номер шестнадцать дробь полста один».

– Забрал свой металлолом Черепаныч.

– Давно уже.

– Нам железяки ни к чему. От них уголь портится.

– Тем более двойного сечения. Она же неподъемная небось!

Слаженный хор показал, что к судьбе «емкости охладительной» приятели имеют самое непосредственное отношение.

– Резали бак здесь?

– Чем резали?

– Автогеном небось.

– А кому он резаный нужен? Так его можно в отопительную систему вклейть, благо, тепло он хорошо держит, двойное сечение все-таки…

– Дубина ты, брат Бандера, – вздохнул Бизон.

Белобрысый понял, что проболтался, и опустил голову. Виктор сдержанно улыбнулся.

– Черепаныч сказал, что бак должен быть здесь. Ему я верю. – Помолчал. – Продали? Приятели промолчали.

– Продали. А деньги пропили.

Тишина.

– Глаза поднять!

Парни неохотно подчинились. Ясень тяжело посмотрел на подчиненных, после чего, добавив в голос дружелюбного недоумения, поинтересовался:

– Вам что, деньги нужны? Для чего имущество разбазариваете?

– Если мне чего-то не хватает, значит, я существую, – философски объяснил Бизон.

Но наглые синие глаза не соответствовали унылому тону. Плевать тощий кочегар хотел на гнев нового начальства. Захотел продать – и продал.

– Извините, – пискнул Бандера.

– А еще об условно-досрочном мечтаете.

Приятели синхронно вздохнули.

Ясень выдержал паузу, а затем, еще больше прибавив дружелюбия, произнес:

– Ладно, мурлыжить особо не стану.

Бизон и Бандера переглянулись.

– А насчет бака, господин старший помощник?

– Ну, у вас тут производство вредное, – улыбнулся Виктор. – Напишу, что бак поврежден во время выгрузки угля и к дальнейшему использованию непригоден.

– А мы за это будем вести себя хорошо.

– Схватываете на лету.

– Вот это я понимаю – вошел в положение, – повеселел Бизон. – Таких старших помощников еще поискать!

– Спасибо, Ясень, – с чувством произнес Бандера.

– Меня зовут Виктор де ла Вега!

Прозвучало так резко и зло, что Бандера запнулся:

– Я помню.

На несколько секунд в кочегарке повисла напряженная тишина.

– У него случайно вырвалось, – вступил за напарника Бизон.

Виктор покрутил в руке карандаш. Он сам не ожидал, что его так сильно заденет это «Ясень». До самой «искры».

– Кто дал ему право придумывать клички?

Вопрос Виктор задал себе, но Бизон счел нужным ответить:

– Карбид всем придумывает, но разве ему скажешь? Вот какой я бизон, а? А он говорит

– Бизон. А этого балбеса? Почему Бандера? Кто такой этот Бандера?

– Тогда почему вы друг друга зовете его кличками?

Приятели вновь переглянулись, после чего Бизон неохотно протянул:

– Карбид не ошибается.

Прозвучало весомо. Ясень вздохнул.

– А кто его назвал Карбидом?

– Горелый.

– Вы как раз ему на смену прибыли.

– Я знаю, кто такой Горелый, – отрезал Виктор.

«Спокойнее! Возьми себя в руки!»

И гораздо мягче произнес:

– Расскажите мне о нем.

– О Горелом?

– О Карбиде, – машинально отозвался Виктор. – Что мне Горелый? Его уже нет.

– Да, его уже нет, – негромко подтвердил Бизон.

Бандера угрюмо кивнул.

Веселье испарилось из глаз приятелей. Ушло совсем, оставив после себя не длинные, но острые колючки.

Ясень понял, что допустил ошибку. Не следовало так легко отмахиваться от Горелого. Все-таки он долго работал на Подстанции, теперь пошел на второй круг. Вполне возможно, что Бизон и Бандера с ним дружили. Или уважали.

Виктор кашлянул.

– Тем не менее, что вы скажете о Карбиде?

– Скажем, что стукачами никогда не были, – отозвался Бизон.

– Тогда что вы вкладывали в понятие «вести себя хорошо»? – холодно осведомился Ясень.

Бандера хмыкнул:

– Уед.

Бизон вздохнул:

– О чем говорить?

– Подробный отчет не нужен. Хочу услышать ваши впечатления. Ощущения. Хочу понять, какой он?

Приятели опять, в какой уже раз, переглянулись.

– Говорить правду или как?

– Правду. И можно на «ты». Я понял, здесь так принято?

– В неофициальной обстановке, – подтвердил Бандера.

– А когда на Подстанции последний раз была официальная обстановка?

– Когда проверка.

– Ясно... – «Проклятое слово! Надо отвыкать!» – В таком случае, хочу услышать правду.

– А правда такая, – серьезно ответил Бизон. – Карбид тебя обломает, Ясень.

На этот раз Виктор не среагировал на противную кличку. Слишком уж неожиданно прозвучало заявление невысокого парня с наглыми синими глазами. Слишком уж прямой оказалась правда. И слишком уверенным показался Бизон.

– Что значит обломает?

– Заставит работать как положено.

– Не на себя, не на Царство, а как положено, – добавил Бандера.

Приятели внимательно смотрели на Виктора, терпеливо ожидая его реакции.

– Вы... – Ясень почувствовал, что не сумеет сдержать ярость. – Вы...

Однако излить гнев не успел. Помещение наполнилось воем сирены, а на стене замелькала оранжевым лампа. Кочегары вскочили на ноги и синхронно натянули на головы бейсболки.

– Что происходит?

– Бегите в дежурку, господин старший помощник. Тревога у нас!

* * *

Даже если бы он мог, даже если бы рот не был накрепко сдавлен скотчем, Скотт все равно ничего не сумел бы сказать. И промычать не сумел бы. И простонать.

Пандора не обманула: его сдавило тисками и разорвало на куски. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже вздохнуть, и его мutilo от непрерывного движения вверх-вниз. Он страдал не больше десяти секунд – целую вечность.

И еще он видел.

Скотт наблюдал, как тусклый, льющийся со всех сторон свет превращается в нестерпимую вспышку, перерождаясь во тьму. Скотт видел тьму, умирающую под тяжестью самой себя, дабы обратиться нестерпимо яркой, озаряющей всю Вселенную вспышкой света. Скотт

замерзал и плавился от зноя, горел и наслаждался жаром, впитывал чужой свет и отдавал свою тьму.

Но что слова? Они не способны передать то, что видел и чувствовал Скотт. Что испытывает мрамор, от которого отсекают лишнее и тут же добавляют новое? Холст, который распустили и сплетают заново? Какое слово способно передать ощущение чужого прикосновения к самому твоему «Я»? Скотт чувствовал себя обнаженным, униженным, изнасилованным и восставшим. Он потерял свет и тьму, превратился в Ничто, а потом обрел свет и тьму. В их бесконечной погоне друг за другом. Скотт прикоснулся к Вселенной, оставшись в запертом ящике. Он не переродился, но прошел все круги. Стал другим, оставшись собой.

Он познал, что значит «резчик».

А потом открыл глаза.

Несмотря на обещание Пандоры, совсем без крови не обошлось.

Оба: и Скотт, и донор, – без сил обмякли на стульях, и только липкие пуги не позволяли им сползти на пол. Гарри глухо стонал, красная струйка, вытекающая из прокущенной губы, пачкала дорогую сорочку. Волосы на висках стали совсем седыми, а вот морщины на лице – разгладились. Исчезли, словно именно в них отражалась внутренняя война, которую всю жизнь вел с самим собой Скотт. Словно именно в них таились его страхи.

– Омоложение прилагается, – криво усмехнулась Пандора, вытирая со лба пот.

Донор выглядел гораздо хуже Гарри. Впрочем, на то он и донор. Кровь текла из ушей, глаз и носа. Лицо оплыло, черты потеряли резкость, а с уголка рта выбегала слюна. Когда же донор открыл глаза, в них не появилось ничего. Отсутствующий взгляд? Пустой? Безжизненный? Все вместе. Взгляд был, но его не было. Открытые глаза, и все.

Без «искры».

Человека, что сидел напротив Скотта, больше нельзя было назвать человеком.

Пандора взяла в руки ножницы и подошла к Скотту.

– Гарри, ты меня слышишь?

Бессмыслица взгляда Скотта была иного, нежели у донора, рода. Гарри оглушен, подавлен, ошаращен, ему нужно прийти в себя.

И как можно быстрее.

– Гарри! – Пандора ударила мужчину по щеке. Потом еще раз. – Гарри!

Скотт медленно поднял голову. Сфокусировал мутный взгляд на женщине. Открыл рот, шевельнул нижней челюстью, пытаясь выдавить слово. Со второй попытки у него получилось.

– А?

– Слышишь меня?

– Плохо...

Значит, все в порядке: «плохо» было первым словом у всех клиентов Пандоры.

– Плохо слышишь или тебе плохо? – уточнила женщина.

– Мне плохо.

Да, все в порядке.

– Тошнит?

– Да.

– Болит?

– Да.

– Где?

– Везде.

– Очень хорошо.

Скотт судорожно вздохнул:

– Я умер?

– Почти.

– Ты не говорила, что я почти умру.

– Извини, Гарри, – пожала плечами женщина, – во время рекламной кампании о некоторых аспектах сделки упоминать не следует.

– Ты меня обманула.

– Ты жив.

Оспаривать это заявление Скотт не стал.

– Развяжи меня.

Пандора аккуратно разрезала ножницами скотч и помогла мужчине встать на ноги. Поддержала, когда он пошатнулся.

– Нормально?

– Думал, будет хуже. – Гарри постепенно приходил в себя. – Пить хочу.

– Выйдем – попьешь.

Пандора отпустила руку Скотта, подошла к небольшому кейсу, который принесла в подвал до начала ритуала, и присела перед ним на корточки.

– Бомба? – хладнокровно поинтересовался Гарри, разглядывая нутро распахнувшегося чемоданчика.

– Пластиковая взрывчатка.

Восемь аккуратно выложенных белых брусков, проводка, детонатор и таймер, который Пандора выставила на шестьдесят минут. Скотт перевел взгляд на донора, помолчал и произнес:

– Он выглядит как полный кретин.

– Овощ, – подтвердила женщина. – Его «искра» искалечена, процесс необратим и неизлечим. Он ничего не помнит, ничего не знает. У него нет имени и нет инстинктов. Даже инстинктов.

– Круто, – тихо произнес Гарри.

– Зато ты стал другим.

– Еще неизвестно.

– А мне кажется, ты уже все понял.

Страх ушел. Червяк, пожирающий душу с самого первого дня, умер. Растворился в безумии другого человека, захлебнулся в чужой храбости.

Скотт пронзительно посмотрел на донора. Пандора улыбнулась.

– У тебя получилось. – Он не спрашивал.

– Я обещала. – Она не отвечала.

Гарри поправил рубашку, прошелся по комнате и уже другим, деловым, тоном спросил:

– Зачем ты хочешь его взорвать? Насколько я понимаю, наш друг никогда никому ничего не расскажет.

– Его обнаружение вызовет ненужные вопросы, – объяснила Пандора. – Как получилось, что сравнительно молодой, полный сил мужчина неожиданно исчезает, а затем обнаруживается в заброшенном доме в состоянии овоща? Люди падки на нездоровые сенсации. Полиция начнет копать.

– Но вряд ли до чего докопается.

– Тем не менее это риск. И риск, в первую очередь, для тебя, Гарри. Если же от тела останутся одни фрагменты, то никому не придет в голову связать обнаруженные останки с исчезновением маленького человечка. Скорее полиция подумает, что здесь устроили разборку твои коллеги.

– Пожалуй, – усмехнулся Скотт.

– Спасибо. – Пандора надавила на кнопку, и таймер начал обратный отсчет. – Открывай дверь, Гарри, за нею тебя ожидает новая жизнь.

* * *

Пожар, к счастью, не начался. Гореть в подвале было нечему, а деревянные перекрытия схватиться не успели, повезло то есть. Но разворотило дом знатно. Обрушились половина крыши, северная и западная стены и большая часть пола первого этажа. Подвал же представлял собой яму, наполненную строительным мусором, среди которого изредка попадались вкрапления красного. Немного крови и мяса, смешанные с пылью, камнем и деревом.

– Для чего она устроила взрыв? – пробормотал Ясень, разглядывая руины.

– Ей нравится, – тихо ответил Карбид.

– То есть логичного объяснения нет?

– Меньше следов, меньше проблем с полицией. – Герман поковырялся в куче мусора, не нашел ничего интересного и прошел чуть дальше. – Можно сказать, Пандора делает нам одолжение. – Наклонился и подобрал лежавший возле куска стены указательный палец. – Ни тела, ни «искры». Она отняла у него не только жизнь, но и Вечность.

Не совсем верно: «искра» донора еще жива. Искалеченная, сломанная, не сумевшая подняться с Земли, она ушла в Отстойник Ручного Привода, ждать... Конца. У этой «искры» не будет будущего, не будет вечного «сейчас». И все, что могут сделать для нее Карбид и Ясень, – отомстить. Расплатиться с «резчиком», отправив Пандору на второй круг.

Герман внимательно посмотрел на помощника:

– Ясень, я хочу, чтобы ты провел осмотр.

– Как скажешь, – кивнул Виктор, но тут же, вспомнив, начал: – Кстати, мне не нравится кличка, которую ты мне...

– Это не кличка, а псевдоним, и сейчас не время его обсуждать, – угрюмо прервал Ясения Карбид. – Я хочу, чтобы ты провел осмотр.

– Следов же не осталось.

– Она могла допустить ошибку. – Карбид закурил. – И еще я хочу посмотреть, как ты проведешь осмотр. Это экзамен.

– Я сдал все экзамены.

– Тем лучше. Считай, что все вокруг настояще. – Герман стряхнул пепел. – И поторопись, пожалуйста: минут через пятнадцать прибудет полиция.

Дом – обычный, недорогой «сандвич», стоял на отшибе, однако гулкий взрыв наверняка привлек внимание. Не мог не привлечь. Вскоре на разбитой дороге появятся синие патрульные машины. За ними, возможно, подтянутся зеваки из числа окрестных фермеров. Выдуют из пикапов и встанут под дождем, таращась на останки строения. Но это – вскоре. А сейчас здесь работают другие специалисты.

Ясень вытащил из кармана коммуникатор и надавил на несколько кнопок.

– Черепаныч, данные по «искре» есть?

– Файл уже отправлен.

– Отлично. – Виктор потыкал в экран стилусом, вызывая пришедший файл, затем включил диктофон и принялся читать: – Донор – Ричард Стивен Джонсон, похищен, судя по полицейским записям, около восемнадцати часов назад. Причина тревоги... – Ясень посмотрел на Карбida, тот нехотя кивнул. – Причина тревоги – нарушение первого уровня. Умышленное повреждение «искры». Причина смерти – взрыв. Поврежденная «искра» находится в Отстойнике. Осмотр места преступления проводят комендант Подстанции Герман Пивоваров и старший помощник коменданта Виктор де ла Вега. Место преступления идентифицировано как заброшенная ферма...

Ясень сбылся, поймав себя на мысли, что положенные по инструкции действия выглядят как-то... глупо. Кому, скажите на милость, какому кретину из какого Царства интересно,

как именно «идентифицировано» место преступления, кем и почему? Кого вообще волнует, где именно «резчик» изувечил очередную «искру»?

Виктор выключил диктофон. Герман улыбнулся. Судя по всему, он ждал, что напарник поступит именно так.

– Какой по счету? – хмуро осведомился Ясень.

– Третий.

Начал накрапывать дождь, сигарета Карбиды намокла, и он щелчком отправил ее в груду мусора.

– Почему ты думаешь, что это Пандора?

– А кто еще?

Виктор пожал плечами.

– Она отправила на второй круг коменданта Подстанции... После такого с Земли надо уходить. Пандора ведь не идиотка, должна понимать, что ты станешь искать ее с особой старательностью.

– Пандора нарушила закон, – ровно ответил Карбид. – А у меня работа такая: искать преступников с особой старательностью.

– То есть не важно, что речь идет о Горелом?

Герман поежился – вода проникла за ворот серого свитера – и спрятал руки в карманы штанов.

– Почему спрашиваешь?

– Хочу понять, как ты относишься к Горелому.

– Зачем?

– Я занял его место и должен знать, что меня ждет. Как мы будем уживаться?

Карбид кивнул, показывая, что понял смысл вопроса и согласен с ним, помолчал, изучая какую-то деревяшку под ногами, а затем поднял голову и посмотрел в глаза Ясения.

– Горелый был моим другом.

Да уж, слухи о том, что на Подстанции все поставлено с ног на голову, оправдались. «Был моим другом»? А ведь речь идет об освобожденных, раскрывшихся «искрах», принадлежащих разным Царствам!

– Невероятно, – негромко бросил Виктор.

Замечание Карбид пропустил мимо ушей.

– Но ты займешь его место только в том случае, если сам этого захочешь. – После чего качнулся с пятки на носок и официальным тоном продолжил: – «Резчики» уникальны, их очень мало, единицы. И не каждый соглашается вернуться на Землю, но если уж вернулись, то попадают в полную зависимость от пославшего Царства. Именно поэтому я считаю, что мы имеем дело с Пандорой. Она не ушла, потому что ей не разрешили.

* * *

– Зачем мы сюда приехали? – поинтересовалась Пандора.

– Посидеть в тишине, – спокойно ответил Скотт.

– И все?

Покинув дом, кортеж из двух машин некоторое время мчался по автостраде к городу. Однако примерно через двадцать миль водители повернули на грунтовую дорогу, углубились в лес и остановились на небольшой поляне. С трех сторон ее окружали деревья, с четвертой омывало небольшое озеро. Скотт, который сидел рядом с Пандорой, ничего не говорил своим людям, а значит, приказ ехать в это уединенное местечко они получили заранее.

Пандора знала, зачем Гарри велел ехать в лес – почти все ее клиенты поступали именно так, однако виду не показала. С другой стороны, совсем не реагировать она тоже не могла,

чтобы не вызвать подозрений, а потому спросила, куда они едут? Скотт ответил, что это сюрприз, и Пандора сделала вид, что поверила.

Выйдя из остановившейся машины, Скотт медленно подошел к берегу и уселся на большой плоский камень, лежащий у самой воды. Места хватило и для Пандоры, которая разместилась рядом, касаясь плеча Гарри. Около минуты она, беря пример со Скотта, разглядывала спокойное озеро, после чего и завела разговор.

– Я хочу посидеть в тишине.

– Обязательно здесь?

– Я люблю бывать на природе, – отозвался Гарри. – Я вырос в Огайо, на ферме, так что эта страсть у меня в крови.

– Сочувствую.

Он улыбнулся:

– Спасибо.

Они помолчали еще пару минут, а затем Скотт, продолжая смотреть на озеро, попросил:

– Хочу услышать правду.

«Вот те на!»

Пандора ожидала совсем иного разговора, совсем других слов, а потому ответила на секунду позже, чем должна была:

– Какую правду?

– О тебе, – объяснил Гарри. – О нас. О том, что мы натворили.

– Мы совершили преступление.

– Это понятно.

– Нет, не понятно. – Пандора решила подыграть Скотту. – Хочешь знать правду? ОК. Ты ее узнаешь. Убийство – мелочь. Мы замазались гораздо сильнее.

– Мы?

– Ты и я, – уточнила женщина.

– Что же может быть хуже предумышленного убийства? Или ты имеешь в виду похищение?

– Я имею в виду убийство «искры».

– Убийство чего? – От удивления Скотт позабыл играть невозмутимость: обернулся и посмотрел на женщину.

Которая осталась спокойна.

– Ты действительно хочешь знать правду?

– Да, – поколебавшись, ответил Гарри. – В своих делах я предпочитаю искренность. Что такое «искра»?

– Ты. Я. Каждый твой громила. Донор. Любой человек. – Пандора обхватила руками согнутые ноги и положила подбородок на колени. – Ты когда-нибудь ходил в церковь, Гарри?

– Разумеется.

– В таком случае ты знаешь, что в каждом из нас живет нечто бессмертное, нечто ценное, нечто, что делает нас нами.

– Душа.

– На самом деле ее называют «искрой», – поправила его женщина. – Она появляется при рождении. Входит в тебя, становится тобой, собственно, она и есть ты. А ты есть она. Ибо наше тело всего лишь прах. Временный сосуд.

– Я ожидал чего-то более неожиданного, – разочарованно признался Скотт.

В церковь он, возможно, и ходил, но особо там не прислушивался.

– Ты не в кинотеатре, – грубо отрезала Пандора. – Ожидать неожиданного будешь там. Сейчас же слушай правду.

– Которая заключается в существовании Троицы?

– Которая заключается в том, что «искры», Гарри, рождаются только здесь, на Земле. Нет во Вселенной другого места, где бы они появлялись. Представляешь, Гарри, – нету! – Пандора грустно улыбнулась. – Все есть: величие, красота, сила, вечность... все! А «искры» приходят исключительно отсюда.

– Что значит «приходят»?

– Ты правильно подумал, Гарри, – кивнула Пандора. – Оставляя Землю, «искры» устремляются во Вселенную. К звездам. К Вечности. В мире сильных нашему праху нечего делать.

– Повторяю: я ожидал услышать правду, – в голосе Скотта проскользнули угрожающие нотки.

– Тебе трудно поверить, но Земля – это детский сад. А твои «серые» дела и «сложные» проблемы – лишь игры в песочнице. – Пандора продолжила говорить так, словно Гарри ничего не произнес. – Наша жизнь здесь – это становление. Мы учимся быть собой и, что самое главное, решаем, какими мы будем потом. Выбираем путь. А их всего два, Гарри, всего два Царства. Без полутона. И каждое из Царств заинтересовано в том, чтобы ему досталось больше «искр».

– Зачем?

– Чтобы утвердить свою власть. Разве непонятно?

– Но ведь «искры» бессмертны.

– Здесь, Гарри, здесь, в детском саду. Наверху другие правила.

– Получается, там так же, как и у нас, – после короткой паузы произнес Скотт.

– Очень похоже, – подтвердила Пандора. – Ведь «там» – тоже мы. Только в ином обличье.

Вновь пауза.

– Ты собираешь «искры»?

– Да. Ты заинтересовал мое Царство, и я была послана сделать так, чтобы ты гарантировано попал к нам.

– В чем же гарантия?

Он спросил, хотя уже догадался.

– Мы с тобой, Гарри, совершили самое страшное преступление из всех возможных, – с мстительным удовольствием ответила женщина. – Мы уничтожили «искру» донора. Я искалечила ее, теперь она не сможет подняться во Вселенную, достичь звезд и обрести Вечность. Она погибнет. Мы вмешались в Промысел.

– Ты говорила, что «искры» на Земле бессмертны.

– Есть исключения. – Пандора посмотрела на Скотта. – Такое преступление нельзя искупить или замолить. Так что теперь ты наш, Гарри. Навсегда.

– Чем мне это грозит? – быстро спросил Скотт.

– Ничем. Кроме того, что ты уже ничего не изменишь.

– А чем это грозит тебе?

– Меня еще должны поймать.

– Кто?

Пандора легко рассмеялась.

– Земля слишком ценное место, чтобы оставлять его без присмотра. Здесь есть те, кто следит за порядком.

– Воспитатели?

– Я ведь сказала: следит за порядком, а не утирает сопли. Вмешиваться в дела людей им запрещено. Собственно, всем запрещено. И они за этим следят.

– Кто они?

— Я ведь сказала: тебе ничего не грозит. Они уже не смогут выдернуть из тебя то, что стало твоим. И не смогут спасти «искру» донора.

Скотт в задумчивости провел ладонью по камню.

— А что сделают тебе? Если поймают, конечно?

— Отправят на второй круг.

— Как это?

— Для вернувшейся «искры» законы Земли несколько другие, — объяснила Пандора. — Я могу улететь в любой момент, но если меня убьют в этом теле, если я не успею убраться и умру, то моя «искра» вновь возродится. Девственно чистой, как в первый раз. Вся моя память, мое «Я» — все уйдет. Начнется второй круг.

— Ты сильно рискуешь, — помолчав, произнес Гарри.

— Я знаю.

— Оно того стоит?

Он имел в виду возвращение. Ее работу здесь. Он хотел услышать, какую награду получит «резчик» за свой риск. Не услышал. Награда обещана, награда весомая, даже по меркам Вселенной. Еще было упоение от работы, от использования своего дара. Еще — наслаждение жизнью здесь, среди таких слабых, еще не развитых «искр». Все было.

— Да, — ответила Пандора. — Оно того стоит.

И поймала себя на мысли, что ответила уверенно, но без той железобетонной твердости, которую чувствовала раньше. Казалось, каждый новый донор отнимал у нее частичку самоуверенности.

Или так только казалось?

— Теперь поговорим о воспитателях, — произнес Скотт. — Где их база? Было бы интересно заглянуть.

— Ты с ними познакомишься, — пообещала Пандора. — Неужели ты думаешь, я рассказала тебе правду из вежливости? Пройдет несколько часов, милый Гарри, и к тебе придут. Сначала расспросят обо мне, а после сотрут тебе память. И ты никогда не вспомнишь ни наше маленькое приключение, ни этот разговор.

На этот раз Скотт молчал довольно долго. Так долго, что Пандора даже подумала, что ошиблась в нем. Неужели он не попытается...

«Не ошиблась!»

Попытается, конечно, попытается. Все пытаются. Отчего-то заказчики мнили, что останутся должны ей. Или что в «целях безопасности» следует избавиться от нежелательного свидетеля. Все-таки духовная нищета, характерная для нынешнего «цивилизованного» человека, вызывает умиление. Вот раньше, веке, этак, в девятнадцатом, или уж тем более в пятнадцатом-шестнадцатом, ни один заказчик и помыслить не мог о нападении на демона. Сразу понимал, что не светит. Отравить, правда, пытались, другие агенты Пандоре о таких случаях рассказывали, но чтобы вот так нагло, с оружием, лицом к лицу... Глупеют людишки, откровенно глупеют.

«Разобраться» с Пандорой Скотт решил на обратном пути, когда они шли к машинам. По дороге Гарри галантно поддерживал женщину под руку, но в пяти шагах от автомобилей остановился и грустно улыбнулся:

— Надеюсь, ты меня простишь?

Она вздохнула.

— Значит, мы приехали сюда не только поговорить?

— Разговор меня увлек, но... — Скотт обаятельно улыбнулся. — Ты права — есть и другое дело.

— Не веришь мне?

– Ты свидетель, – объяснил Гарри. – А потому вопрос веры звучит глупо. Это тебе любой адвокат скажет. Так ты меня прощаешь?

– Бог простит.

– Не думал, что ты в него веришь. Особенно после того, что я от тебя услышал.

– Я в него не верю. Я просто знаю о нем больше тебя.

Шестеро парней Скотта подготовились заранее, и подготовились, надо отдать им должное, очень хорошо. Не делая резких движений, не суетясь, не торопясь, они взяли Гарри и Пандору в кольцо, затем, когда Скотт закончил говорить, один из них сделал шаг вперед и прикрыл хозяина собой. Время пришло. Они подготовились хорошо, но все равно действовали по схеме. Когда сформировался круг, Пандора поняла, что стрелять будет только один из них, тот, что стоит напротив, или тот, что сзади. Так безопаснее.

– Прощай, Пандора.

А вот это совсем глупо. Договариваться с убийцами о сигнальной фразе – верх идиотизма. Дешевая театральность.

«Или он принимает меня за дуру?»

– Прощай...

Обратное сальто с места всегда производит впечатление. Тем более когда тело рисует дугу не меньше двух метров радиусом. Стрелять, как выяснилось, должен был тот, кто стоял лицом к ней. И это хорошо. Потому что в тот самый момент, когда он надавил на спусковой крючок, Пандора уже укрылась за спиной другого бандита. Который и принял предназначенну ей пулю. Мгновение – и его пистолет оказался в руке Пандоры. Выстрел в убийцу – так было надо, он уже выстрелил и не остановится. А вот остальных можно пожалеть.

Удар ногой, удар рукоятью пистолета, ребром ладони в кадык и апперкот. Пандора двигалась в разы быстрее обычных людей, била на порядок сильнее, невероятно точно, а потому у телохранителей Скотта не было ни одного шанса совладать с ней. Тем не менее с первого удара вырубился только тот громила, что получил в кадык. Остальным Пандора добавила. После чего заломила Гарри руку и прижала к капоту машины.

Бежать Скотт не пытался. Просить пощады тоже.

– Видишь, как все обернулось? – весело произнесла Пандора.

– Теперь я окончательно тебе поверил, – прохрипел Скотт.

– Ну, наконец-то. – И женщина, к большому удивлению Гарри, отпустила его. – Много же времени тебе понадобилось.

Скотт выпрямился и размял плечо, стараясь не смотреть на валяющихся вокруг телохранителей.

– Ты знала, что я захочу тебя убить?

– Все пытаются, – махнула рукой Пандора. – Наверное, именно поэтому мы вас и выбираем.

Гарри обдумал слова женщины и покрутил головой.

– Да, наверное. – И тут же широко улыбнулся. – Представляешь, я совсем не боялся. Ты их лупила, а я не боялся. – Он наслаждался своим новым «Я». – Это круто. Ты молодец, Пандора.

– Всегда пожалуйста, Гарри. Не будешь против, если я одолжу твою машину?

– Без проблем.

Скотт сопроводил Пандору до автомобиля, подержал дверцу, но прежде чем захлопнуть ее, осведомился:

– Еще увидимся?

– Не будем зарекаться.

– Но шансов мало.

– Ага.

– В таком случае – прощай.

* * *

– Шесть с половиной часов с момента преступления, – вздохнул Ясень, входя в кинозал. – А мы ничего не сделали.

– А что мы должны были сделать? – поинтересовался Карбид. – Поймать Пандору?

– Да, поймать! – с неожиданной горячностью ответил Виктор. – Она должна быть наказана!

Герман с пониманием покачал головой:

– Мы занимаемся ее поимкой четыре месяца. Как видишь, без особого успеха.

Тон коменданта был настолько близок к безразличному, что Виктор с недоумением посмотрел на напарника: шутит? Не похоже. Смирился с поражением? Тоже вряд ли: Карбида характеризовали как опытного и цепкого охотника. Тогда что?

– Мне казалось, коменданты Подстанции располагают большими возможностями для поиска преступников, – осторожно заметил Ясень.

– Если отойти достаточно далеко, то большое покажется маленьким, а маленькое исчезнет совсем, – глубокомысленно отозвался Герман. – Неподалеку от места преступления проходит оживленное шоссе. Нет сомнений в том, что Пандора и заказчик уехали по нему. Таймер был выставлен не меньше чем на час, то есть...

– То есть единственный наш шанс – заглянуть в прошлое донора?

– Совершенно верно. – Карбид не обиделся на то, что Ясень его оборвал. Или сделал вид, что не обиделся. Устроился в неудобном кресле, всем своим видом показывая, что готов к началу просмотра. Однако Виктор не считал, что разговор окончен.

– Я слышал, вы каким-то образом вычислили предыдущего донора.

– Да, – коротко подтвердил Герман.

– И пытались взять Пандору на месте преступления.

– И потеряли Горелого.

«Уж не в этом ли дело?!»

– Решил больше не рисковать? – с нехорошой улыбкой спросил Ясень.

«Неужели ты и теперь сохранишь спокойствие?»

Не сохранил. Но и злость, на которую рассчитывал Виктор, в глазах Карбида не появилась. Наоборот, вспыхнули веселые огоньки, на несколько мгновений разогнавшие вечное спокойствие Германа.

– Да, Ясень, я стал осторожнее. Не хочу потерять еще и тебя.

– Не называй меня Ясенем, ясно?!

Карбид расхохотался. Без издевки. Весело. Запрокинул голову и едва не пропустил удар взбешенного Виктора. Но именно – едва.

Герман перехватил кулак в сантиметре от лица. Крепко, до хруста, сдавил сжатую кисть напарника и, потеряв веселость, выдохнул:

– Не продолжай. – Помолчал. – Не надо.

Ясень кивнул, коря себя за то, что не сдержался.

– Вот и хорошо. – Герман отпустил руку. – Садись.

Ну что ж, будем считать конфликт временно улаженным. Виктор опустился в кресло и хмуро спросил:

– Как вам удалось выйти на донора?

– Расскажу, – пообещал Карбид. – Потом как-нибудь. – И повернулся к старику в черном, молча ожидающему окончания разговора: – Аскольд Артурович, мы готовы к просмотрю.

Арчибалд кивнул.

Кинозал Подстанции был небольшим, древним и очень уютным. Белый экран висел позади небольшой сцены, даже не сцены, а возвышения, подходящего скорее для лектора, чем для актеров. Справа от двери – стопка ярко-красных пластиковых ведер. Десять рядов простеньких кресел по пять в каждом, позади них – престарелый кинопроектор. Будка для киномеханика не предусматривалась, а потому Аскольд Артурович хранил свое «хозяйство» тут же. Вдоль задней стены были выставлены столы с оборудованием для перемотки и склейки пленки, плюшевое кресло, шкафчик и множество металлических коробок с пленками.

Услышав слова Карбida, старик выключил свет, проектор ожил, застремился, и на экране появились черно-белые кадры.

Дождь, улица, вечер. Человек идет по тротуару.

– Зачем смотреть похищение? – шепотом спросил Ясень.

– Некоторые агенты заставляют заказчиков приходить на ритуал в маске, – также тихо ответил Карбид. – Если Пандора поступила так, нам придется выходить на ее клиента через похитителей.

– Пожалуй, – после короткой паузы согласился Ясень и, когда на экране появилось изображение фургона, аккуратно записал его марку и номер.

Следующие за похищением несколько часов жизни киномеханик промотал в ускоренном темпе: сначала чернота, затем изображение помещения. Последнее пристанище Ричарда Стивена Джонсона, взгляд изнутри.

– Мы там были, – едва слышно пробурчал Карбид.

«Только выглядело оно хуже», – мысленно добавил Виктор.

Когда же на экране открылась дверь и в комнату вошли Пандора и Скотт, Карбид и Ясень машинально подались вперед.

– Она? – осведомился Виктор, внимательно разглядывая женщину.

– Да.

– Красивая.

Пленка у Аскольда Артуровича оказалась не лучшего качества: иногда изображение теряло резкость, иногда уходило вбок или вверх, однако это не помешало Ясению оценить изысканную прелесть Пандоры.

– Клон, – равнодушно отметил Карбид. – Вырастила тело по особому заказу.

А еще – пылающий огонь полностью раскрывшейся «искры», придающий невообразимый блеск глазам и царственную уверенность жестам.

Виктор поймал себя на мысли, что готов любоваться Пандорой часами.

«Она ведь преступник! Я должен ее поймать! – Смутился. Но следом пришла еще одна мысль: – А что Карбид прячет под маской безразличия? Неужели не видит, что Пандора...»

– Очень красивая, – вслух повторил Ясень.

Герман промолчал. По всей видимости, его запас эмоций на ближайший час исчерпался в стычке.

Сцену ритуала просмотрели в тишине, и лишь в самом конце, когда донор потерял сознание и картинка оборвалась, Виктор поинтересовался:

– Для чего аттракцион?

– Чтобы произвести впечатление на заказчика. – Пауза. – Ей это нужно. – Карбид повернулся к киномеханику. – Аскольд Артурович, вы не передадите Черепанычу кадр с физиономией клиента?

Старик включил свет, подошел к коменданту, на ходу вынимая из кармана маленький блокнот, что-то написал в нем карандашом и протянул Карбиду:

«Уже отдал».

– Он немой? – негромко спросил Ясень, выйдя из кинозала.

– Не хочет ни с кем разговаривать.

«На Подстанции работают странные ребята...» Похоже, эту аксиому придется вспоминать часто.

– И давно?

– Горелый говорил, лет триста.

Карбид остановился под плакатом «Учебные фильмы – лучший путь к самосовершенствованию!» и достал из кармана джинсов мятую пачку сигарет.

– Зачем тебе имя заказчика? Хочешь его наказать?

– А если так? – прищурился Карбид. – Он знал, на что шел.

Виктор нахмурился:

– Не имеешь права.

– А кто узнает?

– Я не позволю.

– Я – комендант, – веско напомнил Герман. – Ты обязан мне подчиняться.

– До тех пор, пока твои приказы законны.

– Живешь по инструкциям?

– Собираюсь их соблюдать.

Тяжелый взгляд Карбida танком уперся в Ясения, но тот выдержал.

«Думаешь меня обломать? Не выйдет!»

– Здесь будет порядок, – твердо произнес Виктор. – Ясно?

– Здесь был, есть и будет Ручной Привод, – не менее твердо отозвался Герман. – И мы, те, кто с ним работает.

– Ты не бог.

– Я и не претендую.

Карбид так и не закурил. Вертел в руке пачку, но сигарету не вытащил. И теперь, опустив голову, уставился на нее, словно вместо «Минздрав предупреждает...» на ней были начертаны Откровения.

– Скажи, Виктор, зачем ты вызвался на Подстанцию?

– Меня назначили.

– Коменданты назначают только добровольцев. – По губам Германа скользнула тень усмешки. – На что надеешься? На что рассчитывал, отправляясь сюда?

– Считаешь меня карьеристом?

– Еще не знаю, – вздохнул Карбид, убирай пачку в карман. – Но симптомы налицо.

– А даже если так? – Ясень холодно улыбнулся. – Здесь будет порядок. Сотрудники будут работать как положено. Здесь будут соблюдаться законы. И какая разница, карьерист я или нет?

– Либо смысл твоих действий – работа. Либо – получение благодарностей, поощрений и продвижение по служебной лестнице.

– В нашем Царстве эти вещи взаимосвязаны, – высокомерно произнес Виктор.

– Но мы на Земле, – напомнил Карбид.

– Мы, мой друг, на Подстанции. – Ясень помолчал. – Я знаю, что не нравлюсь тебе...

– Не в этом дело, – мягко перебил его Герман. – Ты есть, и с этим надо считаться. И еще нам вместе работать. А значит, мы должны доверять друг другу.

– Работать по правилам, – подчеркнул Виктор.

– Ну, да... – Карбид вздохнул. – Я не собирался трогать заказчика. Мы просто навестим его и выясним, знает ли он что-нибудь о дальнейших планах Пандоры.

– Она не идиотка, чтобы откровенничать с клиентами.

– Все ошибаются, Ясень, все.

* * *

– Привет! – Юля вынырнула в прихожую и чмокнула Олега в щеку. – Разогреешь ужин сам, ладно? Не обижайся! Пожалуйста!

Последние слова она произнесла, скрывшись в комнате.

– Без проблем.

Олег разился, прошел на кухню, поставил на плиту кастрюлю с водой – в его понимании «разогреть ужин» означало сварить пельмени – и направился в комнату переодеваться. Офисный костюм и галстук в шкаф, сорочку и носки в стиральную машинку, треники, майка – и блаженное безделье...

Юля обнаружилась в привычной позе: лежа на тахте с ноутбуком под носом.

– Чем увлеклась на этот раз?

– М-м... Все тем же.

– Возвращениями?

– Почти.

«Не угадал».

Олег закрыл шкаф, зевнул и уточнил:

– Но связано с больницей?

– Ага, – кивнула девушка. – Я провела в Михайловской целый день.

– И чего выяснила?

«Включить игрушку или ну ее?» В принципе оставался еще один уровень, самый сложный, самый интересный. «Пройти сейчас или оставить до выходных?»

– Не очень много, но... – Юля допечатала абзац, задумчиво перечитала написанное и повернулась к Олегу. – Я с самого начала знала, что там что-то не так.

– Это было очевидно, – рассеянно кивнул молодой человек, продолжая размышлять насчет игрушки.

– Опять прикалываешься?

– Еще нет.

Девушка подняла левую бровь:

– С огнем играешь, Ольгерд. Обижусь – будешь знать.

Пришлось отставить компьютерные мысли и включаться в разговор по-настоящему.

– На что обидишься, Юла? Я ведь любя. Просто подшучиваю.

– Ты разогрел ужин?

– В процессе.

– А мне?

На плите зашумела вскипевшая вода. Олег улыбнулся:

– Пойдем на кухню.

Дальнейший разговор проходил за столом. Молодой человек суетился по хозяйству: засыпал пельмени в воду, поставил чайник, а Юля рассказывала последние новости:

– Я пошла к главврачу. Слушай, дядька – тот еще жук. Академик, врач отличный, хватка железная, всех в кулаке держит.

– Значит, в Михайловской порядок?

– У Митина все по полочкам, – подтвердила девушка. – Каждому свое место и свое дело. Врачи лучшие, медсестры лучшие, оборудование лучшее. Он мне похвастался, а потом по поводу возвращений так проехался, что я из кабинета вышла, будто оплеванная.

– Я сразу сказал, что эта твоя идея...

– Да заткнись ты! Дальше слушай! Короче, я решила с людьми поговорить, зря, что ли, тащилась? Опять же, если они такие крутые, можно материал сделать об их крутизне.

Сейчас репортажи о ткачихах любят. С врачами поговорила, с Ольгой, а потом смотрю – дом стоит. На схеме его нет, а в реале – стоит. Я спрашиваю: что это? «Малая Земля», говорят. Корпус старый. Один из первых больничных корпусов, прикинь?

– Ну и что?

– Вот и я сначала: ну и что? А потом спрашиваю: внутри что? Фигня, говорят, всякая. Котельная резервная, морг старый и никому не нужный склад никому не нужных вещей. Вроде.

– Ну и что? – повторил Олег.

Юля, пораженная такой недогадливостью, всплеснула руками и с жаром продолжила:

– Ты прикинь: Михайловская больница в самом центре, так?

– Ну?

– Место удобное, выгодное, о нем все знают. Знаешь, сколько там офисы стоят?

– Догадываюсь.

– Главврач мужик крутой, своего не упустит, а на территории у него старинный дом, который почти не используется. Это же бардак, понимаешь? Да если его нельзя использовать для целей больницы, можно фирме какой-нибудь сдать. Лабораторию сделать, ну, хоть что-нибудь полезное. А он, считай, просто так стоит. Так не бывает!

В принципе Олег давно привык, что его девчонка – натура увлекающаяся. Для журналиста это нормально. Тем более для журналиста начинающего, которому сенсации нужны, как воздух. Но искать страшные тайны в самом обычном доме – это перебор. Одно дело жить с любимой и совсем другое – с сумасшедшей любимой.

– Юла, ты извини, но я не вижу в твоем рассказе ничего интересного.

– Ольгерд, ты бестолочь, – безапелляционно ответила девушка. И выложила еще один козырь: – «Малой Земли» даже на схеме больницы нет!

– Может, ее сносить собираются.

– А…

Фраза оборвалась. Судя по всему, столь простая мысль не пришла девушке в голову. Олег поздравил себя с достойно проведенным разговором и только собирался вернуться мыслями к игрушке, как Юля, потыкав вилкой в пельмени, отложила ее и негромко сообщила:

– Я еще кое-что видела. Точнее, слышала.

– Что? – В отличие от подруги, молодой человек охотно налегал на ужин, а потому вопрос прозвучал невнятно.

– В больницу мужика привезли с переломом ноги. – Девушка вновь взялась за вилку, но использовать ее по прямому назначению не стала. Повертела, задумчиво разглядывая зубцы. – Свободных санитаров не оказалось, и его тащили в приемную санитары из морга, как раз с «Малой Земли».

– И что?

– Я слышала, как эти парни на мужика посмотрели и говорят: не жилец. Тот в ответ: у меня только нога сломана. А эти ржут: мы, мол, в морге работаем и все знаем.

– Черный юмор, – улыбнулся молодой человек. – Фирменный. Медицинский.

– Юмор, – согласно кивнула Юля. – Только мужик и правда умер.

Олег почувствовал, что история произвела на девушку сильное впечатление. Он быстро прожевал пельмень и осторожно заметил:

– Совпадение.

– Занятное совпадение, ты не находишь? Два санитара с одного взгляда предсказывают больному смерть. Потом этот больной попадает в лучшую в стране больницу к лучшим в стране врачам – если верить Митину, разумеется, – они лжают, и больной умирает.

– Все ошибаются.

– Да, ошибаются все.

Олег понял, что не был убедителен. Помолчал, собираясь с мыслями, и веско, как на деловых переговорах, начал:

– Юла, давай серьезно. Хочешь – обижайся, хочешь – нет, но мне кажется, ты переборщила с мистикой. Что, опять же, не очень хорошо для карьеры. Если принесешь редактору историю о чудесах в больнице, дальше программы «Необыкновенное за плечом» или, там, «Король магии» не поднимешься. Будешь всю жизнь бегать от целителя к гадалке и выслушивать лекции о кармическом захвате силовых лучей космоса.

– Я понимаю, – кивнула Юля. – И мне этого не хочется.

– Так что забрасывай это дело и постараися найти что-нибудь стоящее.

Девушка слабо улыбнулась:

– Ты крепко стоишь на ногах.

– За это ты меня и любишь.

Прагматизм молодого человека уравновешивал романтическую натуру будущей журналистки.

– Не только за это, – призналась девушка. – Еще ты умеешь варить пельмени.

– И водить машину.

– Ага. – Юля съела несколько остывших пельменей, отодвинула тарелку и, подумав, вернулась к теме: – Хорошо, давай используем твой прагматизм. И логику.

– Никакой мистики?

– Никакой.

– Тогда – давай. – Олег налил две чашки чая и вновь уселся напротив девушки. – Начинай.

– На схеме больницы «Малая Земля» отсутствует.

– Ее собираются сносить.

– Схема не выглядит новой, ее повесили не меньше года назад, а может, и больше. Почему корпус до сих пор не снесли?

– Не успели. Денег не хватило. Тысяча причин! В наши-то дни? Юла, ты как будто вчера родилась.

Все так. Не подкопаешься. Олег твердо стоял на ногах и давал абсолютно достоверные ответы на любые вопросы. Но... Все так, и все не так. Юля чувствовала, именно чувствовала, что с «Малой Землей» что-то не так.

Молодой человек наклонился и заглянул девушке в глаза.

– Юла, что происходит? Выбрось из головы этот корпус...

– Не могу, – тихо ответила девушка. – Мне кажется, что «Малая Земля» для чего-то нужна главврачу. Только он скрывает, для чего.

– Спроси у него, – брякнул Олег.

– Спрошу, – немедленно пообещала Юля.

– Смеешься? Придешь и спросишь, зачем на территории находится этот корпус? Да он тебя на смех поднимет!

– А вдруг там из людей органы вынимают?

– Э-э...

Как и любой обыватель, в глубине души Олег верил в то, что некоторые очень плохие врачи в некоторых очень плохих больницах тайно делают очень плохие операции, извлекая из живых или специально умерщвленных людей нужные больным толстосумам органы. Здесь его знаменитый прагматизм давал сбой, а потому взятного ответа Юля не дождалась.

– Э-э...

– Похоже, ты об этом не подумал.

– Э-э... – Молодой человек опомнился и улыбнулся: – Почему ты так решила?

— Я видела там странную машину, — медленно ответила Юля. — Представляешь, «Победа»...

— Древняя рухлядь?

— Ты дослушай, — обиженно отозвалась девушка. — Древняя — да. Но совсем не рухлядь. Белая, блестящая, вылизанная, стекла тонированные... она выглядит так, словно стоит дороже нашей квартиры.

— Может, на этой твоей «Малой Земле» работает фанат старых автомобилей? Восстановил своими силами.

— Я видела этого «фаната». Он выглядит на миллион баксов. Одет с иголочки, ручки ухоженные...

— Как ты разглядела?

— В фотоаппарат, разумеется, — отмахнулась девушка. — Короче, я не могу его представить в гараже. А с фантазией у меня, как ты знаешь, все в порядке.

— И что?

— Ты можешь себе представить врача, который вбухивает кучу денег в восстановление старой машины? — Юля вспомнила «Мерседес» Халидова, на мгновение осеклась, но продолжила: — Возможно, конечно, но все равно подозрительно.

— Значит, органы вынимают?

— Или что-нибудь другое, но тоже противозаконное. Производство наркотиков, например.

Олег покачал головой:

— В таком случае ты ввязываешься в опасное дело.

Прозвучало не очень легко, но и без натуги. Чувствовалось, что молодой человек не особенно верит в подозрения девушки, однако беспокойство они у него вызвали.

— Боишься, что меня убют?

— Хорошие журналисты часто оказываются в ненужном месте в ненужное время или задают ненужные вопросы.

— Но ведь не всех убивают, — усмехнулась Юля. — Приличные люди сначала предлагают уладить дело по-хорошему.

— И ты возьмешь деньги?

— Смотря сколько предложат, — шутливо ответила девушка.

Олег покачал головой:

— Юла, я серьезно: если ты вдруг узнаешь, что на этой твоей «Малой Земле» действительно режут людей на органы, ты возьмешь деньги? — Чувствовалось, что для молодого человека очень важно услышать ответ. — Возьмешь?

— Нет, — твердо ответила Юля.

— Это хорошо, — медленно произнес Олег. — Но в этом случае тебе нужно держаться от «Малой Земли» подальше. Чтобы не возникало необходимости договариваться.

Девушка вздохнула:

— Один день?

— Зачем?

— Я просто спрошу о ней, ничего больше. За спрос не бьют.

— Зачем?

— Мне интересно.

Олег помолчал, допил чай, после чего кивнул:

— Один день. Но потом забываешь о Михайловской и ищешь новую тему.

— Хорошо. — Юля улыбнулась, потянулась и поцеловала друга. — Договорились.

Олег отправился мыть посуду, а девушка вернулась в комнату и посмотрела на фотографию «Малой Земли», выведенную на монитор ноутбука.

* * *

«Значит, ко мне придут... Жаль, что Пандора не сказала, сколько у меня времени».

Скотт верил словам ведьмы – придут. Зачем ей врать? Верил он и в то, что ему лично ничего не грозит. Дело сделано, его будущее изменено навсегда, и если его убьют – а что может быть хуже? – то добьются лишь того, что его «искра» быстрее окажется в предопределенном Царстве.

«Они будут копаться в моей „искре“!»

Мысль раздражала.

Гарри бесился даже не потому, что, возможно, забудет некоторые события последних дней. В конце концов, жизнь штука сложная, и многие вещи приходится забывать, чтобы не сойти с ума. Его приводил в ярость сам факт: кто-то примет решение за него.

Скотт изменился.

Всю дорогу до своего тщательно защищенного офиса Гарри размышлял о способах, позволяющих избежать предсказанной Пандоры участи, и не надумал ничего более умного, как попытаться противостоять таинственному «кому-то» его же оружием.

«Он будет копаться в моей голове. Значит, мне нужен тот, кто умеет делать то же самое. Вполне возможно, что он убережет мою память».

Придя к такому выводу, Гарри надавил на кнопку интеркома:

– Джейн!

– Да, мистер Скотт, – тут же отозвалась секретарша.

– Джейн, кто в нашем городе лучший гипнотизер?

– Гипнотизер, сэр? – В голосе девушки послышалось удивление.

– Да, Джейн, гипнотизер.

– Я попытаюсь узнать, сэр.

– И назначьте нам встречу.

– Да, сэр.

– И...

Гарри запнулся.

– Мистер Скотт?

– И не беспокойте меня минут двадцать, – приказал Гарри. – Мне нужно подумать.

– Да, мистер Скотт.

Но если бы Джейн видела своего работодателя, она ответила бы не так спокойно. И не ответила бы, наверное, а вызвала к боссу телохранителей. Или врачей. Потому что взгляд Гарри остановился. Опустел. А слова, хоть и произнесенные обычным тоном, вылетали из механически открывающегося рта.

За столом роскошного кабинета сидела марионетка.

А кукловоды стояли в углу, у распахнувшихся среди деревянных настенных панелей дверей лифта.

– Ну как?

Виктор подошел к Скотту и помахал рукой у него перед глазами:

– Все в порядке.

– Хорошая работа, – одобрил Герман. – Меньше трех секунд. Классная скорость.

Ясень подозрительно посмотрел на напарника, однако увидев что Карбид не подначивает его, а действительно хвалит, чуть расслабился:

– У меня всегда получался гипноз.

Герман кивнул, показав, что услышал, после чего осведомился:

– Допрос проведешь?

– Почему я?
– Хочу посмотреть.
– Опять экзамен?
– Забудь об экзаменах, – жестко отозвался Карбид. – Я просто хочу посмотреть, как ты работаешь.

Логичное пожелание, учитывая обстоятельства.

– Ладно. – Виктор присел на краешек стола, однако, подумав, вновь встал на ноги, принес себе стул и повернул сидящего в кресле Гарри так, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. – Мистер Скотт?

– Я вас слушаю.

– Я хочу поговорить о Пандоре.

– Что вы хотите знать?

Ясень покосился на Германа:

– Она не поставила блок.

– А зачем? – пожал плечами Карбид. – Мы знаем, как Пандора выглядит, мы знаем, что она делает. Мы знаем, что именно она стоит за этим преступлением. Какой смысл ставить блок?

– Она уверена в себе.

– Вот именно.

Виктор вновь сосредоточился на Гарри:

– Когда вы расстались с Пандорой?

– Примерно в час ночи.

– Вам известно, куда она направилась?

– Она взяла мою машину.

– Вы уже нашли ее?

– Пандора оставила ее у международного аэропорта.

И снова взгляд на Карбida:

– Возьмем список рейсов и попробуем вычислить, куда полетела Пандора?

– Сначала она полетела в какой-нибудь крупный город. Там пересела на другой самолет. Пустая работа. – Герман поразмыслил секунду и добавил: – Или поступила еще проще: оставила машину у аэропорта, взяла такси и поехала на железнодорожный вокзал.

– Ясно. – Виктор быстро прикинул варианты, мысленно согласился с напарником и продолжил допрос: – Как вы познакомились с Пандорой?

– Она со мной познакомилась, – механически уточнил Скотт. – Как я потом понял, она спланировала все заранее.

– Встречалась ли Пандора с кем-нибудь помимо вас?

– Мне об этом неизвестно.

– Где она жила?

– Не знаю.

– Говорила ли она, куда поедет?

– Нет.

– Говорила ли Пандора что-нибудь, из чего вы могли бы понять, куда она поедет?

– Нет.

– Объяснила ли Пандора вам, что делала?

– Она сказала, что исправила мою «искру».

Ясень выругался и посмотрел на Карбida.

– Зачем?

– Чтобы мы стерли Скотту память, – усмехнулся Герман.

– Почему это так важно?

– Мистер Скотт знает, что гарантированно попадет в конкретное Царство. Возможно, в какой-то момент это знание начнет его угнетать. Возможно, он попытается исправить ситуацию, возможно, покончит с собой – в этом случае его «искра» не достанется никому. Поэтому Пандоре будет лучше, если Скотт все забудет.

– Но сама она стереть Скотту память не может.

– Совершенно верно. Такое воздействие на «искру» способен обеспечить только Ручной Привод. – Герман скривился. – И теперь нам придется подыграть Пандоре.

Несколько секунд Виктор молчал, затем достал телефон:

– Черепаныч?

– Да.

– Ты видишь клиента?

– Да.

– Запускай Ручной Привод.

– Приказ коменданта есть?

– Есть, – громко произнес Карбид. – Работай, Черепаныч.

Не было сияния или гудения, не было ничего, только глаза Скотта, до поры бессмысленные, неожиданно расширились, словно Гарри стало больно.

А далеко-далеко от роскошного кабинета, в подвале старинного больничного корпуса, усатый мужчина в рабочей спецовке произнес:

– Все в порядке.

– Спасибо, Черепаныч, – вместо Виктора ответил Герман. – Обеспечь возвращение.

И направился к лифту.

Скотт открыл глаза и недоуменно огляделся.

Стол, кресла, картины на стенах, монитор перед глазами. Все как обычно, и в то же самое время – что-то не так.

Загудел интерком.

– Да?

– Двадцать минут прошли, мистер Скотт, – сообщила Джейн. – Я рискнула вас побес-покоить...

«Я просил меня не тревожить? Странно...»

– Я дозвонилась до мистера Менчика, – продолжила секретарь.

– До кого?

– Абрахам Менчик, – уточнила Джейн. – Лучший гипнотизер в городе. Он согласился приехать к вам в офис сегодня в шестнадцать тридцать.

– Для чего?

– Мистер Скотт? – после небольшой паузы произнесла секретарь.

– Да, Джейн?

– Примерно полчаса назад вы распорядились организовать встречу с лучшим гипнотизером города.

– Гм... – Гарри задумался.

Сказать, что он не помнит, как отдавал приказ? Нет, только не это. Подчиненные должны знать, что он, Гарольд Скотт, уверен в каждом своем слове. Встретиться с гипнотизером? Но для чего?

Да и паузу затягивать нельзя.

– Джейн, – холодно произнес Скотт. – Обдумав все, я пришел к выводу, что в настоящее время в визите мистера Менчика нет необходимости. Отмените встречу. А мне, пожалуйста, принесите чашечку кофе.

– Да, мистер Скотт.

Гарри отключил интерком и вернулся к делам.

* * *

– Сигару?

– Ты же знаешь, что я не курю, – проворчал сидящий на диване Ясень.

– Виски?

– Немного.

– И побольше воды?

– И еще льда.

Карбид плеснул в стакан на палец янтарной жидкости, добавил содовой, три кубика льда и подал напарнику. Сам вернулся в кресло за столом, налил себе половину стакана, вынул изо рта сигару, кивнул Виктору: «Будем», – и сделал большой глоток.

Приятное окончание рабочего дня.

«Развитая „искра“ способна нейтрализовать действие алкоголя. И чтобы затуманить голову Карбиду, требуется гораздо больше виски, чем обычному человеку. Для чего же он пьет? – Ясень повертел в руке стакан. – А почему, в таком случае, я не пью?»

Ты не пьешь, потому что тебе это не нужно.

А Герману нужно?

Виктор бросил быстрый взгляд на напарника.

«Сломался?»

Тогда бы его выгнали.

– Из комендантов просто так не уходят, – неожиданно произнес Карбид.

Ясень вздрогнул:

«Прочел мои мысли?!»

– Чаше всего уходят, как Горелый – на второй круг.

«Нет, не прочел… Наверное».

Виктор сам попросил Германа рассказать о бывшем напарнике, однако приступать к разговору тот не спешил. Уполовинил свою порцию, добавил еще, наконец-то разбавив спиртное содовой, и только после этого пробубнил начальную фразу.

И снова замолчал.

– Да уж, не хотелось бы, – пробурчал Ясень, надеясь, что Карбид продолжит.

Комендант же поднял стакан повыше, на свет.

– Странный напиток – виски. Сам по себе самогон самогоном, а добавишь сигару, и все меняется: вкус, ощущения… Уже не самогон, а напиток богов.

– К сигаре подходит не каждый сорт, – машинально отозвался Виктор.

– Разбираешься в виски?

«Черт! Кто меня за язык тянул?»

– Немного.

– Но избегаешь вредных привычек. Почему?

– Они делают нас слабыми.

– Теория имеет право на существование, – согласился Карбид. – С другой стороны, лучше знать свои слабости, а не ждать, когда они преподнесут сюрприз, проявившись в самый неподходящий момент.

– Я себя знаю.

– Не сомневаюсь.

Герман сделал еще один глоток и выдохнул к потолку клуб дыма. Аромат толстой сигары мягко, но неуклонно захватывал дежурку.

– Мы хотели поговорить о Горелом, – напомнил Ясень.

– Ты хотел, – уточнил Карбид. – Хотя наверняка читал отчет.

– Герман, если не хочешь говорить, то так и скажи. Я не буду приставать.

– Врешь, будешь.

Виктор улыбнулся:

– Согласен, буду. Но ты успеешь лучше подготовиться.

– Мне не нужно готовиться, – медленно ответил Карбид. – История гибели Горелого не изменится, потому мне нет смысла врать. Она такая, какая есть.

Гибель, да, именно гибель. Как еще назвать второй круг? Твоя «искра» сохранится, начнет все сначала, но тебя не будет. Твоих мыслей, твоих чувств, твоей памяти. Не будет. И даже Ручной Привод не сможет их восстановить. Новая личность. Новое лицо. Новая жизнь.

Второй круг.

Гибель.

Герман сделал еще глоток виски.

– Все началось с того, что мы узнали имя следующего донора…

– Каким образом? – тут же спросил Виктор.

– Узнали, – повторил Карбид. Откровенничать он явно не собирался.

– Не доверяешь мне?

– Я искренне верю, что рано или поздно мы подружимся.

– И тогда ты мне все расскажешь?

– Ну, почему тогда? Может, расскажу раньше. Кто знает, что ждет нас завтра?

– Глубокая философская мысль.

– Ты сам меня перебил.

Ясень хлебнул виски и кивнул.

– Извини. Продолжай, пожалуйста.

Больше Герман себя упрашивать не заставлял.

– Мы узнали имя донора и решили проследить за ним, взять Пандору в момент преступления. – Помолчал. – Это произошло в Хельсинки.

– Среди горячих финских парней завелись демоны?

– Нет, клиент был из Англии, а вот донора ему подобрали в Хельсинки. В отличие от нынешнего случая, донор оказался человеком семейным, жена, двое детей, поэтому Пандоре и клиенту пришлось ждать, когда он уедет в свой загородный дом…

– *Что скажешь?*

– *Действуют грубо и уверенно, никого не боятся, – хмуро ответил Горелый, не отрывая от глаз бинокль.*

Они с Карбидом лежали неподалеку от коттеджа, в кустах, и внимательно наблюдали за похищением безобидного сорокалетнего финна по имени Марти.

– *Или профессионалы, или отморозки, – предположил Герман.*

– Скорее профессионалы. У ее нынешнего клиента тесные связи с военными, полагаю, это переодетые солдаты.

– *Все может быть.*

Действовали похитители уверенно до наглости. Подъехали к домику на двух «Лендроверах», взломали дверь, ворвались внутрь и вышли через несколько секунд. Донора, голову которого закрывал черный мешок, несли на руках. Мужчина не вырывался, значит, или оглушили, или вкололи какую-нибудь «химию».

– *Если это действительно военные, нам нужно быть внимательнее.*

– *Их всего четверо.*

– *Остальная охрана у места ритуала.*

– *Человека два?*

Больше шести телохранителей ни один из клиентов Пандоры с собой не брал: похищение с последующим убийством – слишком серьезное преступление, а потому, чем меньше свидетелей, тем лучше.

– Неужели мы не справимся?

Горелый усмехнулся. Массивный, широкоплечий, он был опасным соперником сам по себе, а сверхъестественные способности раскрывшейся «искры» делали его непобедимым воином.

– Шесть, восемь – какая разница? Главная наша проблема – Пандора. Я не собираюсь ее упускать.

– Согласен.

– Почему вы не взяли похитителей? – поинтересовался Виктор. – Почему не попытались спасти донора?

– Нелегалы работают осторожно, часто бывает так, что место, куда нужно доставить донора, похитителям сообщают в самый последний момент, когда донор уже в их руках, – объяснил Карбид. – Мы могли сорвать операцию.

– Рискнули?

– А что нам оставалось? Мы проследили похитителей. Как выяснилось, они арендовали коттедж неподалеку от домика донора.

Коттедж оказался классическим финским домиком. Небольшой, одноэтажный, стоящий на берегу озера, он очень удачно вписывался в окружающий лес, и одним только видом навевал теплые мысли. Тихое озеро, тихая заводь, мягкая зелень леса – разве может произойти что-нибудь преступное в столь славном месте?

Ну а то, что вокруг коттеджа слонялись четверо крепких мужчин, куртки которых подозрительно оттопыривались, так это никого не смущало. Может, охотники на привале?

– Я войду через главную дверь, а ты через черную, – прошептал Горелый. На этой неделе он был комендантом, а потому принимал решения. – Встречаемся у места ритуала.

– Договорились.

Как найти место ритуала, их не волновало. Найдут. В конце концов, коттедж не такой уж и большой.

– Считаем до пятидесяти и входим.

– Договорились.

Карбид направился к задней двери.

– Если ты хочешь откровения, пожалуйста: мы облажались, – вздохнул Герман.

– Я не компромат на тебя ищу, а понять пытаюсь, с кем придется работать, – бесстрастно ответил Ясень.

Карбид улыбнулся. Он знал, что с появлением новичка у него тоже начнутся экзамены.

– Тебе все равно нужно знать, что мы облажались. Оба и каждый по отдельности. Никто из нас не подумал, что у коттеджа может ждать засада.

Виктор обратил на это внимание, еще читая отчет. И тогда же у него появился вопрос... который он не стал задавать инструкторам.

– Нелегалы всегда работают первым номером, опережают нас на шаг. Как это было сейчас, к примеру. Если Пандора подготовила засаду, получается, она знала, что вы следите за донором.

– Получается.

– То есть вас сдали?

– Да.

– Именно поэтому я и хотел узнать, как вы нашли донора. Нужно вычислить крысу.

– На Подстанции крыс нет, – твердо произнес Герман. – К тому же никто из наших не знал, что мы с Горелым готовим операцию. Мы даже доставку организовали сами, не привлекая Черепаныча.

В стакане Ясения оставалось чуть виски, но он не торопился допивать. Смотрел на Карбиду, и по губам скользила тень улыбки.

– Ты выжил, Горелый пошел на второй круг.

Он не обвинял, он просто бил в больное место. Не со зла. А потому, что в следующий раз на месте Горелого будет он, Ясень.

– Твои подозревают меня?

– Рекомендовали быть осторожнее.

– Не будь дипломатом, – хмыкнул Карбид. – Твое начальство очень хотело обвинить меня в предательстве. В том, что я подставил Горелого.

– Почему?

– Они думают, что я им мешаю.

– А на самом деле?

– На самом деле им мешает Ручной Привод. Всем им. И твоим, и моим.

Именно поэтому, объясняли Виктору, личность коменданта необычайно важна. Нужна крепкая, твердая «искра», убежденная в своей правоте. «Искра», которая может оказать неоценимые услуги Царству.

– Давай оставим мое начальство в стороне, – после паузы предложил Виктор. – И твое тоже. Сейчас не о них.

– Правильно. – Герман налил себе еще виски, сделал большой глоток, пыхнул сигарой. – Мы предположили, что охранников шестеро, максимум – восемь. Мы ошиблись. Нас поджидало двенадцать парней. Крутых парней.

В этот раз на Пандору работали профессионалы, прошедшие подготовку в диверсионных подразделениях и прекрасно знающие, как правильно организовывать засады. Они заняли правильную позицию, проявили завидную выдержку, дожидаясь, пока Карбид и Горелый разделятся, разойдутся в разные стороны, досчитывают до пятидесяти и двинутся к коттеджу. Только в этот момент они открыли огонь. Одновременно. И не те четверо, что слонялись у коттеджа, а восемь других, лежавшие в секретах вокруг.

Карбиду повезло. У задней двери коттеджа росло много деревьев, стволы которых защищали его от пуль. Нападавшим пришлось выбирать между вероятностью быть обнаружеными и появлением «мертвых зон». Выбрали второе и просчитались.

Единственная пуля, настигшая Карбida, прилетела в плечо. Ударила в мягкие ткани, разорвав мышцу и отправив на свободу фонтан крови, да еще заставила Карбida броситься на землю, уходя от остальных выстрелов. Будь на его месте обычный человек, все было бы кончено – раненого спецназовца добили бы без проблем. Однако Герман умел и терпеть боль, и залечивать мелкие раны.

И еще он умел сохранять спокойствие.

Лежа на земле и слушая выстрелы, Карбид не только остановил кровь, но и рассчитал местонахождение всех четырех стрелков. Двое слева, двое справа. У каждого штурмовая винтовка. Он в центре, под перекрестным. Не так уж и страшно, если подумать.

В теории, у Германа было всего два варианта действия: отступить или рвануть к дому, в надежде укрыться за дверью. На практике он избрал третий, неожиданный для стрелков – резко бросился влево, в два могучих прыжка оказавшись за спинами убийц. По пуле в каждый затылок и быстро в сторону. Стрелки справа, надо отдать им должное,

сориентировались молниеносно. Прыжки Карбida выходили за рамки возможного, однако убийц это не смущило – они мгновенно перенесли огонь туда, где находились их коллеги.

Но все равно не успели.

Трудно тягаться с человеком, в котором живет раскрывшаяся «искра».

За спину к противникам Герман вышел через две секунды, расстрелял их и бросился в коттедж. Хотя и догадывался, что опоздал. Слишком много времени потратил на стрелков.

Ритуал Пандора проводила в холле, самом большом помещении коттеджа. Логично, если учесть, что телохранителям клиента входить внутрь запрещалось. В центре комнаты два кресла. Одно пустое, во втором донор. Мертвый финн по имени Марти. Его убили сразу после ритуала, выстрелом в голову, убили до того, как сработала мина.

«Значит, нас ждали...»

Но эта мысль пришла позже. А тогда, едва увидев тело, Карбид бросился к распахнутой двери.

И остановился.

«Нет! Не так!»

Потерял еще две секунды и выпрыгнул в окно, не желая подставляться под пули, однако во дворе никого не оказалось. Ни стрелков, ни охранников, ни машин. Ни Пандоры, ни клиента.

Ушли.

Только массивное, широкоплечее тело в трех шагах от крыльца. Только друг, плавающий в луже крови. Только Горелый. Двадцать девять пуль из четырех стволов. Шесть в голову, остальные в тело. Деревьев с этой стороны дома практически не было, и стрелки били, как в тире.

– Дерьмо! – Герман уронил пистолет, подошел к напарнику и опустился на колени. Закрыл глаза. – Дерьмо!

Странные это моменты – полного опустошения. Всепроникающего, всеохватывающего горя. Каким бы воспитанным или выдержаным ты ни был, в такие минуты ты способен или кричать, или ругаться. Кричать Карбид не умел. А потому...

– Дерьмо!!

Он стоял на коленях возле друга, сжимал голову руками и ругался, как пьяный сапожник. Он знал, что ругань ничего не изменит, даже душу не облегчит, но сейчас об этом не помнил. Он выплевывал мат и богохульства. Потому что не умел от горя кричать и давно разучился плакать.

– Вот так все было, – тихо закончил Герман. – Пандора ушла, а Горелый отправился на второй круг.

И раздавил остатки сигары в пепельнице.

Ясень допил виски и осведомился:

– Как ты собираешься ее ловить?

– Пока не знаю. – Карбид вздохнул. – Я надеялся, что она уйдет с Земли.

– Почему?

– Потому что теперь для меня это личное дело. А Ручной Привод не одобряет подобные эмоции. Комендант обязан оставаться хладнокровным в любой ситуации.

«Ручной Привод не одобряет...»

А может, в этом все дело? Может, все их странности оттого, что рядом с ними постоянно работает Ручной Привод? Самое загадочное устройство Вселенной.

– Дай мне сигару, – неожиданно попросил Виктор.

Герман удивился:

– Пожалуйста.

Ясень неумело срезал кончик, раскурил, выдохнул дым и негромко произнес:

– Ручной Привод – всего лишь инструмент. Не более.

– Я знаю, – эхом отозвался Карбид.

– Но у тебя есть свое мнение на этот счет?

– У каждого есть свое мнение на этот счет. У Черепаныча, у Арчибальда, у Бизона с Бандерой... Даже Агава наверняка что-нибудь думает о Ручном Приводе. Что-нибудь свое. Особенное.

Он говорил, как с ребенком. Как будто в сотый раз повторял несмышеному ученику прописную истину. Терпеливо говорил, но с легкой усталостью. И Ясень, неожиданно для самого себя, взорвался:

– Ручной Привод – механизм! Устройство! Он не живой! Он не может ничего одобрять!

Карбид молча кивнул. Но в его глазах Виктор разглядел... жалость? Или тоску?

«Спокойнее! Спокойнее!»

Ясень потер лоб.

– Герман, я понимаю, ты хорошо относился к Горелому, считал его своим другом. Ты потерял его, но... Но приди в себя!

– Я в норме, – угрюмо произнес Карбид. – В том-то и дело, что я в норме, черт бы меня побрал! И это бесит, потому что быть в норме – это единственное, чего мне сейчас совсем не хочется. Но он требует. Потому что ему нужен спокойный и рассудительный комендант.

– Ты совсем рехнулся? – едва слышно спросил Виктор. – Ручной Привод не может ничего от тебя требовать.

– Я с ним работаю, – вздохнул Герман, поднимаясь на ноги.

– И что?

– Скоро узнаешь. – Карбид взял со стола недопитую бутылку и пошел к дверям. – Немного осталось, Ясень, потерпи.

Глава 3

За исследование «Малой Земли» Юля взялась с энергией, наличие которой отмечали и преподаватели, и те сотрудники издательств и телекомпаний, коим доводилось сталкиваться с девушкой в рабочей обстановке. Размениваться на мелочи Юля не стала. Здраво рассудив, что нынешний ее интерес не менее странный, нежели всплеск возвращений, девушка решила обратиться за разъяснениями по прежнему адресу: заняла позицию у приемной Митина и атаковала приехавшего на работу академика на правах старой знакомой.

– Иван Алексеевич! Доброе утро!

Юля надеялась, что Митин не пройдет мимо, не сделает вид, будто не узнал, и не ошиблась.

– Шустрая мамзель! – академик вздохнул. – Опять пришли меня мучить?

– Иван Алексеевич, вам важный звонок, – ледяным тоном произнесла величественная секретарша, разглядывая Юлю с ярко выраженным энтомологическим интересом. – Мэр на проводе.

Насчет «важного» звонка секретарша соврала. Нагло и демонстративно. И теперь высокомерно взирала на девушку: «Можете идти, милочка, мы вас больше не задерживаем». Обращаться к незваной посетительнице напрямую она считала ниже своего достоинства.

– Всего один вопрос, Иван Алексеевич! – жалостливо проныла Юля.

На лице выражение № 8: «Трагедия всей жизни».

И сердце главврача дрогнуло:

– Один?

– Малюсенький.

Секретарша подняла правую бровь.

– Она – шустрая мамзель, – извиняющимся тоном сообщил академик. – Пусть у нее получится.

– А что сказать мэру?

– Что я перезвоню.

Главврач пропустил Юлю в кабинет.

– Так о чем вы хотели поговорить, шустрая мамзель?

– О «Малой Земле».

– А...

Митин не изменился в лице. Не покраснел и не побледнел. Не отвел взгляд. На лбу не выступила испарина. Юля очень надеялась увидеть внешние проявления пойманного за руку преступника и просчиталась: Митин остался спокоен. Однако обрубленное «А» сказало о многом.

На этот раз девушка затронула действительно интересную тему.

– Что не так с «Малой Землей»? – рассеянно осведомился главврач, выкладывая из портфеля какие-то бумаги. Казалось, этот процесс занимает все его внимание. – Надеюсь, она на месте?

– На месте.

– Тогда в чем проблема?

Иван Алексеевич внимательно оглядел вытащенные из портфеля документы, отложил несколько листов, а остальные принялся запихивать обратно.

– Почему вы ее не снесли?

– Потому что я не строитель, шустрая мамзель. Я доктор. Местами даже академик. – Митин улыбнулся. – Мне, знаете ли, не по чину.

Но на Юлю не посмотрел.

– Я и не думала, что вы сами, во главе каких-нибудь гастарбайтеров, станете махать этой, как ее...

– Кувалдой, – подсказал академик.

– Вот именно, – согласилась девушка. – Но почему вы до сих пор не снесли «Малую Землю»? – повторила «мамзель».

– Господи ты боже мой! – всплеснул руками главврач. – Да почему я должен ее сносить?

– Потому что собирались.

– Откуда вы знаете?

– Все говорят.

– В больнице?

– А где же?

Митин швырнул портфель на пол, плюхнулся в кресло, подпер подбородок кулаком и задумчиво протянул:

– А вы действительно шустрая, мамзель.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– На вопрос ответите?

– И упорная.

– Я только учусь.

Академик крякнул. Юля мило улыбнулась и раскрыла блокнот, всем своим видом давая понять, что готова записывать.

– Я передумал ее сносить, – спокойно произнес Митин.

– Так не бывает, – немедленно среагировала девушка.

– Доживете до моих лет, шустрая мамзель, и поймете, что бывает все. Геологи сказали, что почва под «Малой Землей» недостаточно крепкая для строительства нового многоэтажного корпуса, вот мне и пришлось передумать.

– Трудно поверить.

– А придется.

– То есть вы хотите, чтобы я отправилась к геологам?

– То есть слова академика недостаточно?

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы людей спасаете, а не почву прощупываете.

– Э-э... – Митин качнул головой. – Придется согласиться.

– А еще мне кажется, что с «Малой Землей» связана какая-то тайна, – надавила Юля.

– И не одна... – брякнул главврач.

– Расскажите!

– Вот еще! – Митин, кляня себя за длинный язык, попытался вновь закрыться. – У меня не так много времени, чтобы тратить их на городские легенды.

– Тем не менее они помешали вам снести старый корпус.

– «Малая Земля» – памятник архитектуры.

– Я не видела таблички.

– Плохо смотрели.

– В нашей стране подобная мелочь никого не останавливает, – парировала Юля. – С вашими-то связями!

– Что вы знаете о моих связях?

– Все говорят.

– В больнице?

– В городе. Вы, Иван Алексеевич, фигура в Москве заметная.

Небольшая лесть в интересах дела. Отрицать свою значимость для города Митин не стал. Все знали о его знакомствах с сильными мира сего, а потому, захоти академик снести всю Михайловскую и построить на ее месте новую больницу, – снес бы и построил. И никакие памятники архитектуры его не остановили бы.

– Раскроете пару тайн? – продолжила давить Юля.

– Нет у «Малой Земли» никаких секретов, – махнул рукой академик.

Но девушка чувствовала, что Митин начал поддаваться.

– Не верю.

– Вчера вы верили в возвращения.

– Теперь я поняла, что главная тайна Михайловской больницы прячется в другом месте.

– Господи, как с вами муж живет?

– Я не замужем.

– Я не удивлен. – Главврач помолчал. Взял со стола карандаш, повертел, написал что-то на листе бумаги, скорее всего, какую-нибудь чушь. Аккуратно отложил карандаш. Свернулся лист. Разорвал. После чего спросил: – Почему вы заинтересовались «Малой Землей», шустрая мамзель?

Профессионального опыта у Юли было маловато, однако кое-какими навыками общения с людьми она уже овладела, а потому прекрасно поняла, что Митину нужно выговориться. Вот так вот просто: выговориться. По каким-то, пока не ясным причинам академик держал мысли о «Малой Земле» при себе, вполне возможно, не обсуждая ее даже с самыми близкими людьми, и теперь он готов выплеснуть накопившееся.

– Вчера я целый день провела на территории и вдруг нашла здание, которое не указано на схеме.

– И почуяли сенсацию?

– Я журналист.

– Сочувствую. – Академик вновь схватился за карандаш, но на этот раз писать ничего не стал. Оставил в пальцах. Повертел и неожиданно мягким тоном произнес: – Знаете, шустрая мамзель, я ведь на самом деле хотел снести «Малую Землю». Собственно, поэтому и распорядился не указывать ее на новых планах. А потом...

Юля затаила дыхание, ожидая поражающих откровений. В глазах главврача появилась грусть.

– Легко стереть квадратик на карте или вычеркнуть строчку из списка строений. Я принял решение, позабыв, что такое «Малая Земля». А потом оказался рядом с ней. Случайно, во время обхода территории... не забредал в ту часть парка года два и вдруг оказался... И многое понял. – Митин посмотрел на девушку: – Моей больнице триста с лишним лет, шустрая мамзель, и этот дом, «Малая Земля», – единственное строение, которое связывает нас с прошлым. Последние сто лет там располагался морг, анатомический театр... кстати, именно в нем я вскрыл свой первый труп... Когда-то в этом корпусе лечили людей. И я решил, что будет неправильно сносить «Малую Землю». Просто неправильно.

– Но ведь она вам не нужна, – тихо сказала девушка.

– Почему же? Там находится морг и анатомический театр, которые мы используем. И котельная, благодаря которой у нас всегда есть горячая вода. Кстати, там же находится резервный генератор. Так что я с вами не согласен: «Малая Земля» нужна больнице. Очень нужна.

Однако создавалось впечатление, что академик Митин старается убедить не журналистку, а самого себя.

– «Малая Земля» останется с Михайловской навсегда.

Доктора Халидова Юля умудрилась перехватить в больничном коридоре. Девушка не искала хирурга специально, понимала, что врач занят и вряд ли уделит ей время, Юля просто шла по этажу, надеясь отыскать Ольгу, увидев же идущего навстречу Халидова, вежливо поздоровалась, не рассчитывая на продолжение разговора, однако, к некоторому ее удивлению, врач остановился:

- Снова вы?
- Я работаю. Материал собираю.
- Охотно верю. – Халидов улыбнулся. – Получается?

Создавалось впечатление, что этим утром все врачи больницы пребывают в приподнятом настроении, и Юля не могла не воспользоваться таким подарком.

– А я только что с Митиным разговаривала, – небрежно сообщила она Халидову. И выверенно добавила: – Опять.

По ее расчетам, подобное уточнение должно было привлечь внимание хирурга. Расчет оправдался.

– Вы цепкая девушка, – уважительно произнес Халидов. – К старику прорваться трудно. Тем более – несколько раз подряд.

- Я журналист.
- Недостатки вас только украшают, – рассмеялся хирург. – Чем же вы мучили старика сегодня? Опять возвращениями?
- Нашла тему поинтереснее.
- Какую же?
- «Малая Земля».
- А…

Второй раз! Второй раз подряд реакцией на сочетание «Малая Земля» стало оборванное «А». У старика и у молодого мужчины. Разные поколения, наверняка – разные интересы по жизни, роднили их только профессия и… Михайловская больница. Юля поняла, что теперь она просто так Халидова не отпустит.

– Удивлены?

– Гм… – Врач взял себя в руки гораздо быстрее старика. – Я думал, вы готовите репортаж о больнице, а не об одном корпусе.

– Памятник архитектуры как-никак.

– Единственный корпус, сохранившийся от первого плана больницы, – машинально подтвердил Халидов.

– Вот видите! Это же так интересно!

– Безумно.

Настроение у врача не испортилось, однако он пребывал в затруднении, явно раздумывая, стоит ли продолжать разговор или быстренько его свернуть. Из голоса исчезла жизнерадостность, в глазах появилась дымка задумчивости. «Малая Земля» не была запретной темой, не была неприятной темой, она…

«О ней стараются не вспоминать, – поняла Юля. – Но почему?»

Пауза затягивалась. Нужно срочно задать вопрос, иначе Халидов сошлеется на «неотложные» дела и сбежит.

– Вагит, вам доводилось бывать на «Малой Земле»? – особым, максимально доверительным тоном спросила девушка.

– Разумеется, – кивнул хирург. – Там бывали все, кто стажировался в нашей больнице, в главный морг студентов пускать не любят. – Помолчал. – Я на «Малой Земле» первое самостоятельное вскрытие делал.

«Судя по всему, это у них как первый поцелуй».

– И как вам? Что вы думаете об этом здании?

— Почему вы спрашиваете? — с некоторым недоумением осведомился Халидов. — Почему я должен о нем что-то думать? Это ведь дом. Просто дом.

И опять Юля уловила фальшь. Хирургу очень хотелось верить в то, что он говорит, очень хотелось относиться к старинному корпусу как к «просто дому», но не получалось. Что-то мешало. Но что?

«Нужно его встряхнуть!»

— Понимаете, Вагит, мне показалось, что Иван Алексеевич влюблен в «Малую Землю», — невинно сообщила девушка.

— Стариk влюблен?

— Ну, возможно, я выразилась не совсем верно... — В действительности Юля намеренно использовала столь сильное слово, чтобы посмотреть на реакцию Халидова. — Не влюблен, конечно, но сентиментальность определенно присутствует. Иван Алексеевич относится к «Малой Земле» с большой теплотой.

— Это понятно, — протянул хирург. — Стариk — патриот больницы, а «Малая Земля» — наша история. Самое старое здание. Почти все мы в нем работали... «Малая Земля» ведь всего лет двадцать как потеряла свое значение. До этого в ней кипела жизнь. В морге, во всяком случае.

— А вы как к ней относитесь?

Халидов ненадолго задумался, а потом, судя по всему, решил ответить честно:

— Двояко.

— Расскажете почему?

— К возвращениям это не имеет никакого отношения, — попытался пошутить хирург.

— О воскрешениях я уже забыла.

— Навсегда?

— Похоже — да.

— У вас теперь другая тема?

— Вот именно.

Халидов вздохнул.

Митину нужно было выговориться. Этому, судя по всему, — тоже. Но стариk был готов, а хирург — нет. И постоянно пытается ускользнуть.

— Вы не любите «Малую Землю», так?

— Она не женщина, с чего мне любить кучу камней?

— Когда вы были на «Малой Земле» в последний раз?

— Я работаю в другом корпусе.

— Когда?

Хирург улыбнулся и сдался:

— Давно.

— И это никак не связано с тем, что вы работаете в другом корпусе.

— Да, не связано. Я на «Малую Землю» не хожу, если случаются дела — посылаю кого-нибудь.

— Почему?

— Не для протокола, — твердо произнес Халидов.

— Договорились. — Юля демонстративно убрала блокнот. — Ваше имя не будет иметь к этой истории никакого отношения. И еще не факт, что эта история войдет в статью.

— Вряд ли войдет, потому что история не самая интересная.

«Проломила! — обрадовалась девушка. — И этого взяла!»

— Короче, один раз, еще студентами, мы крепко надрались на «Малой Земле». Там полно пустых комнат, ну, мы после практики в одну из них завалились и здорово напились. Сначала все было очень хорошо. Мы выпивали, шутили, смеялись, подначивали друг друга,

а потом... разговор плавно сошел на нет. Вроде, выпили изрядно, самое время для ржача, а мы как-то все хмуриться начали. – Халидов помолчал, посмотрел Юле в глаза и продолжил:

– А потом нам всем стало страшно. Одновременно.

– Страшно?

– Я очень хорошо помню тот момент. Я протрезвел мгновенно, хмель будто рукой сняло. Голова ясная-ясная, ничего не туманит, и... страшно. Не из-за чего. Непонятно почему. Просто стало страшно. И всем моим друзьям тоже.

– Сколько вас было?

– Пятеро. Трои парней и две девчонки.

– И всем стало страшно?

– Одновременно, – повторил врач.

Ничего особенно загадочного в истории не оказалось – пьяники иногда заканчиваются совсем не так, как хотелось бы участникам, – но на Халидова, судя по всему, она произвела сильное впечатление.

– И что было дальше?

– Мы сидели, смотрели друг на друга и боялись, – медленно продолжил врач. – А потом вдруг поняли, что поступили неправильно.

– То есть?

– Трудно объяснить, – замялся хирург. – Мы все одновременно подумали, что напрасно устроили вечеринку на «Малой Земле». Одновременно, я знаю точно, потому что позже мы обсудили это с друзьями. Мы вдруг подумали, что не должны были так поступать. Не сговариваясь встали, собрали все, чем насорили, и ушли. – Халидов потер подбородок. – С тех пор, Юля, я не пью. Совсем не пью.

Девушка промолчала.

Халидов рассказал историю предельно серьезно, эмоционально переживая давнишние события. Для него поход на «Малую Землю» оказался меткой на жизненном пути. Зарубкой в памяти.

– Ну, да, – промямлила Юля. – На «Малой Земле» есть морг. Возможно, вы...

– В морге мне доводилось заниматься любовью. Только не на «Малой Земле», в другом. – Халидов грустно улыбнулся. – Так что присутствие неживых соседей меня не смущило бы. И моих друзей тоже.

Ольгу Юле удалось перехватить лишь к середине дня – все утро подруга провела на операции. Юля попила кофе в больничном буфете, послонялась по главному корпусу, а затем, повинувшись пришедшей SMS, отправилась в курилку седьмого этажа, где и застала подругу.

– Привет!

– Ага.

Неадекватный ответ, дрожащие руки, но при этом – сияющие глаза. Значит, все прошло удачно, однако потребовало много сил.

– Устала? – участливо поинтересовалась Юля.

– Шутишь? Какая усталость? Я самому Степину ассистировала...

Митин не обманывал: каждый врач Михайловской больницы являлся звездой или считался звездой. И подчиненные относились к ним соответственно.

Несколько минут Юля, напустив на себя умный вид, выслушивала подробности только что закончившейся операции, перемежаемые восклицаниями: «Он такой молодец!», «Господи, когда же я так смогу?», «Замечательная работа!», однако потихоньку стала тосковать. Рассказчик из Ольги был так себе, в медицинских терминах Юля путалась, и постепенно ее наполнило желание сбежать от чересчур возбужденной подруги подальше. Благоприятный момент появился, когда девушка докурила.

– Ну… – начала Юля, предполагая закончить: «Ну, я пошла», однако неожиданно услышала:

– Кстати, а ты чего опять у нас?

Ольга вспомнила о подруге.

– Новую тему нашла, – не стала скрывать Юля.

– Про возвращения забыла?

– Ага.

– Правильно, – одобрила Ольга. – А то по больнице уже слухи пошли, что нас желтая пресса атакует. Народ шутки отпускать начал.

Юля покраснела.

– Между прочим, ты мне эту тему подбросила.

– Я тебе прикол рассказала, кто же знал, что ты собираешься статью делать?

– А если бы знала?

– Наверное, все равно рассказала бы, – подумав, ответила Ольга. – Говоря откровенно, такая аномалия с трудом тянет на случайность.

– Вот видишь!

– Ладно, проехали. Что за новая тема?

– «Малая Земля».

На этот раз ставшего уже традиционным обрубленного «А» не последовало. То ли Ольга еще не знала, как в Михайловской принято реагировать на упоминание старинного корпуса, то ли удержала себя в руках. Несколько секунд она удивленно хлопала ресницами, после чего закрыла рот, но тут же его раскрыла, чтобы спросить:

– Почему?

– Есть кое-какие мысли, – уклончиво ответила Юля.

– Понятно. – Ольга отвернулась и раскурила новую сигарету. – Что же ты хочешь написать о «Малой Земле»? Статью в стиле: «Вот дом, который построил Джек»?

«Похоже, никакого криминала на „Малой Земле“ нет, – неожиданно подумала Юля. – Темные делишки творятся в укромных уголках, а „Малая Земля“, судя по всему, – местный фетиш. Она сбоку припека, но при этом всегда на виду. О ней никто не говорит, но все помнят. Появясь подозрительный факт, о нем будет гудеть вся больница».

– Хочешь сказать, что о «Малой Земле» нечего написать?

– Это самый старый корпус Михайловской больницы.

Любопытно, что они все начинают с этого. Не понимают, что подобное заявление лишь подогревает журналистский интерес?

– Это его главное достоинство?

– Не знаю, – тихо ответила Ольга, выдержав небольшую паузу.

– Занятно, – протянула Юля. – Как только речь заходит о «Малой Земле», вы все становитесь слегка сумасшедшими.

– Кто «все»?

– Иван Алексеевич, например, и Халидов тоже.

– Ты говорила с ними о «Малой Земле»?

– Да.

– И что?

– Ничего.

– Нет уж, подруга, расскажи, что они тебе ответили?

Ольга могла требовать отчета на правах старой знакомой и, очевидно, не «раскроется», не получив ответ.

– Практически ничего не ответили, – призналась Юля. – Если суммировать все, что сказали Митин и Халидов, то можно сделать вывод, что «Малая Земля» – это их воплощен-

ная сентиментальность. Старый чемодан без ручки, который и выбросить жалко, и тащить тяжко.

– Чемодан без ручки? Неплохо подмечено, – рассеянно заметила Ольга. – Сама придумала?

– Старая шутка.

– Образ подобран правильный…

– А ты чего расскажешь?

Ольга пожала плечами.

– «Малая Земля» – местная легенда.

– Это я уже поняла, – съязвила Юля.

– Самый старый корпус больницы, еще первого плана, а некоторые говорят, что дом здесь еще до больницы стоял.

– Такое возможно?

Ольга удивленно посмотрела на подругу:

– Не будь дурой, журналистка, конечно возможно: больницу ведь не в пустыне строили, а в городе.

Юля снова покраснела:

– Забыла.

– Вот так появляются мифы, – вздохнула Ольга. – «Малая Земля» обросла легендами – на десять репортажей хватит, но все они зиждутся на таких вот, с позволения сказать, «фактах».

– Расскажи хотя бы одну, – попросила Юля.

– Да байки это все, самые настоящие байки, – попыталась отмахнуться подруга.

– Оля!

– Ну, ладно. – Девушка помолчала. – Пару месяцев назад говорили, что на «Малой Земле» произошло убийство, будто ночью туда четыре черные машины приехали, а потом донеслись крики и стрельба. Даже менты приезжали.

– И что?

– Ничего, разумеется. Дом обыскали: ни крови, ни трупов, ни оружия, ни машин. А еще раньше говорили, что «Малую Землю» наркоманы облюбовали, будто там их логово, притон, в смысле. Что трупы своих корешей они в крематорий запихивают. Тоже ерунда.

– Согласна.

Юле трудно было поверить, что Митин потерпит на своей территории притон.

– Еще рассказывали, что во время войны на «Малой Земле» безнадежных раненых добивали. Эту чушь демократичные щелкоперы сочинили во время перестройки. Иван Алексеевич сначала судился с ними, а потом плюнул, сказал, что сволочи и мораль – понятия несовместимые. – Ольга улыбнулась подруге: – К тебе, разумеется, это не относится.

– Спасибо.

– Не за что.

Юля думала, что поток легенд закончился, однако Ольга продолжила:

– Еще рассказывают, что в девятнадцатом веке на «Малой Земле» обесчещенная дворянская дочка повесилась. В силу неземной любви, так сказать. И что ее призрак разгуливает теперь по коридорам. Чаще всего его наблюдают перед сессиями. Поговори со студентами.

– Изdevаешься?

– Рассказываю только то, что слышала.

– А когда была студенткой, призрак видела?

– Я была отличницей.

– Понятно.

– Надеюсь, примерное содержание легенд ты уловила?

— Ага.

— Правда же заключается в том, что «Малую Землю» не любят.

Ольга посмотрела подруге в глаза.

— Совсем?

— Абсолютно. Подмеченная тобой сентиментальность есть, легенды охотно пересказывают, все-таки история. Но никто этот корпус не любит, никто не хочет в нем работать. А единственная легенда о «Малой Земле», в которую я верю, заключается в том, что граф Михайлов хотел этот дом снести, да не успел. Но в завещании написал. И наследники не стали, хотя тоже хотели. И все, кто больницей руководил, все хотели снести «Малую Землю». И ни у кого не получалось. И у старика у нашего не получилось. А ведь дело на мази было. Иван Алексеевич деньги из федерального бюджета выбил, в рамках национальной программы. Строители уже замеры провели, хотели девятиэтажный корпус ставить, а Митин раз — и все отменил. Корпус сейчас в другом месте строят, старики велели снести пару строений, которые только в восьмидесятых годах сдали.

* * *

Странные чувства навевают порой детские воспоминания. Они редко бывают цельными, последовательными, как хорошее кино, скорее — лоскутное одеяло, сотканное из ярких, запавших в душу эпизодов. Качели, уносящие высоко-высоко вверх, под самые облака, свист ветра в ушах и смех друзей... Страх и восторг... Прыжок в воду. Не с мостика, а с ветки дерева. Не в тихую заводь, а в стремительную реку, когда выныриваешь в десяти, а то и двадцати шагах... Страх и восторг... Первое путешествие... Отец, запускающий с тобой воздушного змея... Мать, открывающая большую добрую книгу с яркими картинками... Бабушкины пирожки...

Сначала нам кажется, что детство длится всего до десяти лет, а потом наступает пора осмысленного существования. Проходит время, и создается ощущение, что даже поступая в институт, ты еще был ребенком. Затем выясняется, что до двадцати пяти у тебя «молоко на губах не обсохло», и лишь преодолев тридцатилетний рубеж, начинаешь потихоньку понимать происходящее.

Но это верно для нормальных людей, для тех, кто растет, взрослеет. Некоторые же остаются детьми до самой старости, сохранив в душе... нет, не наивность, не способность удивляться, не желание познать новое — а беспечность. Они избегают забот, их угнетают обязательства, что накладывает жизнь, рамки, которые «ограничивают свободу» и «не позволяют раскрыться». Они не умеют и не хотят ни о ком заботиться, не любят принимать решения и брать на себя ответственность. Они живут, и они счастливы. Захотелось переспать с симпатичной девушкой — переспал, захотелось не предохраняться — не стал, «залетела» — можно сделать аборт, не получилось — пусть будет ребенок. Никому не нужный.

Остаться в детстве легко. Это самый простой и легкий способ прожить жизнь.

Никому не нужную.

Странные чувства навевают порой детские воспоминания.

Почти пять минут Пандора, не отрываясь, смотрела на могильную плиту, под которой лежало ее детство. На черный мрамор, не растерявший благородства, на выбитые на нем слова и на ангела с лицом и фигурой красивой молодой женщины.

К счастью, вопреки всем лихолетьям двадцатого века, на старом московском кладбище еще сохранились дореволюционные захоронения, и отыскать знакомую могилу не составило труда.

– Привет, – тихо произнесла Пандора. – Я вернулась. – И присела на маленькую мраморную скамейку. – Вряд ли к тебе кто приходил за эти годы.

Ветви деревьев согласно зашумели: вряд ли, вряд ли, вряд ли...

– Скучала?

Дурацкий вопрос. Чему тут скучать? Под мраморной плитой лежали остатки оболочки, отработанный материал, прах. Детское тело «искры». Дурацкий вопрос.

На первый взгляд дурацкий.

– А я скучала, – вздохнула Пандора. – По тебе. По нам. По солнцу. – Она понюхала букет алых роз. – Очень скучала.

И рассыпала цветы по мрамору.

– Они всегда нам нравились, помнишь? – И грустно улыбнулась. – Конечно, помнишь.

Глупо разговаривать с собственным прахом? Глупо. Но что делать, если нет на всей Земле никого роднее?

– Помнишь, мы с тобой думали, что будет дальше? Что ждет нас впереди? За чертой?

Ветви подтвердили: помню, помню, помню...

– Знаешь, там гораздо лучше, чем можно было себе вообразить и... и... – К горлу Пандоры неожиданно подкатил комок. – И гораздо хуже, чем можно было ожидать. Во стократ хуже.

Что есть мечта?

Настоящая мечта? Заветная мечта? Та самая, которая несбыточная?

Кто-то скажет: великая цель – и будет прав. Но вот понятие «великое» у каждого из нас разное, одному нужен целый мир, другому достаточно домика у моря.

Кто-то скажет: наслаждение победой, и с этим тоже не поспоришь. Однако испытываешь легкую грусть от того, что мечта оказалась всего лишь наслаждением.

Одни из нас пытаются обрести гармонию внутри, другие ищут житейских радостей, третьяи алчут завистливых взглядов окружающих, четвертые – денег. Мы называем мечтой то, чего хотим больше всего на свете. Мы называем мечтой то, чего жаждем, то, на что устремлены наши помыслы, наши поступки. Мы работаем, как черти. Мы ставим на кон свое время, свои силы, свое здоровье, мы ставим на кон саму жизнь, ибо если мечта действительно стоящая, времени на исполнение другой попросту не останется.

Мы побеждаем.

Но после, держа в руках кровью и потом заработанный приз, ловим себя на мысли, что к радости примешивается легкая грусть.

Путь пройден. Мечта сбылась.

Получается, мечта – это достижение? Ставка, которую мы делаем, а также кровь, пот и мозоли, которые прилагаются к игре по этой ставке? Принимая награду, мы гордимся не тем человеком, что стоит на вершине, а тем, кто шел к ней. Гордимся его умом и хитростью, силой и бесстрашием, твердостью, упорством, удачливостью. А цель, награда – это всего лишь приятный и долгожданный приз. Разве может приз быть мечтой? Ведь уже завтра он окажется пройденной вершиной, одной из многих, если ты будешь умным, хитрым, сильным и бесстрашным.

И тебе захочется большего.

Но как много может заполучить обычный человек? Все на свете или чуть-чуть меньше? Зависит от амбиций и сил. А вот сил у обычного человека мало, едва на жизнь хватает, на один век, в котором, вопреки названию, гораздо меньше ста лет. Так мало, что не поймешь, пока не почувствуешь. Не поверишь, пока не увидишь. Не осознаешь, пока не станешь другим. А когда станешь, то поймешь, что настоящая мечта – это сила и вечность.

Ты можешь все и наслаждаешься миром тех, кто может все. Ты стал другим, освободился от вчера и стал сейчас, потому что завтра не имеет смысла. Завтра ты снова будешь сейчас. Все, что было вчера, кажется жалким на фоне тебя сейчас, ведь теперь ты умеешь едва ли не все.

Но любая мечта становится пройденной вершиной. Любая.

И вскоре приходит понимание, что вчера больше нет, а завтра никогда не наступит. Ты можешь дотянуться до любой звезды, но каждый ее восход – это сейчас. Восход больше не приносит ожидания. В жизни нет достижения, потому что завтра не имеет смысла.

И ты понимаешь, как много потерял в момент осуществления самой сокровенной своей мечты, той самой, которую боялся желать, меняя ее на цели. Ты обрел силу и вечность. А потом вдруг понял, что вечность – это постоянное сейчас.

– Почему взрослым приходится расплачиваться за детские ошибки? – негромко спросила Пандора. – Несправедливо. Как думаешь?

Ангел не ответил. Даже деревья притихли. Воздух стал чуть более прозрачным и чуть более густым. Но именно чуть – совсем незаметно для постороннего взгляда. Для глаз и чувств обычных людей.

Пандора усмехнулась: «все понятно», и достала из сумочки телефон на секунду раньше, чем он зазвонил:

– Алло!

– Нам понравилось, как ты отработала в Америке, – произнес нарочито безжизненный голос.

Они всегда выходили на связь анонимно, будто кто-нибудь во всей Вселенной мог подслушать их разговор.

– Да, – безразлично отозвалась женщина. – Меня снова не поймали.

– И не поймают, – пообещал голос. – Ты умная и осторожная. Мы в восхищении.

Пандора посмотрела на могилу, на ангела с прелестным девичьим лицом, на выбитые на мраморе буквы.

– Я хочу вернуться.

Она увидела все, что хотела. Она сделала большую часть работы. Хватит. Здесь слишком опасно.

– Полагаю, это будет преждевременно.

– Коменданты на хвосте.

– Еще нет. Ты их опережаешь, Пандора, и всегда будешь опережать. Все, что им остается, – идти по твоим следам.

Собирать покойников и ломаные «искры».

Пандора неожиданно подумала, что взгляд у мраморного ангела укоряющий. Или просто грустный?

– Мы уверены, что трех оставшихся клиентов ты обработаешь столь же качественно, как и предыдущих.

– Троє – это очень много, – тихо, но твердо произнесла Пандора. – Я хочу вернуться.

– Мы будем недовольны.

– Плевать.

В трубке послышалось шипение.

– Ты меня слышишь?

Шипение перешло в треск, который сначала резко усилился, а затем неожиданно оборвался.

Решил бросить трубку, демонстрируя свое раздражение? Возможно.

«А может, попробовать обойти кордоны? Прорваться?»

Не получится. Возьмут. Земля слишком важна, и Царства обложили ее со всех сторон. Проникнуть и уйти можно лишь при поддержке одного из них. А попадаться нельзя ни тем, ни другим. Потому что...

Пандора, продолжавшая держать возле уха молчавшую трубку, закрыла глаза.

«Потому что и тем, и другим нужен „резчик“, но ни тем, ни другим не нужна „искра“...

– Я должен был посоветоваться, – сообщил вернувшийся голос. – Если ты покинешь Землю, мы тебя крепко накажем.

«Тоже мне новость».

– Но есть способ разрешить нашу маленькую проблему к взаимному удовольствию, – продолжил голос.

«Сделка?»

Пандора понимала, что просто так от нее не отстанут, не вернут с Земли, несмотря на то, что контракт исполнен больше чем наполовину, и была готова выслушать встречное предложение.

– Говори.

– Обработай одного клиента, и мы в расчете.

– В чем подвох?

– Человек живет в Москве.

– Здесь же Ручной Привод!

– Именно поэтому столь высокая цена: один к трем, – бесстрастно объяснил голос. – Обработаешь, и мы в расчете.

Пандора не думала, что предложение будет столь рискованным. С другой стороны: один к трем. Очень выгодная ставка, если вдуматься.

– Почему Москва?

– Во-первых, нам интересен этот человек. Он очень перспективен для нашего Царства. Во-вторых, это политический вопрос. Мы хотим нанести удар именно в Москве. По Подстанции. Ты взрослая девочка и понимаешь, что такие услуги не забываются. – Голос выдержал паузу. – Мы обещаем полную поддержку, Пандора, мы не хотим тебя терять.

«Разумеется, не хотите. Когда вы еще найдете „резчика“, согласного вернуться на Землю?»

– Договорились?

«А что остается?»

– Да!

Недовольная собой Пандора убрала телефон, поднялась со скамьи, в последний раз посмотрела на грустного ангела и медленно направилась к выходу с кладбища.

* * *

«Господи, такая женщина и без сопровождения? Одна?!»

Идеальный овал лица, большие глаза, пушистые ресницы, тонкий нос, полные губы – лицо настоящей королевы, гордой повелительницы, ради взгляда которой свершаются все-ленские безумства.

«Какая красавица!»

Андрей остановился и тряхнул головой.

«Что я делаю?»

Но эта мысль ускользнула, поразив своей глупостью. Что делаю? Восхищаюсь! Любуюсь! Очаровываюсь!

«Какая красавица!»

Удар молнии – вот что это было. Вспышка сверхновой. Разорвавшийся в душе раскаленный шар невыносимой сладости. С Андреем произошло то, что возможно только в юности. Он увидел женщину, мгновенно и полностью поглотившую все его «Я». Андрей не знал, как ее зовут, кто она, откуда взялась, но если бы незнакомка сказала: пади ниц и целуй мою туфлю, не задумываясь, бросился бы на колени. Вот что это было.

«Она – идеал!»

Андрей застыл как вкопанный. В глубине души понимал, что выглядит глупо, что способен вызвать только улыбку, однако ему было плевать. Он нашел свою Галатею. Он пожирал ее глазами. Он наслаждался ее присутствием.

Раскрывший рот юнец.

Разумеется, незнакомка заметила Андрея. Разумеется, она поняла, какое впечатление произвела на юношу. Она могла уйти, посмеявшись над ошарашенным мальчишкой, но вместо этого остановилась в шаге от Андрея и улыбнулась.

– Ему нравилось, когда я так одевалась.

Нет, вы вдумайтесь: ему нравилось! Этого самого «его» черви жрут, а женщина с внешностью королевы приходит на кладбище, одеваясь так, как «ему нравилось»! Кем же был этот «он»?!

– Я...

Взгляд юноши остановился на глубоком декольте женщины, на кружевах лифа, что игриво вылезали за платье, мягко обволакивая полукружья груди. Андрей смутился еще больше. Стал пунцовым.

– Все нормально, мальчик.

– Вам... – Андрей кашлянул. Набрался смелости и посмотрел незнакомке в глаза. – Вам говорили, что вы – богиня?

– И не один раз, – не стала скрывать женщина.

– Все правильно, – пробубнил юноша.

– Но мне нравится слушать комплименты, – закончила женщина.

– А мне их говорить. – Взгляд вновь опустился на кружева. – Вам.

Андрей вдруг подумал, что очаровавшей его незнакомке может быть сколько угодно лет: и двадцать пять, и сорок. Она брала не очарованием молодости, а подлинной, вневременной женской прелестью, зрелой и в то же время – свежей.

– Как тебя зовут?

– Андрей.

– Красивое имя, – одобрила незнакомка. – И оно тебе подходит.

– Спасибо.

Он мог только мямлить.

Андрей не был стеснительным парнем, не был девственником, легко знакомился с девушками, умел произвести впечатление, добиться желаемого, но сейчас он терялся. Казалось, незнакомка отняла у него волю.

– Прощай, Андрей.

Женщина продолжила свой путь. Идеал. Красивое лицо, великолепная фигура и потрясающая пластика.

Хотелось броситься за ней следом. Хотелось признаться, что он готов на все ради нее. Даже не ради обладания, просто чтобы быть рядом...

Но в тот же миг Андрей вспомнил, где находится. Куда пришел. К кому пришел.

Вспомнил и стиснул зубы.

«Нет, отец, я не повторю твою ошибку!»

Развернулся и направился к могиле.

«Женщина не должна иметь над мужчиной такую власть! Не должна!»

С другой стороны, а для кого нам тогда охотиться?

– Привет, отец. Я снова к тебе. Не против?

С похорон прошло всего три дня, поэтому памятник еще не поставили. Успели только участок оградить, да и то временно. Четыре низеньких столбика и цепочки, опоясывающие усыпанный цветами холм, простой деревянный крест и табличку: «Сергей Александрович Веснин». На крупной фотографии – улыбающееся лицо моложавого мужчины. Отец сам так велел, сказал: «Я хочу вам улыбаться». Недели за две до смерти сказал. Будто чувствовал.

Хотелось курить, но на кладбище нельзя.

– У меня пока все нормально, – протянул Андрей. – Привыкаю обходиться без тебя. Получается так себе, но ведь ни хрена не изменишь, правда? Теперь уже ни хрена не изменишь.

Сергей Веснин не ответил.

Андрей же вновь вспомнил сногшибательную незнакомку.

«Ему нравилось, когда я так одевалась».

Потрясающе.

А вот на могилу отца не придет фигуристая вдова в облегающем черном платье. Никогда не придет, потому что она даже на похоронах не появилась. Смерть «любимого» мужа Мария Крестовская отпраздновала с размахом. «Добрые друзья» уже напели Андрею о вече-ринке, которую закатила его мамаша в «Кристалле». Впрочем, о ее отношениях с Сергеем знали все. Вот если бы она заявилась рыдать на похоронах, по Москве поползли бы слухи. А так… все в порядке вещей.

– Видел вдовушку, что здесь бродит? – Андрей криво усмехнулся. – Я едва не забыл, зачем приехал.

«Но твою ошибку я не повторю…»

После ухода жены Сергей Веснин так и не приблизил к себе ни одну женщину. Романы случались, и довольно часто, однако дальше постели никого не пускал. То ли не верил им, то ли ждал, что Мария вернется. Вот и получилось, что к могиле приходит только сын. Друзья… да, друзей на похоронах было достаточно, последний долг они отдали, что еще требовать от друзей?

– Я, папа, не знаю, что произошло, но мне начинает казаться, что все это не случайно. Люди шепчут разное.

Неожиданная смерть крепкого, полного сил мужчины всегда вызывает недоуменные вопросы, а уж когда этот мужчина владеет состоянием под сто миллионов евро, там уже не вопросы, а расследование. И хотя эксперты в один голос утверждали, что Сергей Веснин умер по естественным причинам, люди все равно шептались.

– А если честно, папа, я тебя немножко обманул. Похоже, в ближайшее время мне придется очень тяжело.

* * *

«Подмеченная тобой сентиментальность есть, легенды охотно пересказывают, все-таки история. Но никто этот корпус не любит, никто не хочет в нем работать…»

Фраза Ольги продолжала звучать в ушах Юли, так же как и слова Халидова:

«Мы все одновременно подумали, что напрасно устроили вечеринку на „Малой Земле…“

И Митина:

«Я решил, что будет неправильно сносить „Малую Землю“. Просто неправильно…»

Старинный корпус оставил след в душе каждого из собеседников молодой журналистки и – Юля в этом не сомневалась – в душе каждого работника Михайловской больницы.

«Но почему? Только из-за того, что „Малая Земля“ – самая старая постройка на территории?»

На первый взгляд – да, ибо древние дома всегда порождают мифы. Но слишком уж серьезно говорили о старом корпусе и Митин, и Халидов, и Ольга. Каждый из них в какой-то миг переставал шутить, и из-под маски благодушия появлялся... Страх? Нет. Настороженность? Пожалуй – да, именно настороженность. В глубине своих прагматичных душ они понимали, что знакомая, досконально изученная «Малая Земля» в действительности представляет собой загадочную *«terra incognita»*.

А все неизвестное порождает настороженность.

Внешне же в «Малой Земле» не было ничего странного или пугающего. Обычный старый дом, небольшой, но элегантный. Ведь строили здание в те времена, когда комфорт и удобство еще не подавили красоту, и философия сложения камней в единое целое была совсем иной, нежели сейчас.

«Единственная легенда о „Малой Земле“, в которую я верю, заключается в том, что граф Михайлов хотел „Малую Землю“ снести, да не успел. Но в завещании об этом написал. И наследники не стали, хотя тоже хотели. И все, кто больницей руководил, все хотели снести „Малую Землю“. И ни у кого не получалось...»

Куча легенд и баек: повесившаяся барышня, убийства раненых, притон, перестрелка... Дом не замыкался на прошлом, заставлял сочинять о себе все новые и новые небылицы. Кровавые, смешные, загадочные... А главное, что помимо настороженности, несмотря на то что «Малую Землю» не любят, Юля чувствовала сквозящую в рассказах о старинном корпусе теплоту. Даже Халидов, который очевидно побаивался загадочного дома, говорил о нем с тихой, грустной теплотой.

«Малая Земля» притягивала и отталкивала.

И поэтому девушке очень захотелось поговорить с теми, кто каждый день приходит в старое здание на службу. Посмотреть на этих людей. Ведь они не могут не знать всех тех легенд, что ходят по больнице, не могут не испытывать тех же чувств, что и коллеги. Ведь у них должны быть какие-то мысли о доме, в котором они проводят свою жизнь.

А еще Юля хотела попасть внутрь. Ей казалось, что это очень важно.

– А теперь смотри внимательно, Бандера, – усмехнулся Карбид. – Я забираю трефу на туза и отдаюсь Бизону в бубну. Так, Бизон? Ведь старшая бубна у тебя?

– У меня, – признался лохматый.

– Ты подглядывал! – возмутился Бандера. – Карбид, так нечестно!

– Я не подглядывал, я просчитывал, – отрезал Герман. – Бизон, ты забираешь?

– А куда мне деваться?

– И куда ходишь?

– А это важно?

– Разумеется.

Бизон задумался. Бандера уставился в карты, его губы беззвучно шевелились. Белобрысый даже не заметил, что толстый енот, к тихой радости окружающих, подобрался к стулу и принялся покусывать его брюки.

– В пику, – выдохнул, наконец, Бизон. – Вот!

И положил на стол девятку.

– Самое смешное, Бизон, тебе было совершенно все равно во что выходить. – Карбид положил рядом семерку. – Потому что все остальное забирает наш друг Бандера.

– Правда?

– Правда. – Герман разложил на столе все свои карты. – Ведь так, Бандера?

Тот громко выругался. И тут же еще раз, вытаскивая лапы Агавы из накладного кармана штанов.

– Пошел прочь, обжора! Не видишь – проигрываю!

Арчибалд и Черепаныч заулыбались. Енот обиженно проворчал что-то и вперевалочку удалился под стул Карбид.

– Йа! – Бизон радостно хлопнул по столу ладонью. – А ты нужный товарищ, брат Бандера! Весь отрицательный «ералаш» собрал! Молодец.

– Не весь, – пробурчал расстроенный парень. – Минус две взятки.

– Минус две пустые взятки!

Заказного «кинга» играли в кинозале, установив на эстраде лакированный, неуместно элегантный ломберный столик на изогнутых ножках. Карбид скинул свитер, оставшись лишь в синей майке с изображением красного гарцующего жеребца и надписью «Кони пляшут!». Он не выпускал изо рта сигару, изрядно надымил, а потому в небольшом зале было довольно душно. Впрочем, никого это обстоятельство не смущало. Черепаныч, четвертый партнер, крутил самокрутки, Арчибалд, не признающий ничего, кроме преферанса, а потому оставшийся зрителем, посасывал коротенькую трубку, Бизон и Бандера периодически тянули сигареты.

– Моя сдача. – Карбид принялся тасовать карты, поглядывая, что Черепаныч записывает в «простыню». – Бандера, ты здорово просел. Смотри, в рабство продадим.

– Кому я нужен?

– Какой-нибудь дамочке сгодишься, брат Бандера, – хихикнул Бизон.

– У тебя «гора» не меньше.

– Миньше.

– Это потому, что Черепаныч пишет, а не я.

– Тебе раз доверили…

– Я не виноват, что вы плохо читаете римские цифры!

– Это были просто черточки!

– Ты идиот, брат Бизон! Если ты плохо учился в школе…

– Благодаря необычности своего явления, кометы, затмения и метеориты, которые обычно называли «падающими звездами», вызывали неподдельное изумление у людей древности, – безапелляционно заявил стоящий в углу приемник. – Им приписывали такие стихийные бедствия, как бури, наводнения и землетрясения. В зороастризме падающие звезды рассматривались как демонические сущности, которые изменяют космический порядок, определяемый системой неподвижных звезд…

Арчибалд, на правах хозяина помещения, поднялся и выключил радио.

Игроки переглянулись.

– Кстати, о сущностях, изменяющих космический порядок, – буркнул Черепаныч. – Кто-нибудь знает, где Ясень?

– Появился с утра невыспавшийся и сказал, что поехал квартиру смотреть, – наябедничал Бизон.

– А то он такой бездомный, что девушку некуда пригласить, – хихикнул Бандера и доложил: – К Зинке спать ездил.

– Кто к ней только не ездил… – задумчиво протянул Карбид.

– Да уж, Ясень не стал оригинальничать, – рассмеялся Бизон, принимая карты.

– Кстати, Герман, как он тебе?

Спросил Черепаныч, но, судя по тому, с каким напряжением четыре пары глаз уставились на коменданта, вопрос интересовал всех. Арчибалд вытащил изо рта трубку, чтобы лучше слышать. Из-под его стула помахивал полосатый хвост.

– Молодой, – коротко ответил Карбид.

– Ясень старше тебя, – негромко напомнил Бизон.
– И много видел, – неожиданно серьезно добавил Бандера.
Вместо коменданта ответил механик:
– Идеалисты поздно взрослеют, – и цокнул языком.
Аскольд Артурович согласно кивнул.
– Злой он, – буркнул Бандера. – Я злых чую.
– Тоже мне, собака-поводырь, – шикнул на приятеля Бизон. – Чуять на кухне надо, где мясо варится, а где картошка. С «искрой» однозначно никогда не получается.
– Сам ты собака, брат Бизон! Помнишь, как Ясень про Горелого сказал?
– Он Горелого не знал совсем.

– Ну и что? Уважение должно быть в человеке. В конце концов, они из одного Царства.

– Ясень не злой, он марку держит, – поддержал Бизона Черепаныч. – Хочет суровостью авторитет набрать.

– Какая, к чертовой матери, суровость?! – распалился Бандера. – Злой!

Белобрысый здоровяк завелся не на шутку, еще минута и он начнет орать, доказывая свою правоту, а то еще и подерется. Не с Черепанычем, конечно, а с Бизоном. Бандера всегда, когда хотел дать в репу механику или коменданту, начинал драться с приятелем – безопаснее. Карбид, верно оценив состояние белобрысого, собрался было вмешаться, однако Черепаныч справился сам.

– Однажды, когда я странствовал по Малой Азии и Малороссии, мне довелось играть за харчи четвертый бубен в медитативном оркестре ивано-франковского дурдома… – Повествование велось в жесткой, внушающей манере и заставило Бандеру прислушаться. – Разучивали мы, как сейчас помню, Гайдна, но споткнулись, и дирижера нашего изнервировали так, что он, несмотря на склонность к самосозерцанию, угодил в кризис. Поскольку прерывать репетиции главный врач не решился – впереди маячил межотраслевой конкурс домов печального образа, – назначил он нам нового дирижера. Как позже выяснилось – из шизофреников. Вот он, доложу тебе, Бандера, был злой. Помню, за бубен меня укусил в пылу. Другой бы на его месте подавился, а этот только слюну пустил и пошел себе дальше. Во-от…

Спрашивать у Черепаныча, почему он вспомнил именно эту историю, было бесполезно. Механик доставал байки из запасников памяти по принципу, известному только ему одному. Иногда рассказы казались совершенно не соответствующими ситуации, но перебивать Черепаныча никто не решался. Сидели и слушали.

– Виктор сам еще не знает, что делать, – закончил механик. – Он ищет.

Все снова посмотрели на Карбida. Тот аккуратно положил на стол две последние карты и улыбнулся:

– Или Ясень будет с нами, или его здесь не будет. – И поднялся на ноги. – Играйте, я скоро вернусь.

Енот попытался двинуть следом, однако уперся в захлопнувшуюся дверь, обиженно хрюкнул и направился за утешением к Аскольду Артуровичу.

Юля медленно подошла к крыльцу «Малой Земли», постояла несколько минут, дотягивая сигарету и надеясь, что возле корпуса кто-нибудь появится, не дождалась, бросила окурок в ржавую урну, поднялась на пять щербатых ступенек и потянула ручку двери на себя. Скрипнули петли. Изнутри потянуло холодом.

«Из морга?»

Шутка не удалась, напряжение усилилось.

«Входить или нет?»

Откуда взялись сомнения? Из глупого предположения, что здесь, на «Малой Земле», убивают людей и извлекают из них органы? Да, наверное, из него. Тоже. А еще Юля коле-

балась потому, что за двадцать минут наблюдений за зданием никто в него не входил и не выходил. Ни одна живая душа не потревожила покой «Малой Земли». И это в разгар рабочего дня! В больнице!

«Тебе ведь говорили, что здесь все резервное: котельная, морг, анатомический театр... Сюда никто не ходит».

Но неприятные ощущения тихим морозцем сковывали волю, не позволяя войти в здание обычным, спокойным шагом.

«Не будь дурой!»

Девушка решилась, переступила порог – дверь скрипнула, закрывшись за спиной, – и громко спросила:

– Есть кто-нибудь?

Вопрос умер в пустом холле.

Два больших окна, крашенные зеленым стены, потемневший от времени паркетный пол, коридор налево, коридор направо, две двери прямо, а между ними – выход на лестничную площадку.

– Есть кто-нибудь?

Холодно. И тихо.

«Бродит ли здесь призрак повесившейся девушки?»

Юля неуверенно сделала еще пару шагов, вновь осмотрелась – никого, подошла к висящему на стене объявлению и с удивлением прочитала:

«Лучше направо».

Из кинозала Карбид вышел подчеркнуто неспешно, вразвалочку, однако, оказавшись в коридоре, резко сменил темп, быстрым шагом добрался до лифта, вошел в него и вывел из спящего режима вмонтированный в стенку компьютер. Через несколько секунд на мониторе появилось изображение идущей по коридору девушки.

– Добрый день, Юля, – улыбнулся Герман. – Вот мы и встретились.

Каким образом она заблудилась?

Юля не понимала, абсолютно не представляла, как такое могло случиться, и это непонимание подпитывало зарождающуюся панику.

«Держи себя в руках!»

Но получалось, говоря откровенно, плохо.

Выглядевшая крошечной снаружи, изнутри «Малая Земля» оказалась значительно большей, чем ожидалось. Девушка предположила, что крылья уходили назад, скрывались за фасадом, не подумав о том, что корпус стоял практически вплотную к забору подстанции «Скорой помощи» и тянуться крыльям, собственно, было некуда.

Не подумала.

Прочитав объявление, Юля, само собой, отправилась налево – подчиняться дурацкой надписи она не собиралась. Прошла по коридору, который неожиданно стал выгибаться дугой, свернула в крыло, надеясь наткнуться на морг или анатомический театр, но в результате оказалась в тупике. Окно, которым заканчивался коридор, наглухо заложено кирпичом, а все двери – заперты на ключ.

Юля пожала плечами, развернулась, намереваясь вернуться в холл, вышла из тупикового крыла, но через несколько шагов сообразила, что коридор стал изгибаться в другую сторону.

«Не туда свернула?»

Девушка вновь развернулась, однако проход в тупиковое крыло теперь закрывала дверь, на которой висела маленькая табличка: «Посторонним вход воспрещен».

Минуту назад двери не существовало.

– Что происходит?

«Я очень хорошо помню тот момент. Я прозрел мгновенно, хмель будто рукой сняло. Голова ясная-ясная, ничего не туманит... И страшно. Не из-за чего. Непонятно почему. Просто стало страшно...»

Так говорил доктор Халидов.

У Юли затряслись губы.

– Это шутка?!

Вопрос змеей скользнул по коридору.

– Как мне выйти?

Тишина.

Куда идти? Направо? Налево? Или прямо? Дверь закрыта на обычную защелку, фактически открыта. Проход защищала только надпись.

«Если посторонним нельзя, значит, там служебные помещения. И наверняка именно там сидят сейчас местные. Жрут небось, время-то обеденное. Поэтому никого нет. Да, они обедают!»

Юля открыла дверь, сделала несколько шагов по коридору и громко позвала:

– Есть кто-нибудь?

Никого.

Находящийся за дверью коридор не был похож на то крыло, которое девушка исследовала несколько минут назад. Он был значительно короче – с каждой стороны всего по две двери, а стены выкрашены голубой краской.

«Я что, схожу с ума?»

Юля повернулась и закричала от страха: двери не было. Вместо нее появилась лестничная клетка.

* * *

В отличие от многих своих коллег, Павел Розгин не грезил офисом в модном месте. Не стремился поближе к Старой площади или Сити. Зачем? Классика всегда в цене, а московская классика – Пречистенка, знаменитая «Золотая Миля», место, где квадратный метр стоит дороже, чем на нефтяных полях Саудовской Аравии, а блестящие лимузины шелестели по асфальту не резиной, а пачками наличных. Именно здесь, в одном из тишайших и дорогущих переулков, прятался небольшой уютный особняк, полностью занятый юридической компанией Розгина. Никаких соседей, никаких арендаторов, только видный, но малоизвестный широкой публике адвокат и его подчиненные.

Дорогу в особняк Андрей знал хорошо, потому что не один раз приезжал с отцом к Павлу – Сергей Веснин постепенно вводил сына в курс дел, однако в одиночестве молодой человек оказался здесь впервые. Разницы, впрочем, не ощутил. Вышколенные охранники Андрея узнали, пропустили без вопросов, примчавшаяся девушка проводила юношу в комнату переговоров, стены которой украшали два подлинника Кандинского, предложила кофе и тихо растворилась, получив отрицательный ответ. Розгин тоже не заставил себя ждать, появился через минуту после ухода девушки, за руку поздоровался с юношей и плюхнулся на диван. Именно плюхнулся, подчеркивая, что дела делами, но они с парнем люди близкие, а потому этикет можно оставить за дверью. Тем не менее тон беседы оказался предельно деловым:

– Андрей, мы должны серьезно поговорить.

– Для этого я и пришел, так ведь?

– И этот разговор тебе не понравится, – закончил адвокат.

– Почему-то я не удивлен.

Павел улыбнулся.

Розгин был умным, удачливым и весьма известным в узких кругах специалистом по юридическим вопросам. Однако узким этот круг был только количественно, по качеству он мог дать сто очков вперед любым «широким слоям». Достаточно сказать, что пропуском в переговорную Павла служило состояние от пятидесяти миллионов – на других людей у Розгина элементарно не оставалось времени. Он специализировался на международном праве и консультировал тех, кто вел или собирался вести серьезные дела за пределами России. Бульдожья хватка и обширные связи снискали Розгину славу едва ли не всемогущего адвоката, а знаменитая щепетильность – Павел не воровал и не болтал – вызывала уважение и доверие. Другими словами, лучшего душеприказчика Веснин и желать не мог.

– Вчера вечером я разговаривал с твоей матерью.

– Сочувствую.

– Шутка хорошая, но неуместная.

– Извини.

– Не за что, – помолчав, произнес Розгин. – Я просто хочу, чтобы ты относился к ситуации предельно серьезно. Смеяться будем потом.

– Какие у меня проблемы?

– Семейные.

Мария Крестовская была моложе Сергея Веснина на пятнадцать лет. Красивая и умная девочка из хорошей, но не очень богатой семьи. Она вышла за Сергея очень рано, на третьем курсе института. Не смогла выдержать напор пораженного в самое сердце Веснина, который – буквально – швырнулся к ногам избранницы весь мир. Вышла из-за денег? Чтобы вырваться из-под родительской опеки? Под влиянием романтического порыва? Кто знает? Как бы там ни было, к семейной жизни Мария оказалась совершенно неприспособленной, не нашлось в ее голове раздела «Семейные ценности». Мария продержалась всего три года, а вскоре после рождения сына начались интрижки. «Останусь ночевать у подруги», «Съезжу с Алисой в Париж, прошвырнемся по магазинам», длительные вечерние походы в «фитнес-клуб». Некоторое время Веснин-старший терпел, затем начались скандалы. Взаимные обвинения, битье посуды, шумные примирения в спальне и… новый круг. Семь лет назад Мария ушла совсем. Улетела с очередным любовником в Рим и отказалась возвращаться. Окружающие решили, что все наконец закончилось, однако Сергей не стал настаивать на разводе. Резонами своими ни с кем не делился, но, судя по всему, надеялся, что Мария вернется. Крестовскую такое положение дел полностью устраивало, ведь деньги Сергей перечислял регулярно. Незадолго до смерти мужа Мария вернулась в Москву, однако времени, чтобы встретиться с кем-нибудь из Весниных, не нашла, все ее внимание было приковано к новому другу.

– Жаль, что твой отец не развелся с Марией, – ровно произнес Розгин.

– Он не хотел.

– Я знаю. И все равно жаль. Безоглядная любовь хороша в мелодрамах, в реальной жизни она конкретно мешает.

– Мне?

– Мария претендует на наследство. Логично, учитывая что она супруга.

Действительно логично. Андрей не удивился. Спросил только:

– А я?

– В самом лучшем случае ты потеряешь половину. Если мы сумеем убедить судью, что Мария давно живет вне семьи и не занималась твоим воспитанием.

– Какое это имеет значение?

– Докажем, что ты и она – не одна семья, а две. И поделим наследство пополам.

– А если не докажем? Что будет в худшем случае?

– Худшего не будет, – отрезал Павел.

– И все же? Я хочу знать все возможные варианты.

Розгин поморщился, но ответил:

– Сергей не оставил завещания. Соответственно, Мария может заполучить почти все состояние, минус небольшие отступные тебе.

– Насколько небольшие?

– Ты сможешь закончить образование. Купить квартиру. Начать собственное дело. А может, не получишь ничего, кроме содержания от матери.

Родителям хорошо, они занимаются любовью, получают удовольствие, а детям потом жить.

– Будет суд?

– И довольно грязный, – хмуро ответил Розгин. – Мне придется рассказывать о твоей матери. А тебе придется слушать. Дерьмовое дело, если честно. Но еще более дерьмовым его делает то обстоятельство, что Мария предложила мне сделку.

Андрей удивленно поднял брови:

– Зачем?

– Затем, что сейчас только я могу ей противостоять, – объяснил Павел. – Только у меня есть возможность собрать сведения обо всех ее любовниках, проследить все ее передвижения по миру и заставить свидетельствовать тех, кто может рассказать о ее художествах. Есть люди, которые откроют рот только в том случае, если я их попрошу.

«Или надавит».

– Никто другой противостояние не осилит, и Мария это понимает. Потому и предложила мне десять миллионов. За бездеятельность.

Если бы Андрей знал Розгина хуже, он подумал бы, что адвокат указывает желаемый гонорар. Однако в свое время Сергей очень четко обрисовал сыну личность Павла, и юноша молча ждал окончания речи.

– Я любил твоего отца, Андрей, – негромко произнес адвокат. – Он сумел остаться настоящим человеком, мужиком, которому можно было верить на слово. Я исполню его волю. Буду биться за твое наследство.

– Спасибо.

– Пока не за что. – Павел помолчал. – Есть еще один нюанс, о котором ты должен знать, Андрей. В настоящее время Мария живет с человеком по имени Семен Костылев. А у него, по моим сведениям, назревают серьезные финансовые проблемы.

– Это важно?

– Не знаю, – ответил Розгин. – Но забывать об этом факте не следует.

* * *

Слезами делу не поможешь.

Криком, который издала Юля, увидев лестницу вместо двери, дело не ограничилось. Выскочив на площадку и удостоверившись, что глаза ее не обманывают, девушка впала в самую настоящую истерику. Она кричала, стучала кулаками по стенам, и ногами – по металлическому ограждению. Ругалась, звала на помощь, куда-то бежала, возвращалась, снова бежала. А потом забилась в уголок и долго плакала. Очень тихо.

И очень горько.

Когда слезы закончились, Юля трясущимися руками достала из сумочки пачку сигарет, с третьей попытки выдавила из зажигалки язычок огня, закурила и задумалась.

«Влипла!»

Во что она влипла и почему, девушка предпочла не гадать. Во всяком случае – пока. Сейчас нужно понять, как выбраться.

Двери заперты, выбить их не получается, а вскрывать замки она не умеет. Коридоры ведут в никуда. Окон нет, лестничная стена выложена из толстенных стеклянных кубиков, по прочности не уступающих кирпичу.

«Нужно было идти направо».

Юля лишь улыбнулась этой мысли. Судя по всему, налево или направо – не принципиально. Все равно влипла бы.

«Ты хотела тайну? Пожалуйста, вот тебе тайна».

Утешение слабое, но все же.

Девушка поднялась на ноги, бросила и раздавила окурок, поразмыслила и стала медленно спускаться по лестнице.

«Посмотрим, что нас ждет в подвале».

Сначала показалось, что тоже ничего интересного. Спустившись на один этаж, Юля оказалась точно в таком же коридоре, какой оставила наверху, только краска на стенах бежевая, да светильники горят тускло, будто напряжение низкое.

Единственным, что слегка разнообразило подвал по сравнению с первым этажом, был пожелтевший от времени плакат, озаглавленный: «Sie sind trotz der Kautions entflohen!»,² с которого на девушку безмятежно таращились две небритые физиономии. Узколицый брюнет, с какими-то удивительно, даже нереально наглыми глазами, и сонного вида белобрысый здоровяк. Чуть ниже располагалось пояснение: «Cumysbythangireev Ahmet Ogly-Zade und Sekirbashka Mahmud-Mahmud». Поскольку немецкий Юля знала гораздо хуже английского, перевести текст дословно ей не удалось. Поняла лишь, что речь идет о каком-то мошенничестве, связанном с подпиской на строительство моста через Боденское озеро. За возвращение беглецов гарантировалась выплата в сто тысяч рейхсмарок.

Изучив плакат, Юля повернула направо, прошла несколько метров и остановилась перед черной металлической дверью с запирающим колесом посередине – то ли банковский сейф, то ли люк с подводной лодки. Поколебавшись, крутанула колесо и потянула дверь на себя, та подалась на удивление легко, широко распахнулась, и не ожидавшая такого подвоха девушка едва устояла на ногах.

Коридор наполнился тихим гулом – за дверью оказалась работающая машина.

– Кто там?

– Я! – обрадованная Юля стремительно вошла внутрь.

И резко остановилась, изумленно озираясь.

Машина? Котельная? Генераторная? Все вместе и ничего из этого.

Обширное подвальное помещение занимала огромная, сложная, иногда посвистывающая, а иногда поскрипывающая конструкция с массивными зубчатыми и ременными передачами, трубами, пыхтящими паром ящиками, манометрами, осциллографами, рычагами, верньерами и прочими хитроумными приспособлениями, надерганными из всех разделов журнала «Наука и техника». Юле показалось, что она попала во внутренности паровоза, соединенные с кремлевскими курантами и украшенные старинными электрическими приборами. Гудело, чавкало, дрожало. Справа что-то пыхтело, а слева, словно перекликаясь, позвякивало.

В самом же центре сплетения металлических кишок ловко сновал коренастый мужичок в замасленной спецовке. Увидев Юлю, он вытер руки ветошью, выбрался из механизма и дружелюбно протянул руку:

– Привет!

Наверное, следовало поздороваться, однако девушка смогла лишь пролепетать:

– Что это?

---

² «Сбежали из-под залога» (нем.).

И указала на невероятную конструкцию.

– Ты что, обалдела? – Мужичок удивленно воззрился на Юлю. – Это же Ручной Привод!

* * *

– Он? – спросил сидящий за рулем «Юкона» здоровяк, пристально глядя на вышедшего из особняка юношу.

– Он, – подтвердил напарник. – Ты чего, забыл, что ли?

– Я не обязан помнить эту рожу, – отрезал здоровяк.

– Сейчас – обязан.

– А ты тогда на кой? – резонно отозвался водитель.

Второй бандит хмыкнул и поднес к губам радио:

– Дато, что у тебя?

– Ментов не видно.

– Гоги?

– Все чисто.

Москва – густонаселенный город, в разгар буднего дня людей на улицах хватает, даже чересчур, но некоторые маленькие переулки живут по своим законам. Машин вдоль тротуаров много, припаркованы тесными рядами, а вот люди проходят редко.

Массивный «Юкон» отъехал от тротуара и медленно покатил по переулку за идущим к улице Андреем.

– Надо было брать щенка до того, как он вошел внутрь, – проворчал здоровяк.

– И сорвать запланированную встречу? – не согласился второй бандит. – Нет уж, надо все делать по уму, чтобы щенка как можно дольше не хватились. – И вновь включил радио:

– Внимание! Начинаем!

«Эх, мама, мама... Неужели ты действительно причастна к смерти отца?»

Розгин умен и знает правила. До тех пор, пока не будет железобетонных доказательств, он ни за что не обвинит Марию в преступлении. Но основания для подозрений у него весомые: финансовые проблемы нынешнего любовника Крестовской и попытка подкупа. Правда, первое на мотив не тянет: Мария любит только себя и вряд ли пошла бы на преступление ради очередного приятеля. Но неприятности у Костылева могли подтолкнуть Крестовскую к мысли, что пора завладеть состоянием мужа.

«Черт!»

Андрей не любил мать, но думать о ней как об убийце отца? Неприятно. Неправильно. Так не должно быть!

Но жизнь есть жизнь: весь век на детской карусели не прокатаешься, волей-неволей, а придется разбираться с паскудствами, которые тебе подбрасывают окружающие.

Андрей не хотел верить в то, что мать причастна к смерти отца, и уж тем более – что она собирается убить его самого. Обмануть, оставить без денег, подкупить адвоката, если не получится – судью, это в ее стиле. На это Крестовская пойдет не задумываясь. Возможно, Розгин прав: Мария нагулялась и хочет обрести настоящую независимость, заполучить положение в обществе, настоящее положение, а не титул «переходящего знамени». Но поднимет ли она руку на сына?

«Какой я ей сын, если разобраться? Пять лет ее не видел... – И тут же пришла другая мысль: – Мне грозит опасность?»

У отца был телохранитель, он же шофер. Валентин Петрович. Веснин-старший не вел опасных дел, умел договариваться, находить компромиссы, а потому не нуждался в многочисленной охране. Андрей, в свою очередь, до сегодняшнего разговора с Розгиным и пред-

ставить себе не мог, что кто-то может желать ему зла, а потому дал телохранителю отца отпуск, объяснив, что ближайшие дни проведет дома. И вот, пожалуйста.

«Вернуть Петровича из отпуска? А как? Он вроде на курорт какой-то улетел. Обратиться в охранное агентство? Или к Павлу? Павел без труда найдет нужных людей».

«Но считает меня трусом!»

«Не будь дураком! Трусость не имеет никакого отношения к происходящему! О般的ная осторожность. Если подозрения Павла оправданы...»

Если. Всегда это проклятое «если».

Страха не было, ибо юноша не верил, не хотел и не мог поверить, что Мария собирается его убить. Какой бы сукой ни была Крестовская, она все равно остается его матерью.

«А мать никогда...»

Додумать Андрей не успел.

Что произошло?

Ничего.

И все сразу.

Сколько это длилось?

Секунду. Нет, секунда это очень, очень много. Мгновение? Да, наверное, мгновение. Бесконечно долгое молниеносное мгновение. Наполненное светом и тьмой. Страхом и радостью. Стремительным полетом ввысь и резким падением. Болью и наслаждением. Жизнь не проносилась перед его глазами, только эмоции и ощущения.

Он кричал?

Да, наверное, кричал. Без звука. От радости, горя, боли и наслаждения.

От того, что стал свободным.

Его руки стали длинными, но они исчезли. Один шаг мог перенести его на тысячу километров, но куда-то делись ноги. Он понял, что умеет летать, но потерял нечто невероятно важное. Окунулся в бассейн, до краев наполненный счастьем, и захлебнулся в нем. Смерти не было, она дышала в затылок.

Сила и Вечность.

«Я получил все на свете!»

«У меня что-то забрали!»

А в следующий миг Андрей увидел самые настоящие звезды. Рядом. Совсем рядом. И понял, что сам стал звездой.

«Искрай».

От неожиданности здоровяк надавил на тормоз.

– Что происходит?

Парень, только что спокойно шедший по тротуару, вскрикнул и выгнулся дугой. Глаза выпучены, скрюченные пальцы царапают грудь, на лбу капли пота.

– Убили?

– Приступ?

В первое мгновение бандиты решили, что прозевали выстрел, что снайпер снял жертву у них под носом. Но где же кровь?

– Его трясет!

– Ломка? Он наркоман?

Парень перегнулся пополам, его вырвало на асфальт. Что делать? Счет на секунды, на мгновения. Отменять операцию или...

– Продолжаем! – приказал второй бандит. – Взять его!

– А если сдохнет? – Здоровяк оказался мастером глупых вопросов.

– Значит, нам не придется его убивать! – выдохнул напарник. – Ребята, вперед!

«Юкон» остановился напротив дергающегося Андрея, двое крепких мужчин подхватили юношу под руки и затащили на заднее сиденье.

– Мы тебе поможем, парень!
– Тут рядом больница!
– Дато, Гоги, что у вас?
– Все тихо.
– Уходим!

* * *

– Ты кто такая?
– Я... – обрадованная Юля едва не сообщила механику, что заблудилась, войдя в «Малую Землю».

Передумала в самый последний момент, когда слова уже были готовы сорваться с губ, проглотила звук, заправив его кашлем.

– Я... – Обманчивые коридоры, появляющиеся и исчезающие двери – пережитое заставило девушку вести себя осторожно. – Вот, пришла.

– Проверка, что ль? – осведомился мужичок, поглаживая усы.
– Ага, – с готовностью подтвердила девушка.

«А вдруг он спросит документы?»

Но подозрительность не входила в число добродетелей механика.

– Как звать?

– Юля.

– А я – Черепаныч. Чай будешь, проверка?

«Чай?! С лимоном и конфетами?»

Хотелось закричать. Схватить мужичка за плечи, тряхнуть и проорать в лицо вопросы.

«Что у вас тут происходит? Почему исчезают и появляются двери? Куда ведут коридоры, которые никуда не ведут? Кто вы?! Что это за место такое: „Малая Земля“?»

Но девушка поняла, что может все испортить. Механик, судя по всему, принимает ее за свою, за одну из тех, кого не смущают милые шалости коридоров и дверей, а значит, если она хочет узнать правду о «Малой Земле», не следует рассеивать его заблуждение.

– Чай буду, – кивнула Юля.

– Погоди.

Мужичок схватил чайник и скрылся в недрах агрегата. А девушка вновь, теперь уже неторопливо, огляделась. Фотоаппарат доставать не стала – неуместно, зато смотрела во все глаза.

Угол, в который отвел ее Черепаныч, был отдан под мастерскую: шкаф, шкафчики и полочки с инструментом, верстак, несколько грязных табуретов, настольная лампа, паяльник, засаленные книги. К стене тремя разномастными шурупами прикручена лампа в проволочной сетке, рядом – несколько таблиц, графиков, портрет мужчины, в котором девушка не узнала Николу Теслу, и два самодельных плаката: «Выпускная пар – проверь заземление», «Черепаныч, все должно работать!»

Обычная на вид мастерская. В автосервисе обстановка выглядела бы к месту, еще на заводе каком-нибудь или в депо. Даже в больнице – в конце концов, в любом учреждении должен быть такой вот Черепаныч, мастер на все руки, способный быстро привести в порядок вышедшее из строя оборудование.

Но вот машина...

Юля повернулась к агрегату.

В ответ в ее сторону свистнула струйка пара.

Крутится, пыхтит, жужжит. На панели то вспыхивают, то вновь снижают накал радиолампы. Сбоку от основного котла из кучи переплетенных механизмов торчит жестяной рупор, направленный точно на Юлю. Девушка поежилась.

«Ручной Привод? Какой еще, к чертовой матери, ручной привод? Что он приводит и куда?»

— Кипятком разжился! — весело сообщил вынырнувший из недр устройства Черепаныч.

Юля подумала, что горячую воду механик сцедил из котла агрегата, но уточнять не стала: чай он и есть чай, и ну его на фиг знать, откуда для него воду взяли.

— А почему меня не предупредили, а, проверка?

— Может, удивить хотели?

— Меня удивить? Ха! Как это они себе представляют? — Механик выставил фарфоровую сахарницу с одной отбитой ручкой, два стакана, кинул в каждый по пакетику чая и залил кипятком. — Во время странствий довелось мне служить на дрейфующей станции «Безоглядная-5» специалистом по измерению льда. Седьмая категория, полярная надбавка, прибавка к пенсии весомая, опять же — харчи на халяву. И неплохие харчи, надо сказать... — Черепаныч покрутил головой, припоминая золотые денечки, и цокнул языком. Юля, обалдевшая от пережитого и откровений механика, слушала не перебивая. — Так вот однажды неподалеку от Гренландии довелось мне увидеть невероятную картину: собаку, плывущую с палкой в зубах вдоль Гольфстрима. Именно тогда познал я наибольшее удивление в жизни.

Черепаныч хлебнул чаю.

— А ты говоришь, что бюрократы способны меня в изумление повергнуть.

— Я только предположила, — пискнула девушка.

Механик отечески улыбнулся и тут же, практически без перехода, приступил к решению важнейших производственных вопросов:

— Короче, слушай сюда, проверка. Этой бандуре сколько лет, помнишь? Вот то-то и оно. Когда устанавливали, что говорили? Гарантийный ремонт и обслуживание по первому требованию. Так? Так. А на деле что?

— Что? — не удержалась Юля.

— Масло за свой счет, запчасти с перебоями. Мол, ручная работа, вытачивать долго. А фигли было устаревшее оборудование ставить? Теперь говорят: менятьте все. А как заменишь, если работать надо? Надо работать?

— Надо.

— А виноват, как обычно, я. Поняла, проверка?

— Поняла.

— Вот так и передай. А то взяли моду проверки слать! Ты пей чай, пей. Конфетку к чаю?

— Нет, спасибо.

— Как хочешь.

Механик сделал еще один большой глоток. Юля прикоснулась к своему стакану и тут же отдернула руку: обжигает! Подняла глаза и обалдела: кипяток крутым, остить чай не успел, а Черепаныч хлещет и в ус не дует.

— А еще, проверка, запиши, что износ оборудования тридцать два с половиной процента. А коэффициент помнишь? Вот то-то и оно. Новый Инкубатор они поставили, чтобы, значит, в современные клоны прыгать, а штуцеры для Привода у них «не срочно»! Ты записываешь?

— Ага.

— Пей чай, пей. Вот поломается все это, что делать будем?

— Что?

— Вот я и спрашиваю: что?

Юля хотела поддакнуть, что, мол, делать будет нечего, но не успела.

Едва девушка открыла рот, как помещение наполнилось завыванием сирены, а лампа на стене засверкала оранжевым.

– Авария?

– Тревога! Идрить ее в кочерыжку.

Черепаныч подскочил и бросился к машине. Юля, опрокинув стакан, метнулась следом.

– Раскопки, проведенные силами студентов Национального архитектурного колледжа Зимбабве, полностью подтвердили предположения маститых ученых о том, что на территории современной Земли Франца-Иосифа существовала развитая цивилизация. «Теперь мы абсолютно уверены в том, что знаменитые норвежские фьорды имеют искусственное происхождение», – заявил нашей программе руководитель экспедиции…

– Заткнись, – тихо приказал Ясень.

Радио послушно замолчало.

– Не нравятся познавательные программы?

Виктор оторвал взгляд от разложенных на столе чертежей и посмотрел на вошедшего в дежурку Карбida.

– Привет.

– Привет.

– Тихо шагаешь.

– Шпильки сточил. – Герман подошел к столу. – Давно приехал?

– Минут тридцать.

– И сразу за дела?

– Пытаюсь разобраться. – Ясень зевнул. – Крематорий я уже изучил, теперь хочу сходить в Ручной Привод.

– Правильно.

Виктор вновь уткнулся в схемы. Карбид посмотрел на часы, прищурился, отошел к приемнику, покрутил ручку, вызвав бодрую какофонию помех, выключил и протянул:

– Я видел, ты поднимал старые дела по нелегалам.

– Да, – коротко отозвался Ясень.

– Чего искал?

– Закономерности.

– Нашел?

– Нашел, – спокойно ответил Виктор. – За последние десять лет число нелегалов увеличилось на сорок процентов. Причем и ваших, и наших.

– На тридцать процентов, – поправил Ясения Герман.

– И что это означает?

– Мне интересно услышать твой вывод.

– Нелегалы практически перестали использовать вариант «наездника», теперь они приходят в заранее подготовленные тела. А их возросшее количество ясно говорит о том, что вы с Горелым проспали появление на Земле лабораторий по производству клонов.

– Лаборатории, – поправил напарника Герман.

Виктор удивленно поднял брови:

– Думаешь, одно производство обслуживает оба Царства?

– Почему нет? Кооперация выгодна.

– То есть в одном Инкубаторе готовят тело для «резчика», а в соседнем…

– Полагаю, да, – невозмутимо подтвердил Герман.

Предположение, мягко говоря, выглядело эксцентрично, а потому Ясень не стал стесняться в выражениях:

– Мне говорили, что ты циничный парень, Карбид, но не до такой же степени.

– Ты теперь на Подстанции, отсюда все видится немного иначе, чем из Царства, – вздохнул Герман. – Когда речь идет о работе на Земле, возможны любые формы сотрудничества.

– А весомые основания для подозрений у тебя есть?

– Тридцать лет назад на Землю прыгнул «наездник», которого мы с Горелым не смогли найти. Ему очень активно помогали.

– И те, и другие?

– Да, Ясень, и те, и другие. И твои, и мои. Клоны нужны всем. А совместное использование лаборатории, помимо снижения расходов, гарантирует нейтралитет конкурентов. Предыдущую лабораторию мы разгромили по наводке моих. А перед этим твои сдали нам лабораторию моего Царства.

– Не верю.

– Твое дело. – Карбид посмотрел на часы. – Ну что, пойдешь в Ручной Привод?

– Надо бы...

И в этот миг завыла сирена.

– Черепаныч!

Юля, разумеется, не заметила привернутый к потолку интерком, а потому, когда над головой рявкнул мужской голос, вздрогнула и машинально отступила назад.

– «Наездник»!! – заорал суетящийся у приборной панели механик.

– Где?!

– Я уже передал координаты!

– Вижу... Стартуем!

Другой голос:

– Оставайся на связи!

– А куда я денусь?

Опомнившаяся Юля подошла ближе, привстала на цыпочки и заглянула через плечо Черепаныча.

Основным элементом приборной панели Ручного Привода был круглый зеленый монитор, напоминающий экран радиолокационных станций, которые девушка однажды видела в кино. Слева и справа от него располагались тумблеры и верньеры, некоторые с опознавательными знаками, некоторые просто так. Сверху и снизу по два индикатора, причем обе верхние стрелки ушли далеко направо, а обе нижние – налево. В правом углу панели нацарапано неприличное слово.

– Интересно? – не отрываясь от экрана, поинтересовался механик.

– Ага.

– В действии Ручной Привод мало кто видел. Будешь потом друзьям рассказывать, хвастаться.

«Да уж, рассказов тут на десять полос хватит!»

– Что это? – Юля указала на сияющую в центре экрана красную точку. – Цель?

– Жертва.

– Какая еще жертва?

– Жертва «наездника». Ты что, не слышала, что я комендантам докладывал?

Жертва? Наездник? Слова понятны, но вот смысл, который вкладывает в них странный механик странного агрегата, терялся. И девушка решилась:

– Жертва чего?

– Ну ты даешь, проверка! Тебя вообще ничему не учили, что ли?

– Я ведь первый раз!

Черепаныч крякнул.

– Ну, смотри сюда, проверка. – И чуть подвинулся, подпуская Юлю к панели. – Красная точка – «искра» жертвы. Кто-то очень сильный оттуда прилетел, тело занял, а эту «искру» вытолкнул.

– «Наездник»?

– Да, так мы их называем. Проблема в том, что на Земле «искра» должна быть в теле.

«А ее вытеснили!» Юля, неожиданно для себя, протянула руку и дотронулась до экрана, закрыв красную точку пальцем. Словно пыталась помочь, поделиться теплом, силой...

Черепаныч покачал головой.

– Что с ней станет?

– Иди сюда.

Вызванная тревогой суэта слегка улеглась. Кто-то отправился по указанным координатам решать проблему, и у механика появилась толика свободного времени. Он взял девушку за руку и провел к объемистому металлическому баку, можно сказать – цистерне, настолько большому, что в помещение выходила только нижняя его часть.

– Это Отстойник. В нем прячутся «искры», которым заказан путь наверх.

Юля уже поняла, что именно обозначают на «Малой Земле» термином «искра», а потому почувствовала, что внутри стало холодно. Перед ней стояла тюрьма для душ. Или гетто. Или лепрозорий. Концлагерь.

– Загляни внутрь, – предложил Черепаныч.

Девушка послушалась. На ставших ватными ногах подошла к баку и посмотрела в иллюминатор.

И судорожно выдохнула:

– Господи!

Внутри цистерны царила непроглядная тьма, которую медленно рассекали сияющие кометы.

«Искры».

«Сколько их тут? Сотни? Тысячи?»

Царственный вид огромного количества звезд потряс Юлю. Однажды в Крыму они с Олегом сидели на горе, а над их головами горели звезды. Тысячи и тысячи звезд. Тогда девушке показалось, что ничего прекраснее она никогда не увидит, но сейчас она была к ним еще ближе – на расстоянии толстого стекла. Вселенная, спрятавшаяся в металлическом баке...

«Отстойник!»

Юля отпрянула назад. Вновь вздохнула, пытаясь стряхнуть липкое ощущение неправильности происходящего. Вспомнила слова механика и спросила:

– Какая из них жертва?

Черепаныч пожал плечами:

– Ручной Привод знает.

Душа, которую выгнали из тела.

– Что с ней будет?

– Три дня «искра» пробудет в Отстойнике. Если же коменданты не успеют поймать «наездника» и провести обратный обмен, «искра» жертвы погибнет.

– Навсегда?

– Навсегда, – подтвердил механик таким тоном, будто речь шла о смерти комара.

«Он привык? Он зачерствел? О боже, я ему верю?»

Последнее открытие потрясло девушку больше всего. Она верит! Ей сказали, что в баке, который стоит в подвале обшарпанного корпуса Михайловской больницы, хранятся души людей, и она поверила!

«Здесь, на „Малой Земле“, прячется Чистилище?!»

Нет, не Чистилище. Гораздо хуже. Величественные кометы, рассекающие Вселенную этой цистерны, никогда не очищаются. Им заказан путь наверх. Здесь их Ад и их Рай. Их последнее пристанище... если загадочные коменданты не успеют.

Юля достала сигарету, щелкнула зажигалкой – Черепаныч не протестовал – и, глубоко затянувшись, неожиданно для самой себя задала очень четкий и осмысленный вопрос:

– А все эти «искры»... – Девушка кивнула на иллюминатор. – Они все вытеснены «наездниками»?

Будто у них обыкновенное интервью, нудные расспросы о производственных буднях.

– Нет, конечно, – улыбнулся механик. – «Наездники» на Землю прорываются не часто – слишком плотный кордон.

«Кордон? Что еще за кордон?»

– Что еще за...

«Опомнись! Ты – проверка! Ты не можешь не знать о кордоне!»

Юля сделала вид, что глотнула дым, закашлялась, а потом поинтересовалась:

– Тогда откуда столько «искр»?

– Самоубийцы, – легко объяснил Черепаныч. – Для них, собственно, Отстойник и предназначен. Сорок дней они здесь... – Голос механика неожиданно дрогнул. – Сорок дней они, значит, здесь, а потом – все. Наверх им ходу нет.

– Почему? – прошептала Юля.

– Они жить не хотят, – также тихо ответил механик. – Так зачем им Вечность?

* * *

Снова в теле!

Снова в человеческом теле! Руки, ноги, бьющееся сердце, дыхание... Как же это, оказывается, здорово – просто дышать! Моргать. Чувствовать легкий голод! Чувствовать, что пересохли губы. Ведь они есть – губы!

Но насколько же все иначе.

Привычные ощущения владения телом – и понимание новых возможностей. Он еще не воспользовался ни одной из своих запредельных способностей, но уже знал о них все. О том, что может. О том, сколько у него сил.

«Чертов супермен!»

И улыбнулся собственной шутке. Улыбнулся так, как научился, будучи «искрой», – одной только душой. Без движения губ. В этом есть что-то глубокое – улыбаться душой, и что-то безобразно мелкое. Ведь улыбка предназначена не только тебе. Ведь улыбку нужно не только почувствовать, но и увидеть. Только тогда она будет настоящей улыбкой.

«Хватит философствовать! Пора приниматься за дела!»

Да, чертовы дела... Поганые дела, которые он, по недосмотру, оставил. При воспоминании о них настроение начало было портиться, однако...

Как же хорошо вернуться!

– Как он, Ираклий? – поинтересовался здоровяк.

Второй бандит обернулся и посмотрел на лежащего Андрея.

– Валится.

– Чем же его прихватило?

– Я смотрел вены, – бросил третий бандит, тот, что сидел сзади. – Чистые вены. Он не наркоман.

– Шота в таких делах не ошибается, – осклабился здоровяк.

Шота, который плотно сидел на героине, криво усмехнулся.

– Может, он припадочный?

– А тебе не по фигу? – Ираклию надоел бессмысленный разговор. – Припадочный, психованный – какая разница? Жить ему осталось час. А то что он без сознания, так нам же легче.

Веснин чуть-чуть, на толщину волоса, приоткрыл глаза. Он лежал на спине, а потому видел боковое окно внедорожника. Затянутое облаками небо и верхушки деревьев. За то время, пока он приходил в себя и прислушивался к разговорам похитителей, машина успела выехать из города.

«Понятно. Путешествие в один конец. Интересно, у них есть какое-то любимое место? Вряд ли. Каждый раз разное, так безопаснее. Зато стрелять в машине не будут, уже хорошо».

Никогда, несмотря на то что состояние свое Веснин нажил в лихие девяностые годы, он не переживал подобных приключений. Однако психологию уголовников Веснин знал неплохо – навидался и представлял, чего от них ожидать.

«К сожалению, подтвердились худшие опасения».

Если бы на Андрея «наехали» с целью вымогательства (молодой парень, получивший огромное наследство – лакомый кусок для бандитов), его постарались бы запугать. А эти, судя по разговорам, общаться с пленником не намерены. Они приказ выполняют.

«Ну и ладно. Раз так, значит, так...»

– Он очнулся.

– Уверен, Шота?

– Конечно, уверен! – Бандит ударил парня ногой. – Зенки приоткрыл и в окно таращится. Думал, не замечу. – Еще один удар. – Обмануть хочешь?

«Главное – выбрать правильную линию поведения!»

Веснин открыл глаза и проныл:

– Кто вы такие?

Неплохо было бы пустить слезу, но не получалось. Самоуважение не позволяло. Ладно, обойдемся дрожащим голосом и жалким видом.

– Мы твои друзья, – сообщил бандит с переднего сиденья, Ираклий то есть. – Тебе плохо стало, понимаешь? Мы тебя спасли на улице. Подняли и повезли.

Веснин сморщил лицо.

– Я помню, как меня замутило.

– Вот видишь, ты все помнишь. И все понимаешь.

– А куда вы меня везете?

– В больницу. Нет-нет, лежи!

Веснин попытался подняться, но Шота наступил ему на грудь. Жест, плохо вяжущийся с дружелюбным тоном Ираклия.

– Лежи, дорогой, тебе ведь плохо. А скоро будет хорошо. Совсем скоро.

– Мне кажется, вы мне врете, – горьким тоном произнес Веснин.

– Когда кажется, креститься надо, – наставительно заметил Ираклий.

– Я крещеный.

– Молодец.

– А вы?

Сидящий за рулем здоровяк хмыкнул. Ираклий и Шота обменялись удивленными взглядами.

– А тебе зачем?

– Убийство ведь грех смертный, – вздохнул Веснин. – Не боитесь брать на душу?
– Отмолим, – пообещал Ираклий. – За нас не волнуйся.
– Не впервые, да?
– Да, парень, не впервый.

Упоминание о грехе бандиту не понравилось, тон стал жестче.
– Ты лучше помолись. Раз верующий.

Веснин тяжело вздохнул. Он сообразил, что разговаривает с уголовниками чересчур уверенно, и решил продемонстрировать слабость. К счастью, похитители не обратили внимания на необычное спокойствие пленника. Да и времени у них на это не осталось: здоровяк свернулся с дороги, «Юкон» немного потрясся по колдобинам проселка, после чего встал.

– Приехали.

Утруждать себя бандиты не стали, от шоссе отъехали метров на сто: до них то и дело долетали звуки проезжающих по дороге машин.

– Яма где?

– Туда идти надо. – Здоровяк показал куда. – Двадцать шагов.

– Лопаты там?

– Ага.

Веснин опустил голову:

– Отпустите меня. Пожалуйста.

– Извини, пацан, но у нас контракт. – Ираклий кивнул. – Шагай.

– Мне отец оставил сто миллионов! Я отдам половину.

– В другой раз, парень. – Бандит выразительно посмотрел на Веснина. – Иди сам, или Шота тебя ударит.

Здоровяк двинул вперед – показывать дорогу. Веснин, всхлипнув, пошел за ним, чувствуя на спине взгляды двух других уголовников. Их беспокоило только одно: чтобы не появились случайные свидетели, самого парня бандиты в расчет не принимали. На что он способен против троих?

Ни на что.

Но и рисковать они не станут, выстрелят сразу, едва дойдут до места, чтобы без разговоров и соплей. Пальнут в затылок, спихнут тело в яму и закопают. И знак подавать никакой не будут, чтобы жертва не запаниковала.

Здоровяк сделал резкий шаг вправо.

Правильно: показывает, что яма рядом.

А значит...

Веснин не позволил Ираклию выстрелить. Молниеносно развернулся, отвел направленный на себя пистолет в сторону, изогнулся и ударил бандита ногой в висок. Следующий выпад – Шота. Снизу вверх, в подбородок, тут главное – направление. Ну, и сила удара, конечно. Хруст позвонков подтвердил, что все сделано правильно. Теперь нырок в сторону, разворот и последняя атака – здоровяк. Уголовник успел выхватить пистолет, но зачем он ему? Разве что застрелиться. Поспеть за стремительно передвигающимся Весниным бандит не мог даже в теории. Пропустил удар в кадык, зашатался и полетел в яму, которую заботливо выкопал для жертвы.

«Вот и все».

Несколько секунд Веснин стоял, внимательно прислушиваясь, а затем, не уловив ни посторонних шорохов, ни чужого дыхания, вернулся и перенес в яму Шоту. Последнего бандита взял под мышки, усадил спиной к дереву и отвесил несколько пощечин.

– Слышишь меня?

Еще пара ударов.

Уголовник застонал и открыл глаза.

– А?

– Ты – Ираклий, да?

Во взгляде бандита – недоумение. И еще – злость. И еще – жажда убивать. Дай шанс броситься, зубами рвать будет. Шанс вроде есть – руки-ноги не связаны, но бросаться уголовник не спешил. Похоже, понял кое-что насчет своих шансов.

– Ты – Ираклий?

– Да. – Бандит сглотнул. – А ты кто?

– Не тот, кого вам велели взять, – спокойно ответил Веснин.

– Врешь! Лицо одно.

– Лицо одно, «искра» другая.

– Что?

– Не важно, – махнул рукой Веснин. – Ты жить хочешь, Ираклий?

– Ты не оставил, – буркнул бандит.

– Почему? – удивился Сергей. – Веревка в машине есть?

– Да.

– Свяжу тебя и оставлю. Мне брать лишний грех на душу ни к чему, Ираклий. Я ведь не ты, кровью не кормлюсь. – И мягко добавил: – Только на вопросы мои ответь.

– А парни?

– Им не повезло. А твоя жизнь в твоих руках.

Некоторое время бандит напряженно обдумывал предложение. Хотя чего тут обдумывать? Жить хочется. Хочется так, что слезы из глаз. Оставалось решить, можно ли доверять страшному пацану? И что он будет делать, услышав отказ? Просто убьет? Или начнет задавать вопросы по-другому? Ираклий хорошо знал, как можно расспрашивать несговорчивых клиентов, и чувствовал, что паренек не дрогнет. Двоих ведь убил и не поморщился.

– Спрашивай.

– На кого работаешь, Ираклий?

– Зачем тебе?

– Я, знаешь ли, не совсем хорошо понял, почему меня похитили. Нужно встретиться с твоим начальником и поговорить. Уверен, мы найдем общий язык. – Сергей помолчал. – Кто велел меня похитить, Ираклий?

Тишина.

– Ты что, Зоя Космодемьянская, что ли, а? Я ведь тебя спрашиваю, чтобы время сэкономить. Будешь молчать, отрежу тебе палец, отвезу друзьям и пробью по картотеке. Узнать, на кого ты шестеришь, так же легко, как высморкаться. Так что давай, Ираклий, пожалей себя, я ведь тебе не только палец отрежу, если ты меня разозлишь.

Ираклий знал, как правильно *обещают*. Не угрожают, нет, именно обещают. Как говорят, когда твердо уверены в том, что сделают. Паренек говорил правильно. Он отрежет.

– Кто велел меня похитить?

– Давид Грыгадзе.

– Никогда не слышал. – Веснин покачал головой. – Я что, ему денег должен?

– За тебя заплатили.

– Кто?

– Не знаю.

– Логично… – Сергей почесал в затылке. – Где мне искать Давида?

– Обычно он допоздна сидит в «Кахетинской лозе».

– Очень хорошо.

Сергей поднялся на ноги и направил на бандита пистолет.

– Ты обещал!

— Я не стал тебя мучить, как ты того заслуживаешь, — пожал плечами Веснин. — Так что ты в выигрыше.

Глава 4

- Черепаныч! Здесь никого нет!
- Ты налажал с координатами! – добавил Герман.
- Я не ошибся!
- Здесь никого нет! – повторил Ясень.
- Где «наездник»?
- Ищите, вашу ...! – рявкнул в ответ механик.

Гаркнул так, что Виктор вздрогнул. «Как он смеет?!» Хотел возмутиться, напомнить об уважении, но прикусил язык: Карбид молчит, да и обстановка, как ни крути, к проявлению субординации не располагает. «Потом поговорим, Черепаныч».

- Где искать?
- Где стоите!

Но переулок пуст!

Парочка, что только что свернула с Пречистенки. Смеющиеся тинейджеры. Выбирающийся из черного «БМВ» мужчина в сером костюме. Говорит по мобильному телефону. И они с Карбидом, всклокоченные, разгоряченные, примчавшиеся брать преступника и оказавшиеся у разбитого корыта. В руках «глушилки», на головах гарнитуры связи, в глазах – боевое напряжение, а вокруг – никого.

- Где «наездник»?
- В ...! Ищите!

Сколько времени потеряно? Не меньше двух минут, а то и больше. Сначала «искра» жертвы пыталась уйти наверх – не получилось. Обрушилась, отвергнутая небом, которое вдруг стало бетонным, и едва не распалась, они все едва не распадаются, узнав, что неполноценные. Понимание катастрофы привело к панике, «искра» завертелась, завыла, тут ее и захватил Ручной Привод. Бросил в Отстойник и поднял тревогу. Как скоро Черепаныч оказался у пульта управления? Допустим, сразу. Да, наверное, сразу, когда они с Карбидом прибежали в лифт, координаты уже сидели в компьютере. Переход прошел почти мгновенно... Да, пожалуй, две с половиной минуты на все про все.

Герман, сбросивший свою обычную невозмутимость, еще раз оглядел переулок и жестко поинтересовался:

- Черепаныч, «искра» не могла дать ложный след?
- Нет.
- Проверь!
- Проверяю!

А что еще остается?

Виктор поставил «глушилку» на предохранитель, сплюнул и без интереса проводил взглядом влюбленную парочку. Деловой мужчина успел скрыться в каком-то подъезде.

– «Искра» не виляла, – угрюмо доложил механик. – Я отправил вас куда нужно.

А «наездника» нет.

Координаты точки обмена Ручной Привод засекал с высочайшей точностью – столь сильное вторжение в «искру» давало мощный всплеск. Ложные следы появлялись крайне редко, не чаще одного случая на сто, и легко вычислялись при повторной проверке. Так что с вероятностью в девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента они оказались в правильном месте. И таращились теперь друг на друга, не понимая, что делать дальше.

- Дерьмо! – выругался Ясень. – Что происходит?
- Понятия не имею, – сквозь зубы ответил Карбид.
- Сбой системы?

– Исключено, – поморщился Герман, убирая «глушитель». – Ручной Привод сбоев не дает.

Виктор про себя отметил, что одним только «глушителем» комендант не ограничился, прихватил с собой «АПС» в поясной кобуре.

«Странно, что не дуэльный пистолет времен Дантеса, учитывая обстановку в дежурке...»

– Все когда-нибудь случается в первый раз.

– Кое-что не случается. – Карбид поправил микрофон гарнитуры: – Черепаныч!

– Я!

– «Искра» в Отстойнике?

– Где же еще?

– Угу. Готовь информацию по ней.

– Уже занимаюсь.

Нет, Герман не растерян, совсем не растерян. В замешательстве – да, но при этом обдумывает следующие шаги. Не останавливается.

«Похоже, я поторопился, решив, что он сломан...»

Поторопился, потому что сделал вывод из визита во взорванный дом, где комендант вел себя с привычным спокойствием. Но там ему некуда было торопиться – «резчик» скрылся задолго до их появления. Сейчас же, когда они рассчитывали сразу по прибытии атаковать «наездника», Герман показал себя настоящим охотником: быстрые, выверенные движения, мгновенно появившееся откуда-то оружие, горящие холодным огнем глаза...

«Было бы любопытно посмотреть тебя в бою».

– Что будем делать?

Ясень примерно представлял их дальнейшие действия, однако влезать с советами не спешил: Карбид на сегодня главный, пусть сам выкручивается.

– Нужно узнать, что здесь произошло.

Идеальный способ – посмотреть в кинозале прошлое «искры». Но хроника станет доступной лишь через сутки.

– Как?

– Придумаем что-нибудь.

Герман усмехнулся и покосился на ближайший фасад. Ясень проследил его взгляд и беззвучно выругался: видеокамеры! На каждом доме таилось не менее двух следящих устройств.

«Как просто!»

Карбид кивнул на ближайший подъезд:

– Пошли.

Название фирмы, что занимала здание, их не интересовало. Что-то серьезное и не бедное, судя по внутренней отделке и маркам припаркованных у тротуара автомобилей. Охранники, к счастью, оказались вменяемыми ребятами, а не напыщенными кретинами, обалдевающими от собственной крутизны, так что тратить лишнее время и вкладывать в их головы еще и уважение к гостям не пришлоось. Хватило внушения, что им продемонстрировали красные книжечки офицеров МВД. «Убедившись», что перед ними милиционеры, охранники вызвали бритого наголо начальника смены, который, также «ознакомившись» с документами, без лишних слов поинтересовался, чем может помочь. Карбид объяснил, и через пять минут они с Яснем изучали снятое видеокамерой кино.

Молодой парень покидает особняк и переходит улицу. На следующей картинке – с другой камеры, – парень медленно идет по тротуару.

– Ваш? – осведомился начальник смены.

– Да, – кивнул Карбид.

Им повезло: на здании были установлены четыре видеокамеры, которые засняли весь путь жертвы.

- Кто владеет особняком?
- Адвокатское бюро Розгина.
- Ого, – присвистнул Герман.
- Ты его знаешь? – спросил Ясень.
- Очень весомый человек.
- Точно, – подтвердил бритый.

Виктор подумал, что его мнения никто не спрашивал, но намекать на это говорливому охраннику не стал. В конце концов, человек оказывает им услугу.

В десятке шагов позади парня появился тяжелый внедорожник. Едет неспешно, возможно, водитель ищет место для парковки, возможно, изучает номера домов, а возможно – следит за юношой.

- Откуда взялась машина?
- Если не ошибаюсь, джип стоял напротив особняка, – ответил начальник смены. – Припарковался вскоре после того, как туда вошел ваш парень.
- На ваших камерах этого не видно, – буркнул Ясень.
- Я выходил курить.

И машинально отметил стоящие вокруг чужие автомобили. Профессионал. Однако Виктор все равно сомневался:

- Это могла быть другая машина.
- Можно проверить у соседей.
- Проверим, – кивнул Карбид. Он, судя по всему, бритому доверял.
- Получается, его ждали?
- Получается.
- Не уследили за пацаном? – посочувствовал начальник смены.
- Опоздали, – объяснил Герман. И прищурился на замершее на мониторе изображение «Юкона». – Главное, что номера прочесть можно.

– Наверняка фальшивые.

– Проверим.

– Ясно, – вздохнул Ясень. – Давайте смотреть дальше.

Дальше все пошло, как обычно. Парня дернуло. Затрясло. Он покраснел от натуги, выпучил глаза, изогнулся, ухватился рукой за стену и стал медленно опускаться на землю.

– Припадок? – предположил начальник смены, которого, в отличие от Виктора с Карбидом, изрядно удивило поведение объекта.

«Наездник», – вздохнул про себя Ясень.

– Возможно, его отравили, – хмуро бросил Герман, ругая себя за то, что поленился загипнотизировать клиента на время сеанса.

Бритый с сомнением качнул головой, но промолчал.

Едва парень коснулся рукой асфальта, как двое выскочивших из внедорожника ребят ловко подхватили его под руки и затащили в салон. Машина сорвалась с места.

– Может, они ему помочь хотели?

– Вроде того, – согласился Карбид и, всем своим видом давая понять, что разговор окончен, приказным тоном попросил: – Скопируйте нам, пожалуйста, эти записи.

– Протокол составлять будете?

– Пока в этом нет необходимости. Если записи станут уликами, мы вернемся. А пока я прошу об услуге.

Начальник смены оглядел Карбida, но спорить не стал. Кивнул:

– Без проблем.

И открыл тумбочку в поисках чистого диска.

– Спасибо.

Получив записи и попрощавшись, Герман и Виктор вышли из здания, однако переулок не покинули. Остановились напротив особняка Розгина. Карбид закурил, Ясень прислонился спиной к стене. Пару минут молчали, собираясь с мыслями, затем Виктор поинтересовался:

– К адвокату пойдем?

– Пока рано, – качнул головой Герман.

– Он может знать, кто похитил парня.

– Парень уже освободился. Или освободится в ближайшее время. В любом случае, сейчас нам его не достать, а показываться адвокату не имеет смысла.

Виктор понял, что имел в виду напарник. Если похищение случайно совпало с моментом вторжения «наездника», то бандитам можно только посочувствовать – скорее всего, они уже мертвы. Обычные люди не способны соперничать с раскрывшейся «искрой». Но если похищение было прикрытием, способом увезти «наездника» от комендантov, то есть – частью операции по проникновению на Землю очередного нелегала, сразу хвататься за единственную ниточку не следовало. Лучше выждать и все как следует проверить.

Ясень помолчал, но уже через несколько секунд задал следующий вопрос:

– Они всегда так дергаются?

– Во время обмена?

– Да.

– Всегда, – подтвердил Карбид. – Вытеснение «искры» – очень сложный процесс, требующий от «наездника» огромной мощи. У некоторых вообще не получается занять тело, их отбрасывает обратно. Большинства хватает лишь на успешную атаку, они вытесняют «искру» жертвы, но так долго приходят в себя, что мы берем их непосредственно в точке обмена. Даже не берем, а подбираем. Уходят только самые сильные.

– Сильных много?

– Каждый десятый.

Остальные чересчур самоуверенны. Даже раскрывшиеся «искры» далеки от всемогущества.

– Но все равно прыгают.

– Как правило, у «наездников» есть веская причина для возвращения, – объяснил Герман. – Кому-то помочь. Что-то исправить. Однажды на Землю вернулся мужчина только для того, чтобы попросить прощения у отца – не успел сделать это до смерти.

Виктор хмыкнул. Карбид поднял бровь.

– Ты этого не понимаешь?

– Они нарушают закон. Ставят под угрозу жизнь других «искр».

– Они ощутили Вечность и не хотят прожить ее с грузом на «искре». Хотят очистить совесть.

– Нужно было жить по совести, – холодно произнес Ясень. – Жить так, чтобы не пришлось возвращаться и просить прощения.

– Тебе их не жаль?

– Я считаю, что за ошибки нужно платить, – твердо произнес Виктор. – Я заплатил. Они ничем не лучше меня. Груз, о котором ты говоришь, одна из форм наказания за грехи. И одновременно – предупреждение на всю последующую жизнь, на всю Вечность. Напоминание о том, что есть вещи, которые нельзя исправить, нельзя изменить. Напоминание о том, что есть совесть. Груз, о котором ты говоришь, это не шрам и не клеймо, это опыт, который позволит избежать ошибок. А возвращаются сюда самоуверенные «искры», возомнившие себя богом. Их не жаль. Их нужно наказывать не только грузом на совести.

– Они знают, чем рисуют.

– Ты их уважаешь?

Карбид вздохнул, бросил окурок в урну, помолчал, после чего глухо ответил:

– Чувства не мешают мне исполнять долг.

* * *

– Пропала?

– Да, пропала, – подтвердил Олег.

– Плохо, – резюмировал милиционер.

Его напарник молча кивнул, показав, что оценил драматизм ситуации. А может, просто головой потряс, пытаясь в ней что-нибудь отыскать. А может, его укусил кто, вот и дернулся. Все может быть.

– Согласен – плохо, – буркнул Олег. – Искать будете?

Лейтенант Кузьмин и старший лейтенант Стоценко переглянулись. Не тоскливо: «Опять работать...», не зло: «Ходят тут разные, кроссворд отгадывать мешают!», а равнодушно: «Я же говорил, что кто-нибудь придет». Милиционеры переглянулись не быстро, взгляды задержались, словно «камень-ножницы-бумага» кинули. После чего проигравший Стоценко осведомился:

– Когда пропала?

«Неужели судьба Юли в руках этих людей?!»

Безразличные глаза, безразличные голоса, заученные вопросы. Ни грана участия или сочувствия – милиционеры просто делали свою работу.

«Но вы ведь люди! Живые люди! Почему вы так себя ведете?!»

Олег был готов взорваться, нахамить, выплеснуть тьму, что накопилась в душе за эту ночь. Он провел в отделении всего пару минут, а уже готовился к скандалу, истерике, и вдруг...

«Но ведь это я не спал всю ночь, а не они. Я нервничал. Я дергался. Я».

Огромным усилием воли Олег взял себя в руки.

Милиционеры, судя по всему, прекрасно поняли состояние молодого человека. Они тоже готовились к скандалу. Они знали, какими приходят в их кабинет люди.

– Когда пропала? – повторил Стоценко.

– Разве вы не будете заполнять протокол? – негромко спросил Олег.

– Протокол чего?

– Я не знаю, – пожал плечами молодой человек. – Я думал, что напишу заявление, вы заполните какие-то бумаги, и делу будет дан ход.

– Не в первый раз, что ли?

– В первый.

Стоценко почесал авторучкой в затылке. Кузьмин заложил ногу за ногу. В соседнем кабинете радио заголосило мутной попсой.

– Ваше имя?

– Часовщиков Олег Николаевич.

– О ком вы хотите заявить?

– Соболева Юлия Константиновна.

– Жена?

– Гражданская.

– То есть не жена.

– Мы живем вместе.

– Давно?

– Это важно?

Стоценко чуть приподнял брови:

– Раз я спрашиваю, значит, важно.

Наверное, милиционер не хотел хамить, однако прозвучала фраза грубовато, и Олег возмутился:

– Послушайте, товарищ старший лейтенант, вы не могли бы себя вести чуть-чуть вежливее? Я не спал всю ночь. Я очень сильно беспокоюсь. Поэтому...

Стоценко выставил перед собой левую ладонь:

– Извините.

В правой руке он вертел авторучку.

– У меня складывается впечатление, что вам абсолютно все равно.

Кузьмин отвернулся к окну и зевнул. Лейтенант надеялся, что этот жест Олег не заметит. Зря надеялся. Но реагировать на зевок молодой человек не стал, побоявшись сорваться.

– Мне сейчас очень тяжело. Я пришел к вам, и что я вижу?

– Вы мне не поверите, Олег Николаевич, но я вас понимаю. – Впервые в голосе милиционера появилось нечто, похожее на участие. – Честное слово – понимаю.

– Неужели?

– Навидался, Олег Николаевич, вы уж извините за такое выражение. В этот кабинет всегда приходят люди, которые не спали предыдущую ночь. Они взвинчены. Напуганы. Обеспокоены. Они меня торопят. Они срываются и начинают кричать. Но есть правила, которые я не могу нарушить, и вопросы, которые я не могу не задать. И эти правила составлены не просто так, а на основе опыта. Многолетнего опыта.

– Я понимаю. – Олег смущился. – Я просто прошу вас быть чуть вежливее.

– Я постараюсь.

Кузьмин отошел от окна к тумбочке, налил в стакан воды из чайника и жадно выпил.

– Вы давно живете с Юлией?

– Больше года.

– А знакомы?

– Два года.

– Серьезные размолвки были? Такие, чтобы она или вы уходили из дома и ночевали у друзей или родителей?

– Нет.

– Честно?

– Честно. Настолько серьезных размолвок у нас не было. – Олег криво улыбнулся: – Пока не успели.

«Сколько бы я дал, чтобы у нас еще появилась возможность крупно поссориться! Пусть мы разругаемся в пух и перья! Пусть она хлопнет дверью и уйдет ночевать к родителям! Пусть! Главное, чтобы она была жива!»

– Насколько я понял, Юлия не пришла домой сегодня ночью?

– Совершенно верно.

– Вопреки обыкновению?

– Да.

– Вчера вы не ругались?

– Нет.

– Олег Николаевич, пожалуйста, подумайте еще раз: не могло ли вчера в ваших отношениях случиться нечто, способное серьезно обидеть Юлию? Когда люди живут вместе долгое время, они порой перестают за собой следить. Возможно, случайная фраза, незамеченная и ничего не значащая для вас, произвела на Юлию сильное впечатление. Подумайте, попытайтесь вспомнить.

– Или в вашем телефоне есть ненужные SMS, – добавил Кузьмин. – Или ненужные фотографии.

– Мы не копаемся в вашем белье.

– Пока.

– Просто это очень важно.

– У меня нет «ненужных» SMS, – спокойно ответил Олег. – И вчера мы не ругались. Когда я уезжаю на работу, Юлька еще спит. Я сам делаю себе завтрак.

– Во сколько Юлия должна была вернуться домой? – резко подал голос Кузьмин.

Лейтенант спросил жестко, громко, да еще и стоя за спиной молодого человека. Как будто холодной водой облил. А Стоценко, не отрываясь, изучал выражение лица Олега.

– Юлька – журналист, точнее, еще учится на журналиста, но уже работает. У нее свободный график. Обычно она приезжает домой к восьми, максимум, к девяти вечера, если мы никуда не собираемся. У нас есть договоренность, если кто-то задерживается и не появляется до девяти, то он предупреждает.

– Договоренность работает?

– Всегда. Если один из нас задерживался после девяти, второй знает, где он.

– Ее мобильный? – быстро спросил Стоценко.

– Выключен или недоступен.

– Угу.

– А где вы были вчера? – поинтересовался Кузьмин.

Летящие из-за спины вопросы слегка нервировали молодого человека, однако Олег решил не поддаваться и ответил спокойным тоном, глядя прямо в глаза Стоценко:

– Дома.

– А до этого?

– На работе.

– График передвижений составить можете?

– Зачем?

– Я говорил, что не задаю вопросы просто так, ради интереса, – мягко напомнил Стоценко. – Семейные дела непредсказуемы.

– Случай бывают разные, – подтвердил Кузьмин. – Сидит здесь убитый горем муж, требует отыскать драгоценную супругу, усладу очей своих, а потом выясняется, что сам же и закопал любимую.

Спорить не хотелось. Злиться тем более.

– Юля пропала, – тихо произнес Олег.

– Пока у нас есть только ваши слова.

Милиционеры серьезно смотрели на молодого человека. Они не шутили. Они могут играть в «камень-ножницы-бумага», разгадывать кроссворды, выпивать, но когда начинается работа, они не шутят. Потому что от их работы зависят чужие жизни.

– Я понял, понял. Мой вчерашний день... – Олег задумался. – Из офиса я не уезжал, с девяти до шести был на месте. Даже до семи примерно, пришлось задержаться. Потом сел в машину... домой приехал где-то в половине девятого.

– Кто-нибудь вас видел?

– Сторож на стоянке.

– Когда вы последний раз говорили с Юлией?

– Днем, по телефону.

– Где она была?

– В Михайловской больнице.

– Она заболела? Проходила обследование?

– Какое это имеет значение?

– Иногда люди получают от врачей такие новости, что предпочитают не возвращаться домой, – ровно объяснил Стоценко. – То есть совсем не возвращаться.

– Юля готовила материал о больнице. Находилась в Михайловской по работе.

– Точно?

– Абсолютно.

– Вы уверены, что во время вашего телефонного разговора Юлия находилась именно в больнице? – вновь взял слово Кузьмин.

– У нее там подруга работает, Юля с ней виделась. Можно уточнить.

– Уточним. Что вы делали вечером?

– Я поел, посмотрел телевизор, примерно в половине десятого стал напрягаться. Позвонил Юле, телефон не отвечает. Потом позвонил Ольге, это та самая подруга из больницы, она сказала, что Юля была, но уехала ближе к вечеру.

– Ольга видела, как Юлия уезжала?

– Я не спросил.

– Дальше.

– Я позвонил Юлькиным родителям, некоторым ее подругам. Ее нигде не оказалось.

– В морги звонили? В больницы?

– В некоторые.

– Нужно будет позвонить в остальные. Я дам вам телефоны.

Олег недоуменно поднял брови:

– Разве не вы должны этим заниматься?

Милиционеры переглянулись.

– Увы, не сейчас.

– Что значит, не сейчас?

– Прошло слишком мало времени, – объяснил Стоценко. – Мы не можем принять заявление. Вы могли поругаться, она могла найти кого-нибудь и уехать с ним. Взаимоотношения – сложная штука.

– Семейные дела непредсказуемы, – грустно усмехнулся Олег.

– Вот именно.

* * *

– Под термином «червоточина» широкая публика понимает гипотетическую особенность пространства-времени связывать две весьма удаленные друг от друга точки, обеспечивая едва ли не мгновенный переход между ними. Данная гипотеза не противоречит общей теории относительности, хотя и не описывается ею в силу необычайной сложности уходящих в бесконечность уравнений. Тем не менее Альберт Эйнштейн не отрицал возможность существования «червоточин» и даже их практического применения в интересах человечества. Однако не так давно работающие в университете Орегона Стивен Хсу и Роман Буний установили, что использовать «червоточкины» для путешествий во времени, скорее всего, не удастся. Во всяком случае, сделать это будет несравненно труднее, чем представлялось ранее...

Ясень потянулся, выключил слишком умное радио, затем вытащил из пишущей машинки последний лист отчета, но просматривать не стал, тут же отдал бумагу Карбиду.

– Расскажешь, о чем идет речь?

– Если тебе интересно.

– Безумно.

– Тогда слушай...

По каким-то причинам – Виктор подозревал, что Черепанычу было лень перенастраивать машину, – Ручной Привод посыпал информацию по «искрам» в древнюю пишущую машинку, а не формировал компьютерный файл, как можно было ожидать в XXI веке. В итоге отчета пришлось ждать почти десять минут.

– Андрей Сергеевич Веснин, молодой, то есть совсем молодой, но уже очень богатый наследник, – рассеянным тоном сообщил Герман, не отрывая взгляда от распечатки.

– Богатый сирот?

Агава, массивным клубком свернувшись на диване, поднял голову и неожиданно громко фыркнул. Как показалось Ясеню – снисходительно.

– Некоторое время назад наш юный друг потерял отца. – Карбид взял другой лист. – Сергей Николаевич Веснин, успешный предприниматель, скончался, оставив сыну около ста миллионов.

– Прилично.

– Весьма прилично.

– Папаша умер своей смертью?

– Согласно официальной версии – да.

– А на самом деле?

– А на самом деле нужно заглянуть в прошлое. – Карбид бросил бумаги на стол и прошелся по дежурке. – Хотя не уверен, что в этом есть смысл.

– Не видишь связи между смертью отца и похищением?

– Не вижу пока связи между смертью отца и «наездником». – Герман остановился и внимательно посмотрел на Виктора: – Мы не похищение расследуем, а ловим вернувшуюся «искру». Забыл?

Увлекшийся спором Ясень не уловил, что Карбид его провоцирует, грубовато и торопно, а потому с жаром ринулся отстаивать свою точку зрения:

– Отец мог вернуться, чтобы поквитаться с убийцей!

– И рискнул «искрой» сына?

– А в кого еще он мог вселиться?

– В кого угодно.

Виктор помолчал, обдумывая слова напарника, после чего поинтересовался:

– А ты что думаешь?

– У меня слишком мало информации, чтобы думать о чем-то всерьез, – отрезал Герман. – Но есть «наездники», которые возвращаются просто для того, чтобы вернуться. Выбрал молодого парня с солидным банковским счетом и прыгнул. Не забывай, что раскрывшаяся «искра» наполняет земную жизнь новыми красками. Сверхсила, сверхспособности... Многие «искры», ничем не отличившиеся в земной жизни, распирает от желания повторить. Не пойти на второй круг, разумеется, а вернуться, чтобы «сделать нечто действительно важное». Стать знаменитым ученым, актером, политиком...

– Мечты неудачников? – понял Ясень.

– Вроде того.

– У кого-нибудь получилось стать великим? – выдержав паузу, осведомился Виктор.

– Думаю, у кого-то получилось.

– Думаешь? – Ясень удивленно посмотрел на Германа. – Что значит: «думаю»?

– Если «наездник» достаточно силен, чтобы от нас уйти, и достаточно умен, чтобы не попасться в первые несколько недель, отыскать его практически невозможно, – развел руками Карбид.

– Таким образом, твоя теория накрывается, – усмехнулся Виктор. – Зачем прыгать в богатого наследника, если нет возможности воспользоваться капиталом?

– Ну, почему же накрывается? – не согласился Герман. – Предположим, Сергей Веснин... Кстати, в какое Царство он попал?

– В наше.

– Итак, Сергей попадает в ваше Царство, его встречают...

– Рассказать тебе, как?

– Слышал от Горелого. Можно продолжить?

– Да.

– Сергея Веснина встречают, и он рассказывает кому-то историю своей жизни. Только что отлетевшие «искры» отличаются редкостной наивностью. И доверчивостью. Им кажется, что наверху все не так, как на Земле.

– Давай без философии.

– Извини. Итак, Веснин-старший рассказывает кому-нибудь свою историю и, допустим, упоминает о друге, который в силах помочь сыну выпутаться из любой передряги. У людей уровня Веснина такие друзья быть должны.

– Адвокат Розгин?

– К примеру. И если все было действительно так, то благодарный слушатель понимает, что у него появился шанс. Он прорывается на Землю и вселяется в Андрея Веснина, надеясь на помощь друга. Все деньги ему заполучить не удастся, ведь мы будем контролировать финансовые операции, но какая-то их часть ему достанется. К примеру, «наездник» специально совершает преступление, после чего приходит к другу и просит о помощи. Тот, в обмен на доступ к основному состоянию, снабжает его некой суммой, документами и отправляет на все четыре стороны.

Поскольку Ручной Привод не сообщал, кто именно вернулся, комендантам оставалось только гадать. Но...

– Слишком много допущений, – покачал головой Ясень. – И Веснин у тебя доверчив, как девочка, и друг у него есть настоящий, что еще менее вероятно.

– Не веришь в дружбу?

– Все предают.

– Настоящий друг – тот, кому заранее прощаешь предательство.

– Занятная мысль.

– Единственно правильная.

Виктор усмехнулся:

– Короче, мне все ясно. Поскольку мы упустили «наездника» на точке обмена, найти его очень сложно. И ты готов с этим смириться.

Енот глухо заворчал, призывая мужчин говорить тише. Карбид вздохнул – горячность напарника его разочаровала – и примирительно произнес:

– Мы должны тщательно изучить прошлое жертвы. Скоро ты поймешь, что это единственная инструкция Царств, которой имеет смысл следовать.

– Мне все ясно, – твердо повторил Виктор. – Нужны другие шаги.

Он закусил удила.

– Со мной мыслями поделишься?

– Когда они оформятся.

– Договорились.

Карбид проводил вышедшего из дежурки Ясения взглядом, посмотрел на Агаву и развел руками. Енот покрутил башкой и принял устраиваться. Пищущая машинка процокала нижнее ля. Барометр показал «Туманно».

* * *

Ольга встретила Олега на первом этаже главного корпуса. Подошла сама – Олег, к своему стыду, не узнал бывшую подругу двоюродного брата Юли. Она поздоровалась и сразу же поинтересовалась:

– Юлька не объявила?

– Нет.

– В милиции был?

– Да.

– Что сказали?

– Мало времени прошло, даже заявление не взяли.

Девушка покачала головой:

– Вот уроды.

– У них свои правила... – промямлил молодой человек.

– Какие правила, если человек пропал? Юльку искать надо немедленно!

Неожиданно для себя Олег припомнил, что Костик как-то назвал Ольгу «прапорщиком в юбке». И, похоже, не ошибся. Девушка говорила четко и безапелляционно. Очень уверенно. Судя по всему, из нее когда-нибудь получится отличный врач. И хреновая жена.

– Почему они не начали поиски Юли?

– В милиции сказали, что мы могли поругаться. Она обиделась и ушла.

– А вы ругались?

– Нет.

– Вот видишь!

– А еще они сказали, что Юля могла пройти какое-нибудь обследование, узнать что-нибудь страшное...

– И покончить с собой? – перебила Олега Ольга.

– Да, – выдохнул молодой человек.

– Нет, – отрезала девушка. – Никаких обследований Юлька не проходила.

– Точно?

– Абсолютно.

Еще одна гора с плеч.

Визит в милицию не прошел даром: по дороге в Михайловскую Олег тщательно вспоминал каждое слово, каждую фразу, что говорил подруге в последние дни. А заодно раздумывал, только ли профессиональным интересом объяснялись ее визиты в больницу? Вдруг Юла действительно проходила обследование? Прикидывал, не изменилось ли ее поведение? Теперь, к счастью, все разрешилось.

– Я им так и сказал.

– Правильно. Но сказал ты им это неправильно. Они тебе не поверили, потому и заявление не приняли.

– У них правила.

– Ты должен был заставить их взять заявление!

– Как?

– Предложить им денег!

– Но... – Об этом Олег не подумал.

– Я тебе удивляюсь!

«Предложить милиционерам деньги?»

– Или сказал бы, что Юлька исчезла несколько дней назад.

«Очень умно! Ведь все это просчитывается на раз!»

— Теперь уже поздно врать, поэтому остаются деньги, — продолжала напирать девушка. — Вернись и доведи дело до конца.

Ну, точно — прапорщик. А то и полковник. С такой не поспоришь. Понятно, почему Костик предпочел расстаться с Ольгой — он парень самостоятельный, а ей, судя по всему, нужен какой-нибудь рохля. Выдернет из-под маменькиного крыльышка и посадит под свое.

— Ладно, я все понял.

— Тогда езжай и делай.

Ага, сейчас, все брошу и помчусь.

— Еще менты спрашивали, видела ли ты, как Юлька уезжала из больницы?

— Нет, не видела, — тут же ответила Ольга. — Мы с ней в корпусе расстались. Я после операции пришла, усталая, поболтали в курилке и разошлись. Юлька сказала, что поедет домой.

— А о чём вы говорили? О возвращениях?

— Нет, эту тему Юлька забросила.

«Все правильно».

— Тогда о чём?

Пауза.

До сих пор Ольга говорила быстро, уверенно, а тут вдруг запнулась. Взгляд не отвела, но на несколько мгновений задумалась. После чего медленно ответила:

— О «Малой Земле».

По роду деятельности Олегу приходилось много общаться с людьми, уговаривать их, убеждать, проводить переговоры. Высококлассным экспертом в психологии молодой человек не был, однако опыт кое-какой имелся, и он увидел, что тема девушку смущает.

— О чём?

— У нас корпус есть старинный, еще первого плана, — объяснила Ольга. — Стоит на отшибе, потому его и называют «Малой Землей». Вот о нем и говорили. Юлька им почему-то заинтересовалась.

Неохотно объяснила. Только потому, что не могла промолчать.

«Как интересно!»

— Юлька спрашивала только о «Малой Земле»?

Вновь пауза. Девушке явно хотелось соврать, но ситуация не располагала.

— Да.

— Что же в ней необычного?

— Все, — машинально ответила Ольга.

— То есть?

— Олег, «Малой Земле» триста лет в обед! Разумеется, она обросла легендами. Уже одно то, что ее не снесли до сих пор...

Девушка замолчала.

— Что?

— Что «что»?

— Ты не закончила фразу. Уже одно то, что ее не снесли... А дальше?

— Дальше ничего. Не снесли, и все. — Ольга отвернулась. — О «Малой Земле» много слухов ходит, но все они и выеденного яйца не стоят.

Но она нервничала. Она явно нервничала!

— После того как вы расстались, Юла пошла на «Малую Землю»?

— Могла.

Олег выразительно посмотрел на девушку.

— Одна?

— Да.

– И больше ее никто не видел.

Он не спрашивал, он констатировал факт. Ольге потребовалось несколько секунд, чтобы это сообразить.

– Олег, это полная чушь! На «Малую Землю» каждый день десятки людей приходят. Там же склад, котельная, там люди работают! И никто не пропадает.

– А как же слухи?

– Вранье.

Ответила твердо. Наигранно твердо. Не была Ольга уверена в лживости слухов, несмотря на весь свой прагматизм.

– Где эта «Земля» находится? – спросил Олег.

Девушка поняла, что отговорить его от путешествия не получится, подошла к окну и кивнула на дорожку:

– По этой аллее до упора. Увидишь, не ошибешься.

– Спасибо. – Молодой человек помолчал, однако уходить не спешил. Скрывает «Малая Земля» какие-нибудь тайны или нет, покажет расследование. Но прежде чем туда соваться, нужно собрать побольше информации. Олег посмотрел на девушку: – Расскажи мне, пожалуйста...

* * *

Радость оказалась недолгой – меньше чем через час после встречи с механиком Юля вновь осталась в одиночестве. Как? Как всегда – не пойми как.

Показав девушке Отстойник, Черепаныч внезапно посерезнел, попросил Юлю подождать и скрылся в недрах Ручного Привода – оттуда незамедлительно донеслось пощелкивание, шуршание и пара тяжелых ударов, словно механик колотил кувалдой по свае. Тем не менее машина восприняла действия Черепаныча благосклонно: щелчки и шуршание сменились довольным урчанием, после чего агрегат шумно выдохнул и замолчал. Гул прекратился, и ошарашенная наступившей тишиной Юля внезапно сообразила, насколько же шумно было в подвале.

«Как же он не оглох?»

Ответ оказался на удивление простым: когда Черепаныч вновь появился из чрева Ручного Привода – совсем не с той стороны, откуда ждала девушка, – он на ходу вытаскивал из ушей беруши.

– Ну, как, проверка?

Поскольку девушка не понимала, что механик вложил в вопрос «как?», она ответила максимально нейтрально:

– Прикольно.

Чем заслужила полное одобрение Черепаныча.

– Понимаешь, проверка, – кивнул механик и указал на дверь: – Пошли наверх, меня в дежурку кличут.

Юля едва не взвыла от радости.

«Наверх!»

Если Черепаныча зовут, значит, он знает путь и сможет не только вывести из подвала, но и с «Малой Земли» – по дороге можно отпроситься «подышать воздухом» или «посмотреть, что вокруг». Механик очевидно простоват, уболтать его не составит особого труда, главное – на улицу вырваться.

«А уж больше я на „Малую Землю“ ни ногой!»

Но даже если ускользнуть не удастся, если Черепаныч приведет ее в таинственную дежурку – тоже ничего страшного. Пришла на «Малую Землю» в рамках знакомства с боль-

ницей, Иван Алексеевич разрешил ходить везде, можете сами у него спросить, а пройти мимо самого старого корпуса, легендарной «Малой Земли» (немножко лести в интересах дела), не было никакой возможности. Заблудилась. Ничего не видела. Вообще ничего, клянусь календарем маяя. Спустилась в подвал, встретила Черепаныча сразу наверх. Ничего не знаю.

Легенда, конечно, примитивная, но другой не будет.

У «Малой Земли» действительно есть тайна. Но она не имеет никакого отношения к криминалу или другим неблаговидным делишкам. Настоящая Тайна. И Юля не испытывала никакого желания продолжить погружение в нее.

«Хватит!»

Ну, на самом деле, не убьют же ее только за то, что она видела непонятную машину? Да и вообще: что она может сделать людям, умеющим в мгновение ока менять окружающее пространство и хранящим чужие души в металлическом баке?

Что?

В коридоре девушка старалась держаться как можно ближе к механику, практически держала Черепаныча за руку, но не удержала. Он опередил Юлю буквально на полшага, всего на каких-то полшага!

– В нашем деле, проверка, главное – стабильность. Плакат видела? «Все должно работать!» Это, проверка, не призыв и не пожелание, это, ерш твою кукареку, приказ коменданта! А как работать, ежели вы постоянно фонды режете? Склад запчастей наполовину...

Черепаныч свернулся за угол, и фраза оборвалась. Юля даже испугаться не успела, сделала свои полшага, заглянула в поворот и поняла, что осталась одна.

– Черт!

Однако снова впадать в истерику девушка не собиралась: как показал опыт, слезы в подвале «Малой Земли» особо не помогали.

Да и где они вообще помогают?

Как следует выругавшись, Юля приложила руку к стене и, не отрывая ее, пошла в обратном направлении, намереваясь вернуться к Ручному Приводу. Попытка не удалась. Пройдя (по ощущениям) то же расстояние, что и в компании Черепаныча, девушка наткнулась на глухую стену.

Сейфовая дверь исчезла.

Тупик.

И опять обошлось без рыданий. К собственному удивлению, Юля оказалась готова к такому развитию событий. Пару минут девушка стояла в тупике, размышляя, что делать дальше, после чего пошла обратно, добрела до развилки, на которой потеряла Черепаныча, и...

И снова выругалась:

– Черт!

Напротив коридора, в котором исчез механик, стоял распахнутый лифт. Настоящий! Современный! Отделанный хромом и зеркалами. Дверцы разошлись в том самом месте, где еще несколько минут назад была гладкая стена.

«Входить или нет? – Девушка колебалась всего мгновение. – А чем я рисую?»

И шагнула внутрь.

– Ну, что, поедем наверх?

Но сначала нужно с кнопками разобраться...

Стандартная панель управления – с кнопочками этажей и вызова диспетчера – отсутствовала. Вместо нее в хромированную стену были встроены плоский двадцатидюймовый монитор, под ним – клавиатура, а справа – сенсорный квадратик «мышки».

– И что?

Да ничего. Что хочешь, то и делай.

Вариантов, собственно, два: уйти или надавить на крупную красную кнопку с надписью «Пуск». Нет, на самом деле, вариант всего один: надавить.

И Юля надавила.

There's a lady who's sure all that glitters is gold
And she's buying a stairway to heaven.
When she gets there she knows, if the stores are all closed
With a word she can get what she came for.
Ooh, ooh, and she's buying a stairway to heaven.
There's a sign on the wall but she wants to be sure
'Cause you know sometimes words have two meanings.
In a tree by the brook, there's a songbird who sings,
Sometimes all of our thoughts are misgiven.
Ooh, it makes me wonder,
Ooh, it makes me wonder...

– Кто-нибудь, выключите это!

Бесполезно. Музыка грохотала из четырех скрытых динамиков так, что лифт дрожал, а на глаза наворачивались слезы.

– Боже!

Хард-рок-атака оказалась почище гула Ручного Привода. Гитары и ударные миллиарды раз отражались от гладких стенок лифта, пронзая на своем пути девушку. Децибелы били в мозг, вызывая жгучее желание бежать подальше, спасаться от акустической волны, пока есть силы. Юля развернулась к дверям, но в последний момент заметила открывшееся на мониторе диалоговое окно:

«Старт? Да. Нет».

«Не зря же я сюда вломилась!»

Девушка надавила на «Да».

Дверцы закрылись.

Музыка стихла.

«Кажется, угадала!»

Юля оторвала ладони от ушей и улыбнулась.

Дверцы открылись.

– Talk, scum, are you a terrorist? Are you?³

В камере находились четверо. Троє мужчин в военной форме и один абсолютно голый, спину которого украшали кровавые полосы.

Орал, разумеется, военный. Жирный, бритый наголо, он сидел в кресле и всякий раз, когда двое его подручных вынимали голову пленника из бочки с водой, принимался истерично визжать:

– You are a killer! A low-life! Spill your guts!⁴

Обнаженный мужчина бессмысленно тряс головой, и экзекуция продолжалась. В камере пахло рвотой и мочой.

«Господи, где я?»

– Talk!⁵

---

³ Говори, мерзавец, ты террорист? Ты террорист? (англ.)

⁴ Ты убийца! Ты тварь! Говори, что знаешь! (англ.)

⁵ Говори! (англ.)

Юля пискнула. Жирный повернул голову, увидел лифт, и выражение звериной ярости на его лице сменилось тупым недоумением.

– Fuck me!

Правая рука потянулась к кобуре.

Девушка отшатнулась назад. Взгляд уперся в монитор, на котором светилось диалоговое окно: «Точка: Абу-Грейб. Возврат? Да. Нет».

«Возврат! Конечно, возврат!»

Девушка торопливо подвела курсор к слову «Да», и дверцы лифта захлопнулись. Через мгновение в вернувшуюся на место стену ударила пуля.

* * *

Появление в кинозале Карбida не вызвало у Арчибальда удивления. Старик отложил газету, которую читал, удобно устроившись в своем кресле, снял с ближайшей стопки верхнюю коробку с пленкой и показал ее коменданту.

«Андрей Веснин. Части 7—17».

– Совершенно верно, Аскольд Артурович, – кивнул Герман. – Спасибо.

И уселся в крайнее в ряду кресло. Старое дерево жалобно скрипнуло.

Киномеханик ловко вставил бобину в проектор, однако включать машину не стал, подошел к Карбиду, достал из кармана блокнот с карандашом и написал: «Будете смотреть один?»

– Ясеня решил пойти своей дорогой, – вздохнув, объяснил Карбид.

Старик тщательно обдумал слова коменданта, после чего задал следующий вопрос: «Вы тоже думаете, что вернулся отец мальчика?»

– Да.

«Ясеня отправился его ловить?»

– Да.

«А вы?»

– Торопиться некуда, – пожал плечами Герман. – У нас еще три дня, Аскольд Артурович.

«А если у Ясеня получится?»

– Тогда его похвалят, – улыбнулся Карбид. – А меня сочтут лентяем и саботажником.

Арчибалд нахмурился.

«Не вижу ничего смешного».

– Потому что не хотите. – Герман стал серьезным. – Виктору нужен авторитет, ради него он готов идти на конфликт. Но рано или поздно он поймет, что я – самый безобидный конфликт из всех возможных.

«Помогите ему понять рано».

– Он не будет слушать.

«Вы умеете говорить».

– А кто вам сказал, что я хочу?

Старик недовольно поджал губы. Чувствовалось, что он не одобряет решение и подыскивает слова, чтобы точнее выразить неудовольствие.

«Без жалости, да, Герман?»

– Или я буду его жалеть, или он станет комендантом, – жестко ответил Карбид.

«А вдруг быть комендантом – не его?»

– Если станет, значит, – его.

«В свое время вы думали иначе».

– В свое время мне тоже никто ничего не рассказал.

Старик вздрогнул, бросил быстрый взгляд на Германа и тут же отвел глаза, признавая его право на такой ответ. Кивнул. Убрал блокнот и карандаш в карман и отошел к проектору. Через несколько секунд на экране замелькали черно-белые кадры.

Юноша в школе, юноша с девушкой, юноша в институте, юноша пробует вино...

Арчибалд мастерски нарезал самые яркие, самые насыщенные воспоминания Веснина.

Юноша в тренажерном зале, судя по нагрузкам, не спортсмен, совсем не спортсмен. Юноша празднует день рождения, отец дарит ему машину. Юноша с красивой светловолосой женщиной...

– Аскольд Артурович, вы обратили внимание на отсутствие матери?

Киномеханик кивнул. Он знал, что Карбиду потребуется поговорить, а потому, поставив бобину, уселся в соседнее с комендантом кресло.

– С другой стороны, мы знаем, что его мать не умерла. Точнее, мы не знаем, что она умерла. – Герман просмотрел досье. – Ничего не написано.

Юноша говорит с кем-то по телефону, бледнеет. Юноша плачет.

– Наш молодой друг узнал, что стал сиротой.

Арчибалд вновь кивнул.

Юноша на похоронах. Хмурые мужчины, друзья отца. Розгин – Карбид узнал адвоката – стоит рядом с плачущим Андреем.

– И снова нет мамы, – заметил Герман. – А ведь могла бы поддержать сына в трудную минуту.

«Не всякая женщина может стать матерью».

Писать в полумраке кинозала было сложно, читать еще сложнее, но комендант разобрал каракули старика.

– Вы абсолютно правы, Аскольд Артурович, похоже, Андрею не повезло с родившей его женщиной.

«Это зацепка?»

– Еще не знаю.

Дверь приоткрылась, и в кинозал заглянул Черепаныч.

– Аскольд Артурович, Герман у вас?

– Да, Черепаныч, – отозвался Карбид. – Что случилось?

– Парень около болтается.

– Из больничных?

– Пришлый.

– Заблудился?

– Явно нас изучает.

– Я встречу. – Герман поднялся на ноги. – Спасибо, Аскольд Артурович.

Старик кивнул.

– И... подготовьте мне, пожалуйста, хронику Сергея Веснина. Я посмотрю, как только разберусь с гостем.

Арчибалд молча подтвердил, что понял приказ.

Входя в здание, Олег ожидал встретить охранника или, на худой конец, бабушку-дежурную, но ошибся. Распахнув дверь, молодой человек оказался в маленьком холле, в который выходило три двери. Короткий коридор налево, заканчивающийся небольшой комнаткой, явно предназначавшейся для отдыха, и его зеркальное отражение справа. Над дверями длинный плакат: «Сотрудники Михайловской больницы приветствуют участников седьмых межконфессиональных шашко-шахматных встреч!»

– Есть кто-нибудь?

Тишина.

Нет, не тишина. Олег прислушался: из-за крайней двери донеслись звуки музыки.

Полилась на бумагу темная брага,
Выдержанной двадцать лет.
Мы не вместе, но рядом, значит, так надо,
Я выключаю свет.
Твой силуэт,
Как иллюзия...

Олег подошел к двери и задержался, прочитав надпись: «Морг». Он знал, что войдет, но у кого не возникли бы сомнения? Хотя бы на секунду?

Оставаться надолго, надо не надо,
Споров не избежать.
Мне осталось немного, что будет дальше,
К счастью, не мне решать.

На мгновение Олег ослеп – по сравнению с холлом морг буквально утопал в ярком свете. Мощные лампы были со всех сторон, были до боли. И музыка, с той стороны двери казавшаяся негромкой, врезала по ушам.

Скукой дышит в затылок, звон ложек-вилок,
Смех, сквозь презрение.
Мне б побыть настоящим, было бы счастье,
Пусть лишь мгновение.
Я не знаю, но чувствую.
Я не вижу, но верую.
Если вырастут крылья за спиной,
Я хочу, чтобы были белыми...

– Сделайтетише!

Молодой человек не был уверен, что его слова достигли цели, однако через пару секунд натиск динамиков существенно ослабел.

– Так лучше?

– Да!

Олег медленно убрал от лица ладони и осторожно открыл глаза. Привыкнув к яркому свету, он различил находящегося в морге человека. Худощавый, какой-то помятый, в стареньком свитере, мужик сидел на стуле, забросив ноги на металлический стол, на котором лежал наполовину прикрытый простыней труп. На коленях худощавый держал раскрытый журнал, а в пальцах правой руки – сигару. Судя по кучке пепла под столом, о пепельнице мужчина забыл.

– Остальные где?

– Кто остальные? – не понял Олег.

На шее мужчины темным пятном выделялась татуировка: черный крест, обрамленный неразличимой с такого расстояния надписью.

«Странно для работника морга... Или наоборот – совсем не странно?»

– Коллеги твои, желторотик. Где они?

– Я один.

– Отличник, что ли?

– Был.

– А теперь двоечник? – И не дав молодому человеку ответить, Карбид махнул рукой:
– Инструмент готов. Приступай.

Олег посмотрел в указанном направлении и обнаружил столик с разложенными инструментами. Скальпели, молоток, пила...

– Зачем они?

– А ты его зубами, что ли, рвать собрался? – пробурчал уткнувшийся в журнал Герман.

– Я? Его?

Работник морга вновь поднял голову, и на этот раз в его взгляде читалось не безразлиchie, а раздражение.

– Слушай, желторотик, не морочь мне голову. Пришел на вскрытие, так вскрывай. У меня рабочий день не резиновый, чтобы до утра тут с тобой тусоваться. И где ваш куратор, черт бы его побрал?

– Блин! Я не студент!

Догадавшись о причине странного поведения мужчины, Олег почувствовал облегчение.

– А кто?

– Напугали вы меня.

Работник морга невозмутимо пыхнул ему в лицо сигарой и повторил вопрос:

– А кто?

– Хорошо зарабатываете, – пробормотал Олег, покосившись на толстую «гавану».

– У клиента одолжил. Чего тебе надо, если ты не желторотик?

– Я ищу эту девушку. – Молодой человек протянул Карбиду фотографию Юли. –

Видели ее?

Работник морга отложил журнал, некоторое время внимательно изучал лицо девушки – однако в руки карточку не взял, – после чего молча кивнул, поднялся со стула и подошел к холодильникам.

– Посмотрим.

– Подождите, вы не поняли!

– Кажется, здесь! – Герман открыл ячейку и выкатил носилки. – Она?

Рыжие волосы, распухшая от воды голова... На Олега накатила дурнота.

– Уберите!

– Не она, значит? – Карбид почесал кончик носа. – Вспомнил! Позавчера привезли. Без башки!

Созерцания еще одного трупа Олег бы точно не перенес.

– Она жива! Она пропала!

– Пропала? Гм... А чего ты в морг пришел, желторотик? Тебе в милицию надо.

– Юля приходила к вам несколько дней назад.

– То-то я смотрю – лицо знакомое. – Герман широко улыбнулся: – Да, приходила.

Теперь вспомнил.

Молодой человек вновь достал фотографию:

– Вы точно ее помните?

– Я же сказал – помню.

«Слава богу!»

– И вы с ней разговаривали?

– Как с тобой.

– О чем она спрашивала?

– Тебе не все равно?

Олег опешил, однако мужчина, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Про «Малую Землю» расспрашивала. Мол, давно ли стоит? Зачем стоит? Историями разными интересовалась.

– И что?

– А что? Ничего. Пока я работаю, «Малая Земля» здесь стоит. А что раньше было, меня особо не касается. Люди разное болтают, чего слушать?

– Что болтают?

– Я ведь что? Скажут покойника к потрошению приготовить – я приготавливаю. Потом подтираю тут за вашим братом-студентом. Вчера вот руку потеряли. Я убираться начал, глядь – руки не хватает. Взял, что ли, кто? А кому она нужна? Я уж звонить хотел, потом смотрю – Агава ее тащит. Ну, енот местный. Зачем ему рука? Не пойму. Она ведь вся в формалине. Полоскун, едреный. А еще однажды мозги…

– Подождите! Девушка. Она ушла, да?

– А чего ей тута оставаться?

– Во сколько?

– Да разве упомнишь… Часа в три пополудни. Или раньше… Но не позже шести, в шесть я тогда ушел как раз.

– А куда она пошла?

Сотрудник морга шмыгнул носом, подумал, извлек из кармана джинсов неожиданно чистый платок и шумно высморкался.

– Слушай, желторотик, я не успел познакомиться с твоей подружкой так близко, чтобы она начала делиться со мной своими планами. Ушла куда-то.

– Ее кто-нибудь видел?

– Может, кто из наших и видел. У меня дел по горло.

– Значит, не позже шести ушла?

– Получается, раз я так сказал.

Что делать дальше, Олег не знал. Ответы на все вопросы получены, ну а то, что они его не устраивают, никого не волнует.

– Может, посмотришь безголовую? – предложил высморкавшийся работник морга. – Симпатичная девчонка, даже так видно.

– Нет, спасибо.

– Как знаешь. – Карбид позволил молодому человеку сделать несколько шагов, после чего неожиданно спросил: – Давно твоя подружка пропала?

Олег резко развернулся, прищурился и медленно ответил:

– От вас ушла и пропала.

– Я думаю, она вернется, – со спокойной уверенностью произнес Герман.

– Думаете?

– У людей всегда так. Если им есть к кому возвращаться, они обязательно возвращаются.

– Неужели?

– Ты уж мне поверь, желторотик, я знаю. – Карбид помолчал. – А еще тебе нужно понять, что для тебя важно. Понять, какова у этого «важно» цена, ибо то, что достается даром, невысоко ценится.

* * *

Хотя это и покажется странным, Сергей Веснин испытывал благодарность к похитившим его бандитам. Не такую сильную, чтобы оставлять их в живых, конечно, но испытывал. Во-первых, Ираклий и его неудачливые партнеры увезли Веснина из-под носа комен-

дантов, дали время прийти в себя и освоиться в новом теле. Вытеснение «искры» оказалось не такой простой задачей, как расписывали оставшиеся наверху приятели, оно потребовало колоссального напряжения и, не подоспев похитители вовремя, Сергея взяли бы прямо там, в московском переулке.

«Молодец, Андрюха, ты здорово сопротивлялся!»

Сын оказался крепким орешком, цеплялся за тело отчаянно, и Веснин испытывал законную отцовскую гордость.

Во-вторых, благодаря Ираклию, у Сергея появился четкий и ясный след. Веснин узнал, откуда следует начинать поиски. К кому идти в первую очередь.

«Что бы я без вас делал, ребята? Ума не приложу!»

Ну а то, что ему пришлось убить трех человек, Веснина не смущало – это только начало. К тому же само по себе возвращение считалось преступлением гораздо более тяжким, нежели убийство нескольких человек.

Сергей знал, что впереди его ждет расплата, но сейчас был абсолютно спокоен.

...Захваченный «Юкон» Веснин бросил на парковке крупного торгового центра, не доехав до Москвы с полкилометра. Решил не рисковать и не проезжать на бандитской машине мимо стационарного поста ГАИ – мало ли что? Купил кое-какие вещи, затем на бесплатном автобусе добрался до станции метро, проехал пару остановок, вышел, в ближайшем банкомате воспользовался карточкой сына и снял пятьдесят тысяч. На всякий случай снял. Наличных, обнаруженных в бумажнике сына и в карманах уголовников, должно было хватить до конца операции, однако кто знает возможности комендантov? Вдруг заблокируют счет?

Разобравшись с деньгами, Сергей взял такси и поехал к «Кахетинской лозе». Возле которой и провел следующие несколько часов, постоянно перемещаясь, чтобы не привлечь к себе чье-либо внимание, и тщательно избегая зон, «простреливаемых» видеокамерами.

«Андрей должен остаться „чистым“! Ни один свидетель, ни одна видеозапись не должны связать его с преступлениями!» – Эта мысль постоянно пульсировала в голове Веснина.

По той же причине Сергей не пошел внутрь и отказался от идеи разобраться с Грыгадзе на парковке. Встреча должна пройти в укромном месте.

«Ты сам меня туда отвезешь...»

Веснин неплохо разбирался в психологии уголовников и понимал, что договориться с Давидом по-хорошему не получится. Не может между ними быть мира, какие бы условия Сергей ни предложил. Да и предлагать особенно нечего, не будешь же, на самом деле, платить бандиту за то, чтобы он тебя не трогал? Нет, встреча обязательно закончится смертью, но перед нею Давиду придется кое-что рассказать...

Грыгадзе вышел из ресторана незадолго до полуночи. По-хозяйски вышел, вразвалочку. Руки в карманах брюк, брюхо авангардом выдвинуто вперед, позади – пара соплеменных мордоворотов. Логично, учитывая род деятельности господина.

Веснин дождался, когда троица дотащится до «Мерседеса», после чего вынырнул из кустов (спиной к видеокамере, разумеется) и негромко крикнул:

– Давид!

Грыгадзе замер. Телохранители развернулись, однако пушки не выхватили. Увидели субтильное сложение, разведенные в стороны руки и не выхватили, хватило ума. С другой стороны, подозрительных деталей во внешности хватало: воротник ветровки поднят, бейсболка надвинута на лоб, так что расслабляться мордовороты не собирались.

– Давид! Нам нужно поговорить.

– Для кого Давид, а для кого Давид Зурабович, – прощедил уголовник. – А для кого – господин Грыгадзе. Понял, сволочь?

Панибратское обращение задело московского горца по самые гланды, испортило хорошее настроение – день-то складывался неплохо, а потому Давид хотел уже приказать слугам как следует врезать нахальному щенку, но...

– Нам нужно поговорить о деньгах, – очень твердо произнес Веснин, не дожидаясь, пока Грыгадзе распорядится насчет мордобоя. – И о неприятностях.

Правильно выбранный тон и глубокая уверенность произвели нужное впечатление – Давид заинтересовался:

– Мальчик, ты кто? И о чьих неприятностях ты хочешь говорить со мной?

– Поговорим – узнаешь. Неприятности, они ведь, как деньги: то в одном месте появятся, то в другом.

Наступил самый напряженный момент: что решит Грыгадзе? К счастью, как и ожидал Сергей, бандит не отказал себе в удовольствии побеседовать с нахальным парнишкой. Вальяжно махнул рукой:

– Подойди.

И оперся на крыло ближайшей машины – пузо не любило слишком долго пребывать в вертикальном положении.

Один из телохранителей ощупал Веснина, убедился, что оружия нет, и подтолкнул к хозяину.

– Я тебя знаю?

– Мы незнакомы, но вы обо мне слышали, Давид. И у меня есть информация, которая будет вам интересна.

– Говори.

Сергей вздохнул – нужно показать уголовникам, что он нервничает, – и предельно вежливо спросил:

– Можно я покажу лицо?

– Нужно, мальчик, нужно, – с нехорошой улыбкой произнес Давид.

– Медленно, – добавил один из телохранителей.

Веснин неторопливо поднял козырек бейсболки и увидел, как сверкнули глаза Грыгадзе – бандит узнал юношу. Но сдержался:

– Мы незнакомы.

Тем не менее в голосе мелькнула неуверенность, которую почуяли телохранители. Почуяли и бросили на хозяина удивленные взгляды.

– Но вы обо мне слышали, – уточнил Сергей.

Отвечать Грыгадзе не стал.

– Зачем ты пришел и... почему ты пришел?

От напряжения он даже слегка подобрал пузо, приняв сдержанно-угрожающий вид.

– Хочу уладить возникшее между нами недоразумение.

– Недоразумение? – хмыкнул Грыгадзе. И тут же: – Ты один?

– Да.

– На тебе есть микрофон?

– Нет.

– Нет, – подтвердил телохранитель.

Давид качнул головой, словно пытаясь отогнать сомнения, и повторил вопрос:

– Почему ты пришел?

Смысл был иным: как ты сумел прийти?

– У меня есть друзья, которые мне помогли, – спокойно ответил Сергей. – Но к вам я пришел один. Хочу мирно уладить разногласия, которые возникли случайно.

– Говори.
– Не здесь.
– Садись в машину, – решился Грыгадзе. – Поедем поговорим.

* * *

Из странного лифта девушка вылетела пулей. Даже не удостоверились, что хитроумная машинка действительно вернула ее на «Малую Землю». Выскочила, добежала до противоположной стены, несколько мгновений стояла, прижимаясь всем телом к холодному камню, а когда обернулась, не увидела ни дверец, хотя бы закрытых, ни хромировано-зеркального нутра.

Лифт исчез.

«Все правильно».

Почему «все правильно», Юля объяснить не могла. Просто подумала, что именно так и должно было случиться. Лифт сыграл свою роль и удалился со сцены.

«Какую еще роль? Передо мной разыгрывают спектакль? Но с какой целью?»

Девушка поправила висящую на плече сумочку и огляделась.

Коридор, в который доставил ее лифт, отличался от предыдущих.

Когда Юля только спустилась в подвал, особых изменений она не заметила: такие же крашеные, чуть выше человеческого роста, стены, побелка на потолке, обыкновенные двери. Выйдя из Ручного Привода, девушка обратила внимание на то, что обстановка стала другой, похожей на заводскую: нештукатуреный кирпич, трубы и кабели на стенах, рубильники, разводные коробки... Теперь же ее окружали аккуратно побеленные стены, а под ногами изредка попадались соломинки и какие-то зерна.

– Я что, в подвале фермы?

Шутка заставила губы дрогнуть. Но и только.

Примерно через двадцать шагов коридор сделал резкий поворот направо и уперся в дощатую дверь, скрепленную тремя черными металлическими полосками. Если не ферма, то сельскохозяйственные декорации.

Юля вздохнула и надавила на ручку. Дверь подалась. Девушка приоткрыла ее сантиметров на двадцать и громко спросила:

– Есть кто дома?

– Ко-ко-ко...

– Что?

От неожиданности Юля сделала шаг вперед, открыла дверь настежь и замерла.

– Блин!

После всего, что ей довелось пережить, девушка меньше всего на свете ожидала увидеть в подвале «Малой Земли» курятник.

– Идиотизм какой-то!

На полу обширного помещения были рассыпаны зерна и стояло несколько мисок с водой. Вдоль дальней от двери стены возвышались настенные насесты, на которых рядом, тесно прижавшись друг к другу, коротали время белые курицы. Только белые. На самой же верхней жердочке, в гордом одиночестве, восседал здоровенный ярко-красный петух.

Именно он и издал это самое «Ко-ко-ко...».

– Ух ты! – Юля вошла внутрь. В нос ударили резкий запах помета, однако любопытство перевесило. – Вы что здесь делаете, пернатые?

– Ко-ко-ко...

Петух взмахнул крыльями, спрыгнул на пол и остановился, недружелюбно разглядывая девушку.

– Какой красавец.

Да к тому же здоровенный. Массивный, с огромными крыльями, высокий – голова петуха доходила девушке до бедер, с толстыми лапами, украшенными длинными, острыми шпорами. На которые Юля поначалу не обратила никакого внимания.

– Ко-ко-ко...

Красавец загреб лапой.

– А где ваш хозяин?

То ли петуху не понравился вопрос, то ли он решил, что время пришло, но едва девушка открыла рот, как красавец издал громкий вопль и бросился в атаку.

– Ой! – Не ожидавшая нападения Юля едва успела отскочить в сторону, и птица врезалась в стену. – Ты чего?!

Ничего. Кроме неприятностей.

Следующий бросок заставил девушку еще дальше отступить от двери, потом еще. Юля не сразу поняла, что ее загоняют в угол, а когда сообразила, было поздно. Наседки, до сих пор спокойно взиравшие на атаки петуха, одновременно, как по команде, бросились на незваную гостью.

– А-а!!

Клокотание, хлопанье крыльев, летящие перья, а самое главное – удары. Птицы набрасывались на перепуганную девушку со всех сторон. Кружились вокруг беспощадной белой каруселью, и перед глазами Юли все смешалось. Она потеряла ориентацию и лишь отмахивалась от разъяренных несушек. Одна из которых ловким ударом расцарапала девушке лицо, и кровь смешалась с брызнувшими из глаз слезами.

– Отстаньте!

Куда там! Куры накатывали волнами, били по ногам, животу, самые ловкие атаковали «вторым этажом», наступая по спинам товарок, пытались добраться до груди и лица Юли. Казалось, еще чуть-чуть, и девушка окажется погребенной под бурлящей пернатой массой. Красавец петух бился в первых рядах.

«Они хотят меня убить!»

Удары, клокот, удары.

– Нет!!

Юля сама не поняла, что произошло в следующее мгновение. Страх, ужас, боль, ощущение приближающейся смерти – все смешалось в ее душе и вызвало мощный ответный всплеск.

Всплеск чего?

Ответа на этот вопрос у девушки не было.

Всплеск.

Всплеск жажды жизни.

Ярости.

Юля закричала, взмахнула рукой, и куры, подчиняясь резкому пассу, отлетели в сторону. Словно гигантской метлой отброшенные. Перегруппировались, вновь бросились в атаку и снова отлетели, повинувшись следующему движению руки.

Боевая злость пернатых сменилась сначала недоуменным, затем тихим клекотом, который очень быстро сошел на нет. Несушки, только что демонстрировавшие чудеса воинской доблести, теперь бочком, вдоль стен, пробирались к насесту.

– Бойтесь? Правильно делаете!!

Тяжело дышащая Юля оглядела поле битвы и уперлась взглядом в петуха. Красный красавец стоял в трех шагах, но атаковать не собирался. Хотя и перепуганным, в отличие от подружек, не выглядел.

– Хочешь еще?

– Ко...

Петух тщательно обдумал предложение, после чего сделал шаг назад.

– Вот так вот, – хмуро произнесла девушка и медленно вышла из курятника.

* * *

Делиться с Карбидом посетившей его идеей Ясень не хотел. Ни с кем не хотел. И не потому, что ее следовало «оформить» – мысль вполне сложилась, просто Виктор хотел все сделать сам.

Потому что лавры, слава и награда достаются только победителю. Потому что назначение на высокий пост не гарантирует безусловного послушания подчиненных. Потому что авторитет нарабатывается умом, решительностью и мужеством. А еще – победами. Никто не пойдет за неудачником, и захват «наездника» представлялся Виктору удачным способом набрать баллы.

Расставшись с Карбидом, Ясень спустился в подвал и занял позицию напротив дверей Ручного Привода.

«Как мальчишкa!»

Нет, как человек, которому не нужны ни помощь, ни советы.

«Вы хотели знать, на что я способен? Устраивали мне проверочки? Экзамены? Хорошо, я покажу!»

Но показать сразу не удалось. Примерно час Ясень томился в укрытии, ожидая, когда механик покинет пост. Сначала топтался, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, представляя, в какое изумление повергнет Карбida. Затем присел на пол, прокручивая в голове детали предстоящей операции. В последние пятнадцать минут играл в «Тетрис» на мобильном, прикидывая, не сгонять ли перекусить? Черепаныч выбрался из Ручного Привода в тот самый момент, когда ожидание превратилось в пытку.

«Пора!»

Виктор не знал, надолго ли ушел механик, а потому не собирался терять ни секунды.

Едва Черепаныч скрылся за углом, Ясень открыл дверь и проник внутрь.

«Думаете, не справлюсь? Еще как справлюсь!»

Его знаний Ручного Привода, полученных во время инструктажа наверху, должно было хватить на то, чтобы осуществить задуманное. А тот факт, что подобное вторжение в «искру», мягко говоря, не приветствовалось, Ясения не особенно смущал:

«Прямого запрета нет, а победителей не судят!»

Виктор подошел к панели управления.

– Так, сначала эту бандуру нужно включить.

Рычаг с пометкой «запуск» располагался справа. Удобно для всех, кроме Ясения, однако дергать за него Виктор не собирался. Не все так просто: защита от несанкционированного включения в Ручном Приводе была устаревшей, но надежной. Сначала нажать две неприметные кнопочки сбоку, затем тумблер, а уже потом рычаг.

Агрегат загудел.

– Отлично. Теперь прицеливание.

Ясень покрутил ручки, и на экране возникли плавающие в Отстойнике «искры».

– Выбираем нужную... Ага, вот так...

Несмотря на примитивную конструкцию, работал Ручной Привод идеально. Нужная «искра» по специальному каналу выскользнула из Отстойника и оказалась в колбе черного стекла, ярко осветив ее изнутри. Словно лампочка зажглась. Или малюсенькая звезда.

«Получилось!»

Но радоваться рано, следующий этап гораздо сложнее. Виктор надел шлем – три выходящих из него провода вели в медное основание стеклянной колбы, – закрыл глаза и сосредоточился.

«Андрей! Ты меня слышишь?»

За те несколько часов, что прошли с момента обмена, «искра» Веснина должна была успокоиться, отойти от шока, избавиться от ужаса дезориентации, всегда сопровождающего потерю тела. Избавиться от страха. Разговаривать с «искрой» сразу после обмена – занятие бессмысленное, а вот сейчас диалог возможен.

«Андрей!»

Закрытые глаза слепят белое сияние. Застит пелена чистого, без примесей, света. Самого чистого во Вселенной.

«Андрей! Ответь! Андрей!»

«Кто здесь?»

В сгустке бессмертного света возникли едва заметные тени, медленно складывающиеся в контуры юношеского лица. «Искра» машинально пыталась принять привычный облик.

«Андрей, поговори со мной! Меня зовут Виктор».

Узнать у «искры», кто ее вытеснил, невозможно, эта борьба проходит на таких уровнях, где имена бессмысленны. Однако Ясеня «наездник» не интересовал. Он искал другое.

«Андрей!»

«Кто вы, Виктор? Где вы? – Сложенное из теней лицо стало более четким. – И где я?»

«Разве тебе не объяснили? Другие „искры“?»

Пауза.

«Я умер?»

«Нет. Пока нет».

«Тогда что случилось?»

«Это мы и пытаемся выяснить. Мы хотим помочь тебе, Андрей».

«Кто вы?»

«Врач, разумеется».

«Что со мной?»

«Ты в коме. Но мне нужно, чтобы ты ответил на несколько вопросов».

«Для чего?»

«Я постараюсь вытащить тебя, Андрей, но для этого мне нужны психологические зацепки, понимаешь?»

«С трудом».

«Вот и хорошо. Все-таки врач из нас двоих – я. Итак, Андрей, слушай первый вопрос...»

* * *

Как и ожидал Сергей, Грыгадзе привез его в место, где можно «говорить» без помех. Покинув шумный центр, бандиты направились на восток, в один из промышленных районов Москвы. Когда-то здесь непрерывно коптили небо трубы, а заводы давали работу многочисленным обитателям окрестных спальных кварталов. Теперь же эта зона была безлюдной настолько, что даже милиционские патрули предпочитали ее не посещать. «Мерседес» остановился в узком тупике, окруженном со всех сторон высокими заборами. Ни лишних ушей, ни лишних глаз, ни видеокамер – идеальное, на взгляд Веснина, место.

Давид имел аналогичное мнение.

Во время дороги о делах не говорили. Телохранители привычно помалкивали, Грыгадзе несколько раз звонил по мобильному, но говорил не на русском, а посему, о чем шла

речь, Сергей не понял. Но его это не особенно волновало – что бы там ни затевал уголовник, ничего толкового он сделать не успеет. А болтать о том, что с ним в машине сидит неудавшийся покойник, тоже не станет, во всяком случае до тех пор, пока не разберется в ситуации. Ну а «разобравшись», болтать не будет тем более.

Впрочем, одну из тем, которые затрагивал Давид во время своих гортанных переговоров, Веснин знал наверняка – Грыгадзе пытался узнать, куда подевались его люди.

Именно с этого вопроса бандит и начал разговор, когда они с Сергеем вышли из «Мерседеса».

– Мои люди исчезли.

– Двое парятся в малосимпатичном подвале, а один нигде не парится, потому что слишком много о себе возомнил, – не моргнув глазом, соврал Веснин. – Если все у нас с тобой пройдет нормально, получишь двух бойцов в целости и сохранности, только немножко побитыми.

Обман преследовал две цели. Во-первых – дипломатическую, следует показать Грыгадзе, что он, Сергей, не отморозок и с ним можно договариваться. А во-вторых – этическую, неудобно начинать встречу фразой: «Знаешь, Давид, я только что замочил твоих людей. Поговорим о деньгах?»

– Кого вы грохнули?

– Ираклия. К сожалению, он не сразу понял, что сопротивление не имеет смысла.

– Сопротивление кому? – поинтересовался уголовник. – Тебе, что ли?

– Мой папа тяжкими трудами скопил сто лямов, – с улыбкой произнес Веснин. –

Неужели ты думаешь, что он не познакомил меня с людьми, способными решить столь несложную проблему?

Понятия о логике у Давида были, а потому он, переварив сообщение, осведомился:

– Почему эти люди сами ко мне не пришли?

– А зачем? Ты мужчина умный, понятливый, мы с тобой сами все порешаем к общему удовольствию. А за Ираклия извини. Мы не хотели.

– А если не извиню?

– То есть?

– Если придется возместить потерю? У Ираклия семья была.

Деньги. В разговорах с бандитами все всегда упирается в деньги. Кто кому и сколько. Веснину стало скучно.

– Обсудим, – не стал спорить Сергей. – Это твое единственное условие?

– Э-э...

Давид не знал, что делать. Перед ним стоял щенок, самый настоящий щенок с молоком на губах и тонким хвостом. Но держался сопляк как опытный переговорщик. И даже не в словах дело – в поведении, в уверенности, в ощущении собственной силы. Грыгадзе чуял, что говорит с матерым волчарой, закрывал глаза и чуял. А открывал, и видел перед собой безусого юнца. Пустое место видел перед собой Давид, когда открывал глаза, а потому держался, не зная, как себя вести.

– Компенсация – твое единственное условие?

Грыгадзе поморщился:

– Я хочу знать, что нужно тебе?

– Я хочу, чтобы ты прекратил меня преследовать, – тут же ответил Веснин. – И еще я хочу, чтобы ты назвал мне имя заказчика.

– Две услуги взамен одной, – заметил Давид.

– А ты внимательный.

– Парень, – угрюмо произнес Грыгадзе.

«Я уже парень, не мальчик. Раству, черт побери!»

– Парень, ты смог меня удивить. Но вот злить меня не надо.

– Уловил, – кивнул Сергей. – Приношу искренние извинения. И прошу войти в мое положение: для меня все происходящее в диковинку.

– Что получу я кроме компенсации? – спросил уголовник.

Веснин почесал кончик носа.

– Видишь ли, Давид, сейчас между нами все ровно. Тебе дали деньги за мою жизнь, у тебя не получилось. Ты умный человек, ты понимаешь, когда надо отступить. Ты говоришь, кто заказчик. В принципе я догадываюсь, но мне нужно подтверждение. Ты называешь имя заказчика, я решаю наши с ним вопросы, ты в стороне. Немножко заработал, поднял с земли копеечку, остался жив.

Последние слова не прозвучали угрозой. Так, упоминание факта. Мимоходом. Грыгадзе знал цену таким вот, на первый взгляд случайно оброненным словам, однако сейчас решил не обращать на замечание пацана внимания. Ну, не мог он всерьез воспринимать прыщавого студента.

– Мало.

– А на мой взгляд, вполне достаточно.

– Между нами кровь.

– Ты на меня наехал.

Давид понял, что выбирать линию поведения нужно сейчас. И он выбрал.

– Между нами уже кровь, парень.

– Именно поэтому пришел с тобой говорить я, – в тон Грыгадзе отозвался Сергей, – а не мои люди.

Ага, огрызнулся. Проверим, что у тебя внутри: сталь или дермо?

– Словами вопрос не решить, – выдал Давид. – Сейчас мое мнение важнее.

– Потому что я пришел один?

– Да, парень, потому что ты пришел один. – Грыгадзе скривил губы и сделал короткий шаг вперед. – Не нужно быть гребаным романтиком, парень. Не следовало приходить ко мне одному.

Заявление прозвучало весомо, однако юнец в лице не изменился. Не побледнел.

– Но ведь это ты не можешь найти своих людей, Давид, – напомнил уголовнику Веснин. – Ты, а не я. Прислушайся к своим гребанным инстинктам и сделай, черт бы тебя побрал, правильный выбор. В последний раз предлагаю.

– Ты мне угрожаешь?

– Теперь – да.

Грыгадзе сделал еще шаг. Он дышал в лицо Сергею, а пузом терся о ветровку. Массивный. Сильный. Злой. Вот-вот ударит.

– А подумал ты хорошо?

– Я – отлично, а ты?

– Я тоже.

– В себе уверен?

– Абсолютно.

– Проверим?

– Проверим.

– В таком случае, держись, Давид.

Назад ходу нет. Ни для кого.

«Дурак ты, парень. В Москве законы волчьи: пока ты жив, ты чего-то стоишь, а за мертвого мстить никто не будет. Какими бы крутыми твои дружки ни были...»

Грыгадзе хотел ударить, и тем самым дать сигнал своим людям врезать наглому щенку, но вдруг с ужасом понял, что не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Не способен

ничего сказать. Даже всхлипнуть. Он мог лишь стоять, бессильно наблюдая за матерым щенком. Только думать мог. Но мысли, поначалу ясные, вдруг поскакали перепуганными зайцами, метнувшись прочь от непонимания происходящего.

– Большая ошибка, Давид.

Ответить Грыгадзе не мог.

– Хочешь посмотреть на своих мальчиков?

Повинуясь неслышному приказу Сергея, телохранители Давида встали перед хозяином, вытащили пистолеты, накрутили на них глушители и навели друг на друга. Из их глаз текли слезы.

– Я знаю несколько фокусов, – объяснил Грыгадзе Веснин. – И так силен, что могу проломить даже инстинкт самосохранения.

Хлопки раздались одновременно. Мордовороты упали.

– Кстати, я тебе соврал: посланных тобой ублюдков я шлепнул сам, без друзей. – Сергей нехорошо улыбнулся: – Теперь разберемся с тобой.

Грыгадзе судорожно вздохнул. Дышать-то ему никто не запрещал.

– Ты будешь говорить правду и только правду, как в американском кино. Я думаю, тебя наняла Мария Крестовская, моя… мама. Это так? Отвечай.

– Да, – подтвердил Давид. – Это так.

– Хорошо, – после паузы произнес Веснин. – Ну, в смысле, плохо, конечно, все-таки маму жалко, но хорошо, что ты не врешь. Как ты должен отчитаться о проделанной работе?

– Она назвала номер телефона.

– Звони.

Грыгадзе извлек из кармана телефон – как же ему хотелось вытащить пистолет! – и набрал номер:

«Кричи! Вопи! Рассказывай правду!»

Нет, нет, нет. Не получается сказать ничего лишнего. Слова не выходят, не складываются, мольбы о помощи не услышаны. В трубку летит только то, что приказал щенок. Жалкий на вид и такой страшный щенок.

– Это я, Давид. Все в порядке. Завтра я позвоню на этот номер и скажу, как мы расчитаемся.

– Молодец, – похвалил уголовника Сергей. – Теперь подними с земли пистолеты. Сначала один, потом другой.

Веснину доводилось убивать. Давным-давно, еще в Афгане. Полученная на той войне закалка здорово помогла ему в девяностых. Однако главную черту – убивать только на войне – Сергей до сегодняшнего дня не переходил. И вот теперь, готовясь отправить на тот свет шестого за день человека, Веснин неожиданно понял, что закостенел. Что благодаря своему впечатляющему превосходству поставил смерти на поток, превратил в конвейер, в рутину. Одним больше, одним меньше… свидетелей оставлять нельзя… Сергей не упивался своим положением, не щелкал «жалких людышек», ему было просто все равно.

«Это неправильно! Да, они убийцы, воры и насильники, но я-то – человек! Я должен от них отличаться!»

А в следующий миг подумал, что для его замысла «все равно» – лучшее, что только можно пожелать. Ибо при любом другом отношении операция может сорваться.

Тем временем Давид оставил отпечатки на одном пистолете, бросил его, поднял второй и теперь мялся, держа оружие в руке и не в силах направить его на врага. Мялся и плакал, дожидаясь, пока задумавшийся Веснин не обратит на него внимание.

– Грыгадзе! Я едва не забыл о тебе, хренов уголовник! – Сергей потер себе переносицу, словно пытаясь выдавить из головы дурацкие сомнения. – Ну-ка вложи ствол себе в рот…

* * *

Если бы не обстоятельства, нынешний контракт стал бы настоящей жемчужиной в коллекции Пандоры. Его извращенная красота доставила бы «резчику» незабываемое, изысканное удовольствие, сравнимое разве что... Нет, ни с чем не сравнимое. Все меркло на фоне чувственного блаженства, получаемого «резчиком» в момент работы с «искрой». В момент, когда он становится Богом.

Но в этот раз...

В этот раз было нечто, мешающее Пандоре сполна насладиться предстоящей операцией. Не опасная близость к Подстанции, в которой, как паук в сотканной им паутине, сидел ненавидящий ее Карбид, нет. Повышенный риск лишь добавлял остроты ощущений, обожгающим перцем ложась на далеко не пресное блюдо. Опасность вдохновляет, будоражит и совсем не мешает получать удовольствие от работы. А вот давление раздражает.

Умом Пандора понимала, что выторговала себе весьма неплохие условия: один к трем, это серьезно. Однако с эмоциями ничего не могла поделать – злилась. На себя. На них. На Карбида.

А злость мешает наслаждаться. Превращает острое в пресное. И тогда в голову лезут неприятные мысли...

Мартин Издерас являл собой один из классических архетипов российского предпринимателя, выросшего в девяностые годы. О его прошлом, то есть о том, чем Издерас занимался до распада Советского Союза, говорили скороговоркой, словно намекая, что там не было ничего интересного. Родился, учился, вырос, поступил в институт. Был октябренком, пионером, комсомольцем и даже успел вступить в КПСС. На первый взгляд – ничего особенного. Если бы не одна деталь: поступил Мартин не куда-нибудь, а в МГИМО, один из самых закрытых советских институтов, готовящий кадры для Министерства иностранных дел и... разведки, разумеется. «Чужих» в это заведение брали неохотно, а поскольку похвастаться высокопоставленными родственниками Издерас не мог – родители Издераса жили под Оренбургом, куда их во время войны сослали с Поволжья, – то в этой маленькой детали его биографии таилась масса загадочного. Ну, если забыть об уме Мартина и его врожденном таланте к изучению языков. Из института Мартин вышел, прекрасно говоря на английском, французском и португальском языках, и сразу же отправился в Африку. С этого момента жизнь Издераса, судя по всему, стала еще более насыщенной, а вот правдивая информация о ней исчезла вовсе. По одной версии, распад Союза Мартин встретил в звании капитана военной разведки, по другой – майора КГБ, по третьей, официальной, – будучи обычновенным журналистом ТАСС. Как бы там ни было, в девяносто третьем году Издерас оставил журналистику и основал небольшую транспортную компанию, самолеты которой летали по всему Черному континенту. И перевозили весьма специфические грузы.

Примерно через год Мартин стал королем африканского оружейного рынка, человеком, способным за считанные дни оснастить небольшую армию. Издерас поставлял оружие советского производства, чем вызывал понятную злобу у конкурентов, которым покровительствовало ЦРУ и которые трижды пытались захватить опасного соперника, но безуспешно – Мартин был крайне осторожен.

Он всегда был осторожен.

– А еще ты не любишь, когда тебе мешают, – пробормотала Пандора и сделала маленький глоток вина. – Впрочем, этого никто не любит.

Издерас явился в ресторан в сопровождении длинноногой блондинки и двух телохранителей. Здоровяки заняли соседний столик, а блондинка устроилась рядышком, благо

диванчик позволял, и изредка прижималась к Мартину обнаженным плечом. Все правильно: жена дома, еще не отошла от тяжелых родов, поэтому в свет Мартин выходит с девочками из эскорт-сервиса.

Раздражение, которое испытывала Пандора, наложило отпечаток на всю операцию. В обычном случае она заявила бы в ресторан с кавалером, сделала бы пару намеков клиенту, после чего сговарила самцов, милостиво позволив им «самим» определить, кто больше достоин ее внимания. Однако сейчас играть не хотелось. Хотелось быстрее разделаться с заданием и покинуть Землю, оказаться подальше от проклятого Ручного Привода и беспощадного Карбира. Поэтому Пандора использовала более действенный, более быстрый и омерзительно скучный способ. Гипноз. Даже не гипноз, так, легчайшее касание «искры».

Работала Пандора аккуратно, поэтому результат пришел не сразу. Некоторое время Мартин продолжал вести себя как обычно: улыбался блондинке, изредка что-то шептал ей на ушко, вызывая недлинные приступы заливистого смеха – хорошо подготовленная девочка знала, что долгое веселье клиентам не нравится, – но при этом держался в рамках приличий, не лапал публично податливое тело, подобно некоторым своим коллегам по нервному быту миллионеров. Легкий ужин, красное вино, приятная музыка, вышколенная девочка... Издерас отдыхал. Однако через некоторое время стал все чаще и чаще останавливать взгляд на Пандоре.

«Нравлюсь?»

Конечно. Сила вернувшейся, полностью раскрывшейся «искры» заставляла сиять великолепно сложенное тело. Не нимбом, разумеется, сиять.

Минут через тридцать после начала ужина Издерас поднялся, сделал телохранителям знак оставаться на месте и подошел к женщине.

– Вы позволите? – Присел, не дожидаясь разрешения.

– А если не позволю?

– Я недолго. – Он знал, что обаятелен, и умел этим пользоваться. – Вы ведь меня не прогоните?

– Во всяком случае, не сразу, – милостиво кивнула женщина.

– Меня зовут Мартин.

– Пандора.

– Редкое имя.

– Это псевдоним.

«Проститутка?»

На лице Издераса отразилось разочарование. Столь сильное, что Пандора не удержалась – рассмеялась:

– Я не оказываю услуги, Мартин, я хочу сохранить инкогнито.

Она прекрасно знала, что каждый увидевший ее мужчина мысленно нарекал ее «королевой». Меньшего никто не видел. Не хотел видеть.

– Тогда все в порядке, – облегченно выдохнул Издерас. И тут же перешел в наступление: – Мне почему-то кажется, что мы с вами уже встречались.

Примитивная, конечно, атака, но Пандора милостиво списала идиотскую фразу на потрясение, которое испытал Мартин, приняв ее за проститутку.

– Я бы запомнила.

– Но я точно вас видел.

– Возможно, на какой-нибудь премьере?

– Гм... возможно.

– Или мы как-нибудь летели одним самолетом... Вы давно были в Вене?

– Два месяца назад.

– Я посещала Австрию примерно в это же время.

Ложь, конечно, но ведь нужно как-то объяснить тот факт, что Мартин ее «узнал». А узнал он ее потому, что его «искру» ласково поглаживал гипноз.

– Путешествовали?
– Можно сказать и так.
– Чем вы занимаетесь, Пандора?

– Пью вино и разговариваю с весьма привлекательным мужчиной.
– А в свободное от удовольствий время?

– Колдую.

Издерас улыбнулся:

– Так вы ведьма?
– Именно это вас и привлекло. Разве не так?

– Меня... – Мартин не нашел что ответить. – То есть вы меня околдовали?

– Вас это беспокоит?

– Еще не знаю.

– Вам нравится быть околдованным?

– Ну, раз я все равно околдован, то могу говорить что вздумается, так?

Пандора кивнула:

– Так.

– Я хотел бы провести этот вечер с вами.

– А как же ваша спутница?

– Сейчас она уедет.

Пандора помолчала, внимательно глядя на Мартина, а затем едва заметно кивнула:

– Пусть уезжает.

* * *

«Так, слева чисто. Справа... – Олег повернул голову. – Ну, что ты здесь забыл? Уезжай! Пошел прочь!»

И водитель «девятки», непонятно откуда выехавшей на пустынnyй переулок, словно повинуясь мысленному приказу молодого человека, свернул во двор.

«Вот так!»

Олег снова посмотрел налево – все, как было у классика: «Ночь, улица, фонарь, аптека». Ночь летняя, московская, разогретый днем асфальт щедро отдает тепло, а потому нет необходимости надевать ветровку – майки вполне достаточно. Улицу заменяет установленный припаркованными легковушками проезд, идущий вдоль забора Михайловской больницы. Фонарь стандартный, белого света, пришпилен к макушке бетонного столба. Аптека заперта, только зеленый крест слегка светится.

«Пора!»

Пока не появилась еще какая-нибудь машина или еще хуже – милицейский патруль. И пока решимость не исчезла.

Молодой человек подпрыгнул, ухватился руками за прутья и с интеллигентской грацией полез через забор.

Решение посетить Михайловскую больницу пришло к Олегу внезапно. Он не мог уснуть, ворочался на диване, сминая в неприличный кулек подушку, потом дотянулся до пульта и включил телевизор, выключил, снова включил и вдруг, невидяще разглядывая экран, подумал, что если Юля права и на «Малой Земле» действительно творятся нехорошие дела, то лучший способ выяснить это – устроить ночную слежку. Во всяком случае, она даст хоть какое-то занятие, избавив его от нервотрепки тупого ерзанья по дивану.

Сказано – сделано. Олег быстро собрался, поймал частника и через каких-то тридцать минут оказался около больницы. Не испытывая ни страха, ни сомнений.

Какие могут быть сомнения, если Юла до сих пор не нашлась?

Форсировав забор – с той стороны оказался довольно густой орешник, – молодой человек осторожно направился в сторону «Малой Земли». На память Олег не жаловался, схему больницы он изучал внимательно, а потому представлял, где именно должен находиться корпус.

«Огибаем роддом, ищем дорожку… Ага, вот она! Теперь сюда…»

По слухаю глубокой ночи в больничном парке светил один фонарь из трех, но, несмотря на темень, Олег сумел различить появившиеся неподалеку очертания «Малой Земли».

«Отлично!»

Молодой человек обошел оказавшийся на пути куст и…

В ночной тишине больничного парка резкое металлическое «клац!» прозвучало оглушительным выстрелом. От неожиданности Олег подпрыгнул – сердце екнуло, внутри похолодело – и резко обернулся.

– Кто здесь?

Гробовая тишина. Исчез даже далекий шум города, постоянный гул, ослабевший к ночи, но все равно ощущавшийся. Пропал.

Куда делся? Не могли ведь все машины одновременно остановиться?

Холод страха плавно вцепился во внутренности и теперь размышлял, куда идти дальше: в ноги или к голове?

Дрожащей рукой Олег вытащил из кармана джинсов мобильный телефон, надавил на первую попавшуюся клавишу и осветил место, откуда раздался звук.

В траве, разочарованно сомкнув челюсти, лежал медвежий капкан.

– … твою мать! – от всей перепуганной души выругался молодой человек. – Они что, спятали?

Медвежий капкан? Посреди больничного парка? В нынешнем, черт бы его драл, году от Рождества Христова??!

Капкан блеснул, нахально подтверждая: да, в нынешнем – Как-Ты-Его-Там-Назвал? – году, прямо здесь и сейчас. И был бы ты, паренек, менее внимательным, выл бы сейчас от боли.

– Что за шутки?

Морозец страха решил отправиться наверх, к голове, к центру паники. Молодой человек отпрянул назад, совершенно не подумав, что рядом может оказаться еще одна ловушка, хотел выругаться еще громче, но…

– Таким образом, альтернативное решение уравнения Кругеля-Данса полностью опровергает волновую теорию сингулярности и требует введения в финальный дифференциал второй переменной…

Олег хотел позвать прохожего, сообщить ему о капканах, но в последний момент сунул себе в рот кулак и крепко его прикусил, не позволяя звукам вырваться на свободу.

«Меня не должны видеть!»

– В свою очередь, вторая переменная не позволяет очерчивать геометрически правильный круг Кузькина, что приводит к необходимости пересмотра траектории движения объекта в сторону эллипса…

По дорожке шел усатый мужчина в спецовке со множеством накладных карманов. Его голову украшала шахтерская каска, включенного фонарика которой вполне хватало для чтения книги. Во второй руке мужчина мял бутерброд.

— …что, в свою очередь, противоречит векторной концепции текучести. — Усатый прервал чтение и задумчиво почесал подбородок: — Что же они хотели этим сказать? — Судя по всему, прочитанное его изрядно расстроило. — Это получается, что движение в агрессивных средах псу под хвост? А как же экспериментальные данные?! Как же доказательство от противного? Кто мне ответит, а? — Мужчина размахнулся и швырнул книгу в кусты. — Ученые, мля! Развелось очкариков, как собак нерезаных! Каждая пиявка норовит свой закон открыть! Вписать свое … имя в скрижали Вселенной!

Запустив вслед за книгой и бутерброд, мужчина развернулся и зашагал прочь, на ходу размахивая каской, отчего луч света причудливо вертелся по спящим в ночи деревьям, добивая до самых макушек.

Искать загадочную книгу, доказавшую ошибочность векторной концепции текучести, Олег не стал. Он попятился назад и через пару шагов уперся… Не поворачиваясь, молодой человек осторожно пощупал часть того, во что уперся, а затем, не поверив левой руке, резко развернулся.

Перед ним стоял «ГАЗ М-20» «Победа».

Ухоженный, как чихуахуа Пэрис Хилтон. Блестящий, белоснежный, с тонированными стеклами и… Олег наклонился, поднес поближе телефон и окончательно убедился в том, что те части, которые у обычной «Победы» хромировались, у этой оказались позолоченными.

«Что же такое?»

Стекла окон темнее ночи, но одно чуть приоткрыто, пропуская внутрь свежий ночной воздух, и Олег, превозмогая страх, осторожно заглянул в щелочку.

— Витя, я чувствую, что ты меня обманешь, — промурлыкала девушка.

— Но ведь не сегодня, моя хорошая.

— Да, наверное, не сегодня.

— Тогда зачем об этом говорить?

Кожаные автомобильные сиденья разложены, превратив салон в удобный черный диван, на котором возлежали широкоплечий мускулистый мужчина лет двадцати пяти и светловолосая кудрявая девушка. Одежда любовников в беспорядке валялась в районе приборной панели, с баранки руля, к примеру, свисал игривый лифчик.

— Витя, за нами подглядывают, — хихикнула девушка.

— А что ему еще остается? — пробурчал мужчина, лаская упругую грудь подружки.

— Не хочешь выйти и накостылять?

— Пусть завидует.

Залившийся краской Олег торопливо отбежал от машины.

— Черт! Это больница или…

Он недоговорил.

Кусты неожиданно закончились, и молодой человек оказался… нет, не на асфальтовой дорожке больничного парка. А в чистом поле.

Перед ним, примерно в двухстах саженях, на пригорке, под звездным небом, изредка освещаемый беззвучно падающими молниями стоял старинный дом, который в Михайловской больнице отчего-то называли «Малой Землей».

Никаких дорожек, никаких других зданий, никакой Москвы. Только аккуратно подстриженная трава и гранитный камень под самым носом. Олег вытер мокре от дождя лицо, наклонился и прочитал:

«Олег Николаевич Часовщиков. 1980–2263. Изобретателю машины времени от благодарных предков».

Физиономия на керамике не оставляла сомнений в том, что придумать фантастическое устройство предстояло именно ему. Правда, особой гордости Олег не испытал.

— Не может быть.

Дождь усилился. Футболка и джинсы промокли насеквоздь. В кроссовках хлюпало.

– Две тысячи двести шестьдесят третий год?

– Поклониться пришел, милок?

Из пелены дождя вынырнул высокий белобрысый парень, несущий на плечах бесчувственное тело черноволосого приятеля.

– К нему многие ходят. Иные даже камень целуют, чтобы, значит, осенить себя благословлением. Великий человек, одно слово.

– Давно умер? – слогнув, спросил Олег.

– Ты чего, безграмотный? – удивился белобрысый и поправил съехавшую на глаза бейсболку с надписью: «Пиццерия „Малая Земля“». Круглосуточно». – Читать не умеешь? Не умер еще.

У Олега отлегло от сердца.

Тем временем парень провел нехитрые вычисления и закончил:

– Через двести пятьдесят восемь годков сдохнет. Раньше никак не получится. Чтобы, значит, не случилось никакого парсека.

– Парадокса, – пробормотало бесчувственное тело.

– Братан мой, Бизон, тот еще умник. – Парень кивнул на приятеля. И тут же засобирался. – Ты заходи, если что. Спросишь Бандеру, скажешь, что у могилки познакомились, я, может, вспомню.

Плечистая фигура стала медленно растворяться в потоках дождя.

– Стой!

Олег метнулся следом, споткнулся о надгробие и со всего размаху шлепнулся на мокрую траву. Перед глазами поплыли красные и желтые круги, однако прежде, чем потерять сознание, молодой человек увидел толстого енота, деловито несущего к дому отрезанную руку.

* * *

Бурлящая внутри сила требовала выхода, сладкого взрыва эмоций, упоительного напряжения, переходящего в чарующее опустошение. Бурлящая внутри сила обещала невыносимую сладость близости.

В свое время Сергей «ненароком» подсунул сыну телефон одной из своих подруг – мальчику был нужен опыт, – и знал, что Андрей воспользовался «подарком». Потому Веснин не видел ничего дурного в том, чтобы нанести визит теперь уже общей знакомой. У Светы было все, что требовалось: красота, опыт и неутомимость. А у него было то, что интересовало женщину, – деньги. Они без труда нашли общий язык.

– Да! Да! Еще!

Она уже не кричала – всхлипывала. Царапала ему спину, кусала в шею, пыталась оттолкнуть и не отпускала. Сейчас Света была сверху... нет – напротив. Сейчас Сергей стоял, прижимая ее к стене, а Света сжимала его бока бедрами. Разгоряченная, потная, с растрепанными волосами. Острые ноготки впиваются в кожу, пот смешивается с капельками крови. Тонкая боль оттеняет наслаждение. Свете кажется, что ее пронзают насеквоздь.

– Еще!!

Они снова оказались на постели. Перекатились. Сергей сверху. Света уже не может всхлипывать. Или не хочет. Только отрывистые стоны. Крик в последние мгновения, когда Веснин перестал сдерживаться, а после – несколько минут сладчайшей истомы. Когда нет мыслей, нет желаний, нет сил. Когда ты лежишь в бассейне, полном сгущенного упоения.

– Ты возмужал с нашей последней встречи, – негромко проговорила Света, влюбленным – да, именно влюбленным! – взглядом рассматривая Веснина.

Сергей знал, что произвел впечатление, и скромно улыбнулся:

- Кое-чему научился.
- А с виду не скажешь.
- Не все золото, что блестит.
- Согласна... – Света прищурилась: – Скажи честно: «виагру» лопал?
- Мне не нужно, – небрежно отозвался Веснин.
- Крутко. – Она перекатилась на спину и уставилась в потолок.

Света была женщиной опытной, много на своем веку повидавшей, произвести на нее впечатление мало кому удавалось. И в этой неожиданности, в том, что одним из постельных суперменов оказался хлипкий паренек, была какая-то неправильность. Или какая-то интрига. Тем не менее долго думать о преображении юнца Свете не хотелось. Сейчас она напоминала сытую кошку, предпочитала мирно урчать, лежа на мягком, однако чувствовала, что очень скоро снова захочется: Веснин раздул в женщине настоящий костер.

«Посмотрим, мальчик, сумеешь ли ты продолжить в том же темпе?»

А Сергей в это время скептически изучал нового себя в зеркале:

«Тело, прямо скажем, так себе. Надо было чаще гонять тебя в спортивный зал, сынок».

Плечи худые, животик дряблый, бицепсы... Да какие, к чертовой матери, бицепсы? Так, одно название. Мощный сексуальный марафон изрядно вымотал нетренированное тело, усталость пробивалась даже через тонус «искры». Веснин не сомневался, что его энергии хватит до утра, но выжимать соки не хотел.

«Нужно заказать побольше еды».

– Андрей!

«Кого это она зовет?»

– Андрей!

Сергей опомнился.

– Да?

– У тебя все в порядке?

– Почему ты спросила?

– Посмотрела в твои глаза. – Света улыбнулась. – Я редко ошибаюсь.

Она была искренна.

«Действительно, влюбилась! Нет, не в меня. В сына. Ну, Андрюха, посмотрим, как ты будешь из этого выкарабкиваться...»

Веснин присел на кровать и погладил девушку по груди, дотронулся до медленно твердеющего соска, почувствовал, как внутри зарождается желание. Почувствовал ее отзыв.

– Хочешь сказать, что готов продолжить?

– Хочу сказать, что хочу.

– А на мой вопрос ответишь?

– У меня есть проблемы, – признался Сергей, поглаживая Свету по щеке тыльной стороной ладони.

– Связанные со смертью отца?

– Да. Но я их решу. – Веснин замер.

– Что-то не так?

– Еще не знаю...

«Карбид – идиот! Он слишком долго пробыл на Земле. Забыл, что испытывает вернувшаяся „искра“. Забыл, какую радость дарит ощущение силы и на что эту силу хочется потратить в первую очередь!»

Способности раскрывшейся «искры» ошеломляют. Ты почти всемогущ. Ты силен. Ты неутомим. Ты...

«Разумеется, женщина!»

Куда еще идти мужчине, получившему такую силу? Только к ней. Потому что только женщина способна полностью оценить его новые возможности, поставить высший балл, заставив подскочить до небес градус самомнения. Ты наслаждаешься ее признанием. Это естественно. Это логично.

Виктор пережил это позавчера со случайной подружкой из клуба и вчера с Зиной. И не сомневался в том, что Веснин ищет того же.

«Если я не ошибся и в теле Андрея действительно вселился его папаша, то сейчас он должен быть именно здесь».

Андрей прекрасно знал, что телефон Светы ему подсунул отец, и был благодарен ему за это: красивая женщина многому научила парня. Скрывать информацию от «врача» Веснин-младший не стал, и Ясень понял, что именно к Свете Сергей может пойти без всякой опаски: девушка его примет.

«Ты здесь!»

Предвкушение победы переполняло Виктора. Первый успех на новой должности! И какой успех! Он в одиночку раскроет тяжкое преступление, которое Карбид уже перевел в разряд трудных. Он покажет, что его методы лучше, продемонстрирует мастерство.

«Авторитет нарабатывается победами. Эта станет первой!»

В левой, рабочей, руке Виктор держал «глушитель», способный вырубить даже слона, а в правой – боевое оружие. Для страховки. В отличие от Германа, предпочитающего автоматический «стечкин», Ясень остановил выбор на мощном револьвере 44-го калибра, ему нравилось чувствовать заложенную в нем мощь.

Виктор поднялся на этаж, сосредоточился, улыбнулся, ощущив рядом присутствие раскрывшейся «искры» – из квартиры невидимыми волнами расходилась энергия, тихонько подобрался к двери и…

Замки Сергей отпер заранее, за происходящим на лестничной площадке следил в глазок и, когда красавчик остановился, мощным рывком распахнул дверь.

Металлическое полотно влетело Ясеню точно в лоб. Удар был настолько силен, что Виктор врезался в противоположную стену, приложился затылком и на несколько мгновений потерял ориентацию. Револьвер выскоцил из ослабевшей руки, брякнулся на плитку пола, взвешенный курок сработал, и в следующий миг грохнул выстрел.

Света завизжала. Она находилась в комнате, пуля не могла причинить ей вреда, но ведь должна же приличная женщина хоть как-то среагировать на происходящее?

Оглушенный Ясень попытался добраться до оружия, но пропустил жестокий удар ногой в лицо. Снизу вверх. Очень больно. Но главное заключалось в другом: этот и последовавшие за ним удары вышибали из Виктора сознание, ломали мысли, не позволяли сосредоточиться, использовать всю мощь раскрывшейся «искры».

Шутить Веснин не собирался. Но и убивать коменданта не хотел – и без того натворил немало.

Увидев, что глаза противника стали мутными, Сергей врезал Виктору по коленной чашечке, разнеся ее вдребезги. Ясень заорал и схватился за ногу – болевой шок, он для всех болевой, даже для «искры». Следующим пинком Веснин отправил револьвер вниз по лестнице, затем подхватил с пола «глушитель» и надавил на спусковой крючок – Виктор обмяк.

Все. Как минимум десять минут не опасен.

Сергей огляделся:

«Где второй?»

На лестничной площадке пусто и очень-очень тихо. Соседи прячутся за железными дверями и звонят в милицию.

«Ну и ладно».

Веснин бросил «глушитель» на живот Ясеня и неторопливо направился вниз по лестнице.

Глава 5

– Ты выглядишь куда здоровее, чем три часа назад, – язвительно поприветствовал Карбид вошедшего в дежурку Ясения.

– Время лечит, – хмуро ответил Виктор.

– Все, кроме глупости.

Ясень проглотил оскорбление. Молча прошел через комнату и уселся на диван, ожидая следующей порции нравоучений. Заслуженных, надо отметить, вполне заслуженных, ибо вечер, обещавший самые радужные перспективы, закончился весьма и весьма печально.

Барометр показывал «Ясно».

«Ну, да, со мной все ясно!»

Очнувшись в карете «Скорой помощи», Виктор запаниковал. Что говорить милиционерам насчет «глушителя»? Как объясняться с врачами, которые уже диагностировали у него перелом коленной чашечки? Что вообще делать? Ясень с трудом подавил желание немедленно скрыться, решив, что бежать он всегда успеет, а потому торопиться не следует. И оказался прав, потому что в институте Склифосовского его уже поджидал Герман в компании двух офицеров – майора в форме и плечистого бугая в штатском. Появление Виктора они встретили дружескими улыбками и громким возгласом Карбida:

– Я же говорил, что он еще в машине очнется! Парень крепкий!

Проблему уладили прямо на улице, даже в приемное отделение не заходили. Ясеню вернули документы и оружие, посоветовали «впредь гонять подонков осторожнее» и усадили на заднее сиденье какой-то машины. Герман закончил переговоры шумным прощанием, и стороны разъехались весьма довольные друг другом. Как именно напарник связан с местным МВД, Виктор спрашивать не стал: придет время – Карбид сам расскажет. Хмуро уточнил:

– Следил за мной?

Услышал в ответ прохладное:

– Все передвижения комендантов контролирует Ручной Привод.

И закрыл глаза, молниеносно погрузившись в сон. Кто его тащил в комнату, Виктор не знал, и, собственно, ему было на это плевать.

Утром, как и следовало ожидать, от нанесенных Весниным физических повреждений не осталось и следа. А вот горькую чашу моральных последствий бесславного сражения Ясению еще предстояло испить.

– Зина? Привет… – В девяти случаях из десяти женщины звонят не вовремя. Но что делать? – Да, извини, вчера не получилось. Сегодня? Гм… встретимся, конечно. Давай я позвоню после обеда, хорошо? – Ясень убрал телефон и хмуро посмотрел на коменданта: – Я хотел взять «наездника».

– Почему пошел один?

– Пошел и пошел, – грубо отозвался Виктор. – Теперь-то что?

«Да, я виноват, но читать нотацию мне не надо. Не мальчик».

– Теперь – ничего, – с прежним спокойствием произнес Карбид. – Кроме того, что ты его спугнул и Сергей больше не пойдет в привычные места.

Герман закончил фразу, но его тон сказал больше слов: «Я тебе доверял, а ты меня обманул».

– Я поступил так, как считал нужным.

– Это оправдание победителей.

А не лузеров с разбитой физиономией.

Ясень покраснел: «Он прав – я проиграл!» Почувствовал стыд и тут же – гнев. Виктор означает Победитель, и намеки на неудачи выводили Ясения из себя.

– Ты вообще ничего не сделал!

– Откуда ты знаешь?

«Неправильная атака! Зайдем с другой стороны!»

– Ты знал, что вернулся Сергей Веснин, – обвиняющим тоном бросил Ясень.

– Догадывался. Как и ты.

– И не предпринял ничего, чтобы его поймать!

– Для допроса вытесненной «искры» нужны веские основания, – напомнил инструкцию Карбид. – Ты мог навредить Андрею.

– Зато я получил важные сведения.

– Которыми бездарно распорядился.

– Но я хоть что-то сделал!

Герман неожиданно понял, что именно беспокоит напарника, и прищурился:

– Прежде чем мы продолжим наш занимательный диалог, хочу сказать, что я никому не сообщил о допросе «искры».

Попытка разрядить обстановку удалась – напряжение спало. Виктор потер лоб и более спокойным тоном осведомился:

– Почему?

– Не вижу необходимости.

– Я нарушил правила, – хмуро произнес Ясень. – И должен быть наказан.

Уверенно произнес, твердо, но при этом – не чувствуя за собой вины.

– Я не стану говорить, что мы выше правил, – спокойно начал Карбид. – Тем более что это не так. Именно ограничения не позволяют нам погрузиться в хаос, почувствовать себя избранными. С другой стороны, мы не рабы инструкций. – Герман помолчал. – Бывает, необходимо нарушить правила, чтобы добиться цели. В этом случае нас ругают за то, что мы забыли о законе. Бывает, мы проваливаем задание, потому что действовали строго по инструкции. Тогда нас ругают за то, что мы не выполнили свой долг.

– Комендантов ругают всегда?

Карбид усмехнулся, но не ответил.

– Мы в идеальном положении, Ясень, мы сами решаем, когда следует соблюдать закон, а когда – забыть о нем. В зависимости от ситуации, в зависимости от нашего понимания справедливости, в зависимости от мнения Ручного Привода, мы решаем, стоит ли игра свеч и допустимо ли то нарушение, на которое хотим пойти.

– Разве это не хаос?

– Это жизнь. Там, наверху, есть только два Царства, есть только черное и белое. А мы с тобой, Ясень, живем в мире, наполненном красками.

Виктор покачал головой. С одной стороны, его полностью устраивало происходящее: нет доклада о провале и допросе «искры» – нет пометки в личном деле. С другой – Карбид вправе рассчитывать на ответную услугу.

«Но я сам решу, оказывать ее или нет!»

Ясень посмотрел на коменданта:

– Ты знал, что я буду допрашивать «искру» Андрея Веснина.

– Предполагал.

– Почему не предупредил? Почему не присоединился, если счел, что нарушение позволительно?

– Две причины, Ясень, – искренне ответил Герман. – Во-первых, ты бы не оценил мою помощь. Во-вторых, Сергей Веснин вернулся, чтобы мстить. А мне сейчас это близко.

– Не хочешь ему мешать?

– Да.
– Он убивает людей.
– Он за это ответит.
– Когда?
– Когда мы его поймаем.
– Но как ты собираешься его ловить?!

Карбид улыбнулся.

Виктор вздохнул:

– Ты уже доказал, что умен, что видишь меня насквозь. Я уже признал, что облажался и впредь должен тщательнее продумывать свои действия. Чего тебе еще надо?

– Я попросил занести Андрея Веснина в федеральный розыск. – Стандартная процедура при поиске ускользнувшего «наездника». Пользы от нее было чуть – милиция работала не так хорошо, как хотелось бы комендантам, однако пренебрегать помощью МВД не стоило. – Теперь Андрея ищут все патрульные в городе.

– И все?
– Еще я узнал, что мама Андрея – редкостная стерва.
– Нам это поможет?

Ответить Герман не успел: из угла послышалось мерное гудение, а следом – веселое стрекотание. Заработал телеграфный аппарат. Ясень поднялся на ноги и взял бумажную ленту.

– Что пишут?
«Проклятье! Он ведь сейчас комендант!»
А значит, формально, послание предназначалось Карбиду.
– Извини.
– Ничего страшного, – отозвался Герман, раскуривая сигарету. – Что пишут?
– Требуют доклад по «наезднику».
– И все?
– Напоминают, что Пандора до сих пор на свободе.
– То есть ругаются?

– Ага.

Карбид откинулся на спинку кресла, выдохнул дым и широко улыбнулся:

– Вот видишь, как хорошо иметь заместителя. Не нужно самому читать всякую чушь.
– Только для этого?
– Ну... давай сходим в боулинг.

Когда он серьезен, а когда шутит? Когда шутит, а когда издевается? Когда ему все равно, а когда нет?

Германа характеризовали как весьма замкнутого человека, немного «не в себе», но в целом легкочитаемого. Теперь выходило, что или Карбид спятил куда основательнее, чем считали наверху, либо далеко не так прост, как хотелось бы инструкторам Ясения. Сейчас он курил, насмешливо разглядывая теребящего депешу напарника. Виктор уже знал, как на Подстанции принято обращаться с подобными посланиями: рядом с телеграфным аппаратом стояло мусорное ведро, но выбрасывать ничего не значащее письмо при Германе не хотел.

– Надо дать ему входящий номер, – буркнул Ясень, аккуратно складывая ленту.
– Придумай какой-нибудь.
– У нас вообще с отчетностью не очень.
– Ага.
– Непорядок.
– Согласен.

Карбид явно хотел развить тему, поговорить о том, что еще следует сделать Виктору, помимо приведения в порядок бюрократической машины Подстанции, но дверь приоткрылась, и в образовавшейся щели возникла белобрысая голова Бандеры:

- Карбид, к нам Терентьев тащится.
- Откуда знаешь?
- Черепаныч позвонил. Он его перехватил по дороге.
- Кто такой Терентьев? – поинтересовался Виктор.
- Местный завхоз.
- Зачем он идет?

Герман пожал плечами:

- Понятия не имею. Но встречать его придется вместе.

- Почему?

- Тебе все равно с ним знакомиться.

– Скамейка почему не покрашена? – осведомился Терентьев, пристально изучая унылую лавку, каким-то образом выросшую у входа в здание. – Облупилась вся и стала страшной.

- Среди наших маляров нет, – напомнил Черепаныч.

– Я еще весной говорил, чтобы санитары во время субботника привели территорию в порядок.

- Они привели.

- Куда?

- Как было велено.

- А лавка?

- Снова облупилась.

Терентьев наклонился, ощупывая взглядом провинившуюся мебель, после чего категорично заявил:

- Ее не красили!

– Значит, ее только подмели, – сделал вывод механик и на всякий случай икнул, чем вызвал еще один недовольный взгляд в свою сторону.

Федор Славсталинович Терентьев являл собой классический образец советского завхоза. Кругленький, но очень подвижный, он обладал столь маленькими глазками, что, казалось, будто они всегда закрыты. Тем не менее Терентьев ухитрялся замечать с их помощью даже самые незначительные детали, всеми силами искореняя в Михайловской любой «непорядок». Помимо всего прочего, Федор Славсталинович, несмотря на простецкий вид и полное незнание иностранных языков, великолепно ориентировался в характеристиках и возможностях любой медицинской техники, из-за чего в обязательном порядке присутствовал на всех переговорах, связанных с оснащением больницы.

- Кусок штукатурки отщерился, – приметил очередной «непорядок» Терентьев.

- Давно уже.

- Надо бы на место прищербить.

- Я не против.

Завхоз засопел.

– Кстати, Федор Славсталинович, давно хотел у вас спросить кое о чем важном. Дозволяете?

Терентьев подозрительно покосился на механика, но все-таки кивнул:

- Спрашивайте.

– Однажды, во время странствий, доводилось мне исполнять обязанности подносчика снарядов на третьем левобортовом торпедном аппарате эскадренного миноносца «Дьяволъ-

ский» Северного флота... – Черепаныч неожиданно рассмеялся. – Раз уж мы заговорили, припомнил я, как в Атлантике...

– При чем здесь Атлантика? – не понял завхоз.

– А... Черт, действительно, ни при чем, – смутился механик. – Так вот, по интендантской части на «Дьявольском» служил Остап Соломонович Красавчик, хороший мужчина, правда, непьющий... Вы ему, часом, не родственник?

– Мы с ним похожи?

– Есть что-то общее во взгляде.

– Вы ошибаетесь.

– Спорить не буду.

Коротая время за светской беседой, они успели войти в здание, пройти через пустой холл «Малой Земли», и теперь, отказываясь от родства с Красавчиком, Терентьев одновременно толкнул дверь морга, в котором, по уверению Черепаныча, должен был находиться Герман.

– Есть кто?

– А как же!

– Чем занимаетесь?

– Медициной! – браво отозвался Карбид.

И почти не соврал.

Расстелив на трех сдвинутых в ряд металлических столах длинный ватман, Герман тщательно, периодически отступая на шаг и критически оглядывая проделанную работу, выписывал ярко-красной тушью слова плаката. Ясень сидел рядом и болтал ногами. В углу свернулся калачиком пушистый Агава.

– «Врач и медсестра! Внимательно следи за качеством перелома!» – прочитал завхоз. И вопросительно посмотрел на Карбida: – Это еще зачем?

– В «травму» повешу.

Будучи человеком старой закалки, Терентьев относился к наглядной агитации с почтением, а потому спорить не стал. Но мнение высказал:

– Цвет опасный. На кровь похож.

– Главное в плакате не цвет, а содержание. – Герман кивнул на помощника. – Вы знакомы? Виктор, познакомься, это Федор Славсталинович Терентьев, завхоз.

– Начальник административно-хозяйственного отдела.

– Извините, перепутал. А это, Федор Славсталинович, Виктор Ясенев... Черт, перепутал! Виктор Щербаков – наш новый патологоанатом.

– Наслышишь. – Терентьев пожал Ясению руку. – Не повезло тебе, парень.

– Оптимистичнее, Федор Славсталинович, оптимистичнее! Витя – человек молодой, горячий, почти непьющий, зачем его пугать? Кстати, что вы здесь забыли?

– Инвентаризация, – коротко отозвался завхоз, оценивающе разглядывая Ясения. – Внеплановая.

– С чего вдруг?

– Вчера старик с какой-то журналисткой общался, она о вас спрашивала...

– О нас? – насторожился Виктор.

– О вас и обо всей больнице. Вот старик и вспомнил, что давно не устраивал вам проверку. Живете тут, как на острове, никому не отчитываетесь, и велел, значит, непорядок проверять.

– Понятно, – улыбнулся Карбид и, жестом радушного хозяина указав на холодильники, поинтересовался: – Трупы пересчитывать будете? Предупреждаю сразу – состояние так себе. Студенты тела пилят, а зашивают тяп-ляп.

– Учите их шить красиво.

– Стارаемся.

Терентьев с сомнением посмотрел на все еще улыбающегося Германа, поморщился, оглядывая помещение – предложение пересчитать трупы его не вдохновило, – и остановил взгляд на Инкубаторе:

– А это что?

Виктор вздрогнул.

– То же, что и в прошлый раз, – радушно пояснил Карбид.

– Кондиционер?

– Специальный. Для морга.

– Надо бы его на баланс.

– Он ведь не куплен, – напомнил Герман. – Черепаныч собрал.

– Самоделкин, блин.

– Зато работает хорошо.

– Кондиционер?

– Черепаныч.

– А...

* * *

– Это было потрясающее. Хочешь верь, хочешь не верь, но с тобой было восхитительно.

Мартин признался не сразу. Ни когда они нежились на простынях, наслаждаясь постепенно притупляющимся чувством от только что случившейся острой близости. Ни когда они пили вино, перебрасываясь ничего не значащими шутками. А позже, выйдя из душа с обернутым вокруг бедер полотенцем – по старой привычке, Издерас пренебрегал халатами.

– У меня возникло ощущение, что до сих пор я спал с надувными женщинами.

Пандора улыбнулась:

– Это потому, что я – ведьма.

– Да, ты говорила. – Мартин присел на кровать и провел рукой по бедру женщины. – Я тебе верю. В каждой сексуальной женщине прячется маленький демон.

– То есть любая сексуальная женщина – ведьма?

– Без этого не обходится. – Издерас прилег рядом и прикоснулся губами к бархатистой коже Пандоры. – В женщине должна быть тайна.

– Некоторые тайны опасны.

– Женская тайна – это огонек свечи, на который летят мотыльки-мужчины. Иногда оказывается, что огонек защищен, и мотылек остается жив, иногда насекомые обжигают крылья.

– Ты не насекомое.

– Я рад, что ты это понимаешь.

– Но мои тайны могут удивить даже тебя.

– Вполне возможно.

Пандора внимательно посмотрела на ласкающего ее Мартина и серьезно произнесла:

– Мне понравилось, как ты ответил. Глупец стал бы уверять, что давно разучился удивляться.

Издерас посмотрел в зеленые глаза женщины, оценил серьезность тона и медленно ответил:

– Я слишком много видел и знаю, что всегда найдется нечто, способное удивить. Я осторожен.

– И умен.

– Полагаю, да.

– И смел.
– Не без этого.
– И богат.

Поскольку Пандора не оставила серьезный тон, Издерас насторожился. Приподнялся на локте, полуслутиво осведомился:

– Составляешь досье?
– Пытаюсь угадать твои желания, – мягко объяснила женщина. – Хочу понять, чего тебе не хватает.

– Зачем?
– Чтобы исполнить.

Мартин рассмеялся.

– Сегодня ночью ты исполнила массу моих желаний. Скажу откровенно: ты выжала меня так, что сейчас я хочу только спать.

– Сейчас, – уточнила Пандора.
– А тебе нужно нечто другое?

– Разве у тебя нет заветного желания? Нет ничего такого, чего нельзя достичь с помощью твоих связей или денег?

У Издераса сузились глаза, было похоже, что Пандоре удалось задеть чувствительную струнку, однако тон мужчины остался прежним, полуслутивым:

– Зачем тебе?
– Неужели я ошиблась?

Всем своим видом Пандора давала понять, что ведет не пустой разговор, и Мартин сдался:

– Заветные желания… Гм… Их было много. – Он вздохнул. – Сначала мне хотелось вырасти и стать взрослым. Потом – чего-то добиться в жизни, не остаться фермером, выбраться из деревни, а для этого нужно было учиться. Я поступил в престижный институт и окончил его с отличием. Следующая цель: я решил стать серьезным человеком, решил добиться того, чтобы мое слово весило очень много. Итог: я вырос, я добился, я стал.

– Выгрыз себе жизнь.
– Слепил ее. Своими руками слепил.
– Именно поэтому, Мартин, я не собираюсь предлагать тебе деньги, потому что ты знаешь их цену и знаешь, как их найти. Всего, что тебе нужно, ты добьешься сам, как добивался до сих пор. Но я могу предложить нечто иное, совершенно иное. Невозможное.

– Волшебную палочку?
– Я – твоя волшебная палочка, – негромко, но очень твердо произнесла Пандора. – И я предлагаю тебе разовую сделку: одно желание. Самое заветное. Я могу сделать для тебя все. Лично для тебя.

– А для кого же еще?

Чувствовалось, что Издерас не верит словам женщины. Да и кто бы поверил? Любое желание? Сказка! Но Пандора умела убеждать клиентов.

– Давай я тебе кое-что покажу… – Пандора легко поднялась с кровати и прошлась по комнате. Мартин не спускал глаз с покачивающихся бедер. – Ты помнишь, что я ведьма?

– Э-э… Разумеется.
– Не побоишься окончательно поверить в это?
Издерас прищурился:
– Проверить?
– Увидеть доказательства.
– Здесь и сейчас?
– Да.

– Ты докажешь, что ведьма?

– Да.

– Настоящая ведьма?

– Да.

Пандора стояла напротив. Обнаженная. Чуть расставив ноги и уперев руки в бока. Гордо вскинув подбородок.

– Я думал, для колдовских ритуалов нужна какая-то подготовка. – Издерас был сбит с толку, но старался держаться.

– Не для всех, – усмехнулась Пандора. – Кое-что можно проделать и без заклинаний. – Она демонстративно оглядела спальню. – Мартин, мы находимся на твоей территории, в квартире, которую ты очень тщательно охраняешь, потому что заботишься о безопасности. Скажи, я могла установить здесь свою аппаратуру?

– Теперь не уверен.

– Дать тебе время, чтобы ты проверил комнату?

– Не надо. – Издерас решился. – Показывай!

– Только не говори, что я не предупреждала.

– OK.

Пандора сделала еще один шаг назад и потерла ладони одну о другую. У нее было два любимых способа доказать клиентам наличие у нее сверхъестественных способностей, и сейчас, делая вид, что готовится к «ритуалу», женщина решала, какой применить. Что произведет большее впечатление? Исчезновение или...

– Обещаешь быть сдержаным?

– Что ты имеешь в виду?

– Постарайся не кричать, когда все начнется. Мне бы не хотелось, чтобы сюда ворвались твои ребята.

– Ты проведешь ритуал на мне? – В голосе Издераса послышалось беспокойство. Не страх, но недоумение: он планировал стать зрителем, а не артистом.

– Иначе ты не поверишь.

– Пожалуй... – Мартин поднялся с кровати. – Ну, открывай свой ящик, Пандора. Обещаю сдерживаться. Черт!

Совсем сдержаться у Издераса не получилось. Да и кто остался бы спокойным, поднимаясь в воздух? Только что стоял на твердой поверхности, уверенно упираясь в пол, и вот он выскальзывает из-под ног...

– Черт!

– Я предупреждала.

– Что происходит?

– Ты летишь.

– Врешь!

– Как там люстра? Пыльная?

В первые мгновения Мартин трепыхался, напоминая выброшенную из воды рыбу. Он инстинктивно искал точку опоры, пытался вернуться на пол, но без толку. В конце концов Издерас догадался, что следует вести себя спокойнее, его движения стали скучными и более точными. Он старался плыть по воздуху.

«Молодец, быстро понял, что к чему».

– Чувствуешь канаты под мышками? – поинтересовалась Пандора, раскуривая сигарету.

– Нет.

– Потому что их нет. – Она умело пустила к потолку кольцо дыма. – Кстати, держись подальше от окон – вдруг заметят.

Мартин послушно поплыл к дверям. Он действительно освоился.

– Мне нравится!

– Еще бы!

Удерживать забавляющегося Издераса было не просто, трюк требовал серьезного напряжения, а потому затягивать его Пандора не собиралась.

– Все. – Она плавно опустила Издераса на пол. – Что скажешь?

Мартин топнул ногой, проверяя, действительно ли он стоит на полу, затем задумчиво посмотрел на женщину, прошелся, достал из портсигара сигарету, закурил и хмуро спросил:

– Как ты это сделала?

– Тебе длинную версию или короткую?

– Сначала короткую.

– У меня есть Сила.

– Понятно. – Издерас налил вина в два бокала, подал один Пандоре, со вторым уселся в кресло и глубоко затянулся. – Теперь приступим к длинной версии. Откуда сила? Что за сила?

– Ты еще спроси: сколько стоит?

– Об этом позже.

«Нет, он все-таки молодец!»

Трусливого Скотта после первой демонстрации пришлось полчаса уговаривать вылезти из-под кровати. А этот уже готов к деловым переговорам.

– Нужны объяснения?

– И прямо сейчас, – подтвердил Издерас.

Пандора расположилась в кресле, закинула ногу на ногу, пригубила вино и задала вопрос:

– Кто ты есть, Мартин?

– Я – человек.

– Согласна. Но кто ты есть, Мартин? Что делает тебя человеком? Что отличает тебя от обезьяны? Отсутствие шерсти на теле?

– Разум и... душа.

– Ты вспомнил о Боге?

– Да.

– Очень хорошо. В каждом из нас есть нечто, отличающее нас от животных. И это нечто имеет общее название – «искра». Бессмертная «искра», которая делает тебя тобой. Твой дух, твоя душа, твое «Я». Возможности «искры» практически безграничны, но разбудить их очень сложно. Зато, если разбудишь, обретешь огромные способности.

Издерас поверил сразу. Или решил отложить сомнения на потом.

– Ты разбудила свою «искру»?

– Верно.

– И хочешь помочь разбудить мою?

– Нет.

– Почему?

– Потому что не могу, – грустно улыбнулась Пандора. – Это происходит само собой или не происходит вовсе.

– Тогда что ты продаешь?

– Пластическую операцию.

– Что будем править?

– Тебя.

Мартин докурил, скомкал окурок в пепельнице и тут же взял новую сигарету.

– Объясни.

– Каждая «искра» уникальна... становится уникальной под нашим влиянием. При рождении «искру» можно сравнить с новым компьютером. Есть лишь небольшой набор инстинктов, зато жесткий диск практически чист. Мы сами заносим на него информацию, создаем программы, формируем свою «искру» и постепенно обретаем себя. Лепим себя. Кто-то доволен результатом, кто-то нет. – Пандора внимательно посмотрела на Издераса. – Но переделать себя крайне трудно.

– Согласен, – тихо подтвердил Издерас.

Очень тихо и очень твердо. Словно уже задумывался об этом. Впрочем, аналитики Царства не зря ели свой хлеб и подбирали только те «искры», которым было о чем задуматься.

– Развивая компьютерную аналогию, можно сказать, что твою «искру» можно модернизировать, перенеся на нее некоторые данные от другого человека.

– Память?

– Зачем тебе чужая память, Мартин? – Пандора удивленно приподняла брови. – Новые программы. Я предлагаю наполнить твою «искру» качествами, которые ты не стал развивать. Или изначально атрофированными. Например, не так давно я добавила человеку храбрости, избавив от необходимости постоянно дрожать от страха.

– Скопировала ему чужую «искру»?

– Невозможно скопировать, можно только перенести. Взять два компьютера и собрать из них один, модернизированный. Это операция, а не терапия.

– Что будет со вторым компьютером?

– Он погибнет.

– Убийство?

– Тебя смущает?

– Нет.

«Если бы тебя смущала такая мелочь, милый Мартин, ты бы никогда не попал в сферу интересов моего Царства».

– Собственно, речь идет о похищении, – легко произнесла Пандора. – Потом же твой донор просто сойдет с ума. Как говорится: с кем не бывает.

– Я же сказал, что убийство меня не смущает!

Сейчас Издерас переживал непростой момент. Мартин явно ожидал от ведьмы совсем иного предложения, чего-нибудь более понятного, и теперь лихорадочно обдумывал ситуацию.

– Не каждому выпадает шанс кардинально измениться.

– Мне не нужна чужая храбрость!

Пандора покинула кресло, грациозно склонилась, поднимая с ковра трусики, и небрежно продолжила:

– Я знаю, что тебе не нужна чужая храбрость, Мартин, но ведь на витрине не только она. Есть много других качеств. – Издерас безучастно наблюдал за тем, как белая ткань медленно поднимается по бедрам женщины. – Если ты не позвонишь сегодня, я улечу и больше мы никогда не встретимся.

– Сколько у меня времени? – хрипло спросил Мартин.

– До девяти вечера.

* * *

«Пойми, студент: учебный фильм – твой первый шаг в ординатуру!»

– Сам придумал? – кисло осведомился Терентьев.

– Это первая строчка моей поэмы, – со скромной гордостью ответил Карбид. И не дожидаясь просьбы, приступил к декламации:

Пойми, студент, учебный фильм – твой первый шаг в ординатуру,
Когда погаснет в зале свет, запустит Арчибалд бандуру,
И на экране оживут учебников воспоминанья,
Увидишь ты, как извлекут из тела гнойники страданья…

- Символизмом попахивает, – перебил завхоз малоземельского поэта. – Не мое.
Ясень поперхнулся.
- Какой неожиданный термин вы употребили, Федор Славсталинович, – с неподдельным изумлением произнес Герман.
- Я еще и не такие слова знаю.
- Теперь не сомневаюсь.
- А надо было всегда не сомневаться. – Терентьев поковырял трещинку на стене, в успешной попытке отколупнуть кусок штукатурки, после чего слегка нахмурился, подошел к двери и прислушался: – Разве кинозал еще не прикрыли?
- Карбид выразительно посмотрел на Виктора, и тот вступил в разговор:
- С чего бы вдруг, Федор Славсталинович?
- Так ведь в главном корпусе есть новый зал. Современная аппаратура и все дела…
Я сам покупал.
- Злые языки утверждали, что на сэкономленные на современной аппаратуре средства Терентьев прикупил себе новый плазменный телевизор. Но ведь на то они и злые.
- Что отвечать завхозу, Ясень не знал, и Герману пришлось идти на выручку:
- Аскольд Артурович Арчибалд, как вы, конечно, помните, Федор Славсталинович, имеет две должности: киномеханик и директор киноархива больницы. Аскольд Артурович собрал уникальную коллекцию учебных фильмов, но на новом проекторе их показывать нельзя – формат не тот.
- Нужно их, эта… – Терентьев наморщил лоб, но справился: – Оцифровать их нужно, как британскую энциклопедию. А кинозал твой прикрыть к чертовой матери. Опять же: штатную единицу сэкономим.
- Цифровать наш архив никак нельзя – исчезнет учебный дух.
- От кинопленки?
- Ага, – серьезно подтвердил Герман. – Если студент будет изучать наши фильмы, вставляя диск в DVD-проигрыватель, он воспримет их как рядовые голливудские ужастики. А нам нужно, чтобы студенты четко понимали, что имеют дело с документальным кино.
- Зачем?
- Потому что мы врачей готовим, а не кинозрителей.
- Ладно, насколько я знаю, старик с тобой согласен… – Терентьев извлек из папки лист бумаги: – Кресла, пленки, проектор… Надо оборудование проверить.
- Там сейчас занятие.
- Студенты?
- Ага.
- Я тихо, – пообещал завхоз. – Коробки у вас по-прежнему сзади свалены?
- Разложены, – поправил Терентьева Карбид.
- Как посмотреть.
- Кстати, о посмотреть… Когда станете оборудование проверять, Федор Славсталинович, на экран не смотрите, договорились?
- Почему еще?
- Наши учебные фильмы очень реалистичны.

– Сынок, – благодушно улыбнулся Терентьев. – Ты знаешь, в какой армии я служил до увольнения в запас? В сороковой. – Это было правдой. – Вопросы есть? Я там такого навидался – на сто учебных фильмов хватит.

– Я предупредил, – хладнокровно произнес Герман и достал сигарету. – Жду здесь.

– В помещениях больницы курить запрещено.

– Это для вас.

– Ага. – Завхоз отпустил еще одну ироничную улыбку и скрылся в кинозале.

Карбид раскурил две сигареты и прислонился спиной к стене.

– Пять, четыре, три, два…

Зажимающий рот Терентьев выскочил в коридор за мгновение до того, как Герман произнес «один». Лицо красное от натуги. Маленькие глазки выпучены настолько, насколько позволялось природой и даже чуть больше. Взгляд ищет место, куда…

Карбид ногой придинул завхозу пластиковое ведро, Терентьев согнулся и торопливо избавился от недавно съеденного завтрака.

– Если я правильно понял, проектор на месте.

– Коробки пересчитать не успел, – отозвался завхоз, с благодарностью принимая у Германа сигарету. Надо отдать должное – в себя Терентьев пришел довольно быстро: сказалась полученная в сороковой армии закалка. Он глубоко затянулся, выпустил дым, после чего спросил: – Как студенты это смотрят?

– Они знают, где ведра.

– И часто бегают?

– В первый месяц они не бегают, а берут ведра с собой. Потом втягиваются.

– Документальное кино, да?

– Именно.

* * *

– Павлик, милый, я так рада тебя видеть!

Она влетела в кабинет адвоката, хотя секретарша получила от Розгина строжайший приказ отвести посетительницу в переговорную, наполнила помещение резким запахом дорогих духов и щебечущим голосом. Мария Крестовская. По обыкновению красивая, привлекательная и… лживая.

– Я так по тебе соскучилась.

Следом за Марией в кабинет проник высокий, можно даже сказать – длинный, широкоплечий красавец. Семен Костылев. Держался он чуть скованно, ибо понимал, к какому человеку «заглянул на огонек». Ну а последней в дверях появилась секретарша и направила на шефа извиняющийся взгляд.

– Твоя девочка хотела отвести нас в переговорную, но я подумала: какого черта?! Почему мы не можем поговорить здесь?

Павел жестом успокоил несчастную помощницу, велел ей закрыть дверь и улыбнулся с профессиональным бездушием:

– Здравствуй, Мария.

Однако поцеловать себя в щечку не позволил. Мягко, но крепко поддержал женщину за локти и чуть подтолкнул к креслу. Движение, понятное без слов.

– Ты всегда был букой.

– Юристом.

– Одно и то же. Ты знаком с Семеном?

– Костылев.

– Розгин. – Адвокат кивком ответил на протянутую руку и вернулся в свое кресло. – Как дела, Мария?

- Как обычно: лучше всех.
- Ты всегда мечтала стать вдовой.
- Я мечтала освободиться.
- Гм... извини, неверно выразился.
- Ах, Павлик.

Томный взгляд, легкая улыбка. «Только дай знак, и мы сможем что-нибудь придумать...»

В свое время Розгин почти увлекся Марией – красавица его возбуждала, однако Сергей Веснин был едва ли не единственным в мире человеком, с которым Павлу хотелось – именно хотелось – быть честным. Он уважал Сергея, дорожил дружбой с ним и потому заставил себя не думать о Марии. А позже, когда узнал ее поближе, понял, что поступил предельно правильно: понятие «этика» являлось для Марии столь же мутным, как и теория относительности.

- Я всегда был другом, просто другом.
  - Это ты для Сени сказал? Напрасно: он совершенно не ревнует меня к прошлому. Он принимает меня такой, какая я есть. Поэтому я его и люблю.
  - Не сомневаюсь.
  - Отыскать идеального мужчину так сложно... Зачем ты хотел нас видеть?
  - У меня печальные новости о твоем сыне, Мария.
  - А что случилось? – Она задала вопрос именно так, как и должна была задать: легко. Андрей давно стал для нее отрезанным ломтем, она вычеркнула его из жизни практически сразу после рождения. И теперь Крестовская давала понять, что интересуется проблемами сына лишь потому, что о них говорит ее «старый друг».
  - Андрей пропал, – сухо сообщил Розгин.
  - Вот как? Откуда ты узнал?
  - У меня есть связи в милиции.
  - Было бы странно, если бы у тебя их не было.
- На это замечание адвокат не стал реагировать.
- Мне сообщили, что Андрей Веснин разыскивается по подозрению в совершении преступления.

А вот эта новость Марию удивила. Ошарашенное выражение, на мгновение посетившее лицо женщины, отчетливо показало, что Крестовская ожидала совсем иных известий о сыне.

- Андрей совершил преступление?
- Его подозревают в убийстве.

Розгин не спускал с Марии глаз. В принципе адвокат уже увидел все, что хотел, убедился, что Крестовская не настолько далека от постигших Андрея неприятностей, как пытается показать, но продолжал нажим.

- Кого он убил? – выдавила из себя Мария.

Она сумела справиться с собой и задала вопрос хоть и менее уверенным, но по-прежнему «правильным» тоном.

Адвокат потер подбородок.

– Случилась какая-то странная и запутанная история. Я пока не смог выяснить деталей... Короче, Андрея обвиняют в смерти какого-то бродяги.

- Бродяги?
- Да.
- Какой ужас! Что Андрею понадобилось от бродяги?

– Я не знаю. Но хочу выяснить.
– Конечно, ты ведь дружил с Сергеем, – «припомнила» Мария.
– В отличие от тебя.
– Я была его женой.
– Это я и имел в виду, – холодно улыбнулся Розгин.

Крестовская поняла, что проиграла Розгину, и попыталась вновь перейти в наступление:

– Павлик, я так и не поняла, для чего ты нас позвал? Чтобы рассказать, что Андрей стал преступником? Меня это не интересует.
– Андрей – твой сын.
– Не попрекай меня тем, что из него вырос убийца. Воспитанием Андрея занимался Сергей.

Ее милая наглость вызывала нечто вроде восхищения.

– А теперь я хочу знать, что происходит с наследством? Когда завершится процедура?

– Я ее приостановил.
– На каком основании?
– Один из наследников исчез.

– Ну и что?
– Это повод.
– Не вижу повода.

– К счастью, твоя точка зрения никого не интересует, – улыбнулся Розгин. – У меня есть решение суда. Процедура приостановлена.

И стал с интересом ждать реакцию. Которая оказалась предсказуемой.

– Какая же ты сука, – светским тоном произнесла Мария.

– Большая, – не стал скрывать адвокат. – Но есть вопрос, кто из нас большая сука. Я или ты?

– Что ты себе позволяешь?!

Широкоплечий красавец даже сделал движение вперед и вверх, символизирующее его желание выбраться из кресла и покарать наглеца. Однако на Розгина демонстрация приятеля Крестовской не произвела особого впечатления.

– Я прошу вас, господин Костылев, впредь открывать рот только с моего позволения. Иначе вас выведут, – спокойно произнес адвокат, не отрывая взгляда от Марии.

Здоровяк покраснел.

– Да я...

– Сеня, уймись, – жестко приказала женщина.

Мария знала, кто такой Розгин.

Она дождалась, пока заглохнет невнятное ворчание, которым любовник выражал остатки своего неудовольствия, после чего тихо спросила:

– Для чего ты это делаешь? – впервые за весь разговор Крестовская не играла, а потому слова прозвучали искренне и очень устало. Бегунья уже готовилась пересечь финишную ленточку, как вдруг увидела перед собой широченную пропасть. Неожиданное и непреодолимое препятствие.

– Не для чего, а почему? – уточнил Розгин.

– Почему?

– Потому что Сергей был моим другом, а Андрей – хороший мальчик. – Адвокат вновь улыбнулся. – Я тоже принимал некоторое участие в его воспитании, а потому не верю, что он мог пойти на убийство.

— Я еле сдержался! — завопил Костылев, усевшись за руль «БМВ». Выражать свои эмоции внутри здания Семен благоразумно не стал.

— И правильно сделал, что сдержался, — угрюмо заметила Мария. — Не стоит злить Розгина.

— Можно подумать, он на нашей стороне.

— Павел играет по правилам, но стоит тебе его задеть, и последствия будут непредсказуемы.

— Неужели? Никто не застрахован...

— Вот именно, Сеня: никто не застрахован. Паша ведет дела и дружит с такими людьми, что тебе лучше даже имен их не знать. Он в бизнесе с девяностых, и он непотопляем. Он всем нужен. Черт, Сергей знал, на кого оставить Андрея!

Костылев понял, что Мария сильно расстроена, и заткнулся. Некоторое время он молчал, но выезжая на Садовое, не выдержал:

— Что значит «играет по правилам»?

— Розгин не станет наседать, если не будет железобетонных оснований, — объяснила Крестовская. — Он щепетилен. А Грыгадзе обещал, что подозрения на нас не падут. Мы в стороне.

— Андрей не исчез, — напомнил Костылев. — Его обвиняют в убийстве.

— И это очень странно.

— А Розгин не мог прикрыть Андрея? Обеспечить ему охрану из своих людей, которые и положили ребят Грыгадзе.

— Тогда бы Паша разговаривал с нами совсем иначе. Он бы уже вывернул Грыгадзе наизнанку, все узнал и... — Мария покачала головой. — Нет, Павел ни при чем. Случилось что-то другое.

* * *

— Ну и как тебе здесь?

— Нормально, — отозвался Ясень.

Едва познакомившись, Терентьев сразу же перешел на «ты». Виктор протестовать не стал — пусть, раз хочет, однако сам продолжал сохранять поддерживающее дистанцию «вы».

— Герман не достает?

— Немного.

Карбид в подвал не пошел, отговорился делами и отправил с Терентьевым Виктора, прошептав: «Тебе нужно познакомиться с ним поближе». В принципе — правильно, однако особого восторга от ползания по подземельям Подстанции Ясень не испытывал, да и гид из него получился не лучший. Впрочем, завхоз прекрасно понимал, что Виктор еще не вошел в курс дела, а потому техническими вопросами не донимал. Они быстро осмотрели кочегарку-крематорий и теперь тащились к резервному генератору.

— В больнице только о тебе и говорят.

— Неужели?

— А ты как думал? Появляется новый сотрудник. Молодой, симпатичный, по слухам — не бедный...

Ясень с тоской подумал, что Герман был прав, когда настоятельно рекомендовал напарнику не брать слишком дорогую машину. А еще лучше — вообще никакую не брать. Виктор же, мало того, что не послушался, так еще и выбор сделал, мягко говоря, неожиданный. И теперь выяснилось, что прошедшая сверхсовременный тюнинг «Победа» породила целую волну слухов.

«Ладно, пусть лучше завидуют, чем сочувствуют!»

– Все девчонки на тебя заглядывают и думают, как бы Зинаиду подвинуть.
«Началось!»
– Ну и мужики бурчат, все-таки – конкурент.
С одной стороны, внимание льстило. С другой – могло помешать делам.
«В конце концов, я – не Карбид! Я не собираюсь всю жизнь просидеть на „Малой Земле“!»
– И что обо мне говорят?
– Удивляются в основном.
– Тому, что я работаю в Михайловской?
– Точно.
– Так ведь я врач. Что плохого в том, что работаю по специальности?
– Необычно.
– А у меня все необычное, – усмехнулся Ясень. – И машина, и профессия. Я хочу свою жизнь прожить, а не «как принято».
– Вот это-то и необычно, – пробормотал Терентьев.
– Могу себе позволить.
– А это вызывает зависть.
– Плевать.
– Тоже можешь себе позволить?
– Ага.

Завхоз покрутил головой и осторожно произнес:

– А еще ходят слухи, что ты – молодой, набирающийся опыта администратор, которого готовят на смену старику.

Последовавший за фразой быстрый взгляд показал, что сам завхоз относится к подобным слухам как к весьма вероятным.

– Занятная теория, – спокойно ответил Ясень. – Чему я могу научиться на «Малой Земле»?

– Надо с чего-то начинать.

«Интересно, эти слухи помогут или помешают?»

Поскольку однозначного ответа у Виктора пока не было, он решил отделаться общими фразами. Но с некоторой долей тумана:

– Слухи – это состязание фантазий.
– И только?
– Полагаю, старик знает больше, чем говорит.
– А… Черт!

Обдумать ответ Виктора завхоз не успел – споткнулся обо что-то и громко выругался.

– Вы не ударились?

Увлеченные разговором собеседники упустили из виду появление в полутемном коридоре Агавы. Енот, в свою очередь, тоже не среагировал на посторонних – он пялился задом, трудолюбиво таща в передних лапах нечто, напоминающее…

– Что это? – упавшим голосом осведомился Терентьев.

– Это Агава, – тихо ответил Виктор, чувствуя, что бледнеет. – Не кактус. Не голубой. Енот-полоскун. Домашний.

«Скотина!»

Что именно тащил любимец Карбида, Ясень предпочел не заметить. В отличие от завхоза.

– Что у него в лапах?

«Сам не видишь?»

Терентьев видел, но решил не верить своим глазам.

– Что у него в лапах?

– Шланг, – выдохнул Ясень.

– С головой?! Виктор! Это змея!!

Ну, положим, не змея, а средних размеров питон, к тому же – задушенный. Судя по всему, Агава придавил гада и теперь тащил свежевать.

«Как вовремя...»

Увидев посторонних, енот тихонько пискнул и, бросив добычу, порскнул по коридору прочь. Топот торопливых лап полностью растворился в мерном жужжании, доносившемся из приоткрытой двери ближайшей комнаты.

«Я не знаю, кто забыл ее запереть, но я его убью!»

– Федор Славсталинович!

Бесполезно – завхоз не остановился. На полусогнутых ногах он подошел к двери и потянул на себя ручку. Несколько мгновений остолбенело изучал внутренности помещения, после чего просипел:

– Виктор, откуда ЭТО здесь?

«Откуда, откуда? По инструкции положено хранить до особого распоряжения».

Ясень встал рядом с Терентьевым и мрачно оглядел развороченную комнату. Агава, надо отдать ему должное, потрудился на славу.

Из тридцати ящиков, в которых спали змеи, взломано шесть. У порога валяется кобра с отгрызенной головой. Задушенный питон остался в коридоре. Остальные гады медленно ползают по полу, осоловело разглядывая друг друга, не понимая, почему разбудили, а к работе приступить не дают? В дальнем углу нетерпеливо было копытом нечто рогатое, шипастое и с венцом. Выглядело оно настолько мерзко, что даже Ясень чертыхнулся. Но самое неприятное следствие устроенного енотом беспорядка жужжало в воздухе. То, что Терентьев принял за черное облако, на самом деле было миллиардным роем еще мелкой, размером меньше гнуса, саранчи, освободившейся из разбитой Агавой банки. Микроскопические твари вились по комнате в безуспешной надежде отыскать пищу и вырасти, дабы приобрести предусмотренный инструкцией вид: «на головах венцы, похожие на золотые, как бы железные брони, зубы, будто у львов, хвосты, словно у скорпионов, и в хвостах – жала».

«Придется заказывать новую партию личинок».

А это значит – запрос, плюс докладная, куда делись старые. Перерасход фондов и, возможно, проверка.

– Виктор, что это?

Оглушенный предстоящими бюрократическими проблемами, Ясень совершенно позабыл о завхозе, и очередной тупой вопрос, заданный прежним робким тоном, вывел его из задумчивости.

«Извините, Федор Славсталинович, но инвентаризация на этом окончена!»

Виктор рывком повернул Терентьева к себе и, включив *настоящий* голос, начал:

– Федор, посмотрите мне в глаза...

* * *

Занятое все-таки место – собственная могила. Зарубка в памяти. Сентиментальная точка, у которой можно постоять, поразмышлять о прошлом и будущем. Финишная черта предыдущего этапа.

С виду – вполне пристойно, стандартно, разумеется, зато ничего лишнего. Горка свежих цветов и венков, красные ленточки с анонимными: «От друзей», «От сотрудников компании». Простой крест. Табличка с датами. Знакомая физиономия на фотографии. Та самая

рожа, которую приходилось брить каждое утро. Весело скалится окружающим, словно приглашая в гости.

«Все, как я хотел».

– Спасибо, сынок, – вздохнул Сергей, опрокидывая в рот специально прихваченный «мерзавчик» коньяка. – Уважил папашу.

Без грусти вздохнул, с теплотой. Ведь Андрей на самом деле уважил, выполнил последнюю волю в точности. И памятник наверняка поставит именно такой, как хотел Сергей: невысокая, серая, плохо обработанная глыба, надежно запечатывающая все, что осталось от него в этом мире.

– Я и не думал, что ты запомнишь тот разговор, сынок.

В нормальных семьях не принято говорить о смерти, о том, что кому отойдет и, уж тем более, как будет выглядеть могила. Не китайцы все-таки. Однако у них с Андреем такая беседа состоялась. Началась с шутки, мол, зажился на свете. Сын ответил: случись что, похороны устроит по высшему разряду. Посмеялись. Потом Андрей неожиданно стал серьезным и спросил, не надумал ли отец помирать? Сергей ответил, что нет, не собирается.

«Получается, надул я тебя, сынок. Не собирался, а пришло...»

Впрочем, кто собирается? Неизвестность пугает. Здесь, на Земле, все понятно и все привычно. Вот и цепляются, не отпуская в таинственное «наверх» перезрелые «искры». Хоть в нищете, хоть в инвалидном кресле, хоть в камере пожизненного заключения, хоть в виде «овоща» – но жить.

Неизвестность пугает.

– Я, сынок, перед тобой виноват, но ты, думаю, меня простишь. Выхода у меня не было.

Сергей пришел на свою могилу, но разговаривал с сыном. Словно крест и груда цветов превратились в телефонную будку, из которой можно дозвониться в Ручной Привод.

– Знаешь, там не так уж и плохо. Есть свои плюсы, так сказать, но здесь... Здесь все настоящее. Здесь есть завтра, сынок, здесь есть завтра. И это нужно ценить.

Сергей протер фотографию, поправил цветы, поднялся... и замер.

Что-то не так.

Мартин позвонил через три часа после расставания. Позвонил, разумеется, не для того, чтобы попрощаться. Согласился. Мчаться к нему Пандора не стала, сказала, что вечером необходимо провести предварительный ритуал, к которому ей надо подготовиться, и положила трубку. Пусть почтвует, что она в нем нуждается меньше, чем он в ней.

Подготовки, само собой, Пандоре никакой не требовалось, а появившееся свободное время она решила потратить на удовольствия. Посидела в ресторане, наслаждаясь одиночеством и вкуснятиной, неспособной отложить ни на бедрах, ни на талии, вышла на улицу, размышила, в какой из торговых центров направиться в первую очередь – ей нравилось примерять наряды и тратить деньги на драгоценности, однако поймала себя на мысли, что хочет вновь навестить «свое последнее пристанище».

Могила притягивала.

Она поймала такси и велела ехать на кладбище. По дороге купила цветы. Вряд ли старый букет уже завял, но Пандоре хотелось, чтобы ее «пристанище» выглядело празднично.

И оно выглядело. Во время предыдущего визита Пандора заплатила служителям, и могилу привели в порядок.

– Привет. – Женщина остановилась у ограды. – Скучаешь?

Невероятно. Невозможно. Она знала, едва ли не лучше всех на Земле знала, что там, под слоем грунта, нет ничего интересного. Пустая, давным-давно истлевшая оболочка, а все равно разговаривала с ней, как с живой. Как будто та могла слышать, как будто что-то понимала.

– Не знаю, когда еще увидимся. Может, никогда. Я даже не знаю, смогу ли уйти... А если уйду, смогу ли вернуться? – Пандора вздохнула. – Я рада, что ты меня дождалась, и надеюсь, что мы еще встретимся. В конце концов, ближе тебя у меня никого нет.

Стоящая рядом с могилой береза тихо пошевелила ветвями, среагировав на порыв теплого ветра. Или на слова женщины.

– Мы...

«Проклятье! Я схожу с ума! Какие, к чертовой матери, „мы“? Кто „мы“? Я с истлевшим трупом?»

Разозливвшись, Пандора тряхнула головой, прогоняя прочь сентиментальные мысли, пытаясь вернуться к своему обычному, циничному и прагматичному восприятию мира, к себе настоящей... как вдруг собственные, только что произнесенные вслух слова резанули:

«Ближе тебя у меня никого нет!»

А следом – волна злости:

– Неправда!

Но «искра», «искра»... «Искру» не обманешь. Ты ведь уже не человек.

«Правда! – Пандора пнула ногой положенный на могилу букет. – Не хочу! Нет!»

А в следующий миг услышала негромкий голос:

– Проблемы?

Удивительно, что слова дошли до сознания. В ее-то состоянии...

Женщина резко обернулась и уперлась взглядом в давешнего паренька, смотревшего на нее внимательно и... с сочувствием.

«А, любитель глубоких декольте! Желаешь развлечься с веселой вдовой?»

Нет, не желает. Перед ней стоял совсем не тот мальчик. Тогда парнишка смотрел восторженно, как голодный котенок, сегодня – со спокойной уверенностью. В его взгляде читалось: захочу – раздену, но не сегодня.

Тело прежнее, а вот наполнение поменялось.

Энергия!! В щедушном теле пряталась взрослая, полностью раскрывшаяся «искра».

«Меня выследили?!»

Парень сделал еще один шаг, оказался в паре метров от Пандоры. В молодых глазах отчетливо виден ровный, уверенный блеск старой души.

– Поговорить не против?

– «Наездник», – догадалась Пандора.

– К вашим услугам, сударыня. А вы, как я понимаю, нелегал?

– Почему вы так решили?

– Почувствовав меня, вы испугались. – Паренек протянул руку: – Сергей.

– Пандора.

Отвечать на рукопожатие она не стала.

– Красивый псевдоним.

– Спасибо.

– И опасный.

– В моем ящике много секретов.

– Охотно верю. – Парень кивнул на могилу: – Пришли к себе?

– Да.

– Я тоже.

– Занятное совпадение.

– На кладбищах еще и не такое случается.

Пандора улыбнулась. Замешательство покинуло женщину, она поняла, что «наездник» не несет угрозы, и решила не отказывать себе в удовольствии поболтать со столь редким собеседником.

– Когда вернулись?

– Вчера.

– И вас не поймали? Насколько я знаю, коменданты берут «наездников» практически сразу.

– В моем ящике тоже есть секреты.

«Спокоен, смел, решителен. Наверняка едва ушел от Карбida, но говорит об этом без рисовки».

– Вы молодец.

– Спасибо.

– Но сильно рискуете, придя сюда.

– Тянет, – коротко ответил Сергей.

– Меня тоже, – не стала скрывать Пандора.

«Что же ты делаешь здесь, женщина с королевской осанкой? Как заставили они тебя стать агентом?»

– Тянет в детство?

– Еще не разобрались?

– Нет, – признался Веснин.

– Домой тянет, – объяснила Пандора. – К себе вчерашней. – Она провела рукой по волосам. – Что бы ни говорили наверху, какая-то наша часть все равно остается под могильной плитой.

– Согласен. – Сергей кивнул на памятник. – Вы очень похожи.

– Я заказала скульптуру задолго до смерти, – медленно произнесла Пандора. – Не хотела, чтобы на могиле стояло изображение старухи.

– И заказали такого же клона?

– Мне нравится, как я выглядела в молодости.

– Вы настоящая красавица, Пандора.

Женщина чуть подняла уголки губ, грустно глядя на свежие цветы, которые принесла самой себе.

«Только снаружи, Сергей. Только снаружи...»

Освободившиеся «искры» обретают невероятные, невозможные для обычных людей способности. Но иногда они появляются значительно раньше, в течение человеческой жизни, в детстве «искры». Не все, разумеется, способности – сверхсила в состоянии свести с ума, – только некоторые, но и этого достаточно, чтобы человек стал не таким, как все.

Что делать ребенку, обладающему почти взрослой «искрой»? Как жить?

Кем себя считать?

Избранным?

Уродом?

Кем?

Тогда еще не было Пандоры. Не было «резчика». Не было нелегала. Была только Катенька. Красивая темноволосая девочка с миленькой родинкой на левой щеке, единственная дочь графа Зайцева. Добрая и смешливая. Она любила читать романы, которые таскала из маминого шкафа, с десяти лет превосходно говорила по-французски и замечательно танцевала.

А еще она умела читать чужие мысли.

Способность появилась не с рождения, пришла чуть позже. Шуршащим шепотом чужого голоса, странным чувством чужих эмоций, упоительным ощущением чужого знания. Катенька осознала свое умение примерно в десять лет. Впервые использовала в двенадцать, а к четырнадцати стала настоящим телепатом. Знала, как именно нужно сосредото-

читься, как «настроиться» на конкретного человека, чтобы прочесть не только его мысли, но и память. Чтобы ощутить чужие эмоции, пережить чужие чувства. Чтобы направить мысли человека в нужное русло.

В пятнадцать лет Катенька манипулировала окружающими столь искусно, что порою сама верила – они исполняют ее прихоти по собственному желанию.

Сначала это казалось занятным. Молодая девушка знала, что думают родители, друзья, слуги, дергала за нужные ниточки и наслаждалась властью. Ее капризы исполнялись незамедлительно, ее желания имели статус законов, ей никто и никогда не перечил. Затем Катенька влюбилась – обычное дело. Ее избранник, сын помещика Николаева, вырос в соседнем имении, но, будучи на несколько лет старше Катеньки, уже заканчивал университет и планировал пойти по чиновничей линии. Родители Катеньки, как было заведено в семье, единодушно одобрили решение дочери. Молодой Николаев тоже не имел ничего против свадьбы с богатой и красивой соседкой.

Казалось, впереди их ждет только хорошее.

Нежные разговоры, прогулки по парку, обещания и клятвы... От них кружилась голова и разбегались мысли. Сосредоточиться и проникнуть в сокровенное красавца Николаева не удавалось, но Катенька к этому и не стремилась. Нарочно не использовала свой дар. Зачем? Их чувства казались крепкими, словно алмаз, а любовь вечной, как само время. Взгляды и прикосновения. Мечты и желания. Томление. Катенька замирала от счастья, ей достаточно было просто верить.

Незадолго до свадьбы к Николаевым приехали из Москвы родственники, в том числе – кузина юного помещика. Модная столичная штучка вызвала жгучий интерес у провинциальных девушек. Разговоры о премьерах и платьях, сплетни о поэтах и сильных мира сего – юных барышень интересовало все, но Катенька хотела знать больше. И она узнала. Узнала такое, что едва не сошла с ума от горя. Впрочем, нет. Что-что, а контролировать себя семнадцатилетняя телепатка умела прекрасно. Тем же вечером она вложила в голову отца идею прогуляться перед сном вдоль озера, в теплой воде которого он и увидел плещущихся в чем мать родила жениха и его кузину. Помолвку расторгли незамедлительно.

Слуги ходили на цыпочках. Отец кричал, что у его дочери еще будет блестящая партия, и порывался вызвать юного Николаева на дуэль. Мать шепотом рассказывала, что в молодости тоже увлекалась красавцем-соседом, и с тем же успехом. «Юная любовь мимолетна, милая, скоро ты позабудешь этого нахала».

Катенька соглашалась. Но чувствовала, что в ней что-то сломалось.

Через полгода она вышла замуж на пятидесятилетнего генерала, владельца обширных угодий в соседней губернии. Муж души не чаял в молодой жене, ловил ее взгляды и предугадывал желания. А разве могло быть иначе? Они переехали в Москву – питерский климат оказался Катеньке противопоказан, купили большой дом и превратили его в лучший светский салон старой столицы. А еще Катенька открыла в себе талант финансиста и увлеченно занималась преумножением семейного капитала. О ее биржевых талантах ходили легенды, ее предсказания отличались поразительной точностью, а действия – холодной жестокостью. Катенька посвящала финансам все свободное от светской жизни время, и стоит ли говорить, что старый генерал умер, так и не дождавшись детей? Так же, как и второй муж Катеньки... правильно: пожилой и очень богатый мужчина. Молодые красавцы исчезли из ее жизни навсегда. А дети... дети в ней не появились, потому что Катенька страшно боялась прочесть в их мыслях нечто такое, что заставит ее их возненавидеть.

Она умерла в восемьдесят три года, пережив двух мужей и оставив нескольким племянникам огромное состояние.

– О себе рассказать не хочешь, «наездник»?

Сергей пожал плечами, намереваясь отказаться, однако понял, что не имеет права. И не может. Пандора высказалась. Не важно, что ее заставило: внутренняя пустота, одиночество или слабость, но она высказалась. И он должен ответить тем же.

— У меня все гораздо проще, — тихо произнес Веснин. — Вернулся разобраться с делами. Не мог не вернуться.

— Занял тело сына?

— Да.

— Сильно рискуешь.

— Сам виноват.

Пандора тонко улыбнулась:

— И как тебе здесь?

— Хорошо, — признался Сергей. — Очень хорошо. Все иначе, все не так, как было. Силы, возможности, секс... Я, в общем, неплохо пожил на своем веку. Но такие перспективы, что открываются теперь, даже представить не мог.

— Только коменданты на хвосте, — напомнила женщина.

— В общем-то, я от них оторвался.

— Они не отстанут.

— Я знаю.

Пандора внимательно посмотрела на Веснина:

— Расскажешь, почему вернулся?

Ему тоже хотелось выговориться. Очень хотелось. Но как начать? С чего?

Несколько мгновений Веснин задумчиво изучал зеленые ветви березы, после чего негромко начал:

— Я всю жизнь любил одну женщину. Знал, что она со мной из-за денег, но любил. Все на свете ей прощал, на все закрывал глаза. И то, что не любила, прощал, и поведение ее и выходки. И то, что она переспала с половиной моих деловых партнеров.

— Шлюха?

Сергей покачал головой.

— Меня изводила. А я прощал. — Вопросительно посмотрел на женщину: — Я слабак?

— Ты ее любишь, — без улыбки ответила Пандора. — Ты просто ее любишь.

— Да, — кивнул Веснин. — Люблю.

— И сейчас любишь.

— И сейчас люблю.

А что он мог ответить? Так оно и было на самом деле. Мария — дрянь, но только рядом с ней его душа была по-настоящему спокойна.

«Искра», — поправил себя Сергей.

— Ради нее вернулся? Ей грозит опасность?

— Нет, у нее все в порядке. Хотя опасность ей грозит.

Пандора поняла. Улыбнулась.

— Хочешь взять любимую к себе?

— Я прощал ей все на свете, но сейчас она зашла слишком далеко, — медленно произнес Веснин. — Она собирается убить нашего ребенка.

— Ради денег?

— Угу. — Сергей сжал кулак: — Этого я не прошу.

Кому сказал? Себе? Пандоре? Наверное, себе, ведь Пандора права — он все еще любит Марию, будет любить всегда, и ему очень трудно сделать то, что должен. Спокойствие, с которым онправлялся с бандитами, исчезало при одной мысли о том, что ему придется покарать Марию.

— Ты ее любишь, — холодно произнесла Пандора. — Ты доберешься до нее, но, увидев слезы, — растаешь. И пощадишь.

— Вполне возможно.

— И все окажется напрасным.

Подзуживает или поддерживает? Понимает его или играет на чувствах? Да какая разница?

— Она будет смеяться тебе в спину, а потом сделает то, что решила.

Веснин прищурился:

— Собираешься учить меня твердости?

Пандора улыбнулась:

— Судя по всему, ты был богатым человеком?

— Да.

— Состояние приобрел в девяностых?

— Да.

— И вернулся, нарушив практически единственный закон, который существует наверху.

Сергей понял, куда клонит женщина, но перебивать ее не стал.

— С твердостью у тебя все в порядке, — продолжила Пандора. — Вопрос в том, захочешь ли ты быть твердым, доведешь ли дело до конца? Ведь второго шанса не будет, тебе не позволят больше вернуться. Тебя...

Веснин поднял руку.

— Я знаю, что со мной сделают. Знаю.

— А потому ты должен решить, кого любишь больше. Ее или сына.

Если бы он знал! Если бы знал!

Сергей тяжело вздохнул:

— Зачем ты это сказала?

— Затем, — жестко ответила Пандора, — что меня бесят твердокаменные слюнти, неспособные побороть собственную слабость. Бесит, когда грандиозные усилия пропадают впустую. — Женщина выдержала паузу. — Мы с тобой больше не увидимся, Сергей, но я хочу думать, что ты не сломаешься, что совершишь задуманное. — И неожиданно для самой себя добавила: — Ради сына.

* * *

— Такие вот дела, — пробормотал Олег, поглаживая ладонями кружку с горячим чаем.

Плечи опущены, взгляд не отрывается от блестящей на столе ложки. Посмотреть со стороны — парень под гипнозом. Впрочем, беда оглушает не хуже опытного манипулятора.

— Хреновые дела, — подытожил Костя.

Они сидели на кухне втроем: Олег, Костя, двоюродный брат Юли, и Женя, его невеста. Пили чай, ели бутерброды с колбасой, которую принесли ребята, и разговаривали. Точнее, слушали монолог Олега.

Который проснулся всего за час до появления друзей.

Открыл глаза и вскрикнул, вспомнивочные приключения.

«Как я оказался дома?!»

Подскочил на диване, огляделся: мебель, компьютер, белье — да, это его квартира. Потер глаза — ничего не исчезло — и неуверенно улыбнулся.

— Как же я вернулся домой?

Последнее воспоминание – падение в мокрую траву в попытке догнать этого... как его... Петлюру, кажется. Но что было потом? Енот, держащий в лапах отрубленную человеческую руку. При воспоминании об этом Олега передернуло. А потом?

Привал.

– Я поднялся и на автомате вернулся домой?

Но откуда вернулся? Ведь Москвы вокруг не было. Чистое поле, холм, могильный камень с идиотской надписью и озаряемый молниями дом.

Рядом с диваном в беспорядке валялись футболка, джинсы. Сухие и чистые. А ведь джинсы должны были изрядно запачкаться мокрой от дождя травой. А кроссовки! Олег сбежал в прихожую и убедился, что обувь тоже сухая и чистая. Получается...

– Получается, мне все приснилось?

Переживания за Юлю, странные истории, рассказанные Ольгой, и дурацкий визит на «Малую Землю» преобразовались в сюрреалистический ночной кошмар? Похоже, это наилучшее объяснение.

И единственно возможное.

– Так что говорят менты? – спросила Женя.

Свой разговор с представителями власти Олег передал скучо, прерывая его монолог девушки не стала, и теперь решила вернуться к теме.

– А что они могут сказать? Времени прошло мало, сказали. Что мы с Юлей могли поругаться, сказали. Ерунду, одним словом. Работать не хотят, блин.

Олег сделал маленький глоток обжигающе-горячего чая.

– Козлы, – подытожила Женя.

– А вы с Юлькой точно не ругались?

Олег обжег приятеля таким взглядом, что тот смущенно потупился.

– Не надо так шутить.

– Я просто спросил, – тихо ответил Костя. – Я тоже переживаю, но...

– Никаких «но», Костян, никаких «но». Мы с Юлей не ругались и не ссорились, прими как данность. А если бы она решила от меня уйти, она бы так и заявила. Ты Юлу знаешь, она не уехала бы, ничего не сказав.

– И уж тем более без вещей, – добавила Женя.

Повисла короткая пауза.

– Все больницы обзвонил?

– Даже в морге в одном был.

– Зачем?

– Костя, не глупи. У них наверняка есть неопознанные трупы, и Олежка поехал проверять. Так?

«Неопознанные трупы»! Сочетание ножом резануло по душе, разбудило самые страшные предположения, едва не заставило зарычать, взбеситься...

«Держись, Олег! Не ломайся!»

– Не так, – покачал головой молодой человек. – Юлу последний раз в Михайловской больнице видели, она там материал собирала. Я и поехал.

– Правильно, – кивнула Женя.

– Поспрашивал, узнал, что Юла интересовалась одним старым зданием на больничной территории, «Малая Земля» называется. Я в него зашел, а там морг. – Вспомнив о визите, Олег поморщился. – Мужик, который там работает, сначала меня за студента принял. Потом решил, что на опознание пришел. Трупы мне показал.

– И как? – с неожиданным интересом спросил Костя.

– Заткнись, дубина, – оборвала друга Женя. И вновь обратилась к Олегу: – Что этот мужик сказал о Юльке? Он ее видел?

– Видел, – кивнул молодой человек. – Сказал, что Юла на «Малой Земле» была, но уехала еще до конца рабочего дня.

– И больше ее никто не видел? – уточнила девушка.

– Да, больше ее никто не видел.

– А что за мужик?

– Что-то вроде администратора здания… Странный немножко.

– Чем странный?

Олег неопределенно пожал плечами:

– Ну… Как-то говорил он не так. Сначала мне показалось, что он дурака валяет. Потом наоборот – будто он слишком серьезен.

– Может, он пьяный был? – предположил Костя.

– Я бы почувствовал. Мы близко друг к другу стояли.

– Может, был под кайфом?

– Да не похоже. Сказал, что у него енот живет.

– Кто?

– Енот.

– Ты его видел?

– Нет.

Женя, которая в отличие от Кости, не поняла, что имеет в виду Олег, описывая поведение администратора, решила уточнить кое-какие детали:

– А выглядел он как?

– В смысле?

– Ты сказал, что мужик вел себя странно. А выглядел как? Волосы растрепаны?

Ширинка расстегнута? Одежда грязная?

– Ничего такого, – твердо ответил молодой человек. – Нормально выглядел, обычновенно. – И, поняв, что имела в виду Женя, добавил: – На психа не похож.

– Маньяки редко бывают похожи на психов, – наставительно заметила Женя. – Именно поэтому их так трудно поймать.

– В обычной жизни они ничем не отличаются от нормальных людей, – поддакнул Костя.

– Хотите сказать, что этот администратор – серийный убийца? Что он схватил Юлу и…

– Как его зовут?

– Герман.

– Я хочу сказать, – четко и ясно произнесла Женя, – что этот твой Герман – последний, кто видел Юльку. О том, что она уехала из больницы, мы знаем только с его слов. И тебе он показался странным. Вот все, что я знаю.

– Думаешь, он знает больше, чем говорит? – задумчиво протянул Олег.

– Предполагаю.

Олег прекрасно понимал, что все Женькины предположения основаны лишь на детективах, которые она читала и смотрела за свою молодую жизнь. Именно в них хмурые работники моргов обычно оказываются жестокими преступниками, средь бела дня похищающими невинных девушек. С другой стороны, нельзя было не заметить, что в словах Женьки имелся определенный смысл: показания Германа никто не мог подтвердить. Опять же – вспомним то, что они с Юлей нафантализировали насчет «Малой Земли» и о чем Олег решил пока не делиться с ребятами. Все это складывалось в крайне неприятную картину.

Вот и думай.

– Я в твою версию не особенно верю, – буркнул Костя, скептически глядя на подругу. – Маньяк? Днем? Стукнул Юльку по голове и припрятал в подвале?

— А что здесь такого? — с вызовом отозвалась Женя. — Маньяк или нет, но Герман — последний. И копать, как мне кажется, нужно под него. — Она перевела взгляд на Олега. — Надо копать, потому что если Юлька вышла из больницы, села в случайную машину и пропала, то нам ее не найти.

«Никому не найти!» — прозвучало тихим эхом. Слова не были произнесены, но все их услышали. Явственно услышали. Олег вздрогнул. Костя опустил голову. Женя сглотнула подступивший комок и тихо повторила:

— Цепочка оборвалась на Германе, там и нужно искать.

— Согласен, — прошептал Олег.

* * *

— Так что же получается, Герман? — Терентьев строго посмотрел на Карбиду. — Непорядок получается.

Рабочий кабинет завхоза... в смысле — начальника административно-хозяйственного отдела Михайловской больницы представлял собой дивное сочетание офисного места с оперативным складом. Новенький компьютер на столе соседствовал с двумя нераспечатанными картриджами и набором отверток. Полки завалены пыльными папками, связками перчаток и компактными упаковками чего-то загадочного. На полу стоял сломанный факс, валялось несколько разномастных дверных ручек, а вдоль стен громоздились ящики с самым различным барахлом как медицинского, так и хозяйственного предназначения. Федор Славсталинович любил иметь под рукой бытовые мелочи, за которыми к нему периодически прибегали медсестры.

— Разбазариваешь казенное имущество?

— Ага, — охотно подтвердил Герман. — А вырученные деньги отправляю в налоговый рай.

Завхоз нахмурился:

— Резвишься?

— Немного, — честно признался Карбид.

— Думаешь, раз у старика в любимчиках ходишь, все с рук сойдет?

Терентьев считался человеком прямым и авторитетом признавал исключительно Митина. Дипломатические свои способности он включал, только когда считал нужным, а данный разговор таковым не находил.

— С рук мне ничего не сойдет, — твердо ответил Герман. — Все будет в порядке.

— И в подвале?

— Да, и в подвале тоже, — пообещал Карбид.

— Виктор уже доложил?

— Да.

Глубокое воздействие на «искру» завхоза требовало запуска Ручного Привода, Ясень не мог удалить из памяти Терентьева пережитые им в подвале неприятные ощущения, но сменил причину, их вызвавшую. Вместо ползающих по комнате гадов, облака будущей саранчи и зверя в видениях Федора Славсталиновича возник не менее ужасный, зато куда более понятный образ грандиозного крысиного гнезда. Бедняге казалось, что он до сих пор слышит наглое попискивание шустрых зверьков.

— В общем... Мне отчет надо писать по результатам инвентаризации, — хмуро проворчал Терентьев. — А у тебя недостача.

— Ерунду ведь потеряли, — заметил Карбид, весьма довольный тем, что собеседник не стал раздувать историю с подвалом.

«Ну, Агава, тебе тоже достанется!»

– Хороша ерунда! – Завхоз взял в руки лист бумаги: – Двигатель электрический...

– Я вообще не понимаю, для чего его к нам приволокли!

– У тебя склад.

– Относительный.

– Настоящий, – твердо заявил Терентьев. – Согласно распоряжению.

Герман вздохнул.

– Пятьдесят комплектов спецодежды...

– Строительная спецовка! Не медицинская!

– А мне фиолетово! Быть должно, а быть нету. Получается недостача. Или хищение.

– Дайте список, – устало попросил Карбид.

– Это не список, а состав преступления.

– Федор Славсталинович, пожалуйста, не нужно меня мучить. – Герман взял бумагу, быстро пробежал глазами по строчкам и коротко кивнул: – За три дня разберусь.

– Сутки, – категорически отрезал Терентьев.

– На двух сойдемся?

Завхоз без особой любви посмотрел на Карбida.

– Если бы старик так к тебе не относился...

– Нормально он ко мне относится, – угрюмо отрезал Герман. – Как ко всем. И не надо все списывать на старика, Федор Славсталинович. Вы прекрасно знаете, что мне эти двигатели со спецовками на фиг не уперлись. А еще знаете, что я их найду.

– Не груби.

Карбид выдержал паузу, после чего вежливо произнес:

– Извините, Федор Славсталинович.

– Два дня. – Терентьев отвернулся. – Иди.

– До свидания.

– Два дня!

Герман вышел из кабинета завхоза, точнее, начальника административно-хозяйственного отдела и на лифте спустился на первый этаж. Он прекрасно знал, по чьей вине возникла недостача, однако зла на Бизона и Бандеру не держал – привык. Бедовые санитары крали все, что плохо лежит, переделать их не представлялось возможным, оставалось мириться.

«Надо их заставить подвал помыть. Весь. Нет, слишком жестоко. Тогда что?»

Раздумывая над наказанием для санитаров, Герман вышел на улицу, повернулся за угол и резко остановился, увидев выстроившуюся у приемного отделения цепочку карет «Скорой помощи».

– Носилки!

– Звоните в хирургию!

– У меня еще один тяжелый!

– Черт! Здесь ребенок!

– Этого немедленно на операцию!

Мысли о Бизоне и Бандере улетучились мгновенно. Карбид сунул скомканный «состав преступления» в карман и побежал к приемному:

– Что случилось?

– Автобус с моста... – скротоговоркой ответил санитар. – Он сам и еще пятнадцать машин. Там поток быстрый шел, твою мать.

– Народу много?

– До черта!

– Почему всех к нам?

– Соседям тоже достанется.

Но самых тяжелых везут в ближайшую, в Михайловскую. В Москве пробки, прорваться дальше трудно, счет идет на минуты, а тяжелых много...

Герман влетел в раздевалку приемного, торопливо, но тщательно вымыл руки, сдернул с вешалки зеленоватый халат, вернулся в коридор и склонился над ближайшей каталкой.

— Та-ак, посмотрим, что с вами... — Короткий взгляд на записи, а потом — пристальный и очень внимательный — на раны. — Все будет хорошо, все поправимо... Ребята, мне нужна операционная!

— Александр Сергеевич! — Одна из медсестер потянула за рукав заведующего приемным. — Смотрите, что происходит.

Врач повернулся, несколько секунд смотрел на Карбida, уверенно командующего медсестрами, после чего вернулся к своему пациенту и проворчал:

— Ничего не происходит.

— Но ему же запрещено!

— У меня врачей не хватает, — сквозь зубы ответил Александр Сергеевич. — А вы отвернитесь и займитесь чем-нибудь полезным.

* * *

— Зачем тебе потребовался этот аттракцион? — хмуро спросил Мартин.

— Ритуал, — поправила Издераса Пандора.

— Пусть так. Зачем он нужен?

Мартин переживал классическую «ломку», через которую проходили все клиенты Пандоры: он дал согласие на операцию, но оказался во власти сомнений. Прагматичный материализм нашептывал Издерасу, что колдовство — всего лишь сказки, деловая осторожность напоминала, что его втягивают в уголовное преступление со всеми вытекающими отсюда последствиями, наконец, его «Я» беспокоило, не повредит ли ему операция. Сомнения делали Издераса мрачным и немного грубым. Впрочем, Пандора была готова к подобному развитию событий, вела себя предельно мягко и терпеливо отвечала на каждый вопрос Мартина.

— Ритуал нужен для поиска донора. Далеко не каждая «искра» может дать тебе то, что ты хочешь: ярко выраженные качества — крайне редкая вещь. К тому же не все потенциальные доноры совместимы с тобой, поэтому требуется твое присутствие при ритуале.

В действительности поиск подходящего донора представлял собой необычайно сложную задачу, решить которую с помощью одного-единственного ритуала не представлялось возможным. Эта долгая, нудная и кропотливая работа проводилась заранее, еще до того, как Пандора отправилась на Землю. Сначала формировался список интересующих Царство людей, затем под них подбирались варианты доноров, список которых передавался агенту. Ритуал же, который проводила Пандора, имел исключительно психологическое значение, он должен был окончательно убедить клиента в том, что он столкнулся с необъяснимой, «колдовской» силой и пути назад нет.

К тому же Издерас наверняка почувствовал бы некоторое разочарование, назови ему Пандора имя донора без всяких усилий.

— Сила Тьмы! Я призываю тебя! Именем Ушедших Богов! Властью жрицы Храма Бездны!

Ритуал проводили в той же спальне, где несколько часов назад Мартин наслаждался ощущениями полета, — ее светлые, почти белые, обои замечательно подходили для целей Пандоры. К тому же она не сомневалась, что Издерас тщательно проверил помещение на предмет посторонней аппаратуры, а значит, повторная сверхъестественная демонстрация укрепит его уверенность в том, что все происходящее — правда.

– Открой мне неведомое! Открой истину! Дай знак!

Огромную кровать передвинули в угол, всю остальную мебель вынесли, и поэтому вызванный Пандорой ветер без помех загулял по комнате. Холодный ветер, пробирающий до костей.

– Имя! О, боги! Имя!

На кончиках пальцев женщины затрепетали языки пламени.

– Дай нам имя!

И резко выбросила руки в сторону Мартина.

Обжигающий холд ветра сменился жарким дыханием пламени, но Издерас даже не вздрогнул: Пандора предупредила Мартина о своих действиях.

– Имя!!

На белых обоях комнаты начали медленно проявляться тени. Много теней.

– Вглядывайся!

Издерас послушно сосредоточился, пристально всматриваясь в темные силуэты.

– Ты должен увидеть лицо!

«Я помню!»

Пандора трижды повторила Мартину его задачу: «Тебя окружат тени, черные силуэты людей. Это потенциальные доноры, образы которых я вызову своим усилием. А ты должен отыскать главного. Того, кто сможет передать тебе свои способности. Вглядывайся в каждого и кричи, когда различишь лицо».

– Я вижу!!

Как и говорила Пандора: под пристальным взглядом Издераса очередная черная тень внезапно превратилась в человека. Не в плоский рисунок на стене, а в трепещущую, сотканную из капелек разноцветного огня фигуру.

– Где??!

– Вот! – Мартин ткнул пальцем перед собой. – Вот!!

– Я поняла! – Пандора оказалась рядом, точнее, за спиной. Мягко сдавила ладонями виски Издераса. – Закрой глаза! Быстрее!

– Уже!

Но перед закрытыми веками по-прежнему сверкала призрачная фигура незнакомой девушки. Пока незнакомой.

– Читай ее!

«Как?!»

А в следующий миг в мозг ворвалась информация. Словно сложенная из огоньков фигурка превратилась в поток байтов.

– Читай!

– Юля...

Больно, больно, больно!

– Читай!!

– Юля Соболева! – Мартин упал на колени. – Юля Соболева! Она живет...

Из закрытых глаз текли слезы, из носа – сопли, а из глотки рвались слова адреса.

* * *

– Поворачиваем, проходим, поворачиваем...

Если у тебя есть время и ты не боишься умереть от голода и жажды, то можно найти выход из любого лабиринта. При условии, что у него есть выход, разумеется. Для этого следует просто приложить руку к стене и вести ее, не отрывая, совершая все повороты и выходя

из всех тупиков. Тогда рано или поздно ты пройдешь лабиринт полностью и наткнешься на заветную дверь.

Юля не верила, что из ее лабиринта есть выход, однако понимание того, что она блуждает не просто так, а борется, придавало сил.

– Так, а что у нас здесь? – пробормотала девушка, аккуратно надавливая на подавшуюся ручку.

Открытые двери попадались в четвертый раз, однако после Куриного Бункера Юля стала значительно осторожнее. Она медленно открывала двери, долго всматривалась в щелочку, стараясь понять, не таится ли внутри угроза, и лишь затем входила. Три предыдущие комнаты оказались пустыми и темными. В двух валялись обломки мебели и мусор, предыдущая оказалась до самого потолка забита рулонами рубероида. А эта...

– Примерочная?

Стоило девушке щелкнуть включателем, как помещение залил яркий свет. Мебели и мусора не было. Рубероида – тем более. Чистый, только что покрытый лаком, паркетный пол, станки вдоль стен и зеркала. Множество тщательно вымытых зеркал, сверкающих в ослепительном свете ламп и уносящих бесчисленные копии девушки в калейдоскоп отраженных лабиринтов.

– Господи, это же танцевальный класс! – Юля вышла на середину комнаты и осмотрелась. – Танцевальный класс в подвале больничного корпуса!

Впрочем, после всего пережитого особого удивления она не испытала. Ну, танцевальный, ну, класс... Хорошо, что бешеных кур нет.

Девушка подошла к зеркалу, провела рукой по металлу станка, улыбнулась – когда-то родители водили ее на бальные танцы, – перевела взгляд на свое отражение и замерла.

– Та-ак...

Нигде: ни на лице, ни на шее, ни на руках – ни следа царапин. Одежда порвана? Да, порвана. Джинсы и блузка хранили на себе последствия куриной атаки, а вот царапины исчезли.

– Не может быть!

Может. Точнее – есть. Раны затянулись. Нет – раны испарились. Исцелились.

Юля выключила свет, медленно вышла из класса и, не забыв приложить руку к стене, отправилась дальше.

«Что мы имеем? Меняющие направление коридоры. Странная машина в подвале. Сумасшедшие куры. Танцевальный класс. Подожди, подожди... Не танцевальный класс, а зеркала! Отсутствие царапин! Мне показали, что у меня исчезли царапины. А что с курицами? Зачем были нужны они?»

Девушка остановилась.

«Хотели напугать? У них это прекрасно получалось и без насилия. Тогда зачем?»

Ей казалось, что разгадка совсем рядом, стоит только протянуть руку, но...

– Осторожнее!

– Назад подавай!

– Не могу назад! Надрываюсь!

– Надо пить меньше!

Парень поставил ящик на пол, вытер пот и прохрипел:

– Лучше иметь большой живот от пива, чем маленький горбик от тяжелой работы. – После чего сплюнул на пол и осведомился: – Какого черта мы тележку не взяли?

– Ясень запретил. Сказал, что таким кретинам, как вы, полезны физические упражнения.

– Мы ведь не со зла!

«Люди!»

Позабыв обо всем, Юля бросилась вперед, пробежала пару десятков метров, наткнулась на закрытый турникет, машинально перепрыгнула его и выскочила...

«Станция метро?»

«Станция секретного метро?»

«Станция?»

Высокое и обширное помещение, бетонные стены. Слева и справа от не очень длинной, метров пятьдесят, платформы, чернели зевы тоннелей. В глубине левого приветливо горел зеленый глазок семафора, над правым был приколочен дорожный «кирпич». А напротив платформы висела белая металлическая табличка, по которой шла черная надпись: «Передаточная».

«Все-таки – станция?»

Платформа освещалась двумя уличными фонарями. Чуть левее коридора, через который прошла девушка, находилось зарешеченное окошко кассы, дальше – щит с расписанием, поперек него чернело граффити: «Crash and f..ck!» Еще дальше – скамья и металлическая урна, в которой сосредоточенно копошился упитанный енот.

«Мне это снится?»

«Конечно, нет! Могла бы уже привыкнуть к местным фокусам!»

– Ну, вот скажи, зачем все это барахло на дальний склад перетаскивать? Разве непонятно, что если дадут приказ на Апокалипсис, мы его начнем с задержкой.

– В одиннадцать минут.

– Точно.

– Ты лучше скажи, кто из вас, кретинов, дверь в террариум открытой оставил?

– Он! – Бизон указал на Бандеру.

– Он! – Бандера указал на Бизона.

– Гопники.

– Он!

– Он!

У тоннеля с «кирпичом» стояла тележка? Или дрезина? Девушка не знала, как правильно обозвать эту конструкцию. Рама с железнодорожными колесами, спиленный от «копейки» передок: капот, фары, все как положено. Сразу за ветровым стеклом находилось кожаное кресло, снятое, судя по всему, с дорогой машины. Оттуда же, возможно, была позаимствована отделанная деревом панель управления, которую венчал спортивный руль. Юля не сразу сообразила, что руль дрезине в общем-то не нужен. Позади кресла был привинчен автомобильный диван, на котором могли комфортно расположиться три человека, а позади дивана – содранный с пикапа кузов.

В водительском кресле вальяжно восседал Черепаныч, с улыбкой наблюдая за тем, как двое смутно знакомых девушке парней, кряхтя, загружают в кузов ящики.

– Считайте, что еще легко отделались.

– Считают до десяти, – огрызнулся Бизон. – А мы случайно забыли.

– Кто же знал, что Славстальч сегодня притащится, – поддакнул Бандера. – А Ясень ему комнату покажет.

– Ясень ничего не показывал, вас Агава сдал.

– Скотина, – с чувством произнес Бандера.

Енот на секундочку отвлекся от урны и громко фыркнул в сторону парня. А еще Юле показалось, что правой своей лапой зверек продемонстрировал известный жест. Впрочем, клясться в этом девушка бы не стала.

Тем временем последний ящик оказался в кузове, Бизон с Бандерой уселись на диванчик, а Черепаныч завел двигатель.

– Подождите!

Все трое одновременно повернули головы, и удивленные лица мужчин ясно говорили, что появление на станции девушки они прохлопали.

- Ты кто? – осведомился Черепаныч.
- Вы меня не узнаете?
- Нет.
- Я – Юля!
- Какая? – переспросил Бизон.
- Сколько? – уточнил Бандера.
- Да подождите вы! – осадил парней механик. И вновь перевел взгляд на девушку: – Кто ты?
- Вы же меня знаете, – растерянно произнесла Юля.
- Неужели?
- Мы встречались.
- А ты, оказывается, ходок, – прокомментировал ситуацию Бизон.
- Тихой сапой, так сказать, – ехидно добавил Бандера.
- А прикидывался! – хмыкнул Бизон.
- Да я никогда ее не видел!
- Вас зовут... Вас зовут... – К своему ужасу Юля поняла, что не может вспомнить имени механика. – Вас...
- Видишь, дочка, не встречались мы никогда, – очень мягко произнес Черепаныч. – Я бы запомнил.
- Сколько? – повторно поинтересовался Бандера, разглядывая ладную фигурку девушки.
- Отстань от нее, – велел механик. – Не видишь: не по той части красавица.
- Тогда чего она здесь делает? – спросил Бизон.
- А я почем знаю?
- Слышишь, ты чего здесь делаешь? Передаешь?
- Нет, – мотнула головой Юля.
- А зачем пришла? Ты новая кассирша?
- Я?
- Так не мешай работать, новенькая. Должностную инструкцию читала? Нет? Иди читай!
- Отстань от нее!
- Что за идиот тебя на смену отправил?
- Насчет начальства ты потише, – предложил Черепаныч. – Мало ли что?
- Донесешь? – деловито осведомился Бизон.
- Бандера донесет.
- Этот обалдуй может. – Бизон покосился на приятеля.
- Однако тот обдумывал иную мысль.
- Слушайте, а вдруг она привидение? Вдруг у нас на Подстанции привидение объявились?
- С чего бы? – нахмурился Черепаныч.
- Так у нас же морг! Покойников столько, что я спать боюсь.
- Я, кстати, тоже, – поддакнул Бизон.
- Вдруг один из них и превратился в привидение? Они могут. «Искра» застряла, и привет!
- Не мели ерунду, – после короткой паузы произнес механик. – Будь она привидением, она бы летать умела.
- А она умеет?

– Я не знаю.

Бандера повернулся к девушке:

– Ты летать умеешь?

– Куда?

Енот снова фыркнул. Но морду из урны не вынул и от жестикуляций отказался.

– Да пес с ней! – решительно произнес Черепаныч. – Не видишь: совсем девица ошалела на новом месте. Поехали, у нас график.

– Как поехали? – опешила Юля. – А я?

– А ты должностную инструкцию штудируй!

Полная решимости не отпускать наконец-то встреченных людей, девушка пробежала вдоль платформы, намереваясь запрыгнуть в кузов уходящей дрезины, но уже в прыжке ударились о невидимую преграду.

– Ой!

Покатилась по бетону платформы, крепко приложившись коленкой и локтем, вскочила и, не обращая внимания на боль, вновь помчалась за дрезиной.

– Подождите меня!

– Не сегодня, дочка!

– Пока, новенькая!

– Чур меня!

Дрезина мигнула задними фонарями и растворилась в тоннеле.

Енот опрокинул урну, разочарованно хрюкнул, не найдя ничего съедобного, и потрусили к противоположному концу платформы.

Юля уселась на бетон и задумалась.

Локоть и коленка не болели.

* * *

– Сегодня? – рассеянно переспросил Виктор. – Разумеется, встретимся, Зин, обещаю. Но прямо сейчас не могу... Да, есть дела... Давай я заеду за тобой часа через два, лады? – Улыбнулся. – Или просто приеду к тебе. Ты ведь помнишь, что я еще бездомный. Поскучай чуть-чуть, потом будет веселее.

Ясень убрал телефон в карман и медленно перечитал торчащую из пишущей машинки бумагу: свой первый официальный документ.

Докладная записка.

«Настоящим сообщаю, что ынцатого улюлюя сего года в ходе проведения командно-штабных маневров „Бурление Агавы 2008“ были израсходованы (безвозвратно) следующие материалы из комплекта „Откровение 2.0“.

1. Емкость «Саранча в личинках», штатная – 1 шт.

2. Емкость «Гады смешанные», штатная – 6 шт.

3. Зверь рогатый, модифицированный, третьего типа – 1 шт.

Указанные материалы подверглись прямому использованию с целью определения функциональной готовности комплекта к выполнению поставленных перед ним задач (результаты маневров будут посланы дополнительно).

В связи с этим настоятельно прошу в кратчайшие сроки обеспечить доставку на Землю указанных материалов для полного укомплектования указанного комплекта».

Подписывать этот бред настоящим именем не хотелось. Виктор поколебался, после чего тряхнул головой, пробормотал: «Да пошли они!», и допечатал:

«Старший помощник машиниста воздушного шара, альпинист первой гильдии Иоахим Крузенштерн».

Карбиды Ясень отыскал на крыше самого высокого больничного корпуса – десятиэтажной бетонной коробки, с которой открывалась замечательная панорама на окрестности.

Москва-река, перекрытая тяжелыми мостами. Поднимающийся вдали Сити. Белоснежный колосс храма Христа Спасителя и красные башни Кремля. А еще – высокие здания, ярко освещенные улицы, множество железных жуков на них и маленькие, едва различимые фигурки людей. Спешащих и стоящих, смеющихся и задумчивых, болтающих по телефону и томящихся в ожидании, с букетами в руках. Летний московский вечер. Бесшабашный, сосредоточенный, пьянящий, обещающий...

– Привет!

Без ответа.

Герман сидел, прислонившись спиной к вентиляционной трубе, в позе бесконечно усталого человека, молча смотрел на московские огни да изредка прикладывался к бутылке водки.

Ясень брезгливо покосился на полупустую бутылку, раздул ноздри – от Карбиды изрядно разило – и холодно произнес:

– Я видел тебя в приемном.

Герман сделал большой глоток.

– Ты работал.

– Крупная авария, – безучастно произнес Карбид. – Наши неправлялись.

– Врачи не справлялись, – поправил коменданта Виктор.

– Наши не справлялись, – повторил Герман. – Я помог.

И снова водка. Взгляд не пустой, не мертвый, не пьяный, взгляд отсутствующий. Карбид цедил из себя слова, но мыслями пребывал далеко-далеко. В другом мире. Или в другом времени. Хотя, если вдуматься, другое время – это и есть другой мир.

– Тебе запрещено помогать.

– Мне запрещено использовать силу, – уточнил Карбид.

– Тебе запрещено вмешиваться в Промысел!

– Я был рядом, я мог спасти, и я спас, – твердо отозвался Герман. – В этом и заключается Промысел.

– Думаешь, ты незаменимый?

– Считаешь себя моей мамой?

Судя по всему, Виктору удалось вернуть Карбida в настоящее, выдернуть из окутавших его мыслей. Голос коменданта потерял безразличие, а ленивая издевка, с которой он бросил последнюю фразу, подействовала на Ясения отрезвляюще.

Виктор замолчал и мысленно отругал себя за то, что начал разговор с дурацких обвинений.

Но и уходить не хотелось. Неправильно бы это выглядело. Не по-мужски.

Ясень молча уселся рядом с Карбидом, взял у него бутылку и сделал глоток из горлышка.

Не вырвало только благодаря силе «искры».

– Я не обиделся, – протянул Герман. – Ты вел себя правильно. Кто-то должен напоминать мне, что можно, а что нельзя. Горелый так делал. Так что все в порядке.

– Я не собирался извиняться, – отозвался Ясень. – Я...

Он не стал препятствовать распространению алкоголя, и водка наконец сыграла – стало теплее. И телу, и «искре». Рациональность окутало легким туманом.

– Я хотел спросить... Ты раньше был врачом?

Перед тем как отправиться на Подстанцию, Виктор наверняка читал досье будущего напарника, однако Карбид не стал заострять на этом внимание. Спрашивает? Ну и хорошо. Ответим.

– Сейчас бы меня назвали военным хирургом.

– А тогда?

– Лекарем.

– Давно?

– Давно. – Герман поймал себя на мысли, что ответ прозвучал слишком коротко, и уточнил: – Я ушел во время Бородино. Батарея Раевского... третью атаку не пережил, так что добивали Наполеона без меня.

Он не стал говорить, что до Бородино был Аустерлиц. Еще раньше – Итальянский и Швейцарский походы Суворова, Чертов мост и хребет Рингенкопф. А до этого – Измаил. На батарее Раевского военный лекарь Герман Коловратов оказался почти в пятьдесят лет. Заслуженным ветераном. Стариком.

– Воевал?

– Лечил.

Глоток водки.

Спасал. По максимуму выжимая из тех средств, что были тогда. Извлекал пули, шрапнель и осколки, отнимал руки, ноги и глаза. Успокаивал умирающих и говорил... Много говорил. В десятки раз больше, чем политики, и в тысячи – чем современные врачи. Ведь слово было едва ли не главной его панацеей.

– Знаешь, я никогда не радовался победам. Даже когда Измаил взяли, хотя... молодой был... Вроде подъем какой-то есть, на душе легко, а радости – нет.

Полководец радуется славе, солдаты – что перестают смотреть в глаза смерти, а лекари продолжают работать в скорбных палатках. Продолжают выдавливать гной и лить кровь. Продолжают хоронить.

– Когда отступали, когда видел, как жгли дома и запасы, лишь бы не достались «хранцузам», когда слышал рассказы, как мужики заманивали наполеоновские отряды в леса и давили, думал, что вот этой победе я обязательно обрадуюсь. Как выгоним Бонапарта – буду скакать от счастья и напьюсь до полусмерти. Когда отступали – думал, когда под Смоленском бились – думал. Даже не думал – знал наверняка. А видишь как все обернулось: умер перед единственной победой, ради которой стоило выжить.

Карбид потянулся было за водкой, но рука застыла на полути. Не захотелось. Не нужна она сейчас.

– Семья? – глухо спросил Ясень.

– Ненастоящая, – поколебавшись, ответил Герман. – Была у меня женщина между Аустерлицем и вторжением. Договорились, что после войны свадьбу сыграем, да не сложилось.

– А чего затягивал?

– Мне ее выкупить надо было, – спокойно объяснил Карбид. – Сначала-то я и не думал, что с крепостной всерьез закрутится, а потом, когда прикипела, колебался... Дураком был.

– Встретил ее потом?

Вопрос прозвучал очень жестко. Не грубо, а требовательно. Одним только тоном Виктор дал понять, что отвечать нужно. Что это очень важно. Он поймал Германа, заставил раскрыться и намеревался дойти как можно дальше. Карбид же, в свою очередь, понял, что, откажись он сейчас отвечать, откровенности от Ясения в обозримом будущем не будет.

– Не простила, – коротко ответил Герман.

– За то, что погиб?

– За все. Жизнь у нее после моей смерти крепко поломалась.

А вот на этот раз он выпил. Уверенно взялся за горлышко и сделал безнадежно длинный глоток, разгоняя горечью из бутылки горечь внутри.

– Ты поэтому в коменданты подался? Ждал ее, надеялся, а когда…

– Я сюда пришел по той же причине, по какой вся моя жизнь – это Измаил, Альпы да Бородино, – холодно ответил Герман. – По той же причине, по какой на ней не женился. И еще раньше семью не завел. – Помолчал. – Я в коменданты подался, потому что шел к этой должности с самого рождения. Потому что знал, здесь буду счастлив, и не ошибся.

– Прямо-таки прирожденный комендант? – неудачно пошутил Ясень.

Карбид с усмешкой посмотрел на напарника:

– А мы все прирожденные, с самого первого из нас. Иначе комендантом не стать.

– Что ты имеешь в виду?

Однако Герман уже отвернулся, а резкая, змеиная усмешка на его губах трансформировалась в легкую, безмятежную полуулыбку:

– Ты сам-то когда отлетел?

Откровенность за откровенность?

Карбид тоже читал досье напарника, но ведь одно дело – читать, и совсем другое – услышать личный рассказ.

Виктор потер подбородок:

– Про Инквизицию слышал?

– Угу.

– Я в ней работал.

– Сам помер или…

– Или, – не стал скрывать Ясень. – Родственники клиентов подсуетились. Выследили, заразы, когда я из монастыря в одиночку выехал, и на ножи. Я одному башку проломил – крепок был, но их пятеро. Порезали, да в канаве оставили подыхать. Я себе отходную читать начал да где-то на половине и преставился.

Рассказывал Виктор легко, будто анекдот, чувствовалось, что не считает эпизод сколько-нибудь значимым. Подобное отношение возникает у «искр» через двести-триста лет пребывания наверху, однако Карбид ощущал некоторую фальшь в повествовании. Чувствовалось, что Ясень недоговаривает что-то очень важное, очень глубокое и… личное.

– Потом встретил этих идиотов. Чего, спрашиваю, полегчало? Они мнутся. Там, говорят, да – полегчало. А сюда поднялись, дураками себя почувствовали. Такие вот дела. – Виктор поколебался, но все-таки сделал еще глоток водки. Вытер губы тыльной стороной ладони и усмехнулся: – Видели бы нас Бизон с Бандерой. – И тут же: – Ты чего сюда забился? Нравится сидеть на крыше?

– «Искры», – объяснил Герман.

– Что «искры»? – не понял Ясень.

– Включи главное зрение.

Свое подлинное восприятие, свое умение видеть сокрытое. Включи то, чего не требуется в повседневной жизни, в будничной работе главного патологоанатома резервного морга Михайловской больницы, включи способности полностью раскрывшейся души.

Распахивать глаза не требовалось. Наоборот, Виктор зажмурился, и перед его внутренним взором медленно, словно изображение на фотобумаге, появились видимые с крыши окрестности.

– Потренируешься, научишься делать, не захлопывая веки.

– Пошел ты!

Москва-река, перекрытая тяжелыми мостами. Поднимающийся вдали Сити. Белоснежный колосс храма Христа Спасителя и красные башни Кремля.

– Я ничего не вижу.

– Не торопись. «Искры» отлетают не каждую секунду.

– Куда смотреть?

– Вокруг.

И в этот миг где-то далеко, в районе Останкино, темное небо прочертила стартовавшая от земли молния.

А через минуту еще одна, кажется, из Солнцево. Потом еще.

Яркие, взлетающие вверх метеоры.

– Они действительно похожи на «искры», – прошептал Виктор, жадно глядываясь в поднимающиеся к небу звезды.

– За каждым полетом – страх, ужас и отчаяние, – проговорил Герман. – А ведь они обретают Силу и Вечность.

Обретают мечту. Колossalные возможности и вечное сейчас. А еще – одно из двух Царств. Навсегда.

Встают в строй, солдатами или военачальниками вливаясь в вечное, как сама Вселенная, противостояние.

– Почему Земля не стала полем боя? – неожиданно спросил Ясень. – Почему Царства не хотят окончательно решить вопрос? Ввести легионы, превратить планету в место сражения.

– Пробовали, – отозвался Карбид, который давно ожидал от напарника этого вопроса.

Инструкторы не рассказывали будущим комендантам позорную историю давнего вторжения. Ее узнавали здесь.

– Несколько тысяч лет назад Царства сорвались с цепи и захотели, как ты выразился, окончательно решить вопрос. На Землю высадились легионы, началась мясорубка. И Ручной Привод пришел в неистовство. – Герман глотнул водки. – Ручной Привод начал убивать все раскрывшиеся «искры». Сначала здесь, на Земле, затем волна пошла по Вселенной.

– Врешь, – недоверчиво произнес Виктор.

– Коменданты сумели заглушить Привод, но погибло около трети «искр», – закончил Карбид. – С тех пор Царства предпочитают не нарушать естественный ход событий.

И, словно иллюстрируя его слова, в небо стремительно стартовала еще одна звезда. Навстречу силе. Навстречу вечности. Навстречу своему Царству.

Глава 6

Телефонный номер Розгина Сергей набирал с определенными сомнениями. Веснин не боялся оказаться в ловушке – благодаря новым способностям он мог уйти от любой опасности, вырваться из любой засады. Сергей опасался разочароваться в человеке, которого считал другом.

После смерти многое может измениться, и клятвы, данные живому человеку, забываются, едва гроб прячется в могиле.

Однако получившийся разговор пищи для подозрений не дал. Едва поняв, кто звонит, Розгин немедленно предложил встретиться в безопасном месте. Причем место это Павел описал не напрямую: «Помнишь, где ты, я и твой отец пили кофе примерно месяц назад?» Веснину подобный подход понравился. Окончательно его сомнения не исчезли, но на душе потеплело.

«А может, ничего не изменилось?»

И он послушно отправился по указанному адресу.

Они встретились через час – именно столько времени понадобилось адвокату, чтобы добраться до места. Приехал Павел один, машину оставил на улице и вошел в переулок пешком – «точкой» была кафешка в районе Курского вокзала. Однако добраться до нее Сергей Розгину не позволил, появился сзади, из подъезда, и негромко бросил:

– Привет!

Адвокат медленно повернулся, прищурился, но иронизировать по поводу «шпионского» поведения не стал. Здороваться, впрочем, тоже. Вместо этого менторским тоном поинтересовался:

– Андрей, ты в курсе, что тебя разыскивает милиция?

– Э-э...

Несмотря на весь свой опыт, Веснин не ожидал подобного начала, а потому сбился.

«Он недоволен! Он беспокоится! – И снова теплота в душе: – Я в тебе не ошибся, Паша!»

– Что ты натворил? – продолжил адвокат. – Хотя подожди. Меня интересует, как ты это натворил? И что вообще происходит? Ты знаешь, какие у меня связи? Знаешь, конечно, отец тебе рассказывал. Так вот, Андрей, я не понимаю, почему, при всех моих связях, я не могу узнать, по какой причине тебя ищут?

– Понимаешь...

Но Розгин уже вытащил из кармана телефон и принял давить кнопки.

– Подожди, не мешай работать, потом расскажешь. Главное, что с тобой все в порядке. Ты – идиот малолетний! Я решил, что тебя уже грохнули. Короче, сейчас я поговорю с людьми и спрячу тебя, пока все не рассосется. Будешь сидеть в надежном месте, а я выясню, что за ерунда происходит, и разберусь с твоей матерью.

– С Марией?

– У тебя есть еще одна мать? Получше?

«Он ее подозревает?»

– Нет, – промямлил Сергей.

– Короче, Мария – моя забота. А твои разногласия с ментами уладят другие люди. Они... они мастера спорта по решению подобных проблем. Расскажешь, как тебя подставили, и они все утрясут. Но я думаю, что проблемы тебе организовала Мария, ты уж извини за прямоту. Я понимаю, ты ее сын и все такое прочее, но сейчас мы должны действовать, а не жевать сопли. Короче, разбор твоих проблем мы начнем с того, что построим Марию. Ты уж извини.

Розгин говорил быстро, а думал еще быстрее. Его время было крайне дорого, а потому он старался разрулить неприятности Андрея со всей возможной скоростью. Веснин поймал себя на мысли, что, окажись на его месте сын, он, непривычный к манере поведения адвоката, точно растерялся бы.

– Но Мария...

– Я с ней говорил вчера. Она – сука, извини за прямоту. Короче, не мешай, я звоню...

Адвокат поднес телефон к уху.

– Сильно мучился без шофера? – тоном старого друга осведомился Сергей.

– Что? – Розгин удивленно посмотрел на Веснина.

– Ты вроде последний раз за руль садился лет восемь назад? Или я ошибаюсь, Паша?

Розгин прищурился, пробормотал в трубку: «Извини, я перезвоню» и убрал телефон.

– При чем здесь мой шофер? Андрей, что происходит?

– Спасибо тебе, Пашка, – улыбнулся Веснин. – Спасибо, что ты так себя повел.

Почти полминуты мужчины, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу. Наконец Розгин неуверенно протянул:

– Серега?

Веснин молча кивнул.

– Врешь.

– Шесть лет назад мы с тобой встретились в Лионе, в кафе. Мы оба переживали непростые времена. Тебя здорово напрягал Казибеков, а у меня возникли разногласия с Иваном. И тогда ты предложил одну схему...

– О которой никто не должен был знать, – глухо произнес адвокат.

– В противном случае – мы оба покойники, – закончил Веснин.

Еще полминуты тишины.

– Сергей не стал бы рассказывать эту историю Андрею, – протянул Розгин. – Он слишком юн, может сболтнуть лишнее, а та схема способна убить. До сих пор способна.

– Та схема известна только нам с тобой. И если бы один проболтался, убили бы обоих.

– Да, – задумчиво подтвердил Павел. – Да.

– Я вернулся, – тихо сказал Веснин. – Ненадолго, но вернулся.

По переулку проехала «Газель», за ней зеленая «Тойота». По тротуару прошли две молодые девчонки, живо обсуждая достоинства очередного поп-идола. Не вокальные, разумеется, а прочие, куда более весомые: марку автомобиля и предполагаемые сексуальные подвиги. В ста метрах к северу шумело Садовое кольцо, а прямо перед адвокатом стоял сын его умершего друга и утверждал, что «он вернулся». То есть что он и есть друг.

Розгину захотелось осушить крошечную чашку обжигающе-горячего, сносящей голову крепости кофе, сигарету и подумать. Ему же предлагалось стоять в центре Москвы и принять решение в течение нескольких секунд.

– Есть еще одна тема, которую Веснин точно не стал бы обсуждать с сыном, – медленно проговорил Павел.

– Я слушаю.

– Однажды Веснин со своим другом без предупреждения приехал в загородный дом и застал там Марию в постели с...

– С вице-президентом «S.D.Y. Oil», – перебил адвоката Сергей.

Павел отвел взгляд, но твердо продолжил:

– Какое именно оскорблечение использовала тогда Мария? Я имею в виду главное оскорбление.

– Насколько я помню, она орала как резаная, – рассмеялся Веснин. – Ругательства шли потоком, и мне трудно понять, что именно тебе показалось наиболее обидным. Мария ска-

зала, что мой член в три раза меньше, чем у нефтяника, еще что мы с тобой педики, причем я – пассивный, еще...

– Достаточно.

Как поступит современный, прагматичный человек, узнав, что дух умершего друга вернулся на Землю? Поверит? Как бы не так! Современный прагматичный человек искренне верит, что сдохнет, оставив после себя лишь могильный холмик, и смеется над любыми другими версиями. Наверное, потому, что у современного и прагматичного есть компьютер и теория Дарвина. А если информация о возвращении духа подтверждена доказательствами? Поверит? А если, в конце концов, вернулся именно друг?! Настоящий. В этом случае, наверное, поверит.

Захочет поверить.

Розгин качнул головой:

– Как тебе удалось?

– Проверка закончена?

– Как тебе удалось, старый ублюдок?

– Есть способ, – рассмеялся Сергей, крепко стискивая руку Павла.

– Честный?

– Нет.

– Я так и думал.

– Я буду серьезно наказан.

– Но все равно вернулся?

– Да.

– Теперь я тебя окончательно узнал, старик. – Розгин вздохнул. – Решил исправить ошибки?

– Любой ценой.

– В твоем стиле. – Павел понял, что ни надежное место, ни мастера спорта по решению проблем не потребуются. – Насколько вернулся?

– Только чтобы разобраться.

– Мне, значит, не доверяешь?

– Я смогу больше.

– Уверен?

– Да. – Веснин помолчал. – К тому же ты пропустил удар: Андрея хотели похитить. К счастью, в его теле уже сидел я.

– Когда? – быстро спросил адвокат.

– Когда он выходил из твоего офиса.

– Значит, наш прошлый разговор...

– Нет, с тобой говорил Андрей. Я прыгнул чуть позже. А через минуту меня скрутили и запихнули в джип.

– Мария?

– Наняла Грыгадзе.

Розгин прищурился, припоминая, что он знает об этом уголовнике, после чего хмуро одобрил:

– Она купила лучшего.

– Да уж, обставила дело с размахом.

– Но ты уверен, что за похищением стоит именно Мария?

– Мне сказал Грыгадзе.

– А... – Павел внимательно посмотрел на друга: – Что с ним?

– Его больше нет.

В ответе адвокат не сомневался. Но волновало его другое:

– Поэтому Андрея ищет милиция?

– Нет, я был осторожен, никаких следов, – покачал головой Сергей. – Через милицию меня пытаются достать другие люди. Меня, не Андрея.

– Оттуда? – Розгин поднял брови вверх.

– Ага.

– С ними ты тоже справишься один?

– Хочешь поучаствовать?

– Почему бы не завести полезные знакомства на будущее?

– Ты в своем репертуаре.

Мужчины помолчали.

– Мне тебя не хватает, – негромко признался Павел. – Хороших мало. Таких, с кем не нужна маска. А хороших друзей и того меньше. Таких, рядом с которыми душа спокойна.

– Извини, что поторопился.

Розгин улыбнулся:

– Я не претензии выдлагаю, а в жилетку плачусь. – Вновь пауза. – Кто тебя убил, Сергей?

Быть сентиментальным слишком долго адвокат не умел.

– Теперь это не важно.

– Мария?

– Паша, не важно, – весомо повторил Веснин. – С Марией я разберусь, а ты прикрой, пожалуйста, Андрея.

– Не люблю, когда меня дважды просят об одном и том же.

– Извини.

– Да пошел ты. – Розгин вздохнул, а потом неожиданно предложил: – Давай, старик, хлопнем по рюмашке. В последний-то раз?

– С удовольствием.

И друзья вошли в кафешку, в которой встречались когда-то, будучи совсем-совсем друзьями.

* * *

– Как видите, господин старший помощник, Ручной Привод пребывает в полном порядке, – с гордостью произнес механик, вытирая руки тряпкой. – Устройство функционирует в штатном режиме. Все запасные части присутствуют согласно описи.

– Зачем так официально, Черепаныч?

– Мне казалось, вам нравится субординация, господин старший помощник.

– Оставим ее для официальных моментов.

Механик мастерски сыграл изумление. Ясень мастерски сделал вид, что верит удивлению собеседника.

– Как же мне вас называть? – уточнил Черепаныч. – Виктором?

Тон не оставлял сомнений в том, что между «Виктором» и «господином старшим помощником» механик выберет последнее. Ясень вздохнул, но сопротивляться не стал – ему нужно было сломить недоверие Черепаныча.

– Вы не хотите звать меня по имени.

– Ясенем было бы удобнее, – признался механик. – Но вам не нравится.

«Чертов Карбид!»

– Поэтому...

– Называйте Ясенем, – перебил механика Виктор. – Все в порядке.

— Очень достойный выход из положения, — одобрил Черепаныч. — Помню, во время странствий, я тогда служил по несущей части на тяжелом палубном вертолете «Сшибающий» имени товарища Камова, завелся у нас в хвосте опоссум. Нормальный такой зверек, выставочный, между прочим, с хорошей родословной... но никак не хотел отзываться на кличку, что ему наш наводчик дал. Не хотел, понимаешь, быть Сиракузом. А наводчик наш, Аким Онуфриевич Гранже, человек был твердый — куда там Карбиду! — раз сказал — Сиракуз, значит, так и будет. Опоссум, помню, переживал сильно.

Черепаныч замолчал, разливая по кружкам кипяток.

— Вам с сахаром?

— Да, — кивнул Виктор. И неожиданно для себя спросил: — А чем все кончилось?

Неожиданно, потому что его слегка покоробило сравнение с опоссумом. Пусть даже и выставочным.

— Утонул Сиракуз, — печально ответил механик. — Прыгнул во время планового десантирования, да не рассчитал силы. С течением не справился и сгинул в посейдоновом царстве. Аким Онуфриевич, помню, убивался сильно.

— Гм...

Как еще реагировать на трагическую историю, Ясень не знал.

Он хлебнул нестерпимо-горячего чаю, поморщился, поставил кружку на стол и, поймав на себе хитрый взгляд Черепаныча, слегка смущился.

«Они все видят меня насквозь. А я их?»

Механик сделал большой глоток, пробормотал: «Хорошо!», следующим допил чай и налил добавки.

«Слишком мало времени, — утешил себя Виктор. — Они сложны, разобраться с наскока не получится... Но я сумею!»

— О чем вы хотели поговорить, Ясень? — осведомился Черепаныч.

— То есть вы не верите, что я пришел только для ознакомления с Ручным Приводом?

— Верю, конечно, — улыбнулся механик. — Но у вас наверняка есть вопросы.

— Есть, — быстренько сдался Виктор.

Да и какой смысл отнекиваться?

— Я слушаю.

— Почему Подстанцию поставили именно здесь?

— В Москве?

— Да.

— Не нравится город?

Учитывая обстоятельства, Ясень не видел большой разницы между Москвой, Берлином или Мадридом. Ему было все равно, где жить. Интерес вызывала точка, а не ее название.

— Хотелось бы узнать резоны.

— Подстанцию поставили там, где Ручной Привод, — выдал Черепаныч официальную версию. — А Ручной Привод работает здесь с незапамятных времен, когда Земля еще была плоской, но уже вращалась.

Это был не тот ответ, который хотел услышать Виктор.

— Мне говорили, здесь особое место.

— Совершенно верно.

— Но не единственное.

— Остальные точки неудобны, — пожал плечами механик. — Горы, непроходимые джунгли, океанское дно... Тот, кто ставил Ручной Привод, позаботился о нашем комфорте, и я лично ему за это благодарен.

И вновь глотнул обжигающе-горячего чаю, демонстрируя «господину старшему помощнику» совершенно невообразимую крепость глотки.

– Признаться, я так и не понял, что это значит – особое место.

– Не берите в голову, Ясень, – махнул рукой Черепаныч. – Никто не понимает.

– Именно поэтому я и хотел с вами поговорить. Вы ведь здесь давно, наверняка есть версия.

– Не без этого.

– И?

– Свою придумать не хотите?

– Не люблю изобретать велосипед, – твердо произнес Виктор. – Хочу выслушать все версии, а потом решить, какая из них подходит. Или же, следуя вашему совету, придумать нечто свое.

– Понятно, – кивнул Черепаныч и просто ответил: – Здесь телефонная будка.

– Что? – не понял Ясень.

– Телефонная будка для связи «искры» с тем, кто порождает «искры», – объяснил механик. – Отсюда можно выйти на прямую связь. Пожаловаться. Поплакать. Получить прощение или наоборот: наказание.

– Кому пожаловаться?

Черепаныч пожал плечами.

– Земле. Колыбели. Богу. Я ведь сказал: тому, кто создает «искры».

– Разве их создают?

– В одна тысяча семьсот восемьдесят третьем году я служил поддувщиком горячего воздуха у братьев Монгольфье и с тех пор знаю, что само собой ничего не происходит. «Что-то» не возникает из «ничего».

– То есть вы верите в бога?

– А вы?

– После того, что я пережил, мне трудно сохранить веру.

Черепаныч понял ответ Виктора по-своему.

– Да, оказавшись наверху, бывает, меняешь взгляды. Сила и Вечность делают нас гордыми.

– Поэтому вы здесь? Ищите бога?

Ясень забыл о том, с чего начал разговор, забыл об «особом» месте. Теперь его интересовал потерявший осторожность механик.

– Почему ищу? – медленно ответил тот. – Может, уже нашел?

– Здесь?

– А где еще? – Черепаныч отвел взгляд. – Отлетевшая «искра» становится слишком самоуверенной. Она не нуждается в боге. Во всяком случае, так ей кажется. Здесь же все иначе. Искать утешения на Земле не кажется признаком слабости.

– Вы действительно нашли бога?

Механик допил чай и, все еще не глядя на Виктора, предложил:

– На Отстойник взглянуть не хотите?

– Давайте посмотрим, – кивнул Ясень, поднимаясь на ноги.

Виктор понял, что прямого продолжения у разговора не будет, и подошел к иллюминатору, за толстым стеклом которого в безмолвном ужасе плавали «искры» самоубийц.

– Три дня проводят они в обществе себе подобных, – тихо пояснил Черепаныч. – Три дня осознания. Три дня для понимания того, от чего отказались.

На Земле «искры» бессмертны. Однако были исключения, объяснить которые не могли лучшие умы Вселенной. Некто признавал «искры» самоубийц «бракованными» и распылял их через три наполненных отчаянием дня. В этом была холодная логика: зачем Вечность тем, кто не справился с небольшой ее частью? В этом не было никакой логики: на Земле бессмертие «искры» являлось фундаментальным законом.

– Почему их не уничтожают сразу? Зачем три дня мучений? Ведь, отлетая, «искра» осознает силу, видит звезды, но уже через несколько секунд проваливается в безнадежность Отстойника. Что они чувствуют? О чём думают?

– Можно настроиться и поговорить, – брякнул Ясень, покосившись на шлем.

– Вы хотите? – удивился Черепаныч.

– Нет, – после паузы кашнул головой Виктор.

– Я тоже. Ни разу не решился за все те годы, что работаю здесь. Я не представляю, что они мне скажут. И не хочу представлять.

В иллюминаторе плавали звезды, которые никогда не зажгутся.

– Отстойник служит для вас доказательством существования бога?

– Он служит доказательством наказания. Продуманного и очень жестокого наказания.

А раз так, можно сделать вывод, что «искры» появляются не сами по себе. Есть Промысел.

Если есть Промысел, значит, есть Бог, над существованием которого в Царствах исподтишка посмеивались. Кто может стать богом для раскрывшейся «искры»? Для того, кто обрел Силу и Вечность? Где он, этот самый бог?

Ответ дан: там, где все начинается.

Но ведь это глупо! Если Сила и Вечность даруются наверху, то что делать богу на Земле? Нелепо. Бессмысленно.

«Они все спятили! Все. И меня, похоже, ждет та же участь».

Черепаныч не закончил тему, он развил ее другим способом, ответил на вопрос Виктора, однако Ясения это не обрадовало. Скорее – наоборот.

«Нужно поговорить о чем-нибудь другом!»

Виктор отвернулся от иллюминатора и спросил:

– Кстати, а почему на Подстанции все такое архаичное?

– Это еще что! – мгновенно сменил тон механик. – Две тысячи лет назад здесь стояли громадные камни... Видели, наверное. Мы их утилизировать поленились и переставили на какой-то остров, заменив на механические приспособления. Теперь добрались до парового двигателя. Последняя модернизация прошла в девятнадцатом веке. Все остальное дорабатывали по мелочи.

– И с тех пор никаких изменений?

– Так ведь работает.

– Камни тоже работали.

– Камни были бы неуместны в подвале современной больницы. Да и работать с ними было неудобно.

– Нынешняя конструкция тоже вызовет вопросы, – заметил Виктор. – Черепаныч, вы ведь не хуже меня знаете, что посторонние сюда не допускаются. Почему не было модернизации?

– Вам будет трудно поверить, Ясень.

– Я постараюсь.

– Ну, раз так... – Механик с сомнением посмотрел на Виктора, но все-таки ответил: – Модернизаций не было по той причине, что система не просто работает – она пребывает в идеальном состоянии. В настоящий момент изменений не требуется. Да они и невозможны.

– Почему невозможны?

– Не позволят.

– Кто?

– Ручной Привод. Бог. Это место. Выбирайте сами, Ясень. Лет сорок назад я пытался улучшить механизмы, но у меня не получилось. Система отказывалась работать, несмотря на то что новые узлы, судя по расчетам, должны были ее улучшить.

– Ваши попытки были задокументированы?

– Зачем?

– То есть – нет?

– То есть вы мне не верите?

– Сказать можно все, что угодно.

Черепаныч улыбнулся:

– Я предупреждал, что вы не поверите.

– Если бы...

– Позвольте мне закончить.

Виктор сдержал готовящиеся вырваться слова:

– Пожалуйста.

В конце концов, он сам завел разговор.

– Когда я сказал, что система достигла идеала, я имел в виду не только механизм Ручного Привода, но всю Подстанцию, – объяснил Черепаныч, пристально глядя Виктору в глаза. – Несколько десятилетий Подстанция представляла собой идеальную машину, каждая часть которой находилась на своем месте.

Более чем прозрачный намек.

– А теперь одна часть выпала, – тихо сказал Ясень.

– И вы призваны ее заменить.

«Спокойнее, Виктор, спокойнее! Вполне возможно, это очередная проверка».

– Обычное дело, – ровно произнес Ясень.

– Только не для вас.

– Почему?

– Потому что новая деталь должна притереться.

Виктор почувствовал нарастающее раздражение.

– Вас Карбид попросил поговорить на эту тему?

– Вы сами начали разговор, так что слушайте, нравится это вам или нет, – усмехнулся механик. – Последнее: ни от меня, ни от Арчибалльда, ни от Карбида ничего не зависит, входить в Ручной Привод вы будете сами. Или отыщете место, или система вас отвергнет.

– Система – это вы? Сотрудники?

– От нас ничего не зависит, – повторил Черепаныч. – Мы – люди подневольные, кого пришлют, с тем и будем работать. Вас выкинет Ручной Привод.

– Бывали случаи?

– Странно, что вам об этом не сказали.

В голосе механика не таялась угроза, он спокойно и бесстрастно описывал коменданту его возможное будущее.

– Ручной Привод – это механизм, который мы контролируем, – негромко произнес Виктор.

– Я знаю это лучше всех.

«Они все рехнулись!»

Нужно было срочно прекратить разговор. Ясень чувствовал: еще чуть-чуть, и сорвется. Наорет на Черепаныча, с корнем вырвав наметившиеся ростки доверия. А лучший способ сменить тему – заняться делом, ради которого он и заявился в подвал.

– Дайте журнал.

– Пожалуйста.

Ясень небрежно пролистал замасленные листы, в двух местах прищурился, с трудом разбирая почерк механика, а увидев последнюю заполненную страницу – нахмурился.

– Вы запускали Ручной Привод?

– Обычное холостое включение согласно плану профилактических мероприятий с целью проверки работоспособности.

Черепаныч ответил бойко и заученно. И в глаза Ясеню он смотрел слишком искренне.

– Согласно плану?

– Так точно.

– Обычная вещь?

– Самая заурядная. Вот, помню, на галерах нас учили правильно сушить весла...

– Кто дал приказ на включение? – перебил механика Виктор.

– Комендант, разумеется.

– Карбид?

– А кто же еще?

– Та-ак, аккуратненько проводим здесь...

Главный холл «Малой Земли» был в очередной раз превращен в мастерскую художника-плакатиста. На нескольких стульях лежала доска с пришпиленной красной тканью, а около нее, на полу, – открытая банка с белой краской. Герман аккуратно дописал последнее слово, со вздохом разогнулся, отошел на пару шагов назад и с удовольствием прочел:

– «Медицинский работник! Твердо стой на страже здоровья нации!» По-моему, хорошо получилось.

И насторожился, уловив позади шорох шагов.

– Кто?

– Карбид, к тебе можно? – неуверенно поинтересовался стоящий на лестничной клетке Бизон. За ним переминался с ноги на ногу расстроенный Бандера.

Судя по тому, что бедовые кочегары не рисковали входить в холл, они принесли дурные новости.

– Натворили чего?

– Доложить хотим, – убитым голосом ответил Бизон, спрятавший наглые глаза за солнцезащитными очками.

Однако даже очень темные стекла не способны скрыть запах перегара.

– Донести, – уточнил Бандера. – Молчать не можем за такой бардак.

Белобрысый здоровяк искренне верил, что доносчику полагается снисхождение.

– Что случилось?

– Короче, вечером вчера... – начал Бизон.

– Ночью!

– Началось-то все вечером!

– А главное ночью случилось, – не унимался Бандера.

– Да погоди ты с ночью!

– Сам тогда рассказывай!

– Я и рассказываю!

– А я придумал все доложить...

Спор грозил затянуться.

– Бизон! – оборвал санитаров Карбид. – Говори ты.

– Слушаюсь! – Невысокий продемонстрировал напарнику средний палец и начал: – Короче, вечером вчера мы выпили.

– Да уж, такое не часто случается, –sarкастически заметил Герман.

Бизон не обиделся.

– Пили мы вчетвером. Я, дурень этот, Бандера, Федя, это водила местный, со «Скорой помощи», и Черепаныч. Отмечали переезд комплекта «Откровение 2.0» на новый склад.

– Ох, и намучились.

– Это к делу не относится! – строго отрезал Бизон, но, глядя на коменданта, не удержался: – Работа, конечно, та еще. Тяжело пришлось...

– И Черепаныч, – повторил Герман, вытирая тряпкой пальцы. – Дальше.

– Я сразу сказал, что не надо его брать, – вызывающе произнес Бандера. – А Бизон сказал, что от Черепаныча вреда не будет.

– Что случилось?

– Самый настоящий вред!

Карбид положил тряпочку рядом с краской, повернулся к кочегарам и выразительно посмотрел на Бандеру:

– Я велел рассказывать Бизону.

– Понял, – стушевался здоровяк. – Больше не повторится.

– Так что случилось? – Теперь Герман смотрел на второго кочегара.

– Нам не хватило.

– Это понятно.

– Я говорю: мол, сбегаю.

– Это я сказал.

– А Федька говорит, чего бежать, если можно ехать?

– Логично, – кивнул Карбид. – Что еще делать по пьяной лавочке? Только на «Скорой помощи» кататься. Они что, в кутузке?

– Кто? – не понял Бизон.

– Водила с Черепанычем.

– Они еще хуже, – вздохнул Бандера.

– Мы, короче, выпили еще, ну, то, что было, – поведал Бизон. – А потом Федька говорит: блин, у меня ведь тачка грохнулась. Я спрашиваю: что значит грохнулась? Федька отвечает: поломалось в ней что-то. А Черепаныч… он бухой был, как берег Франца-Иосифа, берет, короче, свой ящик и уходит.

– А вы?

– Ну, мы эта… не сразу поняли, что к чему.

– Выпимши были, – пояснил Бандера.

– Я думал, он посс… в смысле, в туалет подался. Короче, мы уже вообще все допили и только собрались бежать, как Черепаныч возвращается и говорит, что все в порядке, можно ехать.

– Та-ак… – Карбид прищурился. – На сломанной тачке?

– Ага, – подтвердил Бизон. – Только мы тогда уже забыли, что она поломалась.

– Не подумали, – проскулил Бандера.

– Завелась, и ладно.

Герман представил, что творили наочных московских улицах пьяные кочегары, и кисло поморщился:

– С милицией не встретились?

– Не, нормально покатались, – осклабился Бизон. Но тут же поправился: – В смысле до магазина и обратно.

– А Черепаныч вообще на носилках уснул, – доложил Бандера.

– Долго катались?

– Чуть-чуть, – вздохнул Бизон.

– А еще мы «люстру» врубили, так что менты мимо, – жизнерадостно добавил Бандера, пытаясь выставить себя и приятеля в хорошем свете. Мол, за конспирацию знаем, все блюдем, как полагается.

– Тогда чего притащились?

Кочегары переглянулись. По всей видимости, они ожидали, что Карбид поймет ситуацию без лишних пояснений.

– Мы сегодня проснулись…

– То есть проспались.
– И думаем...
– Я первый подумал!
– Я просто занят был.
– А я подумал: как это нам на сломанной тачке покататься удалось? Что с ней Черепаныч сделал?
– Он ведь много чего умеет.

Наконец-то сообразив, что имеют в виду кочегары, Герман негромко выругался:

– Где тачка?
– По вызовам поехала.
– Мы Федьке пока не звонили. Мало ли что?
– А где Ясень?
– Мы не знаем.

Карбид пробурчал себе под нос еще немного не совсем приличного и повернулся к плакату, всем своим видом показывая, что смотреть на проштрафившихся оболтусов ему противно.

– Доложите обстоятельства Ясеню, потом берите Черепаныча – и вперед! Ищите тачку и выкручивайтесь. Ясень – главный.

– Понятно. – Кочегары дружно развернулись, однако тут же крутанулись обратно, услышав еще один приказ:

– А когда закончите, притащите из главного морга пару свежих трупов.
– Проверка, что ли, назревает? – осмелился осведомиться Бизон.
– Да, – подтвердил Герман. – Проверка.

* * *

И на этот раз милиционеров было двое: лейтенант Кузьмин и старший лейтенант Стоценко. Примерно те же позы, примерно те же выражения на лицах, но именно, что примерно – встретили Олега несколько серьезнее, чем в предыдущий раз. Нет, пожалуй, не так. В предыдущий визит милиционеры тоже были серьезны и внимательны, но поскольку дела как такового еще не было, они просто приняли слова молодого человека «к сведению». Судя по всему, с тех пор они успели поработать.

– Не появилась? – поинтересовался Кузьмин.
– Нет, – вздохнул Олег, присаживаясь на стул. – Никаких следов.
– Мы начали поиск, – негромко произнес Стоценко.
– Вы же говорили, что есть правила... – начал было Олег и умолк, повинувшись короткому жесту милиционера.
– Мы должны были проверить кое-что, – пояснил старший лейтенант.
Молодой человек прищурился – дошло.
– Мои слова?
– Совершенно верно.

Что ж, в этом есть смысл. Неприятно, конечно, узнавать, что твоих соседей расспрашивал неприметный человек в штатском, но что делать? Такова жизнь.

– И что узнали?

– В целом вы достаточно точно описали характер ваших взаимоотношений с Юлией Соболевой.

– Это интересовало вас в первую очередь?

– Мы должны были исключить вас из списка подозреваемых.

– Исключили?

Отвечать на этот вопрос Стоценко не стал. Улыбнулся и продолжил:

– Теперь мы можем говорить несколько иначе.

– Вы приступаете к поискам?

– Можно сказать и так.

– Я тоже кое-чего узнал, – брякнул Олег. – И мысли появились.

– Мы слушаем.

Стоценко отложил авторучку и подпер кулаками голову. Кузьмин пересел чуть ближе, теперь он смотрел на Олега сбоку, но молодого человека это не смущало.

– Помните, я вам рассказывал, что Юля пропала после поездки в Михайловскую больницу?

– Разумеется.

– Так вот, я туда поехал...

– Напрасно, – буркнул Кузьмин.

– Все в порядке, – быстро ответил Стоценко. – Это естественный шаг.

– А если он все изгадил?

Кузьмин говорил грубо, как будто Олега не было в комнате, но молодой человек подавил обиду. В конце концов, професионал имеет право высказывать свою точку зрения. И даже таким неприятным образом.

– Это был естественный шаг, – повторил старший лейтенант. – Продолжайте, Олег. С кем вы говорили?

– Сначала с Ольгой, именно она подвигла Юльку заняться больницей.

– Вы говорили о визите к нам?

– Конечно.

– Как отреагировала Ольга?

– Обругала вас, – мстительно ответил Олег: не мог же он солгать представителям власти.

– Принимается, – усмехнулся Стоценко. – Дальше, пожалуйста.

– А дальше я узнал, с кем Юлька встречалась в больнице. Но самое главное, что она заинтересовалась одним из корпусов – «Малой Землей».

Скрыть свои чувства Олегу не удалось. Стоценко увидел: молодой человек считает, что набрел на след, и тут же поинтересовался:

– Почему «самое главное»?

– Вызывает серьезные подозрения.

– Это я уже понял, – старший лейтенант не сдержал улыбку: – Почему?

– «Малая Земля» – самый старый корпус Михайловской, – ответил Олег. – Одна из первых построек. Находится на отшибе, в глубине парка, туда мало кто ходит.

Кузьмин открыл рот, желая, по всей видимости, высказать свое мнение насчет подозрений молодого человека, однако Олег не позволил себя перебить.

– Самое интересное заключается в том, что «Малая Земля» Михайловской больнице не нужна. Официально в корпусе находится склад, бойлерная, морг и анатомический театр. И крематорий. И еще генератор. Потом все это разместили в новых корпусах, а старый до сих пор не снесли.

– Ну и что? – грубо поинтересовался Кузьмин.

– Подожди, – осадил напарника Стоценко. Но придумывать новый вопрос не стал: – Ну и что?

Тем не менее тон старшего лейтенанта был более благожелательным.

– В последний раз Юльку видели именно в этом корпусе!

– Ну и что?

– Никто не видел, как Юлька выходила! – торжествующе закончил Олег. – О том, что она покинула Михайловскую, мы знаем только со слов Германа, администратора «Малой Земли».

Милиционеры переглянулись. В глазах Стоценко читался легкий интерес, кислая физиономия Кузьмина в полной мере отражала его сомнения.

– Вы разговаривали с Германом?

– Да.

– И как он вам?

– Он производит странное впечатление, – медленно проговорил Олег. – Ответил на все мои вопросы, но вел себя не совсем нормально. То ли дурака валял, то ли он на самом деле слегка двинутый.

– То ли не принял вас всерьез, – хмыкнул Кузьмин.

– Герман не мог не ответить на вопросы, – задумчиво пробормотал Стоценко. – Могли оказаться свидетели того, что Юлия входила в здание.

– Вы тоже считаете, что он причастен? – обрадовался Олег.

– Нет, – покачал головой старший лейтенант. – Я понимаю ваши чувства, но не рекомендую выдавать желаемое за действительное. Я размышляю.

– А я не верю, что в центре города окопался маньяк, – заметил Кузьмин. – Если мое мнение кому-нибудь интересно.

– У него под рукой крематорий, – напомнил молодой человек.

Лейтенант фыркнул.

– Знаете, Олег, – после паузы произнес Стоценко. – Маньяки редко гадят там, где живут или работают. Инстинкт самосохранения у них развит замечательно. Эти люди одержимы жаждой убийства, они наслаждаются своей тайной властью над жертвами. Тайной, понимаете? В обычной жизни они, как правило, держат себя в руках. К тому же, если бы в Михайловской больнице начали пропадать люди, об этом давно стало бы известно.

– Я и не думал, что Герман маньяк. Он мог напасть на Юльку по другим причинам.

– Например?

– Она журналистка, вдруг раскопала что-нибудь?

– Например?

Классический способ поставить фантазера на место: добивайтесь конкретики. Покажите, что все эти «что-нибудь» да «может быть» вам неинтересны. Пусть будет произнесено главное. Ведь людям свойственно думать перед тем, как бросать обвинения.

– Даже официально на «Малой Земле» достаточно оборудования для извлечения органов, – твердо произнес Олег.

И тут же подумал, что его фразе самое место в...

– Телесериал, – заключил Кузьмин.

– Ольга сказала, что Герман – бывший хирург. Несколько лет назад он попался на наркотиках и у него отобрали лицензию. Казалось бы – начинай сначала, найди себя на другом поприще, но он, молодой и сильный мужик, остается в Михайловской на грошовой должности.

– Ломаются любые мужики, и молодые, и старые, – заметил Стоценко.

– И примерно в то же время главврач собирался сносить «Малую Землю», чтобы построить на ее месте новый корпус, да передумал, – продолжил Олег. – Улавливаете связь? Германа выгоняют, но он не уходит, остается в больнице и получает в свое распоряжение «Малую Землю», приказ о сносе которой отменяют. Совпадение?

Милиционеры вновь переглянулись. Было видно, что эти размышления подействовали на них сильнее, нежели версия с прижившимся в Михайловской маньяком. Глаза у Стоценко горели. Кузьмин же привычно сомневался:

— Трудно поверить, что сопливая девчонка заявила в логово преступников и с ходу обнаружила настолько страшные улики, что ее убили. Больничный корпус на виду, в любой момент в нем может оказаться совершенно посторонний человек, а значит, даже если версия с врачами-злодеями верна, они предпринимают максимальные меры предосторожности.

— Проколы бывают у всех, — заметил Стоценко.

Кузьмин вздохнул, но спорить не стал. Пробормотал хмуро:

— Согласен. — И отвернулся.

— Пожалуй, я съезжу в Михайловскую, — медленно произнес старший лейтенант, глядя Олегу в глаза. — Вы меня не убедили, но задуматься заставили.

* * *

— Уважаемые пассажиры! Прослушайте, пожалуйста, правила посадки в наши новые, комфортабельные вагоны, оборудованные системой экстренного перехода с запада на восток...

Репродуктор закашлял, и женский голос, внезапно заполнивший «Передаточную», также неожиданно оборвался. И лишь откуда-то издалека, то ли сверху, с поверхности, то ли из тоннелей, доносился шум двигателей и редкие звуки автомобильных клаксонов. Голос настоящей жизни стал нереальным фоном, галлюцинацией.

Юля поднялась на ноги и протянула вперед руку, намереваясь ощупать остановившую ее преграду, однако ничего не обнаружила. Воздух оказался прозрачен и проницаем, преграда исчезла, и ничто не препятствовало девушке спрыгнуть с платформы на пути.

— Все правильно, — усмехнулась Юля. — Так и должно быть.

Никакого желания исследовать темные тоннели у девушки не было. Убедившись, что она может пройти, Юля развернулась и подошла к кассе, окошко которой, как выяснилось, закрывала картонка со сделанной от руки надписью: «Кончились!»

— А куда они были?

Девушка перевела взгляд на расписание.

«Москва—Париж. Ежедн. Отлж».

«Пекин—Марракеш. Вых. Отлж».

«Бомбей—Антанарапу. Москва (транзит). Отменен».

Рядом прилепилась бумажка с пояснением: «Паром заглох».

Где именно случилась неприятность — не уточнялось.

— Наверное, у Шпицбергена, — предположила Юля.

Странно, но, несмотря на исчезновение людей, ее настроение улучшилось. Девушка не понимала — почему, однако отметила, что непонимание происходящего больше не повергает ее в ужас. Страх ушел тем же путем, что и боль из разбитого локтя — растворился без следа. Освободил от себя ее восприятие.

— Я стала другой?

Или осталась прежней. Просто поняла, что нельзя бояться бесконечно.

— Уважаемые пассажиры! Приготовьтесь к проходу транзитного состава, — сообщил прокашлявшийся репродуктор. — Пожалуйста, отойдите от края платформы и не старайтесь запрыгнуть в вагоны: специальным президентским указом машинисту экспресса запрещено останавливаться на «Передаточной», даже в случае крайней нужды.

Вид вылетевшей из тоннеля электрички также не расстроил девушку. Юля законопослушно стояла в трех шагах от края платформы и абсолютно спокойно, без эмоций, смотрела на проходящий поезд, машинально отмечая выхваченные из калейдоскопа освещенных окон образы. Молодой парень в джинсовой куртке читает книгу, упираясь плечом в закрытые двери. Женщина с тяжелой сумкой, а на диванчике перед ней — три весело щебечущие

подружки. Солдатик в камуфляже... Юноша целует черноволосую девчонку... Сосредоточенный карапуз чертит на стекле таинственные знаки, словно срисовывая ветвистые символы с разноцветной схемы метро...

Мимо «Передаточной» проезжала реальность, ее реальность. Втягивалась в противоположный тоннель, исчезая... навсегда?

Или нет?

Где-то в глубине души уже сформировалась уверенность, что убегающий во тьму поезд – отнюдь не последний шанс. Что ничего не потеряно. Время блужданий закончилось, лабиринт «Малой Земли» почти пройден, и в любой момент девушка может выйти на свободу.

– Скоро, – прошептала девушка. – Очень скоро.

Проводив взглядом последний вагон, Юля развернулась, перепрыгнула через турникет и пошла по коридору обратно.

Или вперед?

Да какая разница!

Юля шла. Впервые шла по коридору загадочного здания, не испытывая никакого страха. Как по самому обычному подвалу.

– Я выйду отсюда, когда захочу!

Десять шагов... тридцать... пятьдесят... Лестницы наверх все не было, однако спокойствие не покидало девушку.

– Значит, я пока не хочу уходить. – Дорогу преградила дверь. – Все в порядке. Все под контролем.

Девушка уверенно надавила на ручку, нашупала на стене выключатель и, когда помещение осветилось, не удержалась от возгласа:

– Какой бардак!

Стены, выложенные когда-то белой плиткой, покрывали жирная сажа, подозрительные потеки бурого цвета и плакат: «Отстоим Севастополь!», изображающий солдата с пистолетом-пулеметом Шпагина в руках. Рядом негромко шипел черный репродуктор. Из прикрепленного к ржавой трубе крана тонкой струйкой стекала в желтую от грязи мойку воды. Левее чихал допотопный холодильник, еще дальше скучала газовая плита с открытой дверцей духовки, из темноты которой на девушку без восторга взирали две пары глаз.

– Ой!

Это была реакция на крысу, которая шмыгнула в угол. В духовке, судя по всему, находилось гнездо.

– Кошмар!

Юля хотела уйти, однако при виде холодильника в животе предательски заурчало.

«Там может быть еда!»

– Сколько же я не ела, что готова искать пищу в этой помойке?!

Пара мгновений нерешительности – и вот девушка, пересилив брезгливость, открыла холодильник.

Четверть батона, засохшего и замерзшего. Кусочек сливочного масла в полиэтиленовом пакете. Развернув его, Юля скривилась – масло давным-давно протухло. Стеклянная банка с джемом, под крышкой – густой слой плесени. Пакетик чая, два кусочка сахара, кружка и нож.

– Занятный набор.

Репродуктор откашлялся, заставив девушку подпрыгнуть, и взъерошенный мужской голос предложил:

– Прослушайте сводку Совинформбюро от девятого сентября одна тысяча девятьсот сорок...

– Заткнись!

Передача оборвалась, но ненадолго.

Юля успела наполнить кружку ржавой водой из-под крана, когда со стены продолжилось:

— …перешли в наступление и освободили населенные пункты…

— Я же велела заткнуться!

На этот раз получилось: репродуктор обиженно квакнул и затих.

— Та-ак… если я проголодалась, получается, что времени прошло много. Неужели вся ночь? — Юля вздохнула: — Олег с ума сойдет.

Однако мысли о друге не отвлекли девушку от насущных проблем. Сейчас ее больше всего интересовало, как вскипятить воду. Спички отсутствовали. Но даже если бы они были, а плита оказалась бы подключенной к газопроводу, разжигать огонь не хотелось — из духовки без перерыва доносилось подозрительное шуршание, а учитывая агрессивность обитателей Куриного Бункера, связываться еще и с местными крысами Юле не хотелось.

Да и что ей чай? Вот бы поесть…

Девушка поставила кружку на полку раскрытоого холодильника и взяла хлеб. Сухари, конечно, полезны, но если бы кусок батона оказался свежим…

В подушечках пальцев запульсировала колющая боль.

— Что происходит?

В следующий момент девушке показалось, что хлеб стал… Мягче? Да, стал. Только что кусок батона представлял собой холодный камень, а теперь его можно было слегка сдавить. Слегка.

— Оттаял?

Нет, не ври себе. Не оттаял. Все дело в тебе!

Юля сосредоточилась, закрыла глаза — почему-то ей показалось, что, если она будет смотреть на происходящее, чуда не получится, — и захотела свежего хлеба. Как в Курином Бункере ей захотелось избавиться от агрессивных птиц.

— Свежий хлеб.

Вновь появилось покалывание.

«Свежий хлеб!»

Мысль медленно формировалась, словно вытекая из ноющих подушечек. Хлеб стал мягким и теплым. Девушка понюхала его и счастливо улыбнулась.

«А с маслом получится? От бутерброда я бы не отказалась!»

Юля положила хлеб на полку, взяла в руку пакетик с прогорклым маслом и вновь закрыла глаза.

«Пусть оно окажется свежим, только что сделанным!»

Холодным, но не ледяным, чтобы можно было без хлопот намазать его на хлеб. А сверху добавить джем…»

Девушка не сомневалась в успехе, и он пришел. Продукты стали такими, как ей хотелось. Запах свежего хлеба и аромат апельсинового джема щекотали ноздри.

«Интересно, это происходит на самом деле или у меня приступ самовнушения?»

— И что делать с водой? — Юля опустила в кружку палец. — Сначала избавим тебя от грязи. А потом…

Получилось! Да так быстро получилось, что уже через мгновение девушке пришлось отдернуть руку от наполненной кипятком кружки.

Завтрак (обед? ужин?) готов.

— Даже если я сплю, — сообщила себе Юля, откусывая бутерброд, — то теперь я знаю, как сделать этот сон комфортным!

* * *

Женская кожаная куртка, мужская кожаная куртка – осенняя одежда ждала сезона в шкафу прихожей. Внизу обувь: стоптанные женские туфли, пара женских кроссовок, блестящие черные «лодочки», по всей видимости – «выходные», и мужские туфли. Яркий зонтик-трость, то ли рекламное барахло, то ли куплен на каком-то празднике.

– Зачем ты роешься в шкафу? – хмуро поинтересовался Мартин.

– А тебе неинтересно? – не оборачиваясь, отозвалась Пандора.

– Что?

– Девочка, которую мы сведем с ума.

Короткая пауза.

– Нет, она – неинтересна.

– А ведь она отдаст тебе частичку себя.

Издерас посмотрел на свое отражение в зеркале, поправил галстук. Затем перевел недовольный взгляд на женщину:

– Может, уйдем?

– Я только начала.

Затащить Мартина в квартиру Юли Соболевой оказалось непростой задачей. Воздействовать на «искру» Пандора не хотела, пришлось уговаривать, на что ушло больше часа.

– Я совершенно не понимаю, почему должен сам делать грязную работу!

– Мы просто побываем в ее квартире.

– Тебе нужны фотографии девчонки?

– М-м… в том числе.

– Отправь «шестерок».

– Я пойду сама.

– Бог в помощь.

Пандора сверкнула глазами, однако сдержалась, сохранила прежний тон:

– Мартин, я ведь говорила: чем ближе ты станешь к этой девочке, тем выше вероятность успеха. Ты должен почувствовать ее.

– Вламываясь в квартиру?

– Уменьшая разделяющее вас расстояние.

В конце концов Издерас сдался, однако настоял на максимальных мерах предосторожности: машину оставили в квартале от дома, к подъезду пробрались дворами, внутрь вошли только после того, как посланные вперед разведчики доложили, что все чисто.

Но главное – пришел.

Побывал в квартире невинного человека, которого вскоре убьют по его приказу. Не просто убьют – уничтожат «искру». Навсегда выбросят из Вселенной. Потом, когда Мартин окажется наверху, эти воспоминания будут жечь его изнутри. Будут навевать кошмары, по сравнению с которыми истории про ад покажутся веселыми анекдотами. Будут. Потому что сейчас Издерас дышит одним воздухом с Юлей, прикасается к ее вещам, а потом – лишит Силы и Вечности. Ручной Привод такое не забывает.

– Так и будем толкаться в прихожей?

– Пойдем в комнату, – улыбнулась Пандора.

Отомкнуть два простеньких замка, защищавших дешевую стальную дверь, не составило никакого труда. Пандора проделала операцию сама, отказавшись от помощников Мартина. Вообще велела им убраться с площадки, почувствовав, что Издераса угнетает присутствие телохранителей.

Оказавшись внутри, улыбнулась: простенькая мебель, дешевые обои, незамысловатая люстра в прихожей – все говорило о том, что...

– Богатством тут не пахнет, – протянул Мартин.

Пандора знала, что Издерас обязательно отметит этот факт, и заранее подготовила ответ:

– Тебе было бы проще, окажись донор человеком твоего круга?

– Нет, – помолчав, признал Мартин. – Убивать рядовых людей проще.

– Потому что ты их презираешь. – Пандора не спрашивала. Обронила фразу мельком, словно установленный, не требующий озвучивания факт.

«Ну, Издерас, возмутись! Вспомни свое глоштанное детство! Ты ведь не во дворце рос, ты ведь тоже из простых. Отец так и помер под Оренбургом, копошась на колхозном поле. А мать, хоть и живет в твоем особняке, по-прежнему заготавливает „на зиму“ огурцы и помидоры».

– Я не презираю обычных людей, – тихо возразил Мартин.

«Проняло!»

– Врешь, – с наслаждением произнесла женщина.

У Издераса покраснели уши.

– Я добился всего сам. Поднялся из грязи... даже не поднялся – выплыл. У меня не было волосатой лапы и богатых родителей. Я учился, я воевал, я работал с людьми. Я менялся и менял свою жизнь. Я имею право презирать тех, кто оказался слабее, но... Нет, не презираю. Не жалею, жалость – дурацкое чувство. Но не уважаю.

– Юля в самом начале пути, – спокойно отозвалась Пандора, разглядывая убранство единственной комнаты. – Возможно, она сумела бы построить свою жизнь. Добилась бы всего. И стала бы похожей на тебя.

Издерас выдал недовольную гримасу.

– Тебя что-то смущает?

– Нет.

– Мартин, – ласково произнесла женщина, – прошу тебя в последний раз: не ври мне. Во-первых, это бессмысленно, я прекрасно вижу обман. Во-вторых, ты рвешь ту тонкую ниточку, что нас связывает. А для предстоящей операции эта нить крайне важна.

На самом же деле Пандоре нравилось выворачивать клиентов наизнанку, выводить на откровенность, докапываться до самого дна их гнилых «искр». Они должны понимать, какими ублюдками являются. В будущем, когда превратятся в озлобленные, плюющиеся черным светом «искры», пригодится.

– Посмотри на фотографию. – Женщина взяла с полки рамку. – Посмотри, как весело улыбается Юля, как прижимается к своему другу. Она не знает, что скоро умрет из-за тебя.

– Она будет не первой и не последней.

«Крепкий орешек...»

Еще какой крепкий! Издерас почувствовал, что Пандора специально давит на него, и немедленно ответил ударом на удар.

– Сегодня ночью ты кричала во сне.

– Не может быть, – спокойно ответила женщина.

Она поняла, что Мартин не обманывает, но с самообладанием у Пандоры все было в порядке.

– Сначала я хотел тебя разбудить, но потом решил послушать. Интересно все-таки.

– Не сомневаюсь.

– Что такое Ручной Привод?

Издерас говорил не с женщиной, не с ведьмой, а с противником и бросил свой вопрос, как перчатку: резко, в лицо, всем своим видом показывая, что намерен получить ответ.

«Крепкий, черт бы тебя побрал, орешек!»

Эх, если бы это задание шло в обычном ключе! Если бы не было всей этой грязи вокруг! Какое бы наслаждение она получила, работая с Мартином!

Сейчас же приставания клиента вызывали глухое раздражение, которое, впрочем, Пандора быстро подавила.

– Что такое Ручной Привод?

– Это... самое загадочное место во Вселенной. Некоторые считают, что именно он порождает «искры». Другие – что Ручной Привод есть нянька и защитник. Но официальная версия гласит, что Ручной Привод – заурядный механизм.

– Он снится тебе в кошмарах. – Издерас не спрашивал, он констатировал факт.

– Я занимаюсь незаконными делами, Мартин. Я оперирую «искры». Это мой дар. Редчайший дар, но запрещенный. На такое способен Ручной Привод... он вообще способен делать с «искрами» все, что угодно.

– Вообще все?

– Абсолютно.

– Почему ты его боишься?

– Потому что те, кто работает с Ручным Приводом, не любят конкурентов.

– Они тоже оперируют «искры»?

– Они следят за тем, чтобы никто не оперировал «искры». Мои действия, мою помочь тебе они считают преступлением.

– Их много?

– Достаточно, чтобы контролировать шарик.

Издерас кивнул с таким видом, словно Пандора подтвердила его догадку.

– Они придут ко мне?

– Придут, но ничего не смогут изменить. Как я уже говорила, наша операция необратима; чтобы вытащить из тебя новые свойства, им придется уничтожить «искру», а они на это не пойдут.

– В таком случае, плевать на них, – решительно произнес мужчина. – Извини за распросы – мне было интересно.

Вот так: плевать. Не смогут ничего изменить, не смогут наказать – значит, плевать. Убить девушку, чтобы заполучить ее качества – почему нет? Если решил – действуй без сомнений. Если захотел – добейся. Если препятствие можно устраниТЬ, оно устраняется и забывается в тот же миг. Кому интересна проломленная стена? Пропасть, через которую перешагнули? Никому.

– Скажи, ты не будешь скучать по такому вот отношению ко всему? – с неподдельным интересом спросила Пандора.

Мартин прекрасно понял смысл вопроса и пожал плечами:

– Возможно. Но какой смысл говорить об этом?

Во взгляде, который Издерас бросил на изображение улыбающейся девушки, не было НИ-ЧЕ-ГО. То есть вообще. В мире Мартина Юля Соболева уже не существовала.

– А вдруг в следующий раз ты не сможешь сохранить такое спокойствие?

– Пытаешься отговорить меня от операции?

– Я хочу, чтобы ты окончательно все осознал.

– Я осознал. И принял решение. – Издерас посмотрел на часы: – Мы уходим?

– Почти. – Пандора пересняла фотографию миниатюрным, но мощным аппаратом и передала его Мартину: – Отдашь своим людям.

– Хорошо. – Издерас повертел фотоаппарат в руке. Помялся, но все-таки спросил: – Она действительно смогла бы добиться многого? Действительно пошла бы моим путем?

«Неужели проняло?»

– Вполне возможно.

– Тогда Юлю на самом деле нужно убить.

Пандора не стала прятать удивление. Картинно изогнула бровь и светским тоном осведомилась:

– Не любишь конкурентов?

– Не люблю таких, как я, – серьезно ответил Мартин. – Чем меньше их будет, тем лучше.

– А если Юля сумеет изменить мир? Или хотя бы часть его? Если сделает его лучше?

– Не удастся.

– Неужели?

– Одна песчинка не остановит океан. Если она попробует сделать мир лучше – получит по голове так, что станет несчастной. Или изменит себе и действительно покатится по моей дорожке. – Издерас хмыкнул: – А потому, убив ее, мы окажем Юле услугу.

– Мир – дермо, да, Мартин?

– Да, Пандора, дермо. Ведь даже в Пряничном домике живет злая ведьма.

* * *

Информацию о местонахождении Марии Сергею дал Розгин – занявшись наследством Андрея, Павел не упустил ни одной детали и узнал, что вернувшаяся в Москву Крестовская, несмотря на наличие у нее собственной квартиры, сняла дом в элитном поселке по Новорижскому шоссе. Судя по всему, парочка не ценила шумный московский центр. И Розгин же настоял на том, чтобы подвезти Сергея.

«Зачем тебе этот риск?»

«Скажем так: моя последняя услуга лично тебе, Сергей, мы ведь вряд ли еще встретимся?»

«Рано или поздно встретимся».

«Не будем загадывать так далеко».

Кажется, это и называют дружбой.

Веснин и Розгин расстались неподалеку от огораживающего поселок забора. Вновь обменялись рукопожатиями, вновь посмотрели друг другу в глаза. Молча посмотрели. Все обговорено, все сказано, к чему лишние слова?

Затем адвокат сел в свой «Мерседес», развернулся и направился в Москву жить дальше, а Сергей без особого труда преодолел трехметровый забор и неспешным, уверенным шагом двинул по асфальтированной дорожке к нужному дому. Безобидный на вид, прилично одетый юноша – у кого он может вызвать подозрения? Соседи не обратят на прохожего внимания: раз оказался внутри охраняемой зоны, значит, все в порядке. Охранники тоже, тем более что сотрудники местной безопасности давно отказались от регулярного патрулирования в дневные часы – зачем? На случай непредвиденных обстоятельств в каждом доме предусмотрена тревожная кнопка. А на сверхъестественные обстоятельства никто не закладывается.

Жизнь за городом течет неспешно, а окруженная высоким забором – еще и безопасно. Или только кажется безопасной?

Демонстрировать свое лицо телохранителю Марии Сергей не собирался – если вдруг его подвергнут гипнозу, парень все вспомнит. Веснин незаметно перелез через забор участка, пробрался к дому, посидел у окна гостиной, выжидая, когда высокий крепыш окажется в зоне видимости, после чего легко прикоснулся к его «искре», отправив в глубокий сон.

Теперь между Весниным и Крестовской оставалась только лестница на второй этаж.

– Да, я обещал, что деньги будут скоро, и не отказываюсь от своих слов, – мрачно произнес Семен, прохаживаясь по кабинету с телефоном в руке. – Со всеми набежавшими процентами и компенсацией за причиненные неудобства. Но мне нужна еще одна неделя. – Помолчал, выслушивая собеседника, и продолжил: – Я нахожусь в Москве, Леонид Карлович, и не собираюсь прятаться или увиливать. – Криво усмехнулся: – Да, понимаю, что бесполезно. Но убежден, что деньги будут. В противном случае я бы уже застрелился.

Сидящая на диване Мария угрюмо хмыкнула.

– Спасибо, Леонид Карлович, обещаю – я не подведу. – Костылев положил телефон на стол и посмотрел на Крестовскую: – Он давит, чтобы я не забывал о долгах. Срок остается прежним – через неделю мы должны расплатиться.

– Расплатимся, – уверенно произнесла женщина и перевела взгляд на свои ногти.

– Но ведь Розгин затянул дело о наследстве.

– За неделю мы выправим ситуацию.

– Он будет упираться. Счета заблокированы…

– Сеня, какой же ты все-таки простой, – усмехнулась Мария. – Веснин в твои годы был умнее даже не в разы, а на несколько порядков.

Крестовская частенько позволяла себе подобные резкости, как правило, обоснованные, и Костылев уже давно выражал обиду исключительно соответствующим тоном:

– Что ты имеешь в виду?

– У нас есть неделя, чтобы заставить Розгина признать мое право на наследство. Его положение шаткое, он не устоит. И даже если он продолжит блокаду счетов, самого факта признания будет достаточно, чтобы мы получили кредит в любом банке.

– Гм… логично. – Семен помолчал, но через несколько мгновений негромко спросил:

– Ты звонила Давиду?

– Он не отвечает, – ровно отозвалась Мария.

– А его помощники?

– За кого ты меня принимаешь? – возмутилась Крестовская. – Я не знаю помощников этого бандита.

Костылев растерянно посмотрел на женщину:

– И что нам делать?

– Ждать, что же еще? Учитывая профессию Грыгадзе, у него могли возникнуть какие-нибудь проблемы. – Мария выдержала короткую паузу и добавила: – Не связанные с нашим делом.

– Мне не нравится его молчание, – хмуро бросил Костылев.

– Мне тоже.

– Да и сам Грыгадзе не внушает доверия.

– Уголовники – подонки общества, внушать доверие – не их стиль. – Мария помолчала. – Но иногда они бывают полезны.

В деле о наследстве, например.

– Не боишься, что рано или поздно Грыгадзе придет в голову нас шантажировать?

– Угрожая рассказать ментам, что он убил Андрея? Семен, иногда ты превосходишь сам себя.

Костылев издал свое излюбленное «гм» и повернулся к дверям, среагировав на послышавшиеся в коридоре шаги.

– Володя, это ты?

– Нет, не я.

Семен в недоумении уставился на дверь. Мария вздрогнула.

– Володя внизу, – тихо произнес вошедший в комнату Веснин.

– Андрюша?

— Здравствуй, мама. Здравствуйте, господин Костылев.

К огромному удивлению Крестовской, Семен среагировал весьма достойно:

— Мы знакомы?

— Павел рассказывал о вас.

— Что ты здесь делаешь? — небрежным тоном поинтересовалась оправившаяся Крестовская.

— Хотел поговорить с тобой, мама.

— Раньше ты называл меня Марией.

— Думаю, теперь мы стали несколько ближе.

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты прошел в дом? — хрипло спросил Семен.

Его самообладания надолго не хватило. Почему не предупредили? Почему телохранитель не доложил?

— Не волнуйся, меня никто не видел.

— А почему я должен волноваться?

— А почему ты задал вопрос? — Сергей подошел к столу, на котором стояла бутылка с парой стаканов и плеснул себе виски. — Надеюсь, никто не против? — Возражений не последовало. — Ваше здоровье.

— Почему мы стали ближе? — спросила Мария.

— Хотел поделиться с тобой новостью, мама, — вместо ответа произнес Веснин. — Вчера меня похитили.

— Боже мой, — ровным тоном «воскликнула» Крестовская. — Ужасный мир. Как же ты освободился?

— Убил похитителей. Но сначала допросил их. И узнал о Давиде. — Веснин допил виски и поставил стакан на стол. — Потом поехал к Давиду, допросил его и узнал о тебе. Кстати, Давид не сможет вам позвонить.

Костылев побледнел.

— Ты говоришь какую-то ерунду... — начала Крестовская.

И осеклась, услышав резкий ответ:

— Я слишком много тебе прощал, Маша.

Непонимающий, даже беспомощный взгляд:

— Что?

Перед ней стоял сын, щедушный паренек, который должен был умереть вчера вечером. Перед ней стоял ребенок, но говорил он *взрослым* тоном.

— Тебе не нужно было трогать Андрея.

— Что происходит?

Костылев попытался добраться до Сергея, замер на полу шаге и рухнул в кресло, удивленно таращась на неповинующиеся руки и ноги.

— Не волнуйся, Семен, — не глядя на мужчину, проговорил Веснин. — Просто паралич.

Ненадолго.

У Крестовской перекосило рот:

— Ты наслал на него паралич?

Она поверила, сразу поверила — слишком уж реальным было происходящее. Мария отлично знала Костылева и понимала, что он не остановился бы — подошел бы к Андрею, врезал ему... Не подошел. Не врезал. Тряпичной куклой шлепнулся в кресло.

Паралич.

— После смерти я научился кое-каким фокусам.

— Ты...

— Да, я, — подтвердил Веснин. — Сергей. Еще раз здравствуй, Маша.

Обездвиженный Костылев не мог даже мычать.

– Андрюша, – беспокойно произнесла Крестовская. – Мне кажется, ты принимаешь себя за кого-то другого. Я понимаю, ты пережил глубокий шок...

– Я пережил смерть, Маша, – усмехнулся Веснин. – И, пожалуйста, перестань называть меня Андрюшой.

Лежащий на столе телефон поднялся в воздух, медленно подплыл к женщине, остановился примерно в полуметре от лица и стал аккуратно разваливаться на части. Открылся корпус, на пол упал аккумулятор, SIM-карта, микросхемы...

– Хочешь, сделаю то же самое с тобой?

– Не надо, – хрипло ответила Мария. И зло прищурилась: – Ты вернулся!

Поверила.

Веснин проигнорировал вопрос. Задумчиво посмотрел на останки телефона, подошел, наступил на них ногой, после чего поднял взгляд на Крестовскую.

– Я понимаю, меня ты никогда не любила...

– Не любила?! Да я тебя ненавидела! – взорвалась Мария. – Ты испортил мне жизнь!

– Выходя за меня, ты казалась счастливой.

– Молодая дура! Откуда я знала, что ты окажешься таким уродом?! А твой ублюдок...

– Не смей так говорить!

– Ублюдок! Ублюдок! Вот кто твой ненаглядный Андрюшенька! Я смотрела на него и видела тебя. Твои глаза, твои волосы, твои повадки. Я ненавидела его так же, как и тебя!

– Не нужно говорить о моем сыне в прошедшем времени, – негромко попросил Сергей. – Он жив. – И выдержал многозначительную паузу. – А вот у тебя проблемы.

Мария поняла. На мгновение в ее глазах мелькнул страх, но она тут же взяла себя в руки. Откинула с лица прядь черных волос и высокомерно рассмеялась.

– Ты не посмеешь. Ты слишком сильно меня любишь, Сережа. Ты силен, но со мной ты тряпка. И это меня всегда веселило.

Да, она любила смеяться, глядя, как муж отводит взгляд, как останавливается занесенная для удара рука, как опускаются широкие плечи и он бредет прочь побитой собакой.

– Убирайся!

Раздутые ноздри, пылающие глаза, легкий румянец на скулах... Как когда-то, во время их страстных ночей.

«Красавица! Дикая красавица!»

Веснина захлестнула волна желания. Настолько сильная, что погасить ее не было никакой возможности. Движение в брюках не укрылось от внимания женщины и вызвало очередную порцию истеричного веселья.

– Тряпка! Ты хотел меня даже тогда, когда меня драли все твои дружки. Ты ходил вокруг и облизывался!

«Опомнись!»

– Слабак! А тогда, на вечеринке! Ты знал, зачем я отправилась в ванную, но делал вид, что ничего не происходит! А как я отрывалась, когда...

– Тихо.

Приказ? Пожелание? Шепот. Но слова застыли в глотке, так, словно Крестовская захлебнулась воздухом.

– После смерти я изменился, – сообщил Сергей.

И Крестовская поняла. Только сейчас, потеряв возможность говорить, она наконец-то осознала, что прежний Веснин умер. А новый – совсем другой.

– Не смей меня оскорблять.

Мария почувствовала, что снова может говорить.

И сказала:

– Убьешь меня – подставишь Андрея. Ты ведь в его теле. Наверняка есть свидетели, которые видели, как ты, точнее, он входил в наш дом. Хочешь, чтобы твоего сына обвинили в убийстве?

– Ни в коем случае.

Крестовская облегченно перехватнула. Едва заметно. Совсем чуть-чуть. И призналась себе, что Веснин ее напугал. Впервые в жизни.

«Не расслабляйся! Дело еще не закончено!»

Веснина только предстоит нейтрализовать, соответственно, ей по-прежнему грозит опасность.

– Сережа, – с усталой грустью вздохнула Мария. – Я понимаю, наш брак оказался неудачным, никто из нас не получил того, что хотел. Увы, никто. Ты можешь мне верить, ты можешь мне не верить, но сейчас, после того, как… – Голос рассчитанно дрогнул. – После того, как я тебя потеряла… Я хочу сказать: мне очень жаль. – Крестовская отвернулась, но ровно настолько, чтобы Веснин сумел заметить покатившуюся из глаза слезинку. Сглотнула «подступивший к горлу комок» и гордо закончила: – Больше ничего.

Он думал, что ему будет трудно. Он думал, что придется вспоминать горящие глаза Пандоры и ее призыв идти до конца. Но, к его удивлению, этого не потребовалось.

Мастерски сыгранное раскаяние не произвело на Сергея никакого впечатления. Струны души остались неподвижны. Он принял решение, и он сделает то, что задумал. Сомневаться нужно было раньше.

– Я тебе верю, Мария, – проникновенно произнес Веснин. – Поверь и ты: мне тоже очень жаль. Я не должен был мучить тебя своей любовью.

«Поддается?!»

В глазах Крестовской засветился огонек. Сергей знал, что вызвали его не только слова, но и поднимающийся из кресла Костылев: Мария надеялась, что, увлекшись разговором с ней, Веснин потерял контроль над Семеном и теперь, стоя спиной к креслу, не заметит угрозу.

– Сережа, давай оставим все как есть, а?

Костылев тихонько выдвинул один из ящиков секретера и достал пистолет.

– Я обещаю, что больше не трону Андрея.

– Насчет этого я совершенно спокоен, – безжизненным голосом произнес Веснин. – Ты не тронешь моего сына. Никогда.

Костылев поднял оружие. Мария рассмеялась. А в следующий миг побелела – ствол был направлен на нее.

– Прощай, любимая.

Семен выстрелил, и в самом центре высокого лба Крестовской возникла безобразная красная дыра.

– Прощай.

Веснин тяжело вздохнул.

Костылев медленно вложил дуло пистолета себе в рот и, с ужасом глядя на черную сталь, принял давить большим пальцем на спусковой крючок. Из его глаз текли слезы.

* * *

– Что хмурый, Федя? – осведомился врач. – Целый день молчишь.

– Похмелье у него, вот и хмурый, – сообщила вредная Валя, медсестра «Скорой». – Видишь, какой бледный?

– Я не бледный, – угрюмо отозвался водитель. – Я нормальный.

В обычный день Федор высказал бы Вальке, что он о ней думает, но сегодня скандалить не хотелось. Хотелось молчать, не напрягать лишний раз голову, а тупо и без приключений докататься до конца смены и отправиться спать.

– Накидались вчера? – не отступал врач.

– Угу, – подтвердил водитель.

– Повод был?

– Зачем? – Федор вздохнул и объяснил: – Настроение хорошее было.

– Ему, алкоголику, повод не нужен, – проскрипела вредная Валя.

Разве женщина способна понять, что хорошее настроение, приятная компания и теплый вечер – сами по себе повод? Не способна.

– Отстань.

– Пить просто так вредно, – улыбнулся врач. – Это я тебе как доктор говорю.

«И этот туда же!»

– Научные данные?

– Самые что ни на есть проверенные.

– Учту.

– Ему повод найти – что высморкаться, – вновь встряла медсестра. – Слышал: настроение хорошее. А у собутыльников его, Бизона с Бандерой, плохого настроения отродясь не бывало. Они квасят, а нам потом с ним ездить. Жизнью рисковать.

– Что за бизоны? – поинтересовался врач.

– Санитары из морга.

– Что-то я их не помню.

– Из старого морга, – объяснил Федор. – С «Малой Земли».

– А… я думал, тот морг прикрыли давно и на «Малой Земле» только Герман работает.

– Там сейчас полный комплект, – сообщила всезнающая Валя. – Герман, Виктор, это новенький патологоанатом, киномеханик, механик да два охламона при морге. Вот с ними Федя наш и пьет горькую.

– Не так уж и часто.

– Каждый день!

– Врешь.

Федор наступил и замолчал.

Голова действительно болела, во рту действительно «мыши нагадили», и за утро он уже успел принять полтора литра воды… но не только похмелье было причиной дурного настроения водителя. Не только.

Ночная поездка за водкой отложилась в памяти смутно. Бизон сказал, что заканчивается бухло. Потом выяснилось, что машина сломана. В смысле она была сломана с самого начала, но в горячке вечера Федор об этом позабыл. Потом вспомнил и сообщил. Да, точно – сообщил. В результате они поехали. Но вот откуда взялась уверенность, что с «Газелью» все в порядке, а главное – почему она действительно оказалась в порядке, Федор припомнить не мог. Вместо этого перед глазами всплывали горланящие песни Бизон с Бандерой, спящий на носилках этот… как его… старый хрыч, короче, и еще мельтешение «люстры».

Было весело.

Утром Федор привычно притащился в гараж, подписал лист и, лишь выехав на маршрут, вспомнил, что вчера вечером его «Газель» была безнадежно «убита». Поначалу водитель махнул на это обстоятельство рукой: постояла машинка, остыла, что-то случилось в ее механических кишках, что-то рассосалось или, наоборот, возникло, вот двигатель и заработал. Бывает, одним словом. Сосредоточился на дороге – как правило, это отвлекало его от похмельных симптомов, – мрачно съездил на три вызова, а когда собрался предложить

заехать на бензоколонку, с удивлением обнаружил, что датчик «видит» полный бак горючего. Хотя вчера вечером оставалось не более половины.

«Может, ночью заправился?»

Поскольку большая часть деталей развеселого вояжа осталась за пределами восприятия, предположение выглядело весьма вероятным. Однако никак не объясняло, почему бак до сих пор полон.

«Датчик накрылся? В конце концов, вчера-то машина реально не заводилась...»

Выгрузив своих по четвертому адресу – «Здесь, судя по всему, высокое давление, – сообщил врач, покидая машину. – Так что мы ненадолго», – Федор тоже выбрался из кабинки и остановился у капота. Не у бензобака, а именно у капота – предчувствие говорило, что разгадка неправильного поведения датчика кроется именно здесь. Закурил, с удовлетворением отметив, что руки почти перестали дрожать, после чего откинул крышку и заглянул внутрь.

– Ну?

На первый взгляд с двигателем все было в порядке.

А вот на второй...

– Черт! – Сигарета выпала из ослабевших пальцев и покатилась по асфальту. К счастью, бензобак пожилой «Газели» не протекал. – Что это?

Карбюратор представлял собой... не карбюратор. В смысле он вообще отсутствовал, а на его законном месте расположилась хитроумная система из нескольких зубчатых колес, маленькой ременной передачи, медных трубочек и двух черных коробочек. Поскольку двигатель «Газели» был заглушен, Федор разобрал негромкое тиканье, что доносилось из левой коробочки. В правой слегка жужжало.

– Вот ведь дрянь!

Захотелось зажмуриться, потрясти головой, а потом, открыв глаза, увидеть обычный карбюратор. Пусть неработающий. Пусть кувалдой раздолбанный. Но обычный. Не тикающий и не жужжащий.

Однако спешно проделанная процедура вожделенного результата не дала.

– Что за хренохина, а? – тоскливо осведомился Федор.

Никто не ответил. Получается, нужно разбираться самому.

Тем временем – судя по всему, под действием шока – всплыл еще один эпизод вчерашней попойки: усатый хрыч поднимается из-за стола и берет свой чемоданчик.

«Это было до того, как я сказал, что машина сломана, или после?»

Ответить на этот вопрос утомленная память не сумела. Она и так сделала больше, чем могла.

– Так не бывает, – прошептал несчастный Федор. – Карбюраторы не жужжат.

А в следующий миг из-за спины раздался знакомый голос:

– Чуть-чуть не успели, блин!

– Я же говорил, что раньше надо было доносить!

– Любопытный ты, Федька, будто жить не хочешь!

Водитель обернулся и мрачно посмотрел на Бизона и Бандеру.

– Господин старший помощник, он под капот залез!

– Мы ему ничего такого не говорили, а он залез!

– По собственной инициативе!

– Гад.

Неожиданное появление санитаров Федор, возможно, еще смог бы перенести, однако повернулся он слишком быстро, а потому увидел, ОТКУДА они вышли.

Из дверей лифта.

Распахнувшихся перед кирпичной стеной дома.

И как раз сейчас из них выходил высокий статный мужчина, за которым, опустив голову, сменил усатый.

«Черепаныч, – кстати вспомнил Федор. – Его зовут Черепаныч».

Последняя ясная мысль сменилась белым шумом. Взгляд водителя остановился, упершись в дверцы, нижняя челюсть отвалилась, а на ногах Федор остался лишь потому, что его поддержали Бизон с Бандерой.

– Обморок, господин старший помощник.

– Мы ни при чем.

Ясень покачал головой и тихонько осведомился:

– Ну кто тебя просил в двигатель лезть, а?

Ответа, разумеется, не последовало.

– Держите его крепче, – распорядился Виктор.

– В чувство приводить?

– Необязательно. – Ясень подошел к водителю и сжал его виски ладонями. – Черепаныч, разберись со своим устройством.

– Уже.

Бизон и Бандера, продолжая удерживать Федора в вертикальном положении, одновременно отвернули головы.

– Ты не видел ничего подозрительного, – прошептал Виктор, глядя в закатившиеся глаза водителя. – Ты открыл капот, потому что заглох двигатель. Ты понял, что машина поломалась, и скажешь об этом врачу.

– Я скажу об этом врачу, – заплетающимся языком повторил Федор.

– Но перед этим ты позвонишь в гараж и попросишь отбуксировать машину.

– Я позвоню в гараж и попрошу отбуксировать машину.

– Когда покончишь с формальностями, сразу же отправишься на «Малую Землю».

Возражений не последовало.

* * *

К возвращению Виктора Герман закончил с плакатом – или отложил его до лучших времен – и расположился в одном из кресел холла второго этажа, задумчиво слушая включенное на полную громкость радио.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Один из этих быков пасется по одну сторону Минидд-Банног, а другой – по другую, и ни одного из них тебе не удастся перевести, ведь это Нинниау и Пейбиау, которых Господь обратил в быков за их грехи...

– Карбид!

Даже не пошевелился. Очередной отрывок закончился, начались комментарии, но они, похоже, интересовали Германа даже больше самих легенд.

– Нинниау правил королевством Гвент в начале VII века. Его брат Пейбиау Прокаженный в те же годы был королем соседнего Эргинга. Они упоминаются в генеалогиях как предки ряда королей и святых Уэльса. Сохранилась легенда о том, как Пейбиау по ложному обвинению велел утопить свою дочь Эурддил...

– Карбид!

– А?! – опомнившийся Герман выключил передачу. Дремлющий под креслом Агава недовольно заворчал. – Давно вернулся?

– Только что.

– Как все прошло?

Енот, не желая отставать от коменданта, вопросительно хрюкнул. Но глаза не открыли.

– Нормально, – проворчал Ясень. – Машину нашли и снова поломали. Водитель через час придет сюда.

– Будешь стирать ему память?

– Так положено.

– Я не против. – Карбид взял с соседнего кресла шестой том «Большой советской энциклопедии» и раскрыл в заложенном месте.

– Нужна санкция на включение Ручного Привода.

– Без проблем.

Виктор помялся, косясь на неуместного Агаву, но все-таки сообщил:

– Сегодня утром я был у Черепаныча.

– Осваиваешься?

– Ага.

– Дело правильное, – одобрил Карбид, не отрываясь от книги. – Скоро тебе здесь рулить.

– Знаю.

– Да я так, просто напомнил.

Герман давал понять, что, раз доклад окончен, тема для разговора исчерпана и Ясень может быть свободен. Однако Виктора подобное завершение категорически не устраивало. Он был полон решимости получить объяснения.

– Я узнал, что несколько дней назад ты санкционировал холостое включение Ручного Привода.

– Плановое мероприятие. В журнале должна стоять отметка.

– Она есть, – подтвердил Ясень.

– Значит, накладывать на Черепаныча взыскание мы не будем.

– Я обратил внимание, что запуск был проведен в мое отсутствие.

– Как вспомнили, так и запустили.

– Мне было бы интересно посмотреть.

– Насмотришься еще.

Карбид недоговаривал, причем – откровенно недоговаривал. То ли дразнил, то ли издавался. «Смотри, я тебе вру! Возмутись! Задай вопрос!»

«Нет! – остановил себя Виктор. – Устраивать скандал незачем. Сейчас – незачем. Завтра ему придется рассказать правду».

Осталось потерпеть всего несколько часов, а после...

Ясень присел в соседнее кресло:

– Кстати, что у нас с Весниным?

– А что у нас с Весниным?

– Через несколько часов «искра» Андрея Веснина погибнет, а ты и не чешешься.

– Ты тоже не перетрудился.

– Я, по крайней мере, хоть что-то предпринял.

Герман понял, что спокойно почитать ему не позволят, закрыл энциклопедию и вздохнул:

– Откуда ты знаешь, что я не чешусь? Сегодня утром, например, у меня зудело между пальцами ног.

– Господин комендант, я хочу знать, почему вы не проводите никаких оперативных мероприятий по поиску «наездника»? – Официально-холодным тоном заявил Ясень. – Время на исходе, и я буду вынужден доложить...

Агава на удивление громко зевнул, перебив подбирающуюся к самой высокой ноте речь Виктора.

Герман снова вздохнул и поинтересовался:

– Ну, что тебе неймется, а? Что тебе мешает спокойно жить?

Ясень даже опешил от такой наглости.

– Ты...

– Я, – подтвердил Карбид. – Уже столько лет я, что самому тошно. Ты это ты, а я – это я. Выдалась свободная минутка, дай, думаю, послушаю старинные истории, освежу, так сказать, в памяти, или почитаю для общего развития, чтобы было о чем с приличными людьми беседовать, а ты врываешься, кричишь... – Герман махнул рукой. – Чего молчишь? Хочешь «наездника» ловить? Иди лови. Он как раз на лавочке греется.

– На какой лавочке? – недоуменно осведомился Виктор.

– Оторви задницу от кресла и посмотри.

Карбид лизнул палец и перевернул страницу. У его ног зашуршало. Ясень подошел к окну и громко выругался. От удивления. Ибо метрах в пятидесяти от Подстанции, на лавочке, как и обещал Герман, развалился тщедушный юноша.

– Полагаю, ты его узнал?

Веснин сидел, закинув ногу на ногу и, не отрываясь, смотрел на Подстанцию. Живое подтверждение его, Виктора, непрофессионализма.

– Давно он здесь? – угрюмо спросил Ясень.

– Минут тридцать.

– Почему ты его не взял?

– Делать мне больше нечего, только по больничным паркам носиться, – сварливо ответил Герман, перелистывая очередную страницу. – Соберется с духом, сам заявится.

Енот высунулся из-под кресла и лукаво посмотрел на Ясеня. Виктор почувствовал себя дураком.

Солнце мягко печет голову, но легкий ветерок тут же разгоняет тепло, оставляя тело в гармоничном умиротворении. Где-то на краю восприятия – чужие голоса. Шелестят негромким фоном, обозначая окружающую жизнь.

Покой.

Все, что задумано, сделано. Теперь можно просто сидеть, наслаждаться замечательным днем и прощаться. С солнцем, с ветром, с голосами.

Со всем миром.

Прощаться на этот раз навсегда.

Веснин закрыл глаза.

Как же хорошо здесь. В детстве. На Родине. В Колыбели. В месте, где есть завтра, а не только бесконечное сейчас. В месте, где познание еще не сменилось пресыщенностью, быть сильным дано не каждому, а значит, сила чего-то стоит.

Тот, кто заблудился в будущем, всегда ищет утешение в прошлом.

Но еще лучше – оказаться на Земле, обладая мощью полностью раскрывшейся «искры». Какие возможности открывает полученная после смерти сила! Сколько можно сделать! На какие вершины взобраться! Ни одному честолюбцу, ни одному сластолюбцу даже и не снилось то, на что теперь способен Сергей. Открыты все дороги! Доступны все желания. А цена – одна-единственная «искра», которая вьется сейчас в Отстойнике Ручного Привода, с ужасом отсчитывая секунды.

– Я правильно сделал, что вернулся в тело сына, – прошептал Веснин. – В противном случае я бы ни за что не отказался. Не смог бы отказаться.

Он поднялся со скамьи, машинально отряхнул брюки и спокойно направился к Подстанции.

— Это и есть Ручной Привод? — спросил Веснин, жадно разглядывая мудреную конструкцию.

— В точности так, — подтвердил Черепаныч. — Нравится?

— О нем легенды слагают, — улыбнулся Сергей. — Как скажу что видел — расспросами замучают.

Они сидели за столом в «жилом» уголке механика и ждали, когда Черепаныч настроит свое хозяйство. Ручной Привод задумчиво пыхтел и важно бурчал некоторыми местами, неспешно подбирайсь к рабочему состоянию. Паузу коротали за разговорами.

— Не думаю, что в ближайшее время вы сможете поделиться с кем-нибудь своей радостью, — холодно отчеканил Ясень. — Вас ждет суровое наказание.

— Он знает, — проворчал Карбид, наливая Веснину чай.

— Я знаю, — подтвердил Сергей, принимая кружку.

— Вы нарушили запрет на возвращение!

Черепаныч покачал головой.

Виктор понял, что перегнул палку, что не сдержался. Но слишком уж задела его столь простая связь «дела Веснина». А еще больше то, что Герман с самого начала знал, чем закончатся поиски «наездника». Знал и не сказал.

«А ведь он должен делиться со мной опытом!»

Вместо этого промолчал. А сейчас сидит с преступником за одним столом, пьет чай и охотно рассказывает о хитростях Ручного Привода.

— Будь у вас больше времени, Сергей, Черепаныч поведал бы вам множество занимательных историй, он по этой части дока. Я же, извините, в технике не большой специалист...

— Как ты догадался, что Веснин сдастся?

Ясень не мог спросить: «Откуда ты знал?», не мог, потому что публично расписался бы в собственной несостоятельности. Выбрал нейтральный вариант — «догадался». Ведь не спросить тоже не мог: опыт, черт бы его брал, ему позарез нужен опыт!

Карбид, надо отдать ему должное, позволил напарнику сохранить лицо. Спокойно глотнул чаю и ровно объяснил:

— Мы с тобой с самого начала предполагали, что вернулся Сергей. Упустили при обмене — дали ему фору. Оставалось два варианта действий: тратить время и силы на поиски или попытаться понять, как Сергей относится к сыну. Ответ я нашел, просмотрев их прошлое.

Из которого понял, что ради ребенка Веснин пойдет на все. И пошел: нарушил основополагающий закон, совершил ряд убийств... В этом суть: не для себя вернулся — для Андрея.

— А если бы он не успел?

— Пришел бы, ничего не сделав, — усмехнулся Герман. И посмотрел на Сергея: — Так?

— Так.

И чуть ослабил защиту своего «Я», чтобы все сидящие в Ручном Приводе поняли, что он не врет.

— Ты не имел права останавливать поиски, — заметил Виктор Карбиду.

— Я просто не стал тратить время и средства, гоняясь за тем, кто придет сам. Это называется оптимизацией повседневной деятельности.

— Погибли люди, — жестко произнес Ясень. — Их кровь на тебе.

— На мне, — уточнил Веснин. — Платить буду я.

— Пожалуйста, не вмешивайтесь в рабочее совещание, — ледяным тоном попросил Виктор. — Карбид, а если бы он не вернулся?

— Я нашел бы его и убил, — ответил Герман.

— И правильно сделал бы, — вздохнул Сергей. — Такое прощать нельзя.

— Кстати, почему вы вселились в Андрея? Вы рисковали жизнью сына и дали нам ниточку.

– Все так, – согласился Веснин. – Сначала хотел вселиться в Марию, отказаться от наследства, а потом бегать от вас три дня, чтобы она...

– Чтобы ее «искра» погибла.

– Да. Но... – Сергей отвел взгляд: – Я не был уверен, что за преступлением стоит она.

– За каким преступлением? – не понял Ясень. – Андрея похитили после вашего возвращения.

– За убийством, – тихо пояснил Герман. – Мария организовала убийство Сергея Веснина.

А он все равно не верил. Или не хотел верить. Или простил.

Он смотрел на ставшие близкими звезды, а видел лицо любимой. Он готов был ждать сколько угодно, ведь время потеряло смысл, но вдруг понял, что между ней и его деньгами остался Андрей. И он испугался.

А потом принял единственно верное решение.

– Собственно, это не наше дело, – хмуро заметил Карбид.

– Я не прочь поговорить, – спокойно отозвался Веснин. – Да, я люблю... любил... нет, я люблю Марию. Но сын значит для меня больше. К тому же он не виноват в наших отношениях с его матерью. Я спас Андрея и ни о чем не жалею. Вот и все.

И посмотрел Виктору в глаза. Тот не отвел взгляд.

– Ты преступник.

– Тоже мне новость.

Отправляясь на Подстанцию, Сергей долго думал, рассказывать ли о встрече с Пандорой? Оставил решение на потом. А теперь понял, что хмуруму и колючему Карбиду, встретившему его без лишних эмоций, рассказал бы. А вот красавчику Ясеню – нет.

– Я понял бы, окажись ты охотником, но ведь ты не убивал – ты их кончал. Беззащитных слабаков!

– Можно подумать, Андрей равен Грыгадзе!

– Упивался своим могуществом?

Что они могут сделать? Ничего. Ни хорошего, ни плохого. Он сдался, и коменданты превратились в статистов, в лодочников, которые через несколько минут отправят его «искру» наверх, а потому Веснин не стеснялся:

– Не твое собачье дело!

– Значит, упивался?

– Не можешь простить, что я тебе накостылял?

Карбид с интересом посмотрел на напарника. Полезет в драку? Нет, сдержался. Покраснел, но гнев сдержал.

«Молодец!»

– Последний вопрос, Сергей, – небрежно бросил Герман, разряжая обстановку. – Неужели не хотелось остаться?

Карбид знал ответ, но ему нужно было отвлечь Веснина, ибо любая вернувшаяся «искра» охотно делится впечатлениями от пребывания на Земле. В ста случаях из ста.

– Остаться... – Сергей усмехнулся и покрутил головой: – Безумно хотелось.

Сверхвозможности, сила, бешеная энергия, восхитительныйекс. Ты паришь над всеми. Ты – король мира. Потерять все это? Раствориться в унылом «сейчас»? Добровольно отдаваться в руки закона?!

– Я вернулся не для того, чтобы остаться, – тихо продолжил Веснин. – А чтобы исправить свои ошибки. – Он пронзительно посмотрел на Германа: – Розгин сказал, что против Андрея выдвинуты обвинения.

– Мы сегодня же их снимем, – пообещал Карбид. – У вашего сына не будет проблем по этой линии.

– И он ничего не будет помнить?
– До тех пор, пока его «искра» полностью не раскроется.
– Это хорошо. – Веснин отставил опустевшую чашку. – Я готов.
– Не сразу, – проворчал Ясень. – Есть еще один клиент.

Воздух дрожал.

Одного только этого факта было достаточно, чтобы понять, что машина работает на полную мощность. А ведь было еще и мощное гудение, и струйки пара, со свистом вырывающиеся из клапанов, и жужжание ременных передач, и бешено вращающиеся шестерни. Даже плакаты подрагивали на стенах. Ерзal портрет, словно Тесле насыпали за шиворот муравьев – лицо кривилось в играющих на нем тенях.

И Черепаныч, замерший у пульта управления.

– У меня все готово!

Карбид посмотрел на киномеханика:

– Аскольд Артурович, пожалуйста.

Старик кивнул и включил передвижной проектор, который несколькими минутами ранее установил в углу. Луч света ударили в широко раскрытые глаза загипнотизированного Федора, и на белой стене позади водителя возникло черно-белое изображение выпивающих мужчин.

– Чуть позже, – прошептал вызванный в качестве эксперта Бизон.

Аскольд Артурович покрутил ручку, перематывая кадры вперед. Изображение механика поднялось из-за стола и взялось за чемоданчик с инструментом.

– Вот! – подал голос Бизон.

– Вижу! – отозвался Черепаныч, колдуя над верньерами. – Засек! Теперь давайте, где он лазил под капот!

Арчибалд перемотал жизнь Федора на несколько часов вперед. На импровизированном экране появилась «Газель» с поднятой передней крышкой. И ошарашенный водитель,роняющий сигарету. И выходящие из лифта Бизон с Бандерой.

– Вижу!

Ключевые точки определены, теперь нужно почистить все, что случилось в промежутке между ними.

– Даю усиление!

Из жестяного рупора, направленного прямо на водителя, донеслось негромкое басовое рокотание.

– Есть! – Черепаныч обернулся и продемонстрировал Карбиду поднятый вверх большой палец. – Точнее, нет.

Ручной Привод шумно выдохнул зеленоватым паром. Аскольд Артурович деловито открыл проектор и принялся отматывать засвеченную пленку. Бизон взял Федора под руку и повел к выходу. Ясень что-то записал в журнале.

Рутина.

– Так вот, значит, как это происходит, – задумчиво протянул Веснин.

– Обмен «искр» – процедура куда более интересная, – улыбнулся Карбид. – Но вы ее не увидите.

– Жаль.

– Какие ваши годы? Может, еще посмотрите.

– Я бы на это не поставил, – заметил Ясень, бросая журнал на стол.

– А я, случается, поигрываю в азартные игры, – закончил Герман. – Прощайте, Сергей.

– Прощайте.

Веснин протянул руку, и она повисла в воздухе.

Карбид смотрел Сергею прямо в глаза, но и только. Виктор холодно улыбнулся.
«Да, я преступник», – вздохнул про себя Веснин.

Герман может проявлять участие, понимание, но существует грань, которую он не перейдет никогда. Причины Сергея уважительны, они способны объяснить его поступки, но ничего не изменят: Веснин – преступник.

А перед ним стоял комендант Ручного Привода.

– Прощайте, Сергей.

Веснин кивнул, убрал руку, уселся в указанное Черепанычем кресло и натянул на голову шлем. На черном боку Отстойника загорелась красная лампа.

– Захват «искры»!

Сергей закрыл глаза. Один из тонких прозрачных шлангов, тот, что соединял шлем с Отстойником, наполнился голубоватым светом.

– «Искра» пошла!

Веснина затрясло.

– Накладки при пересадке случались? – деловито поинтересовался Виктор.

– Судя по журналу, – один раз, – спокойно ответил Карбид. – Семьсот лет назад.

– Надеюсь, сегодня пройдет гладко.

– А то праздник испортим.

В голосе Германа прозвучала ирония. Ясень жестко посмотрел на напарника, но ответил спокойно:

– Да, не хотелось бы.

В кресле, не привязанный, но все равно неспособный вырваться, бился щедущий юноша. Глаза закатились, изо рта течет пена пополам с желудочным соком, скрюченные пальцы то сжимают металлический подлокотник, то царапают грудь. Хрип – не стоны, а именно хрип, – прорывается даже сквозь шум Ручного Привода.

– Он вернется, – пообещал Карбид.

И через мгновение, подтверждая слова коменданта, раздался возглас Черепаныча:

– Есть!

Андрей Веснин безвольно обмяк.

– Ушел, – тихо произнес Герман.

– Вернулся, – поправил напарника Виктор.

И оба машинально посмотрели на серый от грязи потолок подвала, словно провожая вылетевшую из тела юноши «искру».

– Аскольд Артурович, вы подготовили новую пленку?

Старик кивнул.

– Черепаныч, приступайте.

В жестяном рупоре вновь заурчало, и в «искру» Андрея потекли новые воспоминания, в которых не будет места пережитому ужасу.

– Операция завершена, – произнес Герман. – Дело Веснина официально закрыто.

* * *

Вид мертвого тела подсознательно вызывает у нормального человека страх. Пусть легкий, едва различимый, который можно выдать за раздражение или брезгливость, но именно страх – глядя на труп, каждый видит свое будущее. Не возможное, но гарантированное. Каждый понимает, что когда-то, через пятьдесят лет или завтра, он будет лежать в деревянном ящике или плавать в луже крови на асфальте, будет окружен безразличными людьми, хмуро фиксирующими в документах время смерти, вытирающими кровь, орудующими лопатами...

Страх.

Именно поэтому люди не любят гулять по кладбищам. Именно поэтому верят в историю о зомби и стараются не прикасаться к покойникам – ведь ты дотрагиваешься до того, что находится по ту сторону Черты.

Однако прошедшие через смерть лишены предрассудков. И потому во взглядах собравшихся в морге сотрудников Подстанции не было ни страха, ни брезгливости, они изучали принесенные санитарами тела с холодным деловым интересом.

– Это лучшее, что вы смогли найти? – осведомился Герман.

– Сегодняшний товар, Карбид, – проворчал Бизон.

– Только-только окочурились, – поддержал приятеля Бандера.

– Еле успели уволочь.

Ясень фыркнул. Черепаныч, копошащийся у своего «кондиционера», смолчал. Агава покачал башкой и принял вынюхивать свесившуюся руку одного из трупов.

– В любом случае, достать другие тела мы не успеем, – резюмировал Карбид. – Будем работать с тем, что есть.

Спорить с комендантом никто не стал. Да и чего спорить? Герман описал ситуацию предельно точно. И если умершая от инфаркта старушка не устраивала собравшихся исключительно своим полом – среди проверяющих женщин не было, – то второе тело подходило с большим скрипом. Оно принадлежало попавшему под грузовик мужчине и могло похвастаться сломанной рукой, сломанной ногой и многочисленными ссадинами. Были сомнения и относительно позвоночника. Теоретически, повреждения не должны помешать всевившейся «искре» контролировать тело, однако затраты энергии будут велики, что сократит срок пребывания проверяющего на Подстанции.

– Может, дадим клонов? – предложил Ясень.

– Запрещено в целях экономии, – покачал головой Герман. – Да и нет у нас готовых.

– А кто будет старушкой? – невинно осведомился Бизон.

– Кто первым успеет, – хмыкнул Карбид и распорядился: – Черепаныч, давай сигнал.

– Зажмурьтесь!

И помещение морга наполнилось ярким светом. Ослепительным, мерцающим туманом, сотканным из парящих в воздухе огоньков. Выдержать его не могли даже раскрывшиеся «искры», а потому всем пришлось закрыть глаза. И никто не увидел, как туман превратился в две сверкающие воронки, постепенно втягивающиеся в расплаственные на металлических столах тела. Ни одни очки не смогли бы защитить глаза от того, чего нельзя видеть. Что можно лишь пережить.

– Черепаныч?

– У меня все в порядке!

– Дьявол, я опять женщина! И старая, к тому же!

Восклицание, произнесенное надтреснутым старческим голосом, показало, что переход окончен.

– Мне еще хуже. – Мужчина попытался встать, но рука подломилась. – Ребята, вы издеваетесь?

– Что было, то и взяли.

– Хороший костюм, Догматовский, – кокетливо заметила старушка, изучая порванную одежду мужчины.

– Милая блузка, Буш, – не остался в долгу тот.

– Добро пожаловать на Подстанцию, господа.

– Не надо официоза, Карбид, не в первый раз.

– Тем более сейчас у нас не проверка. А праздничный повод. Добрый день, Виктор.

– Здесь меня называют Ясенем, – вздохнул тот, пожимая старушке руку.

– Я думал, тебе не нравится.

– Привыкаю постепенно...

– Агава! – Буш разглядел енота. – Иди сюда, мерзавец! Конфетку дам!

Животина послушно подрулила к ожившей старушке.

– Хочешь сладкого?

Енот уселся на хвост, всем своим видом показывая, что – да, не отказался бы.

– А нету! – рассмеялся Буш. – Не захватил.

Агава разочарованно вздохнул, подумал, приподнялся на задних лапах и аккуратно откусил старушке указательный палец.

Крови не было, потому что труп. Криков тоже.

Буш оглядел повреждение, крякнул и предложил:

– Займемся делами?

Посещение Подстанции представителями Царств никогда не носило формальный характер. В первую очередь, проверяющих интересовали не доклад и чтение журнала, а личные отчеты комендантov, и потому, едва освоившиеся в новых телах, Буш и Догматовский, сопровождаемые, соответственно, Ясенем и Карбидом, разбрелись по изолированным комнатам. Черепаныч остался приводить в порядок морг, Бизон с Бандерой ушли готовить помещение для церемонии, Агава смылся по своим делам, Аскольд Артурович, по всей видимости, знакомился у себя в кинозале со свежей прессой. Одним словом, никто не мешал приватным беседам.

– Он же едва шевелится, – разочарованно протянул Догматовский, пытаясь заправить в рукав вылезшую кость. – И мозги с трудом ворочаются, сплошные помехи.

– Почесать тебе спину?

– А заодно проверь, в скольких местах сломан позвоночник.

Герман улыбнулся. Догматовский покосился на предложенный стул, потом на «свою» ногу, и присаживаться не рискнул.

– Думаю, ты понимаешь, что действия Пандоры вызвали большой скандал?

Посреди фразы нижняя челюсть щелкнула, и последние слова проверяющий забавно прошамкал: «фольшой шханшал».

– Мы всегда шумим, – хладнокровно отозвался Карбид. – А потом договариваемся.

– Фоюшь, на эшох шас шахихальное хрыло шакушило удила.

– Э?

Догматовский поправил сломанную челюсть и более внятно повторил:

– Боюсь, на этот раз радикальное крыло закусило удила.

– Это пройдет.

– Я знаю, как ты относишься к руководству Царства, но сейчас у нас действительно серьезные проблемы. Некоторые лидеры требуют решительного ответа. И если радикалы одержат верх, мало не покажется никому. Ты меня знаешь, я не паникер.

– О чём идет речь?

– Они хотят отправить на Землю «чистильщика».

– Убийцу «искр»?

– Да. Чтобы убрать за Пандорой.

Действующие на Земле законы не были формальным сводом правил. Что произойдет с отлетевшей «искрой», решалось не «согласно инструкциям», а в индивидуальном порядке, учитывая все нюансы ее пребывания в мире. К примеру, «искра» Семена Костылева, который вроде как покончил с собой, не попала в Отстойник, а отправилась в положенное Царство, ибо Ручной Привод видел, кто на самом деле надавил на спусковой крючок.

Именно поэтому радикальные друзья Догматовского планировали заслать на Землю не обычного нелегала, а «чистильщика» – умельца, способного довести до самоубийства любую, даже психологически устойчивую «искру».

– Они ответят, – вздохнул Карбид, имея в виду соратников Буша.

– Еще как.

И начнется новый виток скрытых войн.

– Что сдерживает радикалов?

– Как обычно – фиговый листок. Нет доказательств, что Пандора – агент противника. Соседнее Царство уверяет, что она – обыкновенный человек с сильно развитой «искрой» и кашей в голове.

– А поскольку доказательств нет, вы удерживаете колеблющихся на своей стороне, – догадался Герман.

– Совершенно верно.

А последние инструкции из Царства требовали от Карбида захватить Пандору. Не «пресечь деятельность „резчика“», а именно захватить. Кому-то нужны козыри? Получается – так.

Безоглядно доверять Догматовскому нельзя – он политик, однако сейчас, похоже, говорит правду. Или ту часть правды, которая ему выгодна.

– Что нужно от меня?

– Необходимо убрать Пандору, – коротко и жестко ответил Догматовский. – Нельзя допустить, чтобы она попала к нашим следователям и заговорила.

– Ты знаешь правила: не все зависит от меня.

– А ты теперь знаешь расклад: война близка, и может статься, она случится из-за тебя.

– Старушка, а? Каково? – пробубнил Буш, внимательно изучая себя в зеркало. – Это Карбид придумал?

– Он просто велел добыть два свежих трупа, – спокойно ответил Ясень. – Бизон и Бандера постарались.

– Из всех щелей песок сыпется, – пожаловался Буш. – Я думал задержаться на Подстанции, подышать родным воздухом, так сказать, а теперь не уверен, что энергии хватит до конца церемонии.

– Сочувствую.

– Поверил, да? – Буш выдал старческий смешок, больше похожий на карканье. – Какой, к чертовой матери, отдых в теле трупа? Вот если бы мне клона выдали… да отпуск, денечков семь-восемь… – Быстрый взгляд на Виктора: – Как тебе здесь?

– Нормально.

– Нравится?

– Еще не знаю.

– Завтра узнаешь, – пообещал Буш. – Когда прочувствуешь свое положение в полной мере. Когда власть придет.

– Я и сейчас не чувствую себя обделенным.

– Но ведь приходится подчиняться Карбиду.

– Он не злоупотребляет.

– Конечно. – Вновь карканье. – Герман понимает, что скоро окажется в твоей шкуре.

– Не думаю, что дело в этом.

«Почему я защищаю Карбida?

Потому что уверен, что справлюсь с ним? Потому что не терплю жаловаться кому-либо? Или потому, что Буш стал чужим? Есть «мы» – сотрудники Подстанции, и «они» – те, что наверху. Не важно из какого Царства.

Нет! Нет! Буш свой!»

Но цепляться за эту мысль становилось все труднее.

– Ты молодец, Виктор, мне кажется, у тебя получится.

– Спасибо на добром слове.

– Карбид уважал Горелого, будет уважать и тебя.

– Гм... наверное.

Буш внимательно посмотрел на Ясенья. Улыбнулся. Но мысли его были далеко не радужными: «Как далеко тышел, Виктор? Точнее – Ясень. Где ты?»

Но ведь не спросишь. Потому что не скажет. Или соврет, или не ответит, потому что сам не замечает изменений. Потому что Ручной Привод берет свое незаметно. Исподволь. И глаза открываются в самый последний момент, когда уже ничего нельзя изменить и ты стал другим. Или не стал. И тогда навсегда покидаешь Землю.

«Кто ты, Ясень?»

Проверить можно только делом.

– Я слышал, вы взяли «наездника», – произнес Буш. – Молодцы.

– Спасибо.

– А как дела с «резчиком»?

– Пока плохо, – признался Виктор. – Похоже, Карбид в тупике.

– Он в тупике или ты думаешь, что он в тупике?

Не так, совсем не так представлял Ясень разговор со столь важной птицей, как Буш. Думал, встреча пройдет теплее, что поговорят откровенно, что Буш обязательно намекнет о перспективах, которые откроются по истечении командировки на Подстанцию. Виктор ждал, что разговор будет похож на те, что происходили до его возвращения на Землю, но не сложилось. Буш держался настороженно, и Ясень, не понимая причины такого поведения, машинально принял официальный тон.

– Я думаю, вам что-то от меня понадобилось, но вы не знаете, как начать разговор.

– Меня трудно смутить, Виктор, я умею озвучивать самые скользкие темы.

– Приступайте.

– Карбид не должен отправить Пандору на второй круг. Она слишком ценный агент и сделала много хорошего для нашего Царства. Мы заинтересованы в том, чтобы Пандора, разумеется, если вы ее поймете, не пострадала.

– Вы предлагаете мне изменить клятве?

– Напротив, Виктор, я прошу тебя исполнить свой долг. Ваша задача ловить агентов, а не убивать их. У нас есть весомые основания предполагать, что Карбид желает отомстить Пандоре, нацелен на ее уничтожение, именно поэтому я прошу тебя быть особенно внимательным и строго придерживаться буквы закона.

– И мне это зачтется. – На губах Ясенья, впервые с начала разговора, появился намек на улыбку.

– Ты умный мужчина, Виктор, ты все понимаешь.

Буш был отличным лгуном, замечательным, но чтобы сорвать не менее выдающемуся лгуна, требовалось быть гением обмана.

* * *

– Пузо втяни, обормот.

– На себя посмотри, растяпа! Кто же ордена налево прикручивает?

– Это иностранные ордена, их можно.

– А у тебя какое гражданство?

– А черт его знает? Мы в какой стране живем?

Первое вступление Ясения в должность коменданта – церемонию решили провести в холле второго этажа – было обставлено со всей возможной для Подстанции торжественностью.

Бизон и Бандера облачились в полевую форму мадагаскарских спецназовцев (правда, с парадными фесками и ритуальными мачете) и выстроились в шеренгу по одному. На левом фланге пристроился Агава в праздничном ошейнике. Чуть в стороне от военизированных санитаров и примкнувшего к ним зверя стояли Черепаныч (чистая спецовка, бритые щеки) и Аскольд Артурович (по обыкновению, в черном).

Даже Карбид, к безмерному удивлению Виктора, счел необходимым привести себя в порядок. Герман побрился, причесался, а вечные свитер с джинсами сменили брюки и белая сорочка.

Сам Ясень явился в холл облаченным в полувоенный френч оливкового цвета. Говоря откровенно, Виктор не был уверен, что выбрал правильную одежду, однако он давно решил встретить назначение во френче и не стал ничего менять.

Полувоенная одежка Ясения вызвала в милитаризированной шеренге бурную реакцию. Санитары вытянулись во фронт и принялись «есть начальство глазами». Агава завертелся юлой и остановился, лишь когда Буш, немного шамкая беззубым ртом, начал торжественную речь:

– Господа! Сегодня мы собрались...

– Ура! – рявкнула шеренга. Дружно, но с некоторым опозданием.

Старушка бросила на санитаров недовольный взгляд.

Бизон умолк мгновенно. Бандера – после того, как испуганно пискнул.

– Вели им прекратить, – шепотом попросил Виктор.

– Я ни при чем, – серьезно отозвался Герман. – Хочешь верь, хочешь – не верь.

– Не верю.

– Твое право.

– ...честно исполнить свой долг! – Буш посмотрел на Ясения. – Твое Царство в тебе не сомневается, Виктор. Мы верим, что ты золотыми буквами впишешь свое имя в историю Подстанции!

– Ура!

Старушка отступила и принялась озираться в поисках стула, а ее место занял полуразрушенный мужчина.

– Уважаемый Виктор! В первую очередь, я... – Сломанная челюсть предательски щелкнула, и фраза повисла в воздухе.

Догматовский принялся возвращать физиономии работоспособность, а Ясень вновь обратился к Герману:

– Этого я тебе не прошу! Превратить в балаган такой день!

– Повторяю: я ни при чем. Но что происходит, понимаю.

– Что?

– Компенсация твоей чрезмерной серьезности.

– С какой целью?

– Чтобы важность момента не затмила важность происходящего, – объяснил Карбид. – Думай не о том, что ТЫ станешь комендантом, а о том, какая это ответственность.

– ...от лица нашего Царства, уполномочен поздравить вас со вступлением в должность коменданта. Надеюсь, что в предстоящую неделю вы будете работать, как...

– Две недели, – поправил антагониста Буш. – Карбид был комендантом две недели.

– Извини, запамятовал.

– Ничего страшного. Наш парень будет командовать на Подстанции две недели, а не одну.

– Я не оспаривал!

– Тогда почему...

– Господа, – устало произнес Карбид. – Сейчас начнется самое главное.

Проверяющие замолчали.

Черепаныч, повинуясь кивку Германа, надавил на кнопку переносного пульта, и где-то внизу тихонько заурчал Ручной Привод.

Виктор глубоко вздохнул.

«Сейчас! Это случится сейчас!»

И поймал себя на мысли, что еще никогда слова, которые он собирался произнести, не весили так много.

«Это просто слова...»

«Просто слов не бывает. Ведь когда-то все началось именно со Слова...»

Ясень вздрогнул.

«Это моя мысль? Почему я вспомнил про Слово? Почему именно сейчас?»

Собравшиеся ждали, а он молчал. Стоял перед ними в своем оливковом френче и молчал.

«Вначале было Слово!»

И теперь ему предстоит его произнести. Не то же самое, другое, но тоже важное. В этом месте. Рядом с Ручным Приводом, который он отчаянно считает механизмом. Он скажет Слово тем, кого считает законченными психами. Теперь это его паства и его братья, его семья и его народ. Он даст им Слово, и оно будет услышано, потому что его хотят услышать.

«Но хочу ли я произнести Слово?»

Ясень медленно обвел взглядом притихших людей, вздохнул, и решил:

– Единой волей двух Царств и собственным желанием служить закону, я, Виктор де ла Вега... – и вдруг понял, что нельзя ограничиваться только этим именем. Оно не полное. Понял и, запнувшись, добавил: – которому в этом месте даровано имя Ясень, стоя перед лицом Колыбели, клянусь...

Глава 7

Незапущенный Ручной Привод равномерно попыхивал короткими порциями белого пара. Без надрыва. Без усилий. Просто демонстрировал, что не поломался и в любой момент разгонится до максимальной скорости. Только прикажите – сделаем. Ременные передачи спят, большинство зубчатых колес – тоже, лишь одно, в самом центре, важно и неспешно, почти незаметно наворачивает бесчисленные круги, а на панели управления горит единственная клавиша: «Нажать, если что».

– Черепаныч! – Рев Ясения окутал помещение, без труда перекрыв слабый шум Привода, однако ни к какому результату не привел: механик не явился. – Черепаныч!

Около столика нет, возле пульта управления нет, около машины… В кишках Ручного Привода могло без труда сгинуть с десяток Черепанычей, да так, что отыскать их не смог бы и десяток Шерлоков Холмсов. Лезть в нутро устройства не было никакого желания.

– Черепаныч!

– Томатный сок?

Ясень резко обернулся и едва не толкнул вошедшего в помещение механика.

– Э-э…

– Томатный сок? – Черепаныч держал в руках два бокала с красным и густым.

– Пожалуй. – Виктор принял бокал, сделал глоток: не холодный и не теплый, чуть подсоленный, именно такой, каким должен быть. – Спасибо.

– На здоровье, Ясень, на здоровье. – Выпив примерно половину, Черепаныч вытер рукавом губы и хитро улыбнулся: – На костюмчик не накапайте.

Виктор сумел не покраснеть. Хотя и смутился.

«Какого черта я снова напялил френч?!»

Внятного ответа на этот вопрос у Ясения не было. Проснувшись, хотел было убрать парадный костюм в шкаф, но неожиданно для себя передумал.

«И напрасно…»

Если вчера оливковая униформа вызвала простое оживление, то сегодня не избежать хихиканья.

– Был у меня в Таиланде случай: давили сок из черри. Получалось мешок на стакан…

– Черепаныч, – хмуро произнес Виктор. – Надо поговорить.

Он знал, что традиции Подстанции запрещали перебивать механика, однако не хотел выслушивать очередную байку. Черепаныч, надо отдать ему должное, не обиделся:

– О чем?

– Конфиденциально.

– Могли бы и не уточнять.

– Я пришел к вам потому, что вам можно доверять.

– На Подстанции можно доверять всем, – тихо произнес механик. – Ну, разве что кроме Бизона и Бандеры. Да и они в целом вполне вменяемые ребята.

– Можно доверять всем?

– Вас это удивляет?

Просьба о конфиденциальном разговоре вызвала вполне предсказуемую реакцию: Черепаныч решил проверить искренность Виктора, и тому пришлось говорить правду:

– Я не привык верить всем.

– Вам нужно учиться пребыванию среди единомышленников, – улыбнулся механик. – Мы на Подстанции, Ясень, не на Земле и не во Вселенной. Мы посреди. И если не будем доверять друг другу, очень быстро окажемся или на Земле, или во Вселенной.

В прошлый раз: «Система вас отвергнет», в этот: «Или на Земле, или во Вселенной». Только сейчас Черепаныч сказал: «Мы», и это дало Виктору возможность перевести разговор на самого механика:

- Вам бы этого не хотелось?
- Я привык быть на Подстанции, – скруто ответил Черепаныч. – Здесь мой дом.
- Ясно.

Выбранный механиком тон четко давал понять, что он готов обсуждать исключительно проблемы коменданта.

«Ничего, доберусь до тебя в другой раз!»

- У меня не появилась татуировка.

Черепаныч отнесся к сообщению с философским спокойствием:

- Вы еще не часть системы.
- Я принес присягу! – возмутился Виктор.

Вчерашний день, церемония, речи, праздник... Банquet, в конце концов, с которого «искры» расплзались в состоянии риз. Арчибалд уснул в углу. Агаву вырвало под стол. Дважды. Бизон с Бандерой наперебой плясали со старушкой-Бушем канкан. На столе. Посуды набили на три мешка. Догматовский потерял челюсть и требовал от енота найти ее по запаху. Енот приносил живую рыбу. Черепаныч и Карбид пели хором...

Стоп! Отставить вспоминать банкет! Церемония! На которой Ясень нервничал, как когда-то на посвящении. Даже больше, потому что был теперь не безусым юнцом, а битым жизнью мужиком, прошедшим через смерть и Царство. Нервничал, потому что жаждал стать комендантом. Потому что не терпелось примерить на себя венец самой редкой и почетной во Вселенной должности.

Я буду управлять Ручным Приводом!

А татуировка не появилась.

- Что происходит?!
- Вы произнесли слова, – пояснил механик. – Теперь они должны стать вашей сутью.
- Они стали моей сутью!
- Получается – еще нет.

Спор заглох. Татуировки нет, а значит, в словах Черепаныча есть правда или часть ее.

– Не все так плохо, как вам кажется, Ясень, – мягко произнес механик. – Ни один комендант не обретал татуировку сразу после присяги. Она появится позже. Когда вы прочувствуете смысл произнесенных слов и примете его.

– А до тех пор я лишен власти?

– ЭТО вас беспокоит?

«А разве этого мало?!»

– Я – комендант.

– Официально – да. Вы произнесли текст и обрели всю полноту власти. Вы – комендант Подстанции. Вы принимаете решения, отдаете приказы и отвечаете за них. Вы имеете право судить. Вы, и только вы.

Власть над Ручным Приводом. Над самым таинственным и самым мощным механизмом Вселенной. Ее вручают избранным. Ее вручают самым лучшим. Так говорили Виктору.

Но кто выбирает лучших? Царства? А как определяют они тех, кому можно доверить почти безграничную власть?

– Хотите сказать, что сейчас меня судят? Определяют, достоин ли?

– Вас оценивают с самой первой секунды, Ясень. Просто решение пока не вынесено.

– Но кто оценивает, Черепаныч? Кто?! Кто выше раскрывшихся «искр»? Кто выше Царств? Кто? Ручной Привод? Подстанция? «Это место»?! Опомнитесь! Мы находимся на базе, построенной нашими Царствами для обеспечения безопасности Земли. Мы чиновники,

Черепаныч, контролирующий орган. Мы винтики Царств, которым принадлежит Вселенная! Для раскрывшейся «искры» нет тайн!

– В таком случае, идите в ближайший тату-салон и сделайте себе вожделенный рисунок, – грубовато предложил механик.

– Главной политической новостью вчерашнего дня эксперты единодушно признали неожиданный визит сенаторов Георгия Буша и Хариссона Догматовского на дрейфующую космическую станцию «Клязьма 19–19», пролетающую в данный момент над магнитным полюсом Юпитера. На встрече с храбрыми исследователями Ганимеда, состоявшейся в рамках турне, Георгий Буш тепло поздравил собравшихся с очередной годовщиной открытия Юпитера и заявил, что распространение демократии...

Ясень покрутил ручку, убрав громкость радиоприемника до едва слышного шепота, и, брезгливо оглядев храпящего на диване Карбиду, потряс его за плечо:

– Вставай, время.

Герман спал одетым, только туфли стянул да носки. До своей комнаты не дошел: развалился в дежурке на старом диване, укрывшись потертым клетчатым пледом. Рядом, на полу, валялась бутылка из-под текилы, в которой погиб окурок сигары. Дополняла натюрморт аккуратная горка пепла.

– Время, Карбид!

Герман попытался отмахнуться:

– Какое время?

– Время подъема!

– Если ты такой энергичный, подключи к себе лампочку, – пробубнил Карбид, натягивая на лицо плед.

– Хватит дурака валять!

– Он еще не навалялся.

Герман понял, что спать дальше напарник не даст, и со вздохом откинулся на спинку дивана.

Взгляд мутный, лицо опухшее, волосы всклокочены, а запах изо рта способен свалить с ног буйвола. Старший помощник коменданта Подстанции, черт бы его побрал!

– Не стыдно?

– То, что я тянусь к светлому и возвышенному, не мешает мне времени оттявствовать грубо и примитивно.

– Избавься от похмелья!

– Зачем? – икнув, осведомился Карбид. – Без него ощущения от выпитого вчера не будут полными.

Герман медленно поднялся с дивана, кряхтя, потянулся, подошел к шкафчику со знаком радиационной опасности, открыл дверцу и вытащил запотевшую бутылку пива.

– Черт! – не сдержался Ясень.

Поразило его не наличие бутылки, а то, что под внушающим уважение знаком прятался холодильник.

Ловким ударом о край Карбид вскрыл бутылку, внушительным глотком опустошил ее почти наполовину, после чего подошел к почтовому ящику и врезал по синему пузу кулаком. Откуда-то снизу выпал запечатанный сургучом конверт.

– Тебе.

Пищащая машинка кокетливо щелкнула буквой «ё». Телеграфный аппарат ехидно выдал полметра бумажной ленты. В ящике биологической опасности зашуршало. Барометр, подумав, показал «штиль». Оборудование «класса А» приветствовало новое начальство.

Ошарашенный Виктор поднял послание с пола.

– От кого?

– Не знаю, – пожал плечами Герман и, усевшись в кресло, допил пиво. – Каждый, кто впервые вступает в должность коменданта, обязательно получает письмо.

– Врешь.

– Можешь его выбросить, – безразличным тоном произнес Карбид.

Ясень поколебался, но конверт вскрыл и громко прочитал:

– «Настоящим доводим до Вашего сведения информацию о настоятельной необходимости...» Что за бред?

– Мое письмо начиналось словами: «Учитывая сложившуюся обстановку, призываем к немедленному решению», – поведал Герман. – Со словоблудием у нас все в порядке.

– Твоя работа?

– Нет.

– Врешь.

– Не хочу ругаться, – устало ответил Карбид.

– Лично перекрасить коридоры семь и одиннадцать?! – Виктор потряс письмом. – Выдать Черепанычу запасные рукавицы из фонда осенне-весенних полевых работ?

– Он давно клянчит.

– Порекомендовать Бизону поступить в технологический колледж?

– Откажется.

– И ты уверяешь, что не писал эту чушь? – Ясень яростно посмотрел на Германа. – Пошутить решил?

– Я...

– Господин комендант! – Дверь приоткрылась, и в дежурку заглянула украшенная буденовкой голова Бандеры. – Господин комендант, там милиция вокруг ходит.

– Вокруг тебя и Бизона?

– Не, вокруг Подстанции. Бизон их сторожить остался, а я сюда. Доложить дабы. По Уставу внутренней службы.

– Какая милиция?

– В одном лице, господин комендант, но без формы. В штатском. Это опаснее.

– Сейчас разберусь.

Ясень вновь посмотрел на сма��ующего похмелье Карбида, но продолжать ругань не стал, поджал губы и вышел вон.

* * *

– Где «Малая Земля»? – поинтересовался Стоценко, едва они вошли на территорию больницы.

– Разве вы не пойдете к главврачу? – удивился Олег.

– Зачем?

– Ну... поговорить, – сбился молодой человек. – Может, сведения какие раздобыть.

– Я что, разведчик?

– Нет. – Олег понял, что переборщил, и попытался оправдаться: – Я понимаю, что мало смыслию в вашей работе. И не собирался давать советы. Просто...

Просто нервы на пределе. И хочется получить все и сразу. Надавить и узнать, что случилось с Юлей. А на кого давить, как давить – кто об этом думает?

– Работать надо аккуратно, – наставительно произнес Стоценко. – Если ваши подозрения окажутся небеспорочными и на «Малой Земле» действительно творятся темные делишки, то главврач нам вряд ли об этом расскажет.

– Я понимаю.

– А разобрать с первого взгляда, что сидящий перед тобой человек – злодей, можно только в кино. В жизни все гораздо сложнее.

Олег вспомнил, что говорила об академике Митине Юля, что слышал о главвраче Михайловской из газет, и понял причину осторожного поведения Стоценко. Митин – слишком весомая фигура, лезть к нему с расспросами, а уж тем более бросаться подозрениями, себе дороже. Прежде чем браться за такого тяжеловеса, следует получить максимум информации.

– Сейчас о ваших предположениях следует забыть. Нет маньяка, нет тайной лаборатории по пересадке органов. Запомните крепко-накрепко: ничего этого нет. Мы ищем Юлю Соболеву в том месте, где ее видели в последний раз. У нас нет никаких подозрений, мы ищем не следы, а свидетелей. Чувствуете разницу?

– Совсем забыть?

Стоценко вздохнул, удивляясь про себя простоте молодого спутника.

– Что сделает честный человек, узнав о подозрениях в свой адрес? Бросится жаловаться. Скорее всего – академику Митину. Тот подключит связи, мне дадут по шапке, и путь в Михайловскую будет закрыт.

– Так просто?

– Я излагаю самый плохой вариант развития событий. Что сделает преступник? Постараётся спрятать все следы и затаиться. И, разумеется, выставить себя честным человеком. А что сделает честный человек, мы уже знаем. Поэтому мы не должны рассказывать о своих подозрениях направо-налево. Мы будем спрашивать, слушать и снова спрашивать. И только о Юле.

К Ольге милиционер тоже не пошел, объяснив, что девушка рассказала все, что знала, и вряд ли добавит что-нибудь новое. Во всяком случае, пока. Судя по всему, Стоценко все решил заранее, а потому Олег молча указал на нужную дорожку парка и коротко кивнул, когда из-за деревьев появилось здание «Малой Земли».

– Вот.

– Нечто подобное я и представлял. – Стоценко огляделся. – В глубине парка... Слишком длинный подъезд... Не очень удобно для ваших страшных подозрений.

– Позади «Малой Земли» находится подстанция «Скорой помощи», – сообщил молодой человек. – В заборе есть ворота, потом еще пятьдесят метров и ворота на улицу.

– Не упускаете ни одной детали?

– Постарался изучить.

– Правильно, – одобрил Стоценко. – Въезд через подстанцию? Может быть... но не слишком ли много свидетелей?

Олег пожал плечами, мол, «вам виднее».

– А что за машина у подъезда?

– «Победа», – спокойно объяснил молодой человек. Он намеренно не рассказал об автомобиле в участке, точнее, рассказал бы, не согласись старший лейтенант отправиться в Михайловскую, – в качестве дополнительного основания для подозрений. Теперь же получился небольшой сюрприз.

Милиционер с иронией посмотрел на Олега:

– Я сам вижу, что это «Победа». Но не слишком ли она новая?

– Год в лучшей тюнинговой мастерской Германии. Самые горячие головы из числа врачей считают, что реставрация и модернизация обошлась в миллион евро. Однако я считаю, что не более ста пятидесяти, ну, может быть, двухсот тысяч.

Стоценко крякнул:

– Чья?

– Нового патологоанатома.

– Э-э... – Новость произвела нужное впечатление. Ошарашенный Стоценко покрутил головой, продолжая разглядывать белоснежный автомобиль, после чего осведомился: – Родители – миллионеры?

– Откуда мне знать? – Олег указал на шаркающего по дорожке старика: – Спросите у него.

– Тоже с «Малой Земли»?

– Ага. Ольга про него говорила.

Милиционер прищурился на высокого сутуловатого старика в черном плаще. Под мышкой – свежая газета, в руке – авоська с пакетом молока и каким-то свертком.

– Именно про него говорила?

– Она сказала, что среди работников есть высокий старик, который ходит только в черной одежде. Мы его видим, он идет на «Малую Землю», а значит...

– Ход ваших мыслей понятен, – улыбнулся Стоценко. – Присядьте на лавочку и ждите. Ничего не предпринимайте. Договорились?

– Да.

Милиционер поднял вверх указательный палец:

– Не подведите меня. – Повернулся и в несколько шагов догнал медленно бредущего Арчибальда. – Добрый день!

Старик остановился и вопросительно посмотрел на Стоценко. Потрепанное, изрезанное морщинами лицо, бледные губы, пятна на шее, и в то же самое время – диссонансом – умные, живые глаза.

– Можно с вами поговорить?

Короткий кивок.

– Вы работаете на «Малой Земле»?

Арчибалд поразмыслил, переложил газету в авоську, вытащил из кармана плаща авторучку, маленький блокнот и быстро написал:

«Меня зовут Артур Аскольдович».

Стоценко крякнул и потер подбородок.

– Вы немой?

«Я немой».

– Вы работаете на «Малой Земле»?

«Вы кто?»

– Извините, не представился. Старший лейтенант Стоценко, отдел розыска пропавших... – Милиционер продемонстрировал удостоверение. – Ищу кое-кого.

«Меня?»

– Вы работаете на «Малой Земле»?

«Я работаю в больнице».

– Это я и имел в виду, – кивнул Стоценко. – Какая у вас должность?

«Киномеханик».

– Киномеханик?

«Показываю учебные фильмы».

– В больнице есть кинозал?

«Обязательно».

– Гм... – неожиданная новость заставила Стоценко на мгновение запнуться. – Артур Аскольдович, вы работаете каждый день?

«Да».

– Вы когда-нибудь видели эту девушку? – Милиционер показал старику фотографию. – Ее зовут Юлия Соболева. Журналистка.

Арчибалд внимательно изучил снимок, после чего отрицательно покачал головой.

– Несколько дней назад она была на «Малой Земле», а после этого пропала.
«Я ее не видел».

– Жаль… – Стоценко убрал фотографию в карман. – Вы идете на работу?
«Да».

– Позволите составить вам компанию? Мне нужно поговорить с вашим начальником.
Старик пожал плечами, убрал блокнот и неспешно зашагал к «Малой Земле».

Встретивший Стоценко красавчик совсем не походил на того «администратора», которого описывал Олег. Судя по рассказу парня, главным на «Малой Земле» человеком, он же – главный подозреваемый, являлся потертым мужчина под сорок, равнодушный к одежде и отличающийся странным поведением. Еще упоминалась черная татуировка на шее – крест, обрамленный мелкой надписью. Старик же привел старшего лейтенанта к довольно молодому – не старше двадцати пяти – парню в дорогом костюме, белой рубашке и галстуке. Он принял Стоценко в просторном кабинете на втором этаже здания, вежливо представился: «Виктор», усадил в кожаное кресло и предложил «чего-нибудь бодрящего».

«Секретарь мне не положен, поэтому если захотите кофе, мне придется делать его самому».

Утруждать вежливого Виктора милиционер не решился, но от «бодрящего» тоже отказался: «Служба». На том и порешили.

«Главный человек „Малой Земли“ занял кресло напротив и дружески осведомился, какого черта его отвлекают от работы незваные гости? В смысле вежливо поинтересовался, по какому делу на подотчетной территории объявился представитель власти? Тратить время на пустую болтовню Стоценко счел излишним и сразу взял быка за рога:

– Пропала девушка, журналистка, Юлия Соболева. – Милиционер протянул собеседнику фотографию: – Узнаете?

– Никогда не встречал. – Виктор повертел снимок в руке и вернул старшему лейтенанту.

– Свидетели показали, что незадолго до исчезновения Юля направлялась в ваш корпус.

– И что? – хладнокровно поинтересовался Ясень.

– А ваш сотрудник Герман сообщил, что видел девушку и разговаривал с ней.

– Герман?

– Да, – подтвердил Стоценко. – Кстати…

– Герман, – угрюмо, словно сплюнул, повторил Виктор, и в то же мгновение в окно ударила птица.

Нет, не ударила – ударились. Неприлично разогнавшийся воробей попытался пробить толстое стекло и ожидаемо перешел в следующее агрегатное состояние, став красным шлепком на прозрачной преграде.

Машинально обернувшийся милиционер издал изумленное «Ого!» и посмотрел на Виктора. И еще больше удивился, поняв, что собеседник оставил эпизод без внимания.

– Герман…

– Кстати, я хочу с ним поговорить.

– У него выходной.

– Как неудачно.

– Совпадение.

– Как раз в тот день, когда… – А что, когда? О своем визите Стоценко никого не предупреждал, а потому смущенно закончил: – Гм…

Виктор приятно улыбнулся.

Милиционер откашлялся.

– Вы не подскажете, какую должность занимает Герман?

– Администратор.

– Администратор чего?

– Ну… всего, что тут, – с долей пренебрежения отозвался Ясень, демонстрируя, что удивлен и разочарован недостаточной сообразительностью гостя. – Без администратора никак нельзя.

– А вы тогда кто?

– Заведующий моргом. Я – врач-патологоанатом.

– И кто из вас кому подчиняется?

– Мы делаем общее дело: стоим на страже здоровья нации, – веско ответил Виктор.

– Администратор и патологоанатом?

– Даже больничные кочегары имеют непосредственное отношение к медицине, согласно должностной инструкции.

Стоценко припомнил, что Олег назвал Германа странным, и поймал себя на мысли, что готов наградить тем же эпитетом Виктора. Именно странный.

Ясень был вежлив, но явственно подчеркивал, что корректен только потому, что сам этого хочет. Он отвечал на вопросы, но в тоне постоянно слышалась непроизнесенная фраза: «Не твое дело». Старший лейтенант не чувствовал той наглости, которую охотно демонстрировали сыники и племянники разного рода «серезных и уважаемых» людей. Однако подсознательно – именно подсознательно – ощущал пропасть, лежащую между ним и патологоанатомом резервного морга одной из городских больниц.

– У вас замечательная машина, – пробубнил Стоценко просто для того, чтобы не молчать. – Мне очень понравилась.

– Папин подарок, – отозвался Виктор. – Он у меня большой оригинал.

– Любит старые машины?

– Я люблю. А он меня балует.

– Если не секрет, почему вы…

Это был естественный интерес: человек, способный выложить не одну сотню тысяч на восстановление и тюнинг пятидесятилетней «Победы», не должен работать патологоанатомом в мелком морге. Не должен и не может. Ситуация не просто выходила за рамки обыденного – она противоречила здравому смыслу.

Итак, вопрос должен был прозвучать невинно, однако не прозвучал: Виктор не позволил.

– Так вот, Герман… – буркнул он. – Если Герман сказал, что видел девушку, значит, так оно и есть. Приходите завтра, сможете поговорить лично.

Более прозрачного намека на окончание встречи не требовалось. Нет человека – нет разговора. Всем спасибо.

Стоценко начал подниматься на ноги, выбирая подходящую слушаю прощальную фразу, но замер, среагировав на внезапно заработавший приемник. Точнее, на полившиеся из него слова:

– Почему же именно Михайловская больница? Во-первых, личность главврача. Академик Митин знаменит еще с советских времен и обладает широчайшими связями в московских и федеральных коридорах власти, что обеспечивает преступной организации замечательную крышу. Митин вне подозрений, а вместе с ним и его хирурги, занимающиеся подпольной трансплантацией органов. Не менее важным фактором является удобное расположение Михайловской больницы, точнее, того из ее корпусов, который называется «Малой Землей». Здание стоит прямо над входом в старинное подземелье, которое можно использовать и как потайной склад, и как путь отступления на случай бегства…

Ясень медленно поднялся – всем своим видом показывая, что выключает приемник только потому, что тот мешает разговору, неспешно подошел к полке и надавил на кнопку.

– Занятная программа, – пробормотал Стоценко.

– Местная станция.

– Доктора прикалываются?

– На самом деле барахлит аппаратура, – вздохнув, объяснил Ясень. – Вы только что прослушали часть отчета телепатического блока Ручного Привода, составленного по результатам анализа мыслей вашего спутника.

Милиционер сглотнул.

– Вы...

Что делать? Броситься на франта? В честь чего, скажите на милость? Виктор спокоен, ни одного угрожающего жеста, никакой угрозы в голосе. Но Стоценко чувствовал, что за непробиваемой стеной безмятежности таится нечто страшное. Нечто...

Оконное стекло вздрогнуло, приняв на себя еще один удар. Судя по расплывающемуся следу, на этот раз в кабинет пытался прорваться средних размеров голубь.

– Мне показалось или ваши руки действительно потяжелели? – участливо поинтересовался Ясень.

Но холодный огонь, горящий в его темных глазах, был далеко не столь дружелюбен, как мягкий тон. Черное пламя манило, затягивало, заставляло путаться мысли.

– Немного, – прошептал старший лейтенант.

– И ноги тоже, – выдохнул Ясень. – Вы так устали, что не можете подняться, не так ли?

– Так.

– А не поговорить ли нам, раз вы все равно пока не уходите?

Стоценко перестал моргать. Не отрываясь, смотрел в глаза Виктора и не моргал. А отвечал механическим, совершенно неживым голосом.

– Зачем вы пришли?

– Я ищу журналистку по имени Юлия Соболева.

– Когда она пропала?

– Три дня назад.

– Герман подтвердил, что видел девушку?

– Да.

– Герман. – Ясень выругался. – Герман!

В окно врезался еще один голубь.

Стоценко отсутствовал почти час, и за это время Олег выкурил четыре сигареты, три из которых – в последние двадцать минут, когда в голову полезли идиотские мысли. То молодой человек начинал размышлять о том, не убили ли старшего лейтенанта, как Юлю...

«Опомнись! Юлька жива!»

То переживал, что на «Малой Земле» развернулся торг за молчание и позарившийся на крупную сумму Стоценко свернет расследование. То...

– Привет!

Задумавшийся Олег не увидел милиционера и буквально подпрыгнул, услышав голос.

– Ой!

– Спите?

– Какое там! – И жадно посмотрел на старшего лейтенанта: – Какие результаты?

– Плохие.

У Олега упало сердце.

– То есть?

– Нет на «Малой Земле» никаких тайн или секретов, – сообщил милиционер, присаживаясь на скамейку. – Ничего противозаконного, никакого криминала.

«Купили?!»

Однако Стоценко вел себя как обычно. Если играл, то блестяще, ни жестом, ни голосом не выдавая, что врет. Он говорил убежденно и очень уверенно.

— Я обошел весь корпус, поговорил с сотрудниками. Короче, кроме Германа еще два человека видели, как Юля уходила с «Малой Земли». Готовы дать показания.

— Его подчиненные?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Стоценко. — Медсестра из центрального корпуса и санитар главного морга. Версия умерла. — Он неожиданно перешел на «ты»: — Олег, я понимаю — ты нервничаешь, все понимаю, но я ведь не первый день в органах. И на поиске людей не первый день. Я поговорил с ними, посмотрел на них... Не те это люди, чтобы что-то скрывать. Никаких лабораторий или подпольных операционных на «Малой Земле» нет и быть не может. Там сидят неудачники. Понимаешь, Олег, стопроцентные неудачники. Гетто для серых. Думаю, потому главврач и не сносит корпус. Из жалости.

— А где Юля?

Старший лейтенант погрустнел:

— Боюсь, Олег, что твоя девушка поймала случайную машину, чтобы побыстрее добраться до дома, и отправилась в путешествие в один конец.

Несмотря на охватившее раздражение, грозившее перейти в приступ бешенства, Ясень не потерял над собой контроль и организовал собрание с соблюдением всех норм внутреннего поведения и сложившихся правил хорошего тона. Местом встречи Виктор благородумно избрал кинозал, прекрасно зная, что Арчибалд с большой неохотой покидает свое логово. За Черепанычем Ясень спустился лично, санитары вертелись неподалеку, Агава притащился сам, Герману скинул сообщение на мобильный, однако заместитель приказ проигнорировал. Что и стало первой обсуждаемой темой.

— Кто видел Карбida? — поинтересовался Виктор, в упор разглядывая подчиненных.

— Я, — поднял руку Бизон.

— Где?

— Ушел. То есть уходил, когда я его видел.

И поправил сползающую на глаза каску. Первый рабочий день нового коменданта санитары отметили, нарядившись в униформу калифорнийской дорожной полиции, одной из составляющих которой служили белые мотоциклетные шлемы.

— Куда ушел?

— Господин старший помощник не обязан докладывать нижним чинам о своих передвижениях, господин комендант, — молодцевато отрапортовал Бандера и с гордостью посмотрел на приятеля: «Мол, смотри, какую я длинную фразу выдал».

Арчибалд коротко зевнул в кулак. Черепаныч хмыкнул. Агава уселся на пятую точку и принялся искать у себя на пузе.

Ясень с огромным трудом остановил готовый вырваться из горла рев.

«Ни в коем случае!»

Потом, когда появится настоящий авторитет, когда они станут подчиняться не только потому, что обязаны, но по собственному желанию, вот тогда можно кричать, выражая свое недовольство. Сейчас же они просто выслушают вопли, с отстраненной вежливостью покивают головами и разойдутся, со смешками обсуждая несдержанность нового командира.

— Поводом для экстренного собрания стал визит милиционера, — спокойно произнес Виктор.

— Не в первый раз, господин комендант, — обронил Бизон. — Милиция к нам захаживает.

Ясень не обратил на замечание кочегара внимания.

— Старший лейтенант Стоценко ищет пропавшую девушку, журналистку Юлию Соболеву. — Виктор показал подчиненным фотографию. — Кто-нибудь ее видел?

Молчание. Ясень понял, что вопрос вызвал замешательство: сотрудники Подстанции внимательно разглядывали снимок, однако спокойным оставался только Арчибалд. Меха-

ник опустил голову. Бизон с Бандерой хихикали, но глаза отводили. Агава торопливо смылся под кресла.

– Мне повторить вопрос на каком-нибудь другом языке? Черепаныч?

«Посмотрим, будешь ли ты врать начальству?»

– Мы ее видели на «Передаточной», – хмуро ответил механик.

– Кто мы?

– Мы это мы, – объяснил Бизон. – В смысле я и он, и он.

– Почему не задержали?

– Я решил, что она новая кассирша, – брякнул механик.

– А мне она привидением показалась.

– А мне – шлюхой, – торопливо перебил приятеля Бизон. – На «Передаточной» иногда стоят всякие.

Однако Виктор уловил оговорку белобрысого.

– Почему Юля показалась тебе привидением?

– Да уж, брат Бандера, лучше помалкивать и казаться дураком, чем открыть рот и развеять все сомнения, – прошептал Бизон и отвернулся.

Черепаныч еще ниже опустил голову. Арчибалд поджал губы. Агава подумал и укусил белобрысого за икру.

Проговорившийся Бандера с надеждой посмотрел на приятеля, понял, что поддержки не будет, потер ногу и обреченно ответил:

– Так, это... «искра»...

– Ты почувствовал, что у Юли развитая «искра»?

– Да.

– Ты тоже почувствовал? – Ясень жестко посмотрел на Бизона.

К удивлению Виктора, второй санитар взглядел выдержан.

– Нет, господин комендант. Я же сказал, что принял девчонку за шлюху.

Глаза смотрели с привычной наглостью.

Странно, очень странно, что второй продолжает врать даже сейчас, но... Но с Бизоном можно разобраться потом.

– Ясно. – Ясень повернулся к механику: – Черепаныч?

– Я думал, что это новая кассирша.

– Решение о закрытии на «Передаточной» кассы было принято тридцать четыре года назад.

– А решение о возобновлении работы могли принять вчера. – Стало понятно, что механик, как и Бизон, готов упорствовать до конца. Но против Черепаныча у Виктора были дополнительные козыри.

– В тот день, когда исчезла Юля, вы запускали Ручной Привод. Как вы думаете, девушка могла оказаться в поле действия устройства?

– Я ее не видел.

– Получается, ты девчонке «искру» развил своим Приводом, – заржал Бизон.

– Своим приводом! Ну, ты прикололся, брат Бизон.

– Умею, блин, прикалываться, брат Бандера.

Однако Ясень не позволил шустрым кочегарам перевести разговор в шутливую плоскость.

– Отставить веселье!

– Слушаюсь, господин комендант!

– Слушаюсь, господин комендант!

Тяжелый взгляд на механика.

– Черепаныч, вы точно ничего не хотите добавить?

— Мне нечего больше сказать, господин комендант, — твердо ответил тот.

— А если начнется расследование?

Черепаныч неопределенно пожал плечами:

— Начинайте.

Если бы Виктор обратил внимание на остальных подчиненных, он бы наверняка заметил, что взгляд Бизона потерял привычную наглость. Сейчас синие глаза смотрели зло. Очень и очень зло. И сонливость Бандери куда-то пропала: белобрысому не нравилось, что Ясень давит на механика. Спокойным по-прежнему оставался лишь Арчибалд.

Если бы...

Но Виктор не видел взглядов лохматых, потому что вплотную подошел к Черепанычу и тихо-тихо, только для него, произнес:

— Вы говорили, что Подстанция пребывает в идеальном состоянии. Уверены в своей незаменимости?

— Я уверен в своих поступках, господин комендант, — едва слышно ответил механик. — Этого достаточно.

— И готовы за них ответить?

— Готов.

* * *

— Доброе утро, Иван Алексеевич. — Карбид приоткрыл дверь кабинета Митина, однако входить не стал, лишь заглянул. — Можно?

— Я ведь сам тебя вызвал, — улыбнулся главврач.

— А вдруг передумали?

— Входи, входи, Герман, не стесняйся... — Митин дождался, пока Карбид займет кресло, после чего осведомился: — Как дела?

— Потихоньку, Иван Алексеевич. Функционируем по мере сил.

— Готовишься к отопительному сезону?

— Со всей старательностью, Иван Алексеевич.

— Генератор проверяли?

— Дважды.

Могло показаться, что в словах Карбида таится издевка, однако главврач реагировал на слова Германа абсолютно спокойно — слишком давно он знал сидящего перед ним человека. Да и Карбид понимал, что Митин его вызвал совсем не для того, чтобы узнать, готова ли к зиме резервная котельная.

— Ты в курсе, что учудили твои санитары?

— Иван Алексеевич, вы же прекрасно понимаете, что они не воровали трупы. Речь идет об обыкновенной ошибке. Ребята решили, что главный морг переполнен, и отвезли поступившие тела к нам.

— А в результате мы имеем бьющихся в истерике родственников.

— Согласен — плохо, но ведь все разъяснилось.

— А палец зачем старушке отняли?

— Случайно дверью прищемили.

— Растворы!

— Пришли так, что никто не заметил. Я ведь лично...

— Оставь. — Академик вздохнул. — Как собираешься наказывать?

— Выговор? — неуверенно протянул Герман.

— С занесением.

— И лишение премии по итогам... месяца.

- Может, года?
- Слишком сурохо.
- Ладно. – Митин помолчал. – Как новый парень?
- Виктор молодец, – спокойно отозвался Герман. – Справляется. А где не справляется, там старается.
- Мне говорили, он хваткий.
- Так и есть.
- Не скучно ему у нас?
- Он не дурак и адекватно воспринимает свое положение.

В Михайловскую больницу Ясения легализовали самым простым и надежным способом: через взятку. Завуалированную, разумеется, взятку, ибо Митин был щепетилен до крайности и несдержан с нечистыми на руку людьми. Царства организовали встречу академика с «отцом» молодого человека, страстно желающим, чтобы сбившийся с пути сынуля набрался ума-разума в «самой лучшей больнице страны». Благо по образованию сынок оказался врачом-патологоанатомом, а в Михайловской как раз образовалась вакансия из-за «спешноуволившегося» Горелого. В качестве бонуса предлагалось полностью переоснастить любое из отделений больницы. Небольшое благотворительное пожертвование ценой в 3–5 миллионов. Митин понял ситуацию по-своему: сынок что-то натворил и теперь должен отсидеться в тихой гавани. Академик поговорил с Виктором, оценил профессиональные качества кандидата, остался доволен, а потому отказываться от щедрого предложения не стал. Стороны ударили по рукам. Было ли во время переговоров осуществлено воздействие на «искру» академика, история умалчивала, но Карбид полагал, что без этого не обошлось. Как бы там ни было, на ближайшие несколько лет Ясения легализовали, а дальше будет видно.

- До тебя дошли слухи, которые о нем ходят?
- Что Виктора готовят вам на смену?
- Да.
- Слышал, конечно. – Карбид улыбнулся: – Я думал, это вы их запустили.
- Зачем? – «искренне» удивился Митин.
- Проверить реакцию личного состава.
- Ерунда какая! – Академик пристально посмотрел на Германа, понял, что тот раскусил его маленькую хитрость, и рассмеялся: – Мне было интересно, как это воспримут.
- Без восторга. Во всяком случае, паломничества лизоблюдов на «Малой Земле» не наблюдается.
- Ты бы рассказал?
- Обязательно.

Карбид догадался, что главврач хочет поговорить о чем-то другом, о чем-то важном, но, что с ним бывало не часто, не знает, как подступиться к деликатной теме. Догадался и решил помочь:

- Так я пойду, Иван Алексеевич?
- Да… – разрешил Митин, но тут же, прищурившись, спросил: – Мне рассказали, что вчера ты работал в приемном.

«Вот оно!»

- Ребята не успевали, – тихо отозвался Карбид.

– Так мне и сказали.

Является ли этот факт оправданием того, что лишенный лицензии врач рискнул провести операцию? Герман вздохнул:

- Я вас подставил?
- Нет. Заставил вновь взяться за рычаги. – Главврач внимательно посмотрел на Карбida: – Я хочу тебя вернуть.

– Вряд ли получится.

– Я попробую, – пообещал академик. – Вчера вечером я поговорил кое с кем... Неофициально, конечно. И встретил полное понимание. Одним словом, есть надежда, что твоё дело будет пересмотрено и ты получишь лицензию обратно.

– Спасибо, но...

Митин не понял, что хотел сказать Карбид. А перебив его – не дослушал.

– Благодарить не надо. Мне нужны сильные врачи в больнице. А ты – сильный врач, Герман. Ты врач от бога.

«Я понимаю, Иван Алексеевич, что вам нужны хорошие врачи. Понимаю настолько, что даже не хочу думать, чего в ваших действиях больше: искреннего участия или холодного расчета. Но...»

Все напрасно. Какие бы связи ни подключал академик Митин, на какие бы рычаги ни давил, ситуацию не изменить – в операционную Карбиду не вернуться. Царства не хотят, чтобы их комендант занимался врачебной деятельностью. Точнее, одно Царство не хочет, но этого вполне достаточно. До тех пор пока Карбид будет служить на Ручном Приводе, путь в операционную ему заказан. Такая вот изощренная месть за одну старую историю. Буш и его приятели знали, как нужно ударить, чтобы стало очень-очень больно.

Герман завернул в курилку на лестничной площадке, достал пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, но огня не добыл – руки дрожали. Медленно досчитал до пяти, чиркнул снова – удачно – и, выпустив клуб дыма, непроизвольно прислушался к эмоциональному разговору двух медсестер:

– Что натворил?

– Я тебе клянусь: с подоконника сняли! Шипилов едва успел за ноги схватить!

– Прыгнуть хотел?

– Ага. – Медсестра покачала головой: – И ведь молодой совсем.

Прыгнуть хотел. Хотел прыгнуть. Прыгнуть...

Карбид задумчиво смотрел на тлеющий кончик сигареты.

Прыгнуть. У каждого бывают моменты, когда хочется прыгнуть.

Но ведь это не повод, чтобы прыгать. Это повод, чтобы стиснуть зубы и идти дальше.

* * *

План летел к черту.

Не сразу, разумеется, полетел, а постепенно разгоняясь, однако какая теперь разница? Как выяснилось, предотвратить провал не было никакой возможности.

Сначала все шло как на маневрах: гладко и предсказуемо. Издерас обработан, заинтересован, получено его согласие на операцию. «Ритуал поиска нужной „искры“ проведен идеально, клиент проглотил наживку вместе с крючком. Установлено наблюдение за квартирой донора, подобрано безопасное место для проведения операции. Оставалось нанести последний штрих, сыграть финал пьесы и...

Девчонка не явилась ночевать.

Поругалась с парнем?

Пандора не собиралась брать Юлю в первую же ночь – Издерас еще не подготовил место для операции, однако сам факт отсутствия донора женщину не обрадовал.

Не объявились девчонка и утром. Выставленные Мартином наблюдатели доложили, что парень куда-то уезжал (проследить они не догадались) и вернулся не в лучшем расположении духа.

Поругались?

Выяснить это можно было только одним способом...

– Добрый день.

– З-здравствуйте.

Молодой человек настороженно оглядел стоящую перед ним женщину.

Недоверие, подозрительность и... страх. Нет, похоже они не поругались. Будь парень на взвесе после скандала с подругой, он смотрел бы с усталой неприязнью и постарался бы как можно быстрее отделаться от незваной гостьи, а этот глядит так, словно ждет плохих новостей.

– Вы, если не ошибаюсь, Олег?

– А вы?

– Мы можем поговорить?

– О чем?

– Не о чем, а о ком, – поправила парня Пандора. – О Юле.

Зрачки молодого человека расширились. Голос дрогнул:

– Вы к ней или?..

«Что „или“? Неужели...»

– Мы договорились встретиться сегодня, – небрежно ответила женщина. – Но Юля не перезвонила.

– По какому делу вы должны были встретиться?

– Не думаю, что вам следует это знать.

На мгновение Пандоре показалось, что Олег ее ударит.

«Ого! Да что случилось-то?»

Однако парень сдержался.

– Юля не сможет с вами поговорить, – через силу произнес он. – Она пропала.

«Вот дермо!»

– Как пропала? Когда?

И одновременно – легкое прикосновение к «искре». Нужно сделать Олега более разговорчивым и менее подозрительным.

«Я – друг. Мне можно доверять. Расскажи все, что знаешь».

Глаза молодого человека подернулись легкой дымкой.

– Юля исчезла три дня назад.

– Как это произошло?

– Она не вернулась домой.

Пандора обругала себя за неправильно поставленный вопрос. Действительно, как еще могла пропасть девушка?

– Чем Юля занималась перед своим исчезновением? Где ее видели в последний раз?

– Юля готовила материал по Михайловской больнице.

«Дерьмо!!»

– А где... А о чем она хотела написать?

– Юлю заинтересовало здание, которое в больнице называют «Малой Землей», – послушно ответил парень.

Пандора побледнела.

Михайловская больница! «Малая Земля»! Карбид!

Как Юля оказалась там? Случайно? Нет. Засада? Вероятность – девяносто девять процентов. Минус один, потому что, если бы Карбид готовил засаду, он ни за что не позволил бы Пандоре узнать о ней. Юля продолжала бы жить обыденной жизнью вплоть до похищения. А если засаду организовал новый комендант? Если ему помогают выслужиться за счет поимки нелегала? Нет, слишком высока ставка, «резчика» не сдадут ради ускорения карьеры. Остается случайность. Нет. Таких совпадений не бывает.

Тогда что?!

Пандора поняла, что впадает в панику.

«Карбид решил спасти девчонку? Спрятал Юлю от меня? Зачем? Он же знает, что для Издераса можно подобрать другого донора. Потребуется время, конечно, но его найдут. Какую игру затеял проклятый комендант? И что делать мне?»

Пандора достала из сумочки телефон, набрала номер.

– Добрый день, – незамедлительно отозвался вежливый и очень сухой голос.

– Возникла проблема.

– Я слушаю.

– Донора взяли коменданты.

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Мы ликвидировали утечку, которую использовал Горелый.

– Возможно, ему сообщили два имени, а не одно.

– Мы проверяли – это не так.

– Еще раз проверить можно?

– Уже нет.

Утечка ликвидирована. «Искра», которая помогла Горелому, ликвидирована. Хорошо ли ее допросили перед уничтожением? Следователи в Царстве отличные, однако некоторые «искры» отличаются потрясающей мощью...

– Почему вы решили, что донора взяли коменданты?

– Он... она исчезла. Последний раз ее видели в Михайловской больнице.

– У вас очень весомые основания для подозрений, – констатировал голос. – Но я убежден, что мы имеем дело с совпадением.

– А я уверена в обратном.

Пауза.

– Нам очень важен нынешний клиент, Пандора, – продолжил голос. – Сейчас его «искра» пребывает в равновесии, немного склоняется к нам, но есть вероятность, что в ближайшем будущем все изменится.

– Да, – тихо подтвердила женщина. – Издерас начал задумываться о том, что черное, а что белое. На этом мы его и поймали.

– Нам важно заполучить Мартина. Он не должен оказаться в другом Царстве.

– Очень большой риск.

– Кто предупрежден, тот вооружен. Один раз вы обманули комендантов, примите подобные меры предосторожности.

– Они тоже будут готовы.

– Нелегал всегда играет белыми.

– Не в этот раз.

Пауза.

– Вы нервничаете, – бесстрастно резюмировал голос. – Вы потеряли уверенность.

– Обычная осторожность.

– Повторяю: мы уверены, что усиленных мер безопасности и правильно подобранного места для операции будет вполне достаточно. Коменданты не всемогущи.

– А если Карбид решит сыграть не по правилам?

– В наших играх правил нет.

– Вы знаете, что я имею в виду.

Пауза.

Пандора понимала, что собеседнику необходимо периодически советоваться с их руководством, а потому терпеливо ждала продолжения разговора.

– Если Карбид рискнет выйти за рамки полномочий, его придавят. Мы прислали на Подстанцию хорошего коменданта. Он еще не сломался, не стал Горелым и ждет повода, чтобы размазать Карбida по стенке. У вас может получиться очень красивая месть: и контракт исполните, и Карбida с Подстанции вышибете.

«Месть? За что? Это он хочет мне отомстить за друга. За своего друга».

– Вы этого добиваетесь? Вам нужен не Издерас, а Карбид, да?

– Нам нужен Издерас, Пандора, но мы не против того, чтобы решить две проблемы одним ударом. Карбид – проблема.

– Но этот удар еще нужно нанести.

– Боитесь Карбida?

Теперь помолчала Пандора.

– Нет.

– Боитесь девчонки?

– Нет.

Незаданный вопрос:

«Боитесь пойти на второй круг?»

Непроизнесенный ответ:

«Нет».

И Пандора с удивлением поняла, что это правда – не боится. Нет в ней страха перед вторым кругом, перед вероятностью потерять все. И не отмороженная удаль тому виной, не отчаяние. Просто – нет страха. То ли притупился за время командировки на Землю, то ли исчез.

– Даже если Карбид развел «искру» донора, вы все равно с ней справитесь. Она соплячка, она еще не умеет владеть силой так, как вы.

– Вам легко говорить.

«Зачем я позвонила? Было очевидно, что Царство не откажется от контракта на основании невнятных предположений. Для чего этот разговор? Услышать слова поддержки? Да пошли они… И слова, и они… Тогда зачем?»

Не для того ли, чтобы обнаружить, что ушел страх перед вторым кругом?

– Есть еще один нюанс, Пандора, – продолжил голос. – Что бы ни случилось, Ясень вас поддержит. Как раз вчера он стал комендантом, его слово будет решающим.

– Прежде им нужно меня поймать.

– Вот теперь я вас узнаю.

Прежняя, знавшая страх, Пандора закончила бы разговор на этой фразе. Новая хотела услышать кое-что еще.

– Но риск все равно велик.

– Пандора, возьмите себя в руки.

– Вы посыпаете меня в пекло.

Пауза.

– Если вы в одностороннем порядке прервете контракт и покинете Землю, мы сдадим вас. Для укрепления дружественных связей между Царствами.

«Ты хотела это услышать? Ты это услышала».

– Отдадите своего единственного «резчика»?

– Зачем нужен «резчик», который не работает? – Впервые с начала разговора в голосе собеседника появились участливые нотки. – Пандора, мы и так делаем больше, чем можем. Вас прикрывают со всех сторон. У вас все получится.

Пандора отключила связь и убрала телефон.

Улететь? Да, улететь просто. Сосредоточиться, собрать силы и вырваться из тела. «Искра» взмоет в небо, пройдет через атмосферу и... свобода. Вселенная. Сбывшаяся мечта. Сила и Вечность. Следователи Царства и расплата.

Но наказание не будет страшным – в этом Пандора не сомневалась. Ее «искру» не унищожат, покарают иным способом, а после вновь явятся вербовщики и предложат вернуться на Землю. Она откажется. Они придут снова. Напомнят, как было здорово наслаждаться безграничной властью. Как упоительно быть суперменом в толпе заурядных, еще не раскрывшихся людышек. И... И она не выдержит.

Снова вернется.

Чтобы ощутить вкус власти. Чтобы возвыситься. Чтобы ублажить свою гордыню.

– Суки, – тихо сказала Пандора. – Какие же вы суки. – Помолчала и добавила: – И я тоже.

* * *

– Значит, сегодня ты идешь на сутки, завтра с утра отдыхаешь, а вечер мы проводим в небольшом, но очень уютном ресторане с великолепной кухней. Возражения есть?

Медсестра игриво посмотрела на Виктора:

– Какой ты быстрый.

– Не такой, – покачал головой Ясень. – Если бы я предупредил, что иногда храплю, ты могла бы назвать меня быстрым. Пока же речь идет об ужине.

– А если я скажу, что у меня есть жених?

– А зачем лгать? – искренне удивился Виктор.

– Наводил справки?

– Выразил робкую надежду.

Девушка улыбнулась. Высокая, чуть выше Ясения, с длинными ногами и грациозной походкой. Прямые, выкрашенные «перьями» волосы, четко очерченные губы, матовая кожа – Анжелика была не менее эффектной, чем предыдущая пассия Виктора.

– Я слышала, у тебя роман с Зиной.

– Мы расстались друзьями.

Истинная правда. Легкое прикосновение к «искре» избавило Ясению от слез и обвинений бывшей подруги. «Было прекрасно, но у нас не получилось», – грустно вздыхала Зина. И не будет испытывать злости, увидев Виктора с новой девушкой.

– Я ищу, – объяснил Ясень. – А поскольку я умен, то сразу понимаю, нашел или нет. Позвони завтра после обеда. – Виктор положил в кармашек ее халата визитную карточку. – Договоримся, где встретимся.

– Я подумаю.

– Подумай, а потом позвони.

Девушка отвернулась, спрявав улыбку, и быстро пошла по коридору к лифтовому холлу. Ясень же, стерев с лица выражение «Обаятельный мачо № 1», медленно подошел к приоткрытой двери ближайшей палаты и прислушался.

– Мне нужно было во что-то верить. Понимать, что живу не просто так. Я искал ответы.

Неудавшийся самоубийца лежал на койке, руки и ноги перехвачены мягкими ремнями – не вырвешься. Взгляд ясный, спокойный, взгляд человека, все для себя решившего.

Коля не хотел жить, не хотел никого видеть, не хотел ни с кем говорить. Коля хотел умереть. И Герману пришлось изрядно потрудиться, чтобы вызвать его на откровенный разговор.

– Вы получили ответы?

Парень приподнял брови:

– Вы пришли посмеяться?
– Поговорить.

– Тогда о каких ответах вы спрашиваете? – Николай кивнул на ремни. – Вот ответ.
– Нет, – покачал головой Карбид. – Ремни появились потом. А мне интересно знать, что было раньше.

Николай отвел взгляд, нахмурился, то ли припоминая, то ли прикидывая, стоит ли доверять нежданному собеседнику, после чего медленно произнес:

– В какой-то момент мне показалось, что я получил ответы.
– Это хорошо, – серьезно сказал Герман. – Очень хорошо.
– Но ведь все оказалось обманом!

– Обманщиками оказались наставники, – поправил парня Карбид. – И поэтому мне очень важно знать, как вы получали ответы? Принимали на веру чужие слова или находили сами? Что вы чувствовали?

Николай закрыл глаза и молчал почти две минуты. Затем согласился.
– Это важно.

Герман улыбнулся:

– Вы нашли сами, ведь так?
– Да.

– В таком случае, ложь наставников – это просто ложь. Вы нашли то, что искали.

Это главное. А все прочее: сайентологи, пятидесятники, свидетели Иеговы и прочие шарлатаны – наносное.

– А как же моя жизнь? – не открывая глаз, спросил молодой человек.
– Она в ваших руках.

Она всегда в наших руках. Но мы не всегда способны это осознать. Не всегда готовы сами ее выстраивать: работать, думать, бороться, терпеть, если надо – драться. Признать себя слабым легко, но расплата за это признание тяжелее, чем за все ошибки сильного.

Николай хотел верить. Очень хотел. Тягучая простота повседневных будней давила на него многотонным прессом. Работа, дом, Интернет, дела, сосед купил в кредит «Шевроле», а у нас покосилась дверь на дачном участке. Добываешь деньги, чтобы тратить, и снова начинаешь добывать. Чем мы отличаемся от муравьев? Тем, что у нас есть MTV? Нет, скорее этим мы с ними похожи.

Неужели Промысел заключается в том, чтобы ползать по земле в поисках хлеба насыщенного?

Николай очень хотел верить, но не знал – кому?

Старенькая бабушка, которую родители перевезли в Москву из деревни, советовала идти в церковь, но православие парня не прельщало. «Попам я не доверяю, весь Интернет кишит рассказами о том, какие они на самом деле!» Анонимным сетевым собеседникам парень доверял больше, чем бабушке, – ведь они умеют давить на кнопки «клавы», что по умолчанию делает их образованными и приличными людьми. А бабушка – это прошлый век. Пережиток.

Но познать Истину хотелось, и продвинутый молодой человек принялся искать христианству замену.

«На тот сайт я забрел случайно. Посмотрел – понравилось. Не сайт, а настоящий портал. Сделан хорошо, форум живой, подробно отвечают на все вопросы».

Форумная болтовня становилась серьезнее, потребовалось личное присутствие, чтобы понять, что именно имели в виду наставники в том или ином случае. Николай посетил одно собрание, другое, третье... задавал вопросы, выслушивал ответы, внимательно прочел поданные брошюры. Вернулся, чтобы поспорить. Удостоился похвалы: «Мы видим, что вы

ищущий человек, Николай, такие, как вы, никогда не останавливаются на полпути». Через три месяца парень не пропускал ни одного собрания. А примерно через год уволился с работы и уехал в глухой скит на Южном Урале: работать, работать и еще раз работать. До седьмого пота. Во имя распространения света Истины, выгодной отдельно взятым наставникам. Обычно из таких поездок не возвращались, но Николаю повезло: скит накрыла федеральная служба по борьбе с наркотиками. Просветленные наставники, помимо выманивания из адептов недвижимости и превращения их в рабов, не брезговали и транспортировкой афганского героина. Во имя Истины, так сказать. Николая переправили в Москву, родители поместили его в Михайловскую лечить от истощения, однако никто не подумал, что в первую очередь парню нужна совсем иная помощь.

– Вы правы, Герман: ответы я нашел сам.

– Это очень серьезное достижение.

– Но они дались мне слишком дорого.

Жена ушла, решением суда ему запрещено видеться с ребенком. Все сбережения остались в secte. Хорошо, что не удалось продать квартиру – она была оформлена на родителей.

– Вы заплатили за них ровно столько, сколько они для вас стоили, Николай. Не больше, но и не меньше. Теперь у вас есть ответы, и нужно жить дальше.

– Психолог тоже говорил, что нужно жить дальше.

– Он говорил, а я – знаю, – мягко, но твердо произнес Герман. – Жизнь, Николай, это все, что у нас есть. Мы падаем и снова поднимаемся, достигаем немыслимых высот или ползаем по дну – мы исполняем Промысел. Мы явились сюда не для того, чтобы падать духом или отказываться от главного нашего богатства. Мы идем вперед, к Силе и Вечности, к исполнению мечты, к тому, чтобы стать другими. Мы должны идти, потому что каждый шаг – это надежда на лучшее. Потому что погасить горящий внутри огонь проще всего.

– Сила и Вечность, – повторил парень, пробуя слова на вкус. И пристально посмотрел на Карбиду: – Вы верите?

– Да.

– Просто верите или знаете?

– Когда-то просто верил, – медленно ответил Герман. – Потом узнал наверняка. И вот что скажу, Николай: верить легче, ибо в недосказанности проще черпать надежду.

– Он уснул, – выйдя в коридор, сообщил Карбид. – Он достаточно сильный, должен справиться.

Никакого удивления при виде Ясения, никаких вопросов: «Что ты здесь делаешь?» или «Ты подслушивал?», ничего. Герман начал разговор так, словно Виктор должен был ждать его в коридоре. Точнее – ждать его мнения о пациенте.

– Я патологоанатом, а не психолог, – усмехнулся Ясень. – Долбанись твой любимчик об асфальт, был бы повод для беседы.

– Не нужно вставать в позу, – усмехнулся Карбид. – Сочувствие не имеет ничего общего с жалостью.

– Зачем ты им занялся?

– Нелегко пройти мимо гибнущей «искры».

– Добрый самаритянин?

– По мере сил.

– Нужно поддерживать имидж?

– Пытаюсь остаться человеком.

– Получается?

– Судя по твоей реакции – да.

– Моя реакция не имеет отношения к твоим соплям.

Что стояло за вспышкой гнева? Новое назначение и запах власти, который оно принесло? Паника, вызванная отсутствием татуировки? Раздражение тем, что Герман скрывает информацию о своих делах с журналисткой?

Ясень не знал.

Но остановиться не смог.

– Тебе запрещено лечить!

Карбид вздрогнул. Исподлобья посмотрел на напарника, ответил, с трудом сдерживая гнев:

– Я с ним просто поговорил.

– Не ври мне!

– Ты еще не заслужил того, чтобы я опустился до лжи.

– Что?

– Врут тем, чье мнение небезразлично, – зло объяснил Герман.

– То есть я для тебя пустое место?

– Попытайся доказать, что это не так.

Виктор сделал шаг вперед.

– Я уже всем все доказал.

– Тогда что ты делаешь здесь, Ясень? Чего ищешь?

Виктор отступил, но взгляд не отвел. Несколько мгновений мужчины буравили друг друга глазами.

Сейчас? Или позже? Устроим драку или сохраним видимость «рабочих» отношений? Что делать? Ясень сделал не самый лучший выбор.

– Скажи, Карбид, как чувствует себя врач, который работает в больнице, но не имеет права лечить? Свербит?

Впоследствии, вспоминая этот разговор, Виктор не мог ответить себе, для чего он задал вопрос. Добить? Унизить? Растоптать? Он прекрасно понимал, что сломать напарника ему не по силам, во всяком случае – пока. Наверное, хотел увидеть в глазах Германа боль. Или злость. Одним словом, нечто такое, чего Карбид еще ни разу не демонстрировал. Боль или злость? Что покажешь, напарник? Стиснешь зубы или укусишь? Ну!

В долгую не остался.

– А ты до сих пор таишь обиду на Бога? Ненавидишь его настолько, что перестал верить?

Карбид произнес фразу очень небрежно, словно комара щелчком отряхнули.

– Я...

– Сломался, великий инквизитор?

– Бога нет!

– Тогда почему ты бесишься?

– Сволочь!

– Не можешь простить, что тебя отправили в ад?

И Ясень взорвался. По-настоящему. Позабыв обо всем, кроме переполнившей его обиды. Сжал кулаки и, потрясая ими, выплеснул на Карбida все, что накипело, что держал в себе и чем не делился ни с кем. Проревел то, что прятал несколько сотен лет:

– Он не должен был так поступать! Не должен! Я нес имя Его! Я нес знамя Его! Я верил! – Виктор чувствовал, что на глазах выступают слезы, но не сдерживал их, не хотел сдерживать. – Я ведь левша, понимаешь?! Ты понимаешь, скотина? Я – левша! Мне приходилось быть святым всех, чтобы удержаться. Чтобы ни в одной, даже в самой тупой и подлой голове, не возникло подозрений! А знаешь, как трудно переучиваться? Менять левое на правое? Не путаться. Постоянно, каждую секунду контролировать себя. И верить... Истово верить, по-настоящему, потому что фальшив видна. – Виктор сделал еще один шаг назад.

Молодой монах. Старая «искра». Человек, похоронивший свою боль и вдруг осознавший, что могила эта – лишь декорация. – Я верил. Иногда мне кажется, что верю до сих пор. Я карал тех, кто отринул Его. Я отправлял на смерть? Да, отправлял. Во имя Его. И что я получил? Меня не пустили в Свет. Меня!

Виктор не искал жалости или сострадания. Он выплескивал обиду, злость и непонимание. Он принял свою участь, потому что не мог не принять, однако не смирился.

– Представляешь, Карбид, моя «искра» оказалась слишком темной для вашего Царства. И никто не посчитал тех, кто уверовал благодаря мне, кого я спас от происков нечистого и кто ушел к Свету.

Ясень снова шагнул к Герману. Но на этот раз в жесте не было агрессии или напора. Он просто сделал шаг навстречу, чтобы произнести последние фразы без надрыва, чтобы не прокричать их, а медленно и негромко промолвить.

– Знаешь, что самое интересное, Карбид? После всего того, что со мной произошло, после предательства, после… – Голос дрогнул. – Я ведь совсем не изменился. Мне нужно верить. Мне нужно служить. Ты говорил об обиде на Бога – она умерла двести лет назад. С тех пор я снова в строю. Только в другом строю. Я снова честен с самим собой и с теми, кто рядом. И я снова веду других.

– Но ведь ты попросился сюда, – тихо ответил Герман. – Значит, ты продолжаешь искать.

Не успокоился. Не принял покорно свою участь. Встал в другой строй, но где-то в глубине помертвевшей от обиды «искры» продолжил верить. Продолжил, хотя признаваться в этом не хочет даже себе.

– Здесь обычное место, Карбид, а Ручной Привод – обычный механизм. Вы все тут рехнулись, но это нормально для одержимых идеей мессианства. Я – не такой.

– Ты найдешь себя, Ясень, – мягко произнес Карбид. – Теперь я знаю точно.

* * *

– Антоша, если ты убьешь его, я не выйду за тебя замуж!

– Милая, но если я его не убью, то не получу контрольный пакет металлургического комбината!

– Антоша, но ведь у нас есть карта пиратского клада…

«Что за голоса? Что за идиотские карты?»

Олег разлепил глаза.

– Я люблю тебя сильнее жизни!

– Я тоже люблю тебя, Антоша!

«Телевизор!»

Черный японский ящик деловито бурчал каким-то сериалом.

«Я что, уснул перед телевизором? Средь бела дня?!»

Получалось – да, уснул. Олег поднялся с дивана, потер левый висок – голова побаливала – и выключил телевизор.

«Ничего удивительного – устал».

Несколько дней на нервах не прошли даром.

Молодой человек вышел на кухню, попил холодной воды и задумчиво посмотрел на рассыпанные по столу фотографии.

«Юла, Юла, Юла… Неужели ты на самом деле оказалась в машине маньяка?»

Нет!

Нет, пока не доказано обратное.

«Я должен поговорить с Германом!»

Именно с ним и начистоту. Ничего другого не остается. Герман был последним, кто встречался с Юлой. Герман странно вел себя при встрече и... и Герман был единственным, кого Олег не видел во время своего кошмарного сна о «Малой Земле». Не было Германа и не было Юлы. Это знак.

«Да, наверное, это знак!»

Олег торопливо собрался и выскочил из квартиры.

– Я проявил слабость, – холодно произнес Ясень. – Больше подобное не повторится.

Это были первые слова с тех пор, как Виктор закончил свой страстный монолог. Они с Карбидом спустились на первый этаж, вышли из корпуса, направились к «Малой Земле». И лишь пройдя половину пути через парк, Ясень подал голос.

– Тебе нужно было высказаться, а я оказался рядом, – невозмутимо ответил Герман. – Все в порядке.

– Ты меня спровоцировал.

– А кто начал хамить?

Что ответишь? Ничего. Ясень поджал губы.

– Я не нуждался в психотерапевте.

– Хорошо, – согласился Карбид. – Пусть так.

– Я ни на кого не обижен.

– Не сомневаюсь.

– Я...

– Герман!

Ясень и Карбид одновременно повернулись и уставились на торопливо приближающегося Олега.

– Герман, нам нужно поговорить!

– Старый знакомый? – тихо поинтересовался Виктор, внимательно разглядывая парня.

– Новый знакомый.

– Ему страшно.

Развитая «искра» без труда различает все оттенки владеющих человеком эмоций.

– У него беда, – негромко ответил Карбид.

– И ты, конечно, бросишься на помощь?

– У меня нет выбора, ведь в его беде виноват я.

– Что?!

Молодой человек остановился в шаге от них. Всклокоченный, небритый, с лихорадочно горящими глазами. Мятая ветровка – спал он в ней, что ли? На футболке коричневые пятна – опрокинул кофе?

– Герман, вы ведь не врали, когда говорили, что Юля вернется?

Олега не смущало присутствие незнакомого мужчины, с интересом прислушивающегося к его словам. Не смущал внимательный и цепкий взгляд. Плевать. Есть в жизни моменты, когда тебя ничто не может смутить. Ни смех, ни издевка, ни демонстрация пре-восходства – ничего. Ты не видишь другого пути, кроме мольбы, и стыд отступает.

– Вы сказали, что она вернется.

– Я сказал, что ты должен ждать.

– Вы сказали так, будто вам все известно.

Карбид не ответил.

Олег сделал еще один шаг, оказавшись на расстоянии вытянутой руки. Нет, чуть ближе.

– Я пришел один. У меня нет микрофона. Я хочу знать, что с Юлей. Я должен знать.

Тишина.

– Юля жива?

Виктор насмешливо посмотрел на Карбиду.

– Это мы с Юлей два года назад, только познакомились. – Молодой человек достал из сумки фотографии. Судорожный, жалкий жест. Протянул карточки вперед, словно отдавая последнее богатство. – Тогда Юля стала для меня еще одним увлечением, очередным увлечением. Вы ведь понимаете – остановиться очень трудно. Я даже спал с другими девочками, когда… пока… я… в общем, я спал с другими уже после того, как познакомился с Юлей. Я ее обманывал, да. Но тогда Юля еще не стала для меня тем… – Олег сбился. – Вот уже полтора года я с ней честен и я… и мне это нравится. – Еще фотографии. – Посмотрите, это мы ездили в Грецию. А это у ее родителей. День рождения отца. Мы… Мы живем вместе уже год. И я хочу жить с Юлей до конца жизни. Просыпаться утром и видеть ее. Обнимать ее. Я хочу, чтобы у нас были дети… Герман, я схожу с ума, понимаете? Я не могу без нее! И если нужно что-то сделать…

– Ждать, – коротко перебил несчастного Карбид.

Олег покачал головой:

– Я мужчина. Я должен что-то делать. Я не могу сидеть и ждать.

Карточки в руке, беда в глазах. Мятая ветровка и заляпанная кофе майка. Что он может сделать? Все. Сейчас – все. Потому что именно сейчас решается его жизнь.

– Ты хороший парень, желторотик, – сочувственно произнес Герман. – Но сейчас ты должен просто ждать. Сильно ждать. Твоя любовь добавит Юле сил.

Олег прищурился. Понял, что продолжать бесполезно, что ничего другого не услышит, но все-таки решился на последний вопрос:

– Юля жива?

– Да.

Ясень кашлянул. Олег вздрогнул и повторил вопрос:

– Юля жива?

– Да.

– А почему он кашляет?

– Потому что для него это стало таким же сюрпризом, как и для тебя, – спокойно объяснил Герман. – А теперь, желторотик, ты должен уйти. И больше никогда здесь не появляться. Никогда.

Последнюю фразу Карбид произнес по-прежнему мягким, но не терпящим возражений тоном. Очень веским тоном, показывающим, что отказ воспринят не будет. Олег все понял. В последний раз посмотрел Карбиду в глаза, кивнул, повернулся и медленно побрел к выходу из парка, на ходу убирая фотографии. Обрел ли он надежду? Очень, очень сомнительно.

Ясень криво усмехнулся:

– Тебе нравится слушать мольбы?

– Сейчас понравилось, – не стал скрывать Герман. – Мне понравилось, что он любит. И ради любви готов пойти на самое страшное для любого мужчины: на признание слабости. Не всякий силач способен на такой подвиг.

– Занятный вывод.

– Единственно возможный.

Виктор хмыкнул:

– Сегодня, пока тебя не было, я как раз расспрашивал сотрудников об этой девчонке.

Утром парень приводил на Подстанцию милиционера.

– Избавился от него?

– Да.

– Очень хорошо.

Короткий вопрос, короткий ответ.

Олег исчез из виду, но Карбид не спешил поворачиваться лицом к напарнику, продолжал смотреть на дорожку, по которой ушел молодой человек.

— Почему ты пустил Юлю на Подстанцию? — холодно спросил Ясень. — Почему развел ее «искру»?

— Так надо.

— Ты приказал Черепанычу включить Ручной Привод, когда девушка была рядом?

— Да.

— Это преступление.

— Я знаю.

— Почему ты пошел на него?

Карбид повернулся к напарнику:

— А почему ты не начал расследование? Ты ведь все понял еще утром, еще до собрания, что помешало тебе поставить в известность Царства?

— Откуда ты знаешь, что я никому ничего не сказал?

Герман улыбнулся:

— Откровенность за откровенность, Ясень. Ты говоришь, почему не начал расследование, я рассказываю, что заставило меня пойти на преступление. В такой последовательности.

Несколько секунд Виктор размышлял над предложением, несколько секунд боролся с собой. Момент истины. Или он ответит, или черт его знает, когда Герман раскроется в следующий раз.

Надо ответить.

— Гордость.

Удивления ответ Виктора не вызвал.

— Я так и думал.

— Неужели?

— Ты удивиешься, Ясень, но я думаю о тебе гораздо лучше, чем тебе кажется. — Пауза. — Ты считаешь, что не имеешь права начинать расследование против коменданта. Потому что сам комендантом еще не стал.

Виктор смущался. А где смущение, там и злость:

— Черепаныч донес?

— Нет, — покачал головой Герман. — Не забывай, что когда-то я тоже был молодым, только-только принесшим присягу комендантом. И столкнулся с той же проблемой, что и ты. Татуировка не появилась?

— Не появилась.

А значит, несмотря на прошедшую церемонию, Карбид все равно остается старшим. Единственным человеком на Подстанции, имеющим право запускать Ручной Привод. Нет, формально, согласно инструкциям Царств, они с Виктором находятся в одинаковом положении. Инструкции вообще не упоминали татуировки. Не замечали их. Но Ясень знал, что только черный рисунок станет пропуском в идеальную систему, о которой говорил Черепаныч. Только он — знак, непонятно каким образом появляющийся у всех комендантов.

Взгляд Виктора машинально уперся в черный крест на шее Германа. В черные буквы, складывающиеся во фразу: «*Caelum, non animum mutant, cui trans mare current*».

— Давно хотел спросить: девиз у всех один?

— Нет, у каждого свой, — ответил Карбид. — Девиз показывает, каким тебя увидел Ручной Привод. А Ручной Привод никогда не ошибается.

Ручной Привод. «Это место». Ясень не хотел больше спорить. Устал. Или принял? Или все-таки устал? Он знал одно: без черного креста все инструкции летят к черту. Не будет карьеры. Надежды развеются в дым.

— А теперь пойдем. — Карбид потянул напарника за рукав. — Моя очередь отвечать на вопросы.

* * *

Из Кухни Юля вышла, окончательно уверовав в свои силы. Теперь девушку не пугали ни постоянно меняющийся лабиринт, ни исчезающие двери, ни притаившиеся опасности.

Она окончательно осознала, что изменилась.

Да, это случилось не само по себе, над ней поработали. Кто-то подарил ей новые возможности, невероятную силу, но... Юля не хотела гадать, кто это сделал и зачем. Бог, дьявол, добрая фея, инопланетяне... Пока не важно. Рано или поздно ответ на этот вопрос будет дан, пока же следует вести себя в прежнем ключе. То есть искать выход.

Что оказалось не таким уж сложным делом.

За время завтрака коридор вновь изменился... нет, скорее принял обычный вид. Стал таким, каким его видели обычные люди. Или наоборот: спрятал свое истинное нутро, став таким, каким его видели обычные люди. Аккуратно покрашенные стены, тщательно подметенный пол, ярко горящие плафоны. А напротив двери появился «План эвакуации при пожаре», с точным указанием нынешнего местонахождения Юли.

«Экзамены закончились?»

Похоже на то.

Пройдя в указанном направлении, девушка обнаружила лестницу, поднялась на первый этаж и оказалась у двери с надписью «Кинозал».

«Пройти мимо?»

Нет, нельзя.

«Они» хотят, чтобы я зашла».

Юля без опаски заглянула внутрь и увидела небольшой темный зал, заставленный рядами неудобных деревянных кресел. Прямоугольный экран, аккуратно заштопанный в левом нижнем углу. Древний кинопроектор, рабочий стол, кресло, стопки алюминиевых коробок с пленками.

На экране мелькали черно-белые кадры старой постановки.

Выжженные солнцем камни древнего города. Площадь, наполненная толпой. Сосредоточенные, полные вражды лица. На возвышении один... Нет, больше. Четверо преступников. Стража. Худощавый римлянин в богатых одеждах яростно взирает на людей. На возвышении... Нет, на возвышении все-таки один. Единственный, чей взгляд спокоен. Его камера выхватывает чаще остальных. Его, спокойного. Его, знающего, что будет. Рот римлянина кривится. Он тоже знает, догадывается, что будет, однако пытается бороться.

Из старых динамиков звучит глубокий голос:

— Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить за Варавву, а Иисуса погубить. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.⁶

Аппарат неожиданно отключился, а зал наполнился светом. Засмотревшаяся Юля тряхнула головой, прищурилась, отвернулась от экрана и увидела медленно приближающегося старика в черном костюме и черной водолазке.

---

⁶ Евангелие от Матфея.

– Я проходила мимо.

Киномеханик кивнул с таким видом, словно короткая фраза объяснила все на свете.

Девушка медленно подошла к нему и, улыбнувшись, развела руками:

– Увидела надпись «Кинозал» и решила узнать, зачем он здесь?

Вместо ответа старик протянул Юле визитку: «Аскольд Артурович Арчибалд. Кинохроникер со стажем. Услуга не отключается».

– Кинохроника? О чём?

Арчибалд достал блокнот:

«Кино – отдвигаюсь. Хроника – от времени. Моя профессия – классическая кинохроника: ядвигаю время».

Девушка поняла. Кивнула на экран:

– Это...

«Кинохроника. Кстати, единственная, которую я попросил озвучить».

– А можно еще посмотреть?

«Продолжить?»

Юля поняла, что вопрос с подвохом.

– Вы можете показать что-нибудь другое?

«Я надеялся, что вы попросите».

Старик сделал приглашающий жест. Девушка послушно присела в неудобное кресло. Свет погас, за спиной Юли застремотал проектор, и на экране появились черно-белые кадры.

«Действительно хроника...»

Но хроника чего??!

Московский сквер, притаившийся во дворе дома. Осенние тополя. Кусты, потерявшие изрядную часть листьев. Моросящий дождь. Тучи, царапающие телевизионные антенны на крыше.

Юля закусила губу. Звука не было, только стрекотание проектора, однако девушка вспомнила фразу, которая сейчас прозвучала: «Смотрите, ему страшно!»

Кому ему? Щенку, что через секунду явится в кадре. Маленькому, коричневому щенку с большими влажными глазами. Мокрому от дождя. Хромому.

– Ему страшно, – прошептала Юля.

Щенок вышел из-за металлической «ракушки», что поставил во дворе дядя Гриша, сосед с четвертого этажа.

«Да, все было именно так».

– Он потерялся.

Щенок жалобно посмотрел в камеру и неуверенно вильнул хвостом.

– Пойдем со мной.

На мгновение экран покернел, а когда изображение вернулось, сквер исчез. Щенок стоял в прихожей, внимательно обнюхивая женские сапоги.

– Мама, – едва слышно пролепетала Юля. – Не надо.

Вышедшая в коридор женщина всплеснула руками.

– Не надо...

Строгое лицо, не закрывающее рот, недвусмысленное жесты. Изображение расплывается, мешают слезы, но Юля не отрывается от экрана, по которому двигаются картинки ее жизни.

– Хотя бы покорми его... Пожалуйста...

Снова сквер. Снова дождь. Коричневые листья на земле, коричневый бок «ракушки», коричневый щенок, сворачивающийся калачиком у металлической стены. Он засыпает. Детская рука на лобастой голове. Девочка знает, что щенок не проснется.

Кинопроектор остановился. Вновь вспыхнул свет. Дверь отворилась, и в зал вошли двое мужчин. Темноволосый красавчик, широкоплечий и яркий, одетый в модные брюки и вызывающие дорогую рубашку. А в шаге за красавчиком – его антипод. Невысокий худощавый мужичок с серыми волосами, серым лицом и серым взглядом. И черной татуировкой на шее.

«Вот и они...»

Юля вытерла слезы.

– Зачем вы напомнили мне эту историю?

К некоторому удивлению девушки, ответил не красавчик, а серый:

– Вы хотели посмотреть кинохронику, Юля.

Серая внешность и в то же время – глубокий, мужественный голос.

– Почему именно этот эпизод?

– Аскольд Артурович безошибочно выбирает самые главные моменты нашего прошлого. Те, в которых мы видим себя настоящих.

– Я его убила.

– Вы не сумели спасти. Это другое.

Старик аккуратно укладывал пленку в коробку, не обращая никакого внимания на говорящих.

– Кто вы? – спросила девушка.

– Меня зовут Ясень, – отозвался красавчик. – Я комендант Подстанции.

– Меня зовут Карбид, я старший помощник коменданта, – выдержав паузу, произнес серый. – Пойдемте, Юля, нам нужно поговорить.

* * *

– Мама! Мама! Посмотри, какую я построил башню!

Толстенькая девица отложила книгу, встала с лавочки, подошла к песочнице и одобрительно кивнула:

– Очень красивая.

– Она не красивая! Она мощная! Смотри, я сюда солдат поставлю!

Мальчишка увлеченно расставлял пластиковых бойцов по песчаной крепости. Его мамаша рассеянно улыбалась – подружек не было, поболтать не с кем, книга, по всей видимости, надоела, вот и приходится таращиться на игры сынишки. Хоть какое-то развлечение.

Пандора отвернулась.

– Дедушка, почини машинку!

«Проклятие!»

– Бабушка, Вовка меня обижает!

Играющие дети, их мамаши, бабушки, дедушки... И она посреди.

«Какого черта я делаю на детской площадке?!»

Никогда в жизнях, ни в тот раз, ни в это свое возвращение на Землю, Пандора не бывала ни в школах, ни в детских садах, ни на детских площадках. Бежала прочь от лепета и наивного смеха, и вот, на тебе! Шла по бульвару, услышала визг и гомон, хотела по привычке уйти, но ноги почему-то не послушались. Пришла, уселась на лавочку, пристально глядя на играющих детей, чувствовала, как нарастает раздражение, но... Но не уходила.

Почему?

Чтобы увидеть то, чего никогда не было? От чего отказалась?

– Тетя, почему вы такая грустная?

Пандора вздрогнула и пронзительно посмотрела на кудрявое чудо трех или четырех лет, что неслышно подобралось на расстояние вопроса.

– Я?

– Вы.

Она хотела разозлиться, пыталась заставить себя разозлиться, рявкнуть что-нибудь яростное в ответ на безапелляционный вопрос. Но не смогла. Ничего не смогла. Зато почувствовала, как предательски защипало в носу.

– У вас что-то болит?

«У меня? Да, наверное...»

– Я не грустная, – тихо ответила Пандора. – Я просто задумалась.

– А где ваш ребенок?

– Он... дома.

– Он заболел?

– Да, он заболел.

– У вас мальчик или девочка?

– Девочка. У меня маленькая девочка.

«Зачем я это сказала?»

– Как ее зовут?

– Катя. Ее зовут Катя.

Такое чувство, будто язык живет собственной жизнью. Лепит ответы, не консультируясь с хозяйкой.

– Как бабушку?

«При чем здесь бабушка?»

– Как меня.

– А-а... А меня называли Галей, как бабушку. Она умерла еще давно, когда меня не было. Но мама говорит, что я на нее похожа. Вот. А ваша дочка похожа на бабушку?

«Еще один вопрос, и я заплачу, – поняла Пандора. – Разрыдаюсь, как последняя дура». На ее счастье, девочку окликнули.

– Гая! – Брюнетка, сидевшая на противоположной стороне площадки, помахала дочери рукой: – Иди сюда, не приставай к тете.

– А когда Катя поправится, мы сможем с ней поиграть?

– Конечно, – сглатывая подкативший к горлу комок, прошептала Пандора. – Обязательно. Я обещаю.

– До свидания, тетя Катя.

– До свидания, Гая.

Пандора проводила девочку взглядом и закусила губу.

«Когда я сломалась? Когда мне вывернули руки? Нет, это стало последней каплей. Во время разговора с Веснином? Да, наверное, тогда. Или я не сломалась? Просто депрессия?»

Нет, не депрессия.

Веснин вернулся, чтобы помочь сыну. Рискнул Силой и Вечностью, поставил на карту сбывающуюся мечту, плюнул на все и вернулся. А потом пошел и сдался комендантам, позволив «искре» сына вернуться в тело. Сергей Веснин дважды отказался от невероятного ради своего ребенка. Он ушел наверх, во Вселенную, но остался здесь, на Земле, в своем сыне. И продолжит жить в своих внуках.

Потому что если у человека нет детей, он живет наполовину.

«Так говорят мужчины. Мужчины, черт бы их побрал! Охотники и сластолюбцы. Так они говорят. Настоящие. А я – женщина! Что, если у женщины нет ребенка? Наверное, она не живет совсем?»

Ублудочная телепатия. Проклятый Николаев со своей кузиной. Сукин сын Веснин, ни на секунду не усомнившись в правильности своих поступков. Веснин, черт бы тебя побрал! Веснин!

«Мама говорит, что я похожа на бабушку!»

«А что у меня? Ничего. Моя „искра“ просто отлетела, не породив еще одну „искру“, не оставив на Земле частичку себя, не принеся ничего нового во Вселенную. И теперь я вернулась, чтобы творить зло».

– Я – «резчик»! – прошептала Пандора. – Я – уникальная «искра».

Но привычного прилива гордости не испытала. Наоборот, при слове «резчик» стало противно так, словно заставили раскусить живого таракана.

Кому ты нужна со своим сволочным талантом и неуемной гордыней? Зачуханному Царству? Чокнутым клиентам, в чьи гнилые «искры» ты всаживаешь чужие силы? И ради чего? Чтобы на мгновение почувствовать себя Богом? А Он в это время смотрит на тебя и презрительно усмехается.

– Я не сломалась!

Пандора скрипнула зубами и злым рывком поднесла к уху зазвонивший телефон:

– Да!

– Юля вернулась.

Она не сразу поняла, о ком идет речь и почему ей сообщают о какой-то Юле. Пять секунд. Десять. Собеседник терпеливо ждал, а она молчала.

Пятнадцать секунд.

– Юля вернулась, – рискнул повторить Мартин.

– Я еду, – сказала Пандора. – Жди.

* * *

Дом, милый дом, родной дом.

Чем больше времени ты в нем живешь, тем более обыденным он кажется. Чем-то возмутительно постоянным, вечным. Ты забываешь, что в его окнах горит твой свет, и превращаешь жилище в склад ненужных вещей, захламляешь шкафы и антресоли, мечтая выкинуть все это или сбежать, пока тебя не придавил груз прошлого. Ты смотришь на стены, но видишь перегородки, отделяющие тебя от дыхания соседей. Ты привык.

Но стоит уехать, хотя бы ненадолго, на пару недель или месяц, стоит очутиться за пределами привычной Вселенной, и ты вспоминаешь дом как частичку себя. Как терпеливого пса, который будет ждать тебя, что бы ни случилось.

Ты понимаешь, что дом – не сковывающий груз, но якорь, надежно удерживающий тебя на волнах жизни. Ты понимаешь, что дом – единственное место в мире, где может поселиться любовь.

Юля повернула ключ, открыла дверь и шагнула в прихожую.

– Олег!

– Юла!

Он ждал? Конечно, ждал. Вопрос неуместен, достаточно посмотреть в глаза.

– Олег!

– Милая! Я так за тебя боялся.

Юля вернулась в свою крепость, в свою Вселенную. Вернулась туда, где ее ждали. Думали о ней. Вернулась, чтобы прижаться к груди любимого и вдохнуть его запах. Чтобы закрыть глаза и понять, что она дома.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя.

– Итак, ты заманил девушку на Подстанцию, – угрюмо произнес Ясеня.

— Это было несложно, — ответил Карбид. — Юля искала интересный материал для статьи, а я немного помог. Подтолкнул ее мысли в нужном направлении.

Нарушение, конечно, но не серьезное. В случае необходимости коменданты, не задумываясь, вторгались в головы людей — и гипнотизировали, и память стирали. Другое дело, что обычно для этого требуется согласие напарника.

— Затем ты развел ее «искру», запустив Ручной Привод, когда Юля находилась рядом.

— Роковая случайность. Девушка заблудилась в подвале и вышла к Ручному Приводу в неподходящий момент.

— Готовишь объяснение для следователей?

— Не хочу подставлять Черепаныча.

— Почему бы ему не пострадать за добреое дело?

— Потому что это мое добреое дело, — усмехнулся Герман. — Только мое.

Виктор помолчал, затем холодно продолжил:

— После ты отправил девушку в лабиринт.

— Она должна была научиться пользоваться способностями.

— Целый букет нарушений.

— Знаю.

Ясень не открыл расследование, но он не давал слова не открывать его. Большая разница. Отправь он сейчас донесение наверх, и через десять минут Карбид слетит с должности, как дельтаплан с Эвереста, даже не почиркает на прощанье. Через неделю пришлют сменщика, для которого Виктор станет ветераном. Но...

Всегда есть проклятое «но»!

Ясень отвернулся и, не глядя на Германа, спросил:

— Как ты вышел на Юлю?

Он догадывался, что услышит в ответ.

— Горелому сообщили имена двух доноров, а не одного. Мне осталось только ждать.

— Кто сообщил Горелому?

— Отец. Он занимал высокую должность в вашем Царстве.

— Его «искры» уничтожили.

— Я знаю.

А сам Горелый никогда не вспомнит об отце. Второй круг, полное стирание. Смерть и беспамятство, и все ради каких-то людей, ради мелких пешек в вечной игре Царств.

— Зачем? — прошептал Ясень. — Почему?

— Потому что у Горелого было написано: «Faciant meliora potentes».⁷ Он не мог поступить иначе.

Горелый сделал как лучше. В результате его отец погиб, а сам он расплатился беспамятством. Что-то неладно в Царстве, если «искры» рисуют всем, потому что «не могут поступить иначе...»

Или наоборот: все ладно? Все, как должно быть.

Или все дело в Ручном Приводе?

А Карбид рискует должностью, рискует смыслом жизни, чтобы продолжить дело друга.

«Должность? Ерунда... — оборвал себя Виктор. — Там, в финской глухи, на второй круг мог отправиться Герман».

Карбид рискует, потому что должен. Потому что может поймать неуловимого «резчика», только нарушив инструкции.

---

⁷ Пусть, кто может, сделает лучше (лат.).

А тут еще Буш, который просил обеспечить Пандоре «зеленую улицу». Сделать это сейчас легче легкого: отправить отчет, отстранить Германа от должности, прервать жизненный путь Юли Соболевой, обладательницы раскрывшейся «искры», и… и «резчик», загубивший не одну «искру», останется безнаказанным. Буш такую услугу не забудет. Поправка: забудет, конечно, но не сразу, воспользоваться успею. Карьера получит мощный импульс. Цена вопроса – спятивший напарник.

Виктор зло посмотрел на Германа.

«Я ведь твою судьбу решаю, гад, скажи что-нибудь!»

Молчит, уставившись на колеблющуюся стрелку барометра. Взгляд отрешенный, словно задумался о чем-то и плевать хотел на происходящее.

«Кому ты служишь, Карбид? Кому?»

Татуировки нет. Герман не подал руки Веснину. Опять обозвал Ясенем. Не умеет радоваться победам. Татуировки нет. Я могу выгнать его с Земли. Моя карьера. Он был другом Горелому. Татуировки нет. Карбид рехнулся. Пандора…

«Надо взять Пандору. Это даст мне возможность все обдумать».

Не в силах сделать выбор, Виктор воспользовался одним из наиболее распространенных способов решения проблем – пообещал решить ее завтра.

«Мне нужно время!»

– Карбид, мне кажется, пора навестить Юлю.

Они не могли оторваться друг от друга.

Потому что все последние дни мечтали лишь о том, что окажутся рядом. Вместе. Потому что искали и верили. Потому что любили.

Олег не отпускал Юлю ни на секунду. Держал за руку, прижимал, касался плечом. Словно боялся, что девушка вновь исчезнет, растворится в сумраке вечера, лишив его жизнь путеводной звезды.

А Юля… Для нее снова потеряло смысл время. Пропало, подобно улетевшему шороху. Умерло. Но если в лабиринте девушка не чувствовала застывшие секунды, то теперь наслаждалась ими, радуясь тому, что можно остановить счастливые мгновения.

– Олег…

– Юля…

Она вернулась, и все переживания, все страхи, все ушло на второй план. Она вернулась! Олег позабыл спросить, где девушка провела последние дни, не стал рассказывать, как искал, как мучился. Олег улыбался и был рядом.

Счастье…

А потом он уснул. Не сам, а благодаря легкому и очень нежному прикосновению к «искре». Уснул, сжимая любимую в объятиях, зарывшись лицом в ее волосы, познав счастье.

– Все будет хорошо, – прошептала Юля, целуя Олега в лоб. – Все будет хорошо.

Он улыбнулся и что-то пробормотал.

Девушка ловко высокользнула из кольца рук, оделась, вышла из квартиры, тщательно закрыв за собой дверь, спустилась вниз и направилась к круглосуточному магазину, находившемуся неподалеку от дома.

Юля знала, что ее действия обязательно привлекут внимание. Что она не дойдет до магазина, поход в который стал поводом выйти из дома. Юля знала, что ее заберут.

Это было частью плана.

– Девчонку взяли, время пошло, – пробормотал Черепаныч. – Как только они прибудут на место, координаты считаются автоматически и лифт…

– Мы знаем, – вежливо произнес Ясень.

– Спасибо, – тихо добавил Карбид.

– Не за что.

Они стояли в лифте. Черепаныч – у монитора, внимательно вглядывается в движущуюся красную точку, словно пытаясь различить в огоньке черты девушки. Герман и Виктор – у дальней стены. Сосредоточенные, спокойные. Кобуры расстегнуты: у Ясения наплечная, у Карбига – поясная, в зеркалах лифта отражаются рукояти пистолетов: хмурого работяги «АПС» и киношно-блестящего «Питона».

– Постарайся не отправиться на второй круг, – неожиданно произнес Герман.

Черепаныч, пользуясь тем, что его лица никто не видит, ухмыльнулся в усы.

Виктор покосился на Карбига, пытаясь понять, искренен ли напарник, а через пару секунд, решив, что искренен, кивнул:

– Ты тоже... осторожнее там.

– Чем-то недовольна? – хмуро спросил Издерас.

– Все в порядке, – ровно отозвалась Пандора.

– Нервничаешь?

– Пытаюсь сосредоточиться.

– Понимаю.

«Интересно, что же такого ты понимаешь?»

Помещение для операции Мартин подобрал неплохое – подвал временно заброшенной стройки, очередного торгового центра у МКАД. Одного из тех, что ушлые подмосковные власти тыкали куда придется, выполняя региональную программу «Превратим объездную дорогу в оживленную улицу!» На этот раз воткнуть не получилось: коряво проведенная разведка не показала строителям слабость почвы, возведенный наполовину дом «поплыл», и работы прекратили, обдумывая способы укрепить фундамент. Как Издерас договорился с охраной, Пандору не волновало – его проблемы. Может, заплатил, может, велел избить и связать – какая разница? Главное, у них есть подходящее помещение.

– Ты говорила, что донор сойдет с ума?

– Да.

– Не против, если мы закатаем тело в бетон?

Предусмотрительно. Теперь понятно, почему Мартин выбрал стройку.

– Не против, – пожала плечами Пандора.

На этот раз ей было все равно: она собиралась покинуть Землю сразу же после ритуала.

Ни одной лишней секунды.

– Единственное условие: разберешься с донором после того, как я уеду.

– Договорились, – кивнул Издерас.

– Кстати, кто нас охраняет?

Мартин улыбнулся:

– Ты все-таки нервничаешь?

– Хочу знать.

– Ты уже спрашивала.

– Да? – Пандора немного смутилась. «Спрашивала? Когда?» – Повтори, пожалуйста, если тебе не сложно.

– Четверо везут сюда девчонку, – начал перечислять Издерас. – Здесь пятеро. Двое у дверей подвала, трое наверху.

– Перекуривают?

– Я велел им быть настороже.

– А-а...

«Девять человек – ерунда. Коменданты уберут их и не вспотеют».

А из подвала не вырвешься, это не коттедж, это ловушка.

И вновь никакого страха. Вообще никакого. Будто речь шла не о ней, не о Пандоре.

«У вас мальчик или девочка?»

«Девочка. У меня маленькая девочка».

«Катя».

«Как бабушку?»

«Как меня...»

– Пандора! – Мартин прикоснулся к плечу женщины. – Пандора!

– Что?

– Я в третий раз тебя окликаю.

Пандора невидяще посмотрела на Издераса.

– Кажется, я говорила, что должна сосредоточиться.

– Поздно сосредоточиваться, они приехали.

Донор приехал. Еще один донор. А ведь я и так достаточно всего натворила...

«У вас мальчик или девочка?»

«Девочка. У меня маленькая девочка».

Кудрявое чудо трех или четырех лет. Галя.

И Пандора вдруг поняла, что ей стыдно перед маленькой «искоркой» трех или четырех лет, которая встретилась ей на пути. Стыдно перед ней за то, что она совершила в своей жизни. Стыдно за то, что солгала. Но больше всего стыдно за то, что у нее нет маленькой девочки по имени Катя. Стыдно.

«Я не сломалась, – угрюмо подумала Пандора. – Я починилась».

Если бы она не кричала, не вырывалась, точнее – не пыталась вырваться, то вызвала бы подозрения. Поэтому Юля кричала, пока не заклеили скотчем рот, и молотила кулаками по бугаям вплоть до жесткого тычка под вздох.

«Бить женщину? В какой канаве вас воспитывали, уроды?»

Обозначив сопротивление, Юля сочла роль исполненной, опустила голову и принялась терпеливо ждать окончания поездки, заодно сочиняя подходящие случаю заголовки: «Наглое похищение в центре Москвы!», «Исчезновение талантливой журналистки!» Или: «Кто виноват в загадочной смерти членов бандитской группировки?» Последний заголовок нравился девушке больше всего. Тем более что он, скорее всего, будет полностью отражать предстоящие события.

– Все, сучка, приехали, – сообщил один из бугаев, когда машина остановилась возле какого-то недостроенного здания. – Теперь можешь орать сколько влезет.

И грубо сорвал скотч.

– Зачем вы привезли меня сюда? – испуганным голосом поинтересовалась Юля.

– С тобой хотят поговорить.

– Врете. – Девушка всхлипнула. – Вы хотите меня изнасиловать!

Бугай оценивающе посмотрел на Юлю и, подумав, усмехнулся:

– Может, потом.

«Ага, размечтался!»

– Но не обещаю.

Бандиты выволокли девушку из машины и, удерживая под руки, подвели к подъезду. «Семеро. Четверо приехали в машине, трое ждали на территории. Мало. Должны быть еще».

Разговор у подъезда оказался непродолжительным:

– Все в порядке?

– Угу.

И Юлю потащили дальше. Сначала в замусоренный строительным хламом холл, затем по лестнице вниз и по коридору.

«Опять подвал...»

Еще двое ждали у металлической двери.

«Кажется, пришли».

– Как доехали?

– Нормально.

– Наверху тихо?

Ответить бандит не успел.

Никогда раньше Юле не доводилось драться. По-настоящему драться, стараясь нанести противнику как можно больший урон. Бить по телу и голове. Видеть кровь и чувствовать, как врага наполняет боль. У нее не было навыков, не было умения. Была только сила.

«Куриный Бункер!»

Юля повела плечами, и удерживающие ее бандиты рванули навстречу друг другу с невообразимой скоростью. Казалось, тело не способно так быстро разогнаться, но это только казалось. Головы здоровяков встретились, раздался глухой стук, и бугай повалились на пол. Девушка выбросила вперед руки, послав невидимые глазу волны, и двое других здоровяков одновременно «ушли» затылками в стены.

«Вот так!»

– Что за стук? – насторожилась Пандора.

– Что-то упало? – предположил Издерас.

Еще раз. В стену. Рассышать этот удар без способностей Пандоры было невозможно.

«Удары, – поправила себя женщина. – Два удара о стену».

И улыбнулась:

– Кажется, прибыл донор.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказала. – Пандора провела пальцем по стене. – Сейчас здесь будет жарко.

Мартин нахмурился:

– Думаешь, за ней следили менты?

– Какие еще менты? – поморщилась Пандора. – О чем ты?

Издерас вытащил из кобуры пистолет.

– Объясни!

– Сейчас сам все поймешь.

Железная дверь с грохотом слетела с петель.

– Черепаныч! Ручной Привод на блокировку.

– Три минуты! – отрывисто отозвался механик. – Больше не удержу!

– Три мало!

– Постарайтесь!

– Черт! Включай!

Где-то нереально далеко, в подвале Михайловской больницы, пришла в движение странная, не похожая ни на что конструкция. Завертелись зубчатые колеса, задышал паром котел, засвистели клапаны, и невидимая тяжесть навалилась на торговый центр, блокируя «искры» в телах. На те три минуты, что гарантировал Черепаныч, дерущиеся на стройке люди стали бессмертными.

Пять человек у входа. Какая, право, ерунда.

Дверцы лифта распахнулись у них за спинами. «Глушилки» бесшумно плюнули по три раза каждая, и теперь в подвал. Скорее в подвал. Пандора заблокирована, не уйдет, но нужно, чтобы она не убила Юлю. Нельзя, чтобы убила...

Дверь слетела с петель, а за мгновение до этого стало свинцовым небо.

«Блокировка. – Пандора грустно усмехнулась. – Вот и все».

– Добрый вечер, – тихо сказала Юля. – Кажется, вы хотели меня видеть?

Издерас выстрелил, пуля ударила девушке в шею и вышла, исчезнув где-то в коридоре. Брызнул фонтанчик крови, но Юля даже не поморщилась.

– Зря, – прошептала Пандора. – Зря.

Если Мартина и удивила необычная выдержка жертвы, то он никак этого не проявил. Первый выстрел не принес результата? Ерунда! Издерас хладнокровно прицелился в голову Юли, но...

– Полагаю, ты его не убила?

Пандора задала вопрос еще до того, как тело Мартина повалилось на пол.

– Я еще никого не убила.

– Принципы?

– Жизненное кредо.

– Тогда зачем пришла?

– Говорят, тебя нужно наказать.

– Попробуй.

Карбид наклонился и нашупал бьющуюся на шее жилку:

– Жив!

– Эти тоже, – отозвался Ясень.

– Девочка молодец, – одобрил Герман.

– Я думал, она ошалеет от всемогущества.

– Не доверяешь людям?

– Знаю их со всех сторон. – Ясень заглянул в дверной проем и присвистнул с деланным удивлением. – А у них тут весело.

Карбид встал рядом, подумал, убрал «глушитель» в кобуру и предложил:

– Ставлю десятку на свою крошку.

– Поддерживаю, – подумав, кивнул Виктор. – Пандора ее уделает.

– Дождемся нокаута или сыграем «времянку».

– Не будем рисковать, – решил Ясень. – Через полторы минуты бой будет остановлен.

Пандора поняла, что девчонка развита и не уступит ей в моци. Карбид, как женщина и предполагала, сыграл не по правилам, рискнул потерять должность и заманил донора в Ручной Привод. А значит, убийства не будет – впереди схватка.

«А смысл?!»

Операция сорвана, Издерас без сознания, Ручной Привод блокирует «искру», и через несколько секунд в подвале появятся коменданты. Все кончено.

«Но это не повод сдаваться!»

Депрессия ушла, уступив место жажде боя.

«Никто не скажет, что я сдалась на милость!»

Обманное движение влево, затем рывок и удар. Юля не успела уклониться, получила кулаком в челюсть и едва устояла на ногах.

«Не нравится?»

Девчонку накачали силой, а вот опыта ей взять неоткуда. Вряд ли ее учили убивать.

Снова движение, еще один удар – его отвел неумело поставленный блок, и еще четыре выпада, три из которых достигли цели: Пандора любила работать сериями. Каждый ее удар мог бы отправить в нокаут Валуева или пробить кирпичную стену. Лицо девчонки заливалась кровью, но дыхание она держала – сила, в ней сила...

Невидимая волна которой впечатала Пандору в стену.

«Молодец!»

Ответить тем же! Сделать так, чтобы внезапно сгустившийся воздух зашвырнул донора...

Не успела.

Юля работала с силой неожиданно ловко: встречным импульсом заблокировала выпад Пандоры и тут же сформировала три подряд ударных волны.

«Соплячка, говорите?»

Пандора успела погасить атаки девчонки, сделала пару шагов, намереваясь вернуться к ближнему бою, в котором чувствовала себя гораздо лучше Юли, но... Две подряд волны, а успокоить получилось только одну. Вторая врезалась в грудь и вывернула наизнанку сустав занесенной для удара руки.

«Черт!»

Пандора попыталась вскочить, однако следующий поток подхватил ее и швырнул на бетонный потолок. В голове зашумело. На мгновение, всего на мгновение, но этого оказалось достаточно. Юля отпустила соперницу, не успевшая подготовиться к такому сюрпризу. Пандора врезалась в пол, и следующие несколько ударов выбили из нее сознание.

Ясень убрал «глушитель» в кобуру и молча сунул в карман Германа проигранную десятку.

– Ну все, все... Все кончилось. – Карбид обхватил руками Юлю и прижал к себе. – Все кончилось, девочка, все. Теперь тебе никто не угрожает.

Юля всхлипнула.

– Ты молодец. Ты вела себя очень смело. И показала себя очень сильной. Я горжусь тобой.

Девушка всхлипнула еще раз и разрыдалась.

Отходняк. Напряжение спало, и наружу рвутся чувства, которые Юля загнала перед боем внутрь: страх, растерянность, сомнения. Теперь они хлынули слезами на грудь Германа.

– Я боялась! В машине, когда они схватили... а потом здесь... я вошла – он выстрелил... я хотела убежать...

Карбид погладил девушку по голове.

– Все хорошо, милая, все хорошо.

Ясень склонился над Пандорой, внимательно осмотрел, после чего перевел взгляд на Германа:

– Придет в себя минут через пять. Быстро восстанавливается.

– Надо уходить.

– Она жива? – шепотом спросила Юля. Но не повернулась, не оторвала лицо от груди мужчины. – Мне показалось...

– Она жива, – успокоил девушку Карбид. – Ты поступила правильно.

– Расстроился? – негромко осведомился Виктор.

– Так даже лучше, – спокойно ответил Герман, глядя напарнику в глаза.

Ясень взвалил бесчувственную Пандору на плечо, поднялся на ноги и шагнул к лифту, дверцы которого распахнулись в бетонной стене.

– Только ты с донесением обожди, – вслед ему произнес Карбид.

Виктор остановился:

– Почему?

– Обожди, – повторил Герман. – Давай делишки сначала доделаем, лады? Девочку до дома проводим, память Издерасу почистим, а уж потом присядем да настучим послание. За твоей подписью, разумеется.

«Ах да, он боится, что я расскажу о Юле!»

– Договорились! – Ясень ухмыльнулся и вошел в лифт.

Эпилог

Сначала свинцовое небо, теперь свинцовые стены. И хотя в них нет ни грамма металла, его тяжесть всюду. В каждом вздохе, в каждой мысли, во всей «искре».

Тюрьма.

Подстанция. Единственная в мире тюрьма, способная удержать раскрывшуюся «искру». Способности не помогут, да они и кончились. Не отняты – заблокированы, но все равно кончились. Так же, как и командировка.

Где-то совсем рядом пыхтит Ручной Привод. Таинственный и нелепый. Мешающий всем. Непонятно зачем созданный, неизвестно почему охраняемый жалкой кучкой омертвевших «искр». Пародия на Бога.

Или сам Бог?

Что, если Ручной Привод – грозный и внимательный страж, приглядывающий за подрастающими «искрами»? А работают с ним только самые лучшие, самые чистые, способные поставить вечные законы выше всего на свете? Способные отринуть неизменное – пойти против своего Царства. Против своей сути.

Хладнокровный убийца, обманувший отца и пожертвовавший собой ради торжества справедливости. Великий врач, спасший сотни людей и ставший хладнокровным убийцей. Жернова Ручного Привода перемалывают и зерна, и плевелы.

Пародия на Бога или сам Бог?

«Когда я сломалась?»

«Давно, Катенька, очень давно. Когда решила, что чтение мыслей поможет тебе подняться выше всех. Когда почувствовала себя избранной. Когда презрение вытеснило из сердца остальные чувства. Теперь же ты пытаешься вернуться в нормальный мир».

Вернуться в нормальный мир... Какой простой ответ. И какой точный.

«Я хочу выблевать из себя это с...ое могущество, пришедшее слишком рано!»

– Как ты?

Дверь не открылась – исчезла, растворилась в воздухе. И Ясень не вошел, а появился в проеме. Возник. Подстанция, черт бы ее побрал! Самое таинственное место во Вселенной! Место, где можно обмануть развитую «искру», заставить ее почувствовать то, чего нет.

– Здесь нет двери, – прищурилась Пандора. – Нет камеры. Вы меня обманываете.

– Ты видишь только то, что хочешь увидеть сама.

Усевшись напротив, прямо на пол, прислонившись спиной к холодной стене. Смотрит... оценивающе? Нет. Высокомерно? Нет. С сочувствием? Нет, нет и нет – откуда оно в нем? Едва ли не впервые в жизни Пандора не понимала, какие эмоции владеют собеседником. Чувствовала, что широкоплечий красавчик небезразличен, но не могла пробить защиту. Оставалось делать выводы на основании известных фактов. Впрочем, в этом виде спорта Пандора тоже была мастером.

«Ему приказали мне помочь, отпустить живой, не губить ценного агента. Отправить наверх, в лапы следователей. Затем наказание, и...»

И все сначала.

– Почему не пришел Карбид?

– Не желает тебя видеть.

Пандора жестко посмотрела на Ясения:

– Когда меня заберут?

Виктор слегка дернулся плечом – первое проявление бурлящих в нем эмоций:

– После того, как я доложу о твоей поимке.

– Почему тянешь?

Вот он – главный вопрос! Отвел взгляд красавчик! Отвел! Ибо тянет потому, что не знает ответа.

«Ломка!» – догадалась Пандора.

Инструкторы рассказывали об этом состоянии, через которое проходят все молодые коменданты. Проходят, чтобы стать комендантами. Или не стать. Сейчас Виктор непредсказуем, и никто не способен сказать, в какую сторону его унесет. Одну минуту ты вьешь из него веревки, в следующий миг тебя топчет тяжелый танк. Ломка.

«Понимает ли он, что с ним происходит?»

Вряд ли. Раскрывшиеся «искры» слишком уверены в своих силах.

– Я хочу поговорить, – угрюмо произнес Виктор.

– Давай попробуем, – согласилась Пандора.

В отличие от Ясения, она точно знала, чего хочет.

* * *

Юля прошла в ванную, сбросила и аккуратно упаковала в прихваченный с кухни мусорный пакет испачканную и порванную одежду, а затем долго разглядывала себя в зеркало.

Никаких следов.

Ни синяков, ни ссадин. Ни шрама от пули, ни царапин. Ничего. Гладкая, здоровая кожа. Внутренние органы в порядке. Тонус на «пять». Настроение – еще лучше.

– Я стала супергероем, – прошептала девушка. – Спасение мира по сходной цене. С одиннадцати до шести вечера – скидки.

«Ты будешь стареть, как все. Чуть медленнее, но все равно будешь, – сказал Карбид, когда вез девушку домой. – Ты можешь научиться читать мысли».

«То есть мои способности...»

«Останутся с тобой навсегда, девочка. Постарайся не налажать, применяя их».

«Не высовываться?»

«Не натворить зла».

«Мы понимаем его одинаково?»

«Да, мы понимаем его одинаково».

Юля помолчала.

«Зло совершают от слабости и страха. Теперь я лишена этих качеств. Я верю в себя и хочу просто жить».

«А я верю в тебя», – ровно ответил Карбид.

«Почему?»

«Аскольд Артурович умеет выбирать главные эпизоды жизни. Те, что отражают суть человека, суть „искры“. Я видел твою историю. Этого достаточно».

«Уверены?»

«Убежден?»

Короткая пауза.

«Убежден».

«Спасибо».

Юля вернулась в комнату, мягко присела на диван и положила ладонь на лоб спящего Олега.

«Все закончилось, милый, все закончилось. И я постараюсь, чтобы ты ничего не узнал...»

* * *

Данс... данс... данс...

Снова капает вода в проклятой трубе, снова дрожит от напряжения воздух, снова назревает «непонятка». Не обычная. Не имеющая отношения к пребывающей в равновесии «искре» стоящего на пороге смерти человека. Но все равно «непонятка». Другая.

Данс... данс... данс...

Ручной Привод дремлет, сегодня ему не придется возвращать вырвавшуюся, но не определившуюся «искру». Дремлет, но не спит. Ждет.

Данс... данс... данс...

Сегодня будет принято решение.

Данс... данс... данс...

Ждет Ручной Привод.

А вместе с ним ждет Черепаныч, медленно, со смаком глотающий горячий чай из железной кружки. Ждет Арчибалд. Заложил руки за спину и неспешно нарезает круги у отключенного кинопроектора, посасывая незажженную трубку. Ждут Бизон и Бандера, валяются на куче угля и молча таращаются в распахнутую топку.

Данс... данс... данс...

Сегодня будет принято решение.

Данс...

– Ты никогда не поверишь, что именно хотел получить Издерас! – весело произнес вошедший в дежурку Ясень.

Наигранно весело произнес, чересчур наигранно. Карбид знал, что Виктор на нервах, как спортсмен на уколах: вроде все в порядке, но боль не ушла, а спряталась. И еще знал, что Ясень не понимает, откуда взялась боль. Догадывается, но гонит мысли прочь.

Герман знал об этой странной боли наверняка. Все знал, потому что пережил. Сегодня очередь Виктора.

Данс...

Сегодня будет принято решение.

Данс...

– Чертова труба!

– Чего хотел Мартин?

– Доброты! – рассмеялся напарник. – У Издераса только что родился первенец, и Мартина кажется, что он слишком зол и жесток, а потому не сможет воспитать сына должным образом. Каков зверь, а?

– Юля сделала бы его другим человеком, – уверенно произнес Герман.

– Согласен. – Ясень плохнулся в кресло и по-прежнему «весело» продолжил: – Хорошо, что мы взяли Пандору живой, правда?

– Почему?

– Теперь ее будут публично судить, что приведет к большому скандалу и на некоторое время заставит Царства отправлять на Землю меньше нелегалов.

Длинную и немного нескладную фразу Виктор выпалил почти скороговоркой. Готовился.

Но главное заключается в том, что вынесут приговор и приведут его в исполнение другие. Не Ясень.

Перед напарником он чист – все сделал по закону. Подыграл своим, исполнив просьбу руководства, – это обязательно зачтется. Получается – кругом хорошо. А непонятную, неизвестно откуда взявшуюся тоску, что поднимается из самой глубины «искры», спишем на

естественное волнение: в конце концов, он впервые принимает серьезное решение в ранге коменданта Подстанции.

– Не стоит бежать от ответственности, – негромко произнес Карбид.

Ясень скривился:

– Мы поймали преступника, наш долг исполнен.

– Мы имеем право осудить Пандору.

– Жаждешь крови?

Ну, Герман, продемонстрируй, как низко ты пал! Покажи, что готов воспользоваться своим положением ради банальной мести. Покажи! Уговори меня, коменданта, приговорить Пандору! Я не изменю решения – на это есть еще одна причина, никак не связанная с просьбой Буша, но мне хочется увидеть, как ты унижаешься.

– Поиск преступников – самая энергичная и... интересная часть нашей профессии, – спокойно начал Карбид. – А вот дальше, Ясень, начинается дерзкий раздел: мы должны определить, что будем с пойманым делать? У меня есть три резона не отпускать Пандору. И я их тебе назову.

Данс... данс... данс...

Герман выдержал паузу, давая Ясеню возможность оценить сгустившееся в дежурке напряжение, после чего продолжил:

– Первое. Я хочу отомстить за Горелого. Это очень важно для меня и для всех нас.

– Прикрываешься подчиненными?

– В первую очередь – это важно для меня, – повысил голос Карбид. – Ребятам Горелый был комендантом, а мне – другом. Но они все равно не поймут, если ты отпустишь убийцу.

– Намекаешь, что я не впишусь в систему? – прищурился Виктор.

– Не намекаю, а предупреждаю.

– Грубо...

– Второе, – перебил напарника Герман. – Я получил соответствующие инструкции от Догматовского.

А вот это признание Ясень никак не ожидал услышать.

– Ты что?

– Думая, что делать с преступником, мы не имеем права вратить друг другу. Так гласят инструкции Царств, и так хочет Ручной Привод, – твердо произнес Карбид. – Догматовский попросил меня устраниТЬ Пандору, потому что ее убийство – единственное, что удерживает от активных шагов наших радикалов. У них нет доказательств, что Пандора – ваш агент. Как только они их получат, то направят на Землю «чистильщика». Вы ответите. Эскалация приведет к очередной войне между Царствами.

– Которая, разумеется, выгодна нам, – попытался съязвить Виктор.

– Никому не выгодна, – резанул Герман. – Все в дерзко окунутся.

– Ах да, ты же пацифист!

Но легкий тон не удался. Чувствовалось, что показушная веселость Ясения растворилась в искренности напарника и долго скрываемая боль начинает сжимать «искру».

– Третье, самое главное: Ручной Привод ждет твоего решения, комендант, твоего личного. Выстраданного. Обдуманного. Теперь у тебя есть вся информация. Наложи ее на бонусы, которые обещал Буш, перемешай и сделай выбор.

– Я сделал! – рявкнул Виктор. – Сделал сам, черт бы тебя побрал! – Он вскочил и врезал кулаком по столу. – Думаешь, мне важны пряники от Буша? Важны, вратить не стану. Но, в первую очередь, Пандора преступник! Наглый, беспринципный «резчик», убивший несколько «искр», понятно? Преступник, который ждет расплаты. Я хочу ее наказать! – Не удержался и выложил на стол свой главный козырь: – Я считаю, что грехи Пандоры тянут на самую страшную кару, а возвращение для нее – хуже всего на свете!

Герман вздрогнул:

– Откуда знаешь?

– Она сдалась Юле почти без сопротивления. Она не ушла, хотя у нее была возможность. Карбид, я разбираюсь в людях не хуже тебя. Я поговорил с нею и понял: Пандора не хочет возвращаться!

– Хочет пойти на второй круг? – Карбид не мог поверить словам напарника.

– Она его жаждет!

Несколько мгновений Герман ошарашенно молчал. Затем его губы растянулись в усмешке.

– Она хочет на второй круг... – Плечи медленно опустились, словно выдавливая из Карбига жажду мести. Из взгляда исчезло напряжение. Разгладились морщины на лбу. Он не простила ее, но отношение изменило. – Пандора хочет пойти на второй круг... Получается, в этом гребаном мире еще есть место раскаянию.

– Она хочет уйти от правосудия.

– Она ненавидит себя. Ей тошно думать о том, что она натворила, во что превратилась.

Она раскаялась.

– Пандора – «резчик», – отчеканил Виктор. – Я считаю, что она должна получить максимальное наказание за свои преступления. А самая страшная для нее кара – вернуться во Вселенную.

– Без жалости, да, Ясень?

– По заслугам, Карбид, по заслугам. Меня никто не жалел.

– Так стань лучше.

Теперь вздрогнул Виктор:

– Что?

– Стань лучше тех, кто не жалел тебя. Позволь Пандоре расплатиться. Она пытается спасти свою бессмертную «искру» ценой самой себя. Ты ведь понимаешь, от чего она отказывается и чего ей это стоит. Она исчезнет. Окончательно и бесповоротно исчезнет.

– Она должна быть наказана!

– Ее не будет, – напомнил Герман. – Пандоры, которую мы знаем, больше не будет. А «искра» спасется.

«Чего больше в словах Карбига? Желания подыграть своему Царству? А вдруг во Вселенной действительно назревает война? Хочет отомстить, как решил? Но ведь я сказал, что возвращение для Пандоры – самая тяжкая кара. Может, он мне не поверил? Смешно – Герман распознает ложь не хуже меня, а возможно, и лучше».

– Ты что, простили ее?

– Нет, – поколебавшись, ответил Карбид. – Я верю тебе, и с удовольствием бы отправил Пандору наверх, переломав ее ко всем чертям. И мне было бы не стыдно. Но она раскаялась, Ясень, понимаешь – раскаялась. И поэтому заслужила свой шанс.

Он подошел к столу, за которым сидел нахолившийся напарник, и выдвинул ящик.

– Я сейчас уйду. Ты – комендант, и решение примешь сам. Либо отправишь сообщение наверх. – Герман взглядом указал на телеграфный аппарат. – Либо... – Он достал из ящика револьвер, положил его перед Виктором, выдержал короткую паузу, и добавил к оружию один патрон. – Либо сделаешь другой шаг.

Патрон тихо стукнул по дереву, и Карбид вдруг понял, что со стопроцентной точностью копирует сцену, случившуюся в дежурке давным-давно. Только за столом сидел он сам, а оружие выкладывал Горелый. То же самое, надо сказать, оружие – древний «наган», ветеран многочисленных игр в «русскую рулетку».

«Возможно, сегодня ты избавишь мир от ангела, Карбид».

Вот что сказал тогда Горелый.

– Возможно, – хрипло произнес Герман, – сегодня ты избавишь мир от демона, Ясень.

– Не надейся, – угрюмо отозвался Виктор. – Даже если я приму решение избавить Пандору от наказания, пулю ей в башку всадишь ты. Я – комендант. Я прикажу, ты сделаешь.

«Это же надо! – восхитился Карбид. – Повторил, с точностью до интонации!»

Все возвращается, но только трагедия остается трагедией. Не хочет, зараза, превращаться в фарс. Сколько таких драм уже разыгрывалось в дежурке? Сколько молодых комендантов сидело здесь, лихорадочно обдумывая, как бы пройти по лезвию, удовлетворив Ручной Привод и одновременно сохранив верность Царству. Обдумывали и не знали, что через мгновение их мир провалится в тартарары.

«Надеюсь, Ясень, ты действительно столь крепок, каким желаешь казаться».

– Ты не сможешь мне приказать, – холодно произнес Герман.

– Хочешь остаться чистеньkim? Или прикроешься Ручным Приводом? Мол, железяка хочет, чтобы я доказал свою готовность убивать?

– Я чистеньkim не останусь, – вздохнул Карбид. – Я по уши замазан в своем собственном дерме.

Мгновение. Всего одно мгновение понадобилось Виктору, чтобы понять. Но не поверьте.

– Ты...

– Я привожу в исполнение приговоры своим, а ты – своим. Такое вот разделение труда. Ты надеялся, что командировка поможет тебе в карьере? А это и есть венец твоей карьеры, Ясень, или ее могила. Коменданты становятся париями в своих Царствах и никогда не возвращаются во Вселенную. Или гибнем при исполнении, или навсегда остаемся на Земле.

Горелый высказался иначе, но ведь на то он и Горелый. Карбид постарался смягчить удар, сгладить некоторые углы, но ведь все не сгладишь. Слова упали на Ясения шипастым «моргенштерном». Взорвали. Перевернули. В глазах – пустая тоска. Руки дрожат на столе, рядом с вороненым «наганом». Очень хочется пальнуть в напарника, но патрон еще не в барабане, пока зарядишь – убежит. Нет, не убежит, конечно, потому что стрелять никто не будет.

«Коменданты становятся париями в своих Царствах и никогда не возвращаются во Вселенную. Или гибнем при исполнении, или навсегда остаемся на Земле».

Губы Ясения дрогнули:

– Арчибалд?

– И Арчибалд, и Черепаныч. Бизон с Бандерой. Когда-нибудь – я. Ты? Думай сам. Но помни: или ты сегодня навсегда покинешь Землю, или навсегда на ней останешься.

Герман повернулся и быстро вышел из дежурки.

– Узнал правду?

Пандора улыбалась. Сверкают белые, идеальной формы зубы, лучатся большие глаза. Длинные волосы распущены, многообещающие падают на гладкие плечи. Кому обещают?

«Тебе весело, сука?»

Пик ломки, самый надрыв, «искра», опутанная проводами оголенных нервов, и она – в первом ряду партера.

«Да, урод, мне весело! Ты даже не представляешь, как мне весело!»

– Ты знала?

– Преимущества профессии, – пожала плечами женщина. – Перед отправкой на Землю нас тщательно инструктируют. На тот случай, если потребуется надавить на коменданта.

Виктор вновь, как и в первый свой визит, уселся на пол. Но теперь не присел, желая показать, что якобы на равных с пленницей, а медленно сполз по стене. Опустил плечи и под-

пер лоб рукой. Правой. А в левой руке холодно блеснул знаменитый комендантский «наган». О нем Пандоре тоже рассказывали.

– Но почему они скрыли?!

– Вербовщикам запрещено говорить правду.

«Вербовщикам»! Резануло грубое слово, но... по сути правильно.

«Я хотел служить, а меня банально завербовали. И сунули в помойку. В самое гнилое место во всей Вселенной».

На легендарную Землю. В колыбель всех «искр».

Цепным псом посадили у Ручного Привода. Таинственного. Проклятого.

Но ведь татуировка еще не появилась. Не шлепнулась на кожу кайнова печать. А значит, есть выбор.

– Не держи зла на своих, Ясень. Ходят слухи, что кандидатуры Царствам подбрасывает Ручной Привод.

– И ты туда же.

Земля не место для раскрывшихся «искр», тут они сходят с ума. Все, черт бы их побрал. Каждая. Врач, ставший палачом. Комендант, отказывающийся говорить. «Резчик», умоляющий о втором круге. Ручной Привод гудит в подвале, и всемогущие «искры» трясет, как в лихорадке. Крутит, заставляя «почти богов» вспоминать, что они люди.

«А я? Я тоже спятил или пока держусь?»

– У меня есть доказательство.

Виктор поднял голову, устало посмотрел на Пандору, припоминая, о чем она, затем кивнул:

– Я слушаю.

– Никто еще не отказался стать комендантом.

– Мне всегда нравилось быть первым.

– Ты любил побеждать. Это другое.

Венец карьеры или ее могила? Стать лучше того, кто когда-то не простил? Показать Ему, что не окаменел за сотни лет гнетущей тоски? Что способен чувствовать. Рехнуться, как и все остальные, поверив в божественность Ручного Привода? Впервые в жизни проявить сочувствие?

Чего я хочу?

Левую руку приятно тяжелит чистенький, недавно смазанный «наган».

В дежурке дремлет готовый к употреблению телеграф.

Улыбается прощенная злейшим врагом Пандора. Мечтающая о том, чтобы навсегда стереть себя из этой Вселенной. Пандора, вместе с которой он сможет вернуться в Царство, плонуть в морду Буша и начать карьеру заново.

Чего я хочу?

Ясень сдавил правой рукой лоб.

Не решать ничего. Сбежать, вынырнуть из тела красавчика-клона, забиться в самый дальний уголок Вселенной и тихо кружиться вокруг какой-нибудь звезды до скончания веков. До тех пор, пока Последняя Труба не выстроит все «искры» в один ряд.

– Помоги мне, – прошептала женщина. – Я хочу забыть, что натворила. Хочу забыть эту мразь – наши Царства. Хочу забыть, как исковеркала свою жизнь. Спаси мою душу, Ясень.

Чего я хочу??!

Он отыскал Карбida на крыше самого высокого больничного корпуса. На верхней палубе бетонной коробки, с которой открывался исключительный вид на электрический калейдоскоп ночной Москвы.

Герман сидел в знакомой позе: прислонившись спиной к вентиляционной трубе. Справа, под рукой, бутылка водки. Слева, положив голову на бедро Карбид, устроился толстый Агава.

– Попрощаться?

– Нет.

– Появилась?

Ясень уселся рядом и задрал рукав сорочки. На его предплечье чернели прямой крест и девиз: «*Dormiunt aliquando leges, nunquam moriuntur*».⁸

– Ты будешь хорошим комендантом, – улыбнулся Карбид. – Ручной Привод не ошибается.

Агава добродушно фыркнул.

– Пошел ты.

Виктор глотнул водки и оглядел город, ища взглядом взлетающие к небу «искры».

---

⁸ Хотя законы иногда спят, они никогда не умирают (*лат.*).